

ИЛЬДУС ЗАГИДУЛЛИН

ИСЛАМСКИЕ ИНСТИТУТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Мечети в европейской части России и Сибири

КАЗАНЬ ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 2007

УДК 94(47)

ББК 86.38

3-14

Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан

Загидуллин И.К.

Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири / Ильдус Загидуллин.— Казань: Татар.кн.изд-во, 2007.— 416 с.— 2000 д.— ISBN 978-5-298-01534-9

В книге выделяются политико-религиозные и социально-общественные аспекты адаптации мечетей в имперское политико-административное пространство, мусульманская общественная молитва рассматривается как религиозное, общественно-политическое и культурное явление в России, определяются роль богослужебного здания в религиозной и социальной жизни уммы, степень влияния внутривластного курса правительства на исламское культовое зодчество и особенности мусульманского храмового строительства в городах и селениях.

Монография адресована студентам, преподавателям, всем тем, кто интересуется историей ислама в России.

ISBN 978-5-298-01534-9

© Татарское книжное издательство, 2007

© Загидуллин И.К., 2007

Введение

В исламе, как и во всякой религии, важное место отводится ритуалу. Культ оказывает определенное воздействие на социальное поведение верующих, формирует особый психологический стереотип, закладывает основы их мироощущения и мировоззрения. В рамках шариата происходят регулирование публичного и частного права, закрепление правил гигиены, регламентация практически всех сторон повседневного быта. Традиционная культура татар и башкир представляет синтез народных обычаев и норм религии. Поэтому изучение повседневной жизни, ритуальной стороны религиозности народов и их трансформации как культурного феномена в условиях модернизации российского общества будет способствовать более полному воссозданию истории мусульманских народов.

В доиндустриальных, аграрных обществах, каковой являлась Россия, религия играла важнейшую роль в формировании общественного сознания народных масс. В условиях отсутствия государственных институтов ислам стал ключевым фактором в сохранении этноконфессиональной идентичности, развитии культуры и национального возрождения. Данная проблема тесно связана с особенностями имперской идеологии и прерогативами великодержавности.

Изучение функционирования традиционных религиозных общин — самых массовых и оставшихся вплоть до начала XX в. основной формой культурно-общественного

социума мусульман во внутренних губерниях России — позволяет выделить определенные закономерности и характерные черты уммы в региональном измерении в условиях религиозного меньшинства. Они являются суннитами и последователями наиболее «либерального» из правовых мазхабов (школ) — ханафитского. Исторический опыт ислама в Российской империи углубляет наши представления о культурных и общественно-политических аспектах становления и развития мусульманских институтов в региональном и мировом измерениях. Общественная значимость изучения повседневной жизни мусульман определяется вниманием к сохранению и возрождению культурной памяти и толерантных традиций в современном обществе, этнического многообразия Российской Федерации, в которой последователи ислама составляют вторую по численности, после православных, группу верующих.

Возможность открытого совершения мусульманского ритуала, создания соответствующих условий зависела от традиций государственно-исламских отношений. Разрешая молитвенные собрания исключительно в храме, прикрепляя к мечетям мусульманское духовенство, мектебе и медресе, российские чиновники определили мечеть главным символом устройства легальной махалли. Независимо от этого культовые здания традиционно выполняли функцию локального религиозно-духовного и образовательного центра прихожан. Их статус наглядно демонстрировал правовое положение конкретной конфессии в государстве и являлся важным элементом в реализации гражданских прав подданных.

В российский период главной, судьбоносной проблемой для существования ислама, превращенного первоначально в «гонимую», затем в одну из «терпимых» религий, являлась интеграция его институтов в общеимперское социокультурное пространство.

В 1894 г. известный татарский просветитель И. Гаспринский совершенно точно подметил, что национальный, татарский вопрос в Российской империи «сводится к согласованию потребностей государственной жизни с бытовыми и религиозными потребностями мусульман России. И это согласие возможно и необходимо».

Территория Российской империи представляла несколько историко-культурных регионов, в которых процесс адаптации ислама к местным условиям у народов, принявших мусульманство, происходил не одновременно и под воздействием различных внутренних (уровень общественных отношений и экономического развития) и внешних факторов (российская власть и геополитика). Европейская часть России и Сибирь изначально являлись «периферийным» мусульманским регионом, где расселялось множество этнических групп с самобытной культурой, социальными и религиозными институтами. Сближение и сращивание «нормативного» ислама с духовным субстратом самобытных культур местных народов и этнических групп привели к появлению специфических черт его функционирования и формированию региональных форм бытования. В рамках единого правового и экономического пространства происходили интеграционные процессы в области общественного уклада и культуры мусульман различных регионов.

Стержнем разноликого ислама на территории империи выступали общие принципы как на уровне догматического богословия — пять «столпов» ислама, религиозные обязанности, сфокусированные, главным образом, на обрядовости и нормах религиозной жизни: 1) аш-шахада — исповедание веры, содержащей в себе два основных догмата: исповедание единобожия (ат-таухид) и признание пророческой миссии Мухаммада (ан-нубувва); 2) ас-салат (молитва); 3) ас-саум (пост); 4) аз-закят (налог в пользу бедных); 5) ал-хадж (паломничество), так и на уровне социальной практики.

Мусульмане в Российской империи принадлежали к разным направлениям (сунниты и шииты), разным догматическим школам (ханафиты, шафаиты), разным суфийским братствам (накшбандийа, кадирийа, иасавийа). В этой связи опыт существования исламских институтов в целом и совершения исламского ритуала, в частности, в

российских реалиях нового времени позволяет определить общее и особенное в традиционной религиозной общине.

Сегодня востребована выработка методологического подхода к изучению ислама, позволяющего в историческом контексте понять механизм функционирования ислама как идеологической (в том числе религиозной) системы. В основе нового подхода лежит взгляд о догматическом, этническом и региональном равноправии внутри исламского мира; признание регионального ислама как единственно объективной формы его существования на основе идеи общности и равноценности народов, внесших вклад в исламскую культуру.

Интеграции мусульман в российское социокультурное пространство способствовали: развитие капиталистических отношений, отходничество, урбанизационные процессы, исполнение мусульманами воинской повинности. Правительственный прагматизм означал создание определенных условий для представителей иной культуры, прежде всего — защиту их этноконфессиональной идентичности в инородной среде от грубой ассимиляции. В процессе медленного, пусть даже деформированного, становления российского гражданского общества и правового государства на промышленных предприятиях, в правительственных учреждениях, учебно-воспитательных заведениях и в Российской армии формировалась веротерпимость.

В современном обществе, в силу одностороннего и предвзятого отношения к исламу и мусульманской культуре царского самодержавия и советской власти, сформировалось устойчивое мнение о фанатизме и неполноценности исламской цивилизации. Возвращение религии в современное общество обнажило разрушительные последствия советской тоталитарной системы, изгнавшей ислам из общественной и повседневной жизни и успевшей воспитать несколько поколений россиян в атеистическом духе. Между тем поликонфессиональность России является не только ее достоинством. Она требует соблюдения принципа диалога культур, независимо от численности их представителей. Рассмотрение позитивного опыта прошлого и выявление просчетов властей в этой области, что возможно лишь при комплексном изучении вероисповедального вопроса, позволят использовать историческую информацию для создания нормативной базы государственно-церковных отношений.

Целью исследования являются комплексное изучение, выявление, анализ социально-культурных, общественно-политических условий совершения мусульманской молитвы, ее ключевых элементов в традиционной общине, в поликультурной среде.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- дать анализ опубликованным и архивным источникам, отечественной и зарубежной историографии, определить их полноту и достоверность, выявить практическую и научную ценность для исследований в данной области;

- выделить политико-религиозные и социально-общественные аспекты адаптации и интеграции мусульманской общественной молитвы и мечетей в имперское политико-административное пространство;

- оценить мусульманскую молитву как религиозное, общественно-политическое и культурное явление в России, ее роль в религиозной и социальной жизни уммы;

- определить степень влияния внутривластного курса правительства на исламское культовое зодчество и особенности мусульманского храмового строительства в городах и селениях.

Култ является носителем и реализатором основных функций всякой религии. Социальная роль религиозного култа проявляется как система функций, реализуемая на общесоциальном (общество) и микросоциальном (личность) уровнях, которые глубоко взаимосвязаны между собой и взаимодействуют, составляя единую систему.

Общесоциальный уровень включает в себя ряд функций:

— компенсаторскую, т.е. восполнение человеческой слабости перед лицом природных и общественных сил, перед незнанием и т.п., что имеет определенное позитивное значение;

— регулятивную, т.е. регулирование поведения людей, основанное на символах догматики, других конфессиональных требований;

— интегрирующую, способную к консолидации общества и конфессиональному единству, к другим формам сплочения людей.

Система функций культа на микросоциальном уровне объединяет:

— мировоззренческую функцию, которая удовлетворяет познавательные способности, наделяет определенными жизненными ориентациями и установками, вытекающими из религиозного объяснения мира, символов, догматов веры;

— нравственное воспитание. Эта функция несет в себе общечеловеческие нормы морали и основана на том, что нравственные законы должны быть соблюдены, ибо они суть веления Бога. Данная функция способствует нравственному совершенству, моральному оздоровлению человека и общества в целом;

— культурно-воспитательную и культурологическую функцию, через которую реализуется собственная природа и соответствующая роль религии в жизни.

В Российской империи принцип веротерпимости отличался многогранностью и имел несколько моделей в зависимости от статуса конфессий и регионов. В первом случае это православие, христианские и нехристианские религии, во втором случае — внутренние губернии (и Западная Сибирь) и российские окраины. Географические рамки диссертации охватывают округ Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в 1868 — 1917 гг. В рассматриваемый период этот регион представлял из себя внутренние губернии, интегрированные в Россию в допетровский период. Проживающие на данной территории мусульмане составляли конфессиональное меньшинство населения. В административно-политическом плане система управления была общеимперской, хотя для коренных жителей-мусульман Сибири — «оседлых инородцев» — было издано в 1822 г. особое положение, официально закрепившее приоритетность соблюдения специфических особенностей их быта, традиций и обычаев, а Приуралье было окончательно включено в единую административную систему после отмены кантонной системы управления в 1865 г.

В российском законодательстве территория округа ОМДС была единожды очерчена в именном указе Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Сенату об организации в Уфе специального религиозного управления. Новый правительственный орган был призван осуществлять руководство мусульманским духовенством империи, за исключением Таврической губернии. По буквальному смыслу указа в религиозно-административном ведении ОМДС оказалось все евразийское пространство империи, тем более если учесть, что за три года до этого, в 1785 г., было создано Кавказское наместничество, состоящее из Кавказской и Астраханской областей. В XIX в. на этой территории были образованы Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния.

В XIX в. религиозное управление, ввиду слабой разработанности в законодательстве вопроса управления духовными делами российской уммы, чуть ли не при каждом удобном случае отгораживалось от Кубанской, Терской областей, Ставропольской губернии и заявляло, что они официально не находятся в его ведении. Однако Министерство внутренних дел (МВД) и местная администрация, по причине отсутствия в этих регионах религиозных управлений, при необходимости систематически обращались за экспертным заключением в Уфу. Государственный Совет, рассмотрев в 1894 г. представление Военного министерства о реформировании управления духовными делами мусульман на Северном Кавказе, признал, что полномочия ОМДС не распространяются на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Но это мнение высшего органа власти не было должным образом закреплено в нормативных документах.

В конце XVIII — во второй трети XIX в. Россия осуществляла экспансию в западном и южном направлениях. В именном указе от 23 декабря 1831 г. был утвержден устав Таврического магометанского духовного правления, где заявлялось о подчинении ему мусульманских общин западных губерний. Этот принцип — учет присоединения новых земель мусульман после учреждения Духовного собрания — соблюдался и при организации управления религиозными делами коренного населения Туркестана и Кавказа. При этом вводились отличающиеся от общеимперской модели административные системы, регулирующие особыми положениями. В 1872 г. было издано специальное положение по управлению духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье.

В 1852 г. оренбургский генерал-губернатор Перовский предписал ОМДС не вмешиваться в духовные дела казахов, как «лиц посторонних» для его ведомства. В 1868 г., в соответствии с «Временным положением о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском», духовные дела казахов во вновь учрежденных Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях были изъяты из подчинения ОМДС (кроме казахов Букеевской Орды). Оно продолжало курировать лишь татарские общины, переселившиеся из внутренних губерний, и мусульман-казаков. Таким образом, можно констатировать, что в округ ОМДС входила территория, оказавшаяся в составе России во второй половине XVI — второй трети XVIII в., за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана, в значительной степени степных областей. Огромное евразийское пространство, по мере хозяйственного освоения, миграции, ссылки, урбанизационных процессов, постепенно заселялось мусульманами из внутренних губерний. На данной территории вне его ведения оставались лишь религиозные общины «азиатских инородцев» («ташкентцев, бухарцев» и др.). Согласно сведениям Первой всеобщей переписи 1897 г., в России (без Бухарского и Хивинского ханств) проживало 13,6 млн. мусульман, или 11,6% всех российских подданных, в том числе в Европейской части России — 3,5 млн., Сибири — 126 тыс., в Средней Азии — около 7 млн., на Кавказе — 3,2 млн. Удельный вес мусульман в каждом из перечисленных регионов сильно различался. Если в Средней Азии и на Кавказе они составляли значительный контингент жителей — соответственно 90,29% и 34,54%, то в Европейской части России и Сибири — всего 3,8% и 2,2%. В 1916 г. компетенция ОМДС распространялась на 54 губернии, 5 областей, 6 градоначальств центральной России, Поволжья, Приуралья и Сибири, Варшавское обер-полицейство и остров Сахалин. В 1916 г. в его округе насчитывалась 6081 мечеть, при которых служило 13 328 духовных лиц, в том числе 220 ахунов, 3822 хатибов, 3346 имамов, 5940 муэдзинов. В каждой махалле насчитывалось в среднем 2,19 духовных лиц.

Развитие капиталистических отношений и урбанизационные процессы способствовали формированию устойчивых мусульманских общин практически во всех крупных российских городах. По мере их расселения в центральных губерниях, на окраинах, в Сибири, формирующиеся на новом месте обитания махалли расширяли границы округа ОМДС. В случае обращения татарских общин, состоящих из уроженцев Поволжья и Приуралья, обустроившихся в городах, индустриальных центрах и других местах в западных губерниях, Княжестве Финляндии, Закавказье и др., по вопросам утверждения имама, возведения мечети с образованием прихода Духовное собрание курировало их в религиозно-административном отношении, создавая тем самым островки своего влияния в округах других региональных духовных управлений.

Хронологические рамки исследования относятся к Новому времени и ограничиваются 1744 — 1917 гг. Для внутренних губерний переходным рубежом от «гонимого ислама» к «терпимому исламу» в современной историографии считается период правления Екатерины II. Ключевыми событиями здесь современными историками признаются упразднение «Новокрещенской конторы» в 1764 г., или Наказ Екатерины II 1767 г.

Уложенной комиссии, или появление указа российской государыни от 17 июня 1773 г. о «веротерпимости». Для нас определяющим нижний рубеж исследования стало официальное разрешение 1744 г. возводить исламские богослужебные здания в Среднем Поволжье и Сибири. Нововведение позволяло строить, в рамках установленных правил, мечети в моноконфессиональных селениях, в которых проживала основная часть мусульман. К тому же в Приуралье, куда был направлен основной переселенческий поток татар из Среднего Поволжья в первой половине XVIII в., и на казахско-российском пограничье деятельность «Новокрещенской конторы» (1730 — 1764) не распространялась. С этого времени местная администрация стала осуществлять контроль над строительством исламских культовых зданий и организацией махалли, так завязался диалог между уммой и властью в рамках установленных последней правил. Разрешение строительства мечетей имело далеко идущие последствия и по сути означало официальное признание ислама, автономность религиозного быта сельской религиозной общины, возможность публичного совершения общественного богослужения, легализацию мусульманского духовенства и конфессиональных школ. Новый этап в государственно-исламских отношениях обозначился в 1789 г. с организацией специального правительственного учреждения по контролю над приходским духовенством — Оренбургского магометанского духовного собрания. Верхние хронологические рамки диссертации определяются падением самодержавия в 1917 г., сменой политического строя в России, позитивно повлиявшей на вероисповедальный исламский вопрос.

Исламское богослужение — это, прежде всего, ежедневная обязательная пятикратная молитва (намаз), являющаяся обязанностью каждого мусульманина и свидетельством его веры и благочестия. Молитва стала основой духовной дисциплины, оказывающей колоссальное влияние на жизнь каждого мусульманина и всей исламской уммы. Суть молитвы — вознесение хвалы Единому Господу, признание Его Единственности и Всемогущества, покаяние и испрашивание у Него милости, благоволения и помощи. Исламская молитва — это молитва тех, кто свидетельствует: «Мы веруем в Бога и в то, что было ниспослано нам и что было ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам, и что было даровано Моисею и Иисусу, и что было даровано другим пророкам от их Господа. Мы не делаем различия между ними и Ему мы покорны» (Коран, 2: 136). Помимо пяти обязательных молитв, есть рекомендуемые (сунна), дополнительные, праздничные. Молитвенный ритуал в четырех мазхабах (богословско-правовых школах) имеет некоторые незначительные отличия. В округе ОМДС абсолютное большинство мусульман являлось последователями мазхаба имама Нугмана ибн Сабита абу Ханифы. Поэтому в исследовании речь идет о правилах совершения намаза по ханафитскому мазхабу.

Изучение особенностей реализации гражданских прав мусульман в российских реалиях обозначило необходимость конкретизации места совершения общественного исламского ритуала. Слово «масджид» (*мечеть*) переводится с арабского языка как «место, где совершаются земные поклоны», или молитвенное здание мусульман. Мечеть — это определенное для отправления молитвы пространство, скрепляющее связь Бога и Человека. Особенности применения термина «мечеть» в делопроизводственной документации и законодательных актах объясняются нормами, выработанными Российским государством, где большинство подданных составляли христиане. Мы ввели несколько терминов, конкретизирующих статус мечети в империи, который постепенно изменялся по мере формирования российской юриспруденции и углубления понимания сути молитвенного здания в регионе с умеренным континентальным климатом.

Под понятием «*мечеть*» в России признавалось публичное здание, аналогичное богослужебным культовым сооружениям других вероисповеданий, возведенное по установленным в государстве правилам. Именно в этом аспекте применялось нами слово мечеть. В российских реалиях молитвенный дом (молельня), являвшийся для мусульман местом, где совершалось общественное богослужение, представлял из себя помещение

или здание, устроенные без соблюдения строительных условий для общественных зданий. В исследовании прослеживается эволюция правительственной оценки молитвенного дома, в конце XIX в. уравнивая его статус с мечетью, и уммы, для которой он ассоциировался с возведенным или приспособленным под общественное богослужение зданием без внешних атрибутов мечети (*минарета и михраба*), без учета направления кыблы. Как синоним терминов «мечеть» и «молитвенный дом» нами применялось слово *исламское культовое здание*.

Под словом «*умма*» подразумевалось: 1) конкретная группа мусульман, постоянно или временно проживающая в поселении, и 2) все религиозные общины и мусульмане, входящие в округ ОМДС, а термином *российская умма* обозначалось все мусульманское сообщество Российской империи.

Термин «*махалля*» является переводом на татарский язык слова *мусульманский приход*. *Молитвенное собрание* в контексте нашего исследования означает место, куда мусульмане собирались для совершения религиозного ритуала. Под *моноконфессиональным поселением* в нашей работе следует понимать населенные пункты, в которых проживали лица, исповедующие общую для всех жителей религию. Термин «*поликонфессиональное*» употребляется в нескольких измерениях: в случае совместного расселения мусульман и христиан в одном поселении, или проживания их в одной местности по соседству в поликонфессиональных или моноконфессиональных селениях, или для обозначения поликонфессионального характера российского общества XVIII — начала XX в., объединяющего представителей различных культур и вероисповеданий.

Как приспособились мечети к российским реалиям, какие факторы определяют гражданские права мусульман в традиционной общине вероисповедальном плане: раскрытию аспектов данной проблемы и посвящена настоящая монография.

Глава I

Источники и литература

1. Источники исследования

Тема нашего исследования предполагала анализ большого количества разнообразных источников двух типов: вещественные и письменные, главным образом документального и нарративного характера. Письменные источники условно можно разделить на следующие основные группы: 1. Законодательные и подзаконные акты; 2. Документы делопроизводства центральных и местных светских и духовных властей; 3. Материалы периодической печати; 4. Материалы учета населения, статистика; 5. Сочинения религиозных и общественных деятелей; 6. Источники по исламскому вероучению; 7. Документы личного происхождения: историко-географические сочинения русских и иностранных авторов, переписка, дневники, воспоминания современников; 8. Иллюстративный материал: карты, чертежи, фотографии и рисунки; 9. Справочные издания; 10. Фольклорный материал.

Опубликованные источники по законодательным и подзаконным актам подразделяются на несколько групп: а) законодательные акты; б) уставные документы и положения; в) циркуляры и распоряжения центральных и окружных управлений.

Среди опубликованных источников ключевое значение в определении положения исламских институтов в общеимперском правовом пространстве имеют законодательные акты, зафиксированные в «*Полном собрании законов Российской империи*». Они позволяют проследить внутривластный курс самодержавия и правительства каждого из российских государей, прежде всего — по отношению к сословным группам мусульман, религиозным институтам, ОМДС, осветить различные аспекты жизнедеятельности уммы, определить области «разграничения полномочий» между гражданским законодательством и нормами шариата в повседневной жизни мусульман и т.п.

В «Свод законов Российской империи» включены в систематизированном порядке действующие законы, регулирующие систему управления во внутренних регионах страны и окраин, общественную жизнь российских подданных, определяющие правовое положение каждого сословия, всех признаваемых в Российской империи вероисповеданий и др. С целью выявления изменений в юридическом статусе исламских институтов нами были изучены выборочно отдельные тома изданий Свода 1836, 1842, 1857, 1885, 1892 и 1910 гг.

Для жителей окраин Российской империи и отдельных сословных групп практиковалось создание особых положений, в которых учитывались местные традиции коренного населения наряду с элементами общеимперских юридических норм. Среди положений, непосредственно касающихся округа ОМДС, следует назвать «Устав об управлении инородцев» 1822 г., «Устав о сибирских киргизах» 1822 г., «Положение о башкирах» 1863 г., «Временное положение о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском» 1868 г. и др.

В условиях модернизации российское законодательство не успевало адекватно реагировать на все изменения, происходившие в обществе, и должным образом регулировать все аспекты своих нововведений. Поэтому министерства и главные управления по мере расширения своих прав, а также с целью разъяснения изданных уставных материалов, своими распоряжениями и предписаниями существенно дополняли имеющийся вакуум в сфере законодательства.

С учетом влияния русской православной церкви на степень соблюдения религиозных прав мусульман в XVIII в. нами исследованы «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи», постановления Сената и Синода, разъяснения православного ведомства, позволяющие проследить изменения внутривластного курса правительства и становление толерантных государственно-исламских отношений.

Наиболее полным сборником законов (124 законодательных акта), позволяющим отслеживать становление исламских институтов в общеимперском правовом пространстве и формирование юридического положения религиозных управлений, военного и гражданского духовенства, мечетей, приходов, а также отдельных аспектов семейного права мусульман и т.п., является издание, составленное Д.Ю.Араповым. Из названных выше законодательных материалов скомпонован фундаментальный сборник «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях», где, помимо перечисленных в его названии сословных групп, характерных для Приуралья, приводятся законоположения об административной системе, управлении духовными делами уммы, о земельной политике в регионе, организации приютов, учебных заведений и др.

Исходя из проблематики исследования, нами были изучены сборники предписаний (официальные и неофициальные издания), составленные по тематическому принципу: о сословных группах российского общества, об управлении духовными делами мусульман внутренних губерний и Сибири, о строительстве культовых, гражданских и частных зданий.

Известный татарский историк Р.Фахретдинов, член ОМДС, составил на русском и татарском языках сборник руководящих распоряжений Духовного собрания за 1836 — 1903 гг., в котором сосредоточены выявленные в архиве религиозного учреждения нормативные документы, регулирующие повседневную жизнь махалли и обязанности духовных лиц; предписания религиозного управления мусульман Европейской части России и Сибири, часть которых является пролонгированными указаниями-рекомендациями центральных органов власти, другая часть — фетвы Оренбургского муфтия и постановления ОМДС по итогам разбирательства частных вопросов из повседневной жизни традиционной общины и ее членов, в том числе по организации и проведению религиозного ритуала.

В первом томе сборника «Национально-государственное устройство Башкортостана (1917 — 1925 гг.)» представлена численность мечетей и церквей в районах Башкирской республики, личный состав мусульманского духовенства по городам Уфа, Стерлитамак и Стерлитамакскому уезду (на основании документов, извлеченных из архива ОМДС за 1913 г.).

Документы делопроизводства центральных и местных светских и духовных властей стали самым значимым, массовым и информативным видом документов для избранной темы.

Материалы фонда ОМДС выступают ценнейшим источником в изучении истории уммы Европейской части России и Сибири в целом и отдельных махаллей в частности. В ЦГИА РБ хранится 68 250 единиц хранения за 1789 — 1917 гг. Согласно царскому указу от 22 сентября 1788 г., ОМДС приравнивалось к средним государственным учреждениям, что означало распространение на него порядка делопроизводства губернских коллегиальных органов. Большую ценность представляют журналы заседаний (с 1836 по 1915 г.), которые позволяют проследить повседневную деятельность религиозного управления и весь спектр рассматриваемых им проблем.

В действующем законодательстве предметы ведения Духовного собрания «скомканы», лишь на основании изучения архивного материала можно определить круг его обязанностей. Р.Фахретдинов первым систематизировал архив религиозного управления, исходя из содержания делопроизводственной документации, он разделил его на тринадцать проблемных групп. Нами изучались дела, раскрывающие следующие аспекты жизнедеятельности российской уммы: осуществление надзора за деятельностью мулл по исполнению возложенных на них обязанностей и наложение взысканий за их нарушение; возведение мечетей и назначение к ним духовных лиц; рассмотрение жалоб на приходское духовенство по следующим делам: а) о порядке богослужения, обрядах и исправлении «треб», б) о частной собственности в случае споров, возникающих по завещаниям или при разделе наследственных имуществ и др.

Специально следует выделить переписку религиозного органа и оренбургских муфтиев с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), администрациями губерний и областей, градоначальниками (об испытании кандидатов на духовные должности и их утверждении, учреждении приходов, возведении мечети и др.), духовными лицами (о «неблаговидных» поступках духовенства и отдельных мусульман, по различным религиозно-бытовым вопросам), частными лицами и общественными организациями мусульман (различные стороны жизнедеятельности общины, возведение соборной мечети и др.).

Важнейшим источником при написании исследования стал фонд ДДДИИ (ф.821 РГИА). Вследствие пожара 1862 г. здесь отложились материалы лишь второй половины XIX — начала XX в. Наши поиски делопроизводственной документации этого ведомства более раннего времени не увенчались успехом.

В рассматриваемый период Департамент выступал головным экспертным учреждением по исламскому вопросу, куда стекались все обращения из других ведомств, структурных подразделений МВД и других ведомств, а также мусульман. Материалы делопроизводства департамента несут обширную информацию о деятельности центральных властей по согласованию «мусульманского вопроса» в правительственных учреждениях, позволяют проследить позиции Сената, Синода, Военного министерства, Министерства народного просвещения, ОМДС, различных департаментов МВД, главных управлений, начальников губерний и областей по вероисповедальным вопросам. Практически все стороны совершения исламского ритуала (в частной жизни, традиционной общине, общественных и присутственных местах, богослужбных заведениях, армии, на промышленных предприятиях и в других местах) зафиксированы в данном фонде, материалам которого стало возможным проследить практику реализации закона в жизни российской уммы и при соблюдении религиозного обряда. Важнейшим аспектом совершения молитвы

являлось регулирование обязанностей, порядка избрания, назначения и правового статуса гражданского приходского и военного духовенства, технических и архитектурных требований возведения культового здания, численности махалли и др. Нами фронтально изучены архивные дела о разрешении или запрещении постройки, ремонта мечетей и их упразднении, о рассмотрении жалоб прихожан в связи с выбором, утверждением духовных лиц и их правонарушениями. В условиях слабой разработанности нормативной базы по управлению духовными делами мусульман именно предписания ДДДИИ имели ключевое значение при решении возникающих спорных вопросов на местах, кроме, пожалуй, указов Сената.

Большую информативную ценность имеют записки И.Нофаля, А.К. Казем-Бека, А.Баязитова, муфтиев С.Тевкелева, М.Султанова, М.-С.Баязитова и др., составленные по запросам ДДДИИ о мусульманских сектах и праздниках, об особенностях исламского ритуала, значении по шариату мечетей, духовенства, религиозной общины, во многом ставшие ориентирами при модернизации государственно-исламских отношений; материалы особых совещаний 1910, 1914 гг. по мусульманскому вопросу; полемика между Сенатом, МВД и Государственным Советом по «белым пятнам» российского законодательства об исламских институтах и др.

Нами рассматривались также некоторые хранящиеся материалы по исламскому вопросу, обсуждавшемуся в Департаменте законов (ф.1149 РГИА) и Департаменте экономики (ф.1152) Государственного Совета.

В фондах Государственного архива РФ — Министерства юстиции (ф.124) и Третьего отделения собственной его императорского величества канцелярии (ф.109), а также в фонде Казанского (ф.199 НА РТ) губернского жандармского управления наше внимание было сфокусировано на изучении дел о привлечении имамов к уголовной или административной ответственности за использование богослужения и своих должностных полномочий в противоправительственных целях.

Исторические сведения, полученные из фондов РГАДА: Преображенского приказа и Тайной канцелярии (ф.7), Внутреннего управления (ф.16), Духовного ведомства (ф.18), Сената и сенатских учреждений (ф.248), Кабинета Екатерины (ф.10) и Канцелярии Синода (ф.796 РГИА), позволили уточнить ряд моментов в реализации религиозной политики правительства в отношении мусульманского населения второй половины XVIII в. как ответную реакцию властей на присходившие в стране события.

На юго-востоке империи во второй половине XVIII — середине XIX в. контроль за функционированием исламских институтов на окраинах осуществляли специальные органы: Оренбургская экспедиция (ф.1 ГАОО), Оренбургская комиссия (ф.2 ГАОО), Оренбургская экспедиция пограничных дел (ф.5 ГАОО), Оренбургская пограничная комиссия (ф.222 ГАОО), Второй Сибирский комитет (ф.1265 РГИА) и др., материалы которых привлекались нами с целью выявления роли ислама в решении правительством определенных внешнеполитических задач среди казахов, устройства религиозного быта татар внутренних губерний, приписанных к купеческому, городскому и сельскому податному сословию, а также служивших в Оренбургском, Уральском и Сибирском казачьих войсках.

В фонде обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева (ф.574 РГИА) нами была изучена его переписка с Николаем II, а также корреспонденция из Уфимской и Казанской губерний, регионов с компактным расселением мусульман.

С целью выявления общественной ситуации среди мусульман в местностях, где исламский фактор играл определенную роль, нами изучались документы из следующих фондов МВД: Канцелярии министра (ф.1282 РГИА), Департамента общих дел (ф.1284 РГИА), Департамента полиции исполнительной (ф.1286 РГИА), Департамента полиции (ф.102 ГА РФ). Обстоятельный анализ устройства и деятельности административно-судебных органов Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний, общественного положения среди мусульман Волго-Уральского региона был сделан сенатором

Ковалевским, осуществлявшим в 1880—1881 гг. ревизскую проверку. Его отчет хранится в фонде Канцелярии министра внутренних дел (ф.1282 РГИА). В самом фонде сенатора Ковалевского (ф.1356) были изучены прошения татар и башкир о сохранении прежней системы содержания мечетей и национальных школ.

Другая большая группа источников в названных фондах РГИА представлена ходатайствами, жалобами выборных, доверенных лиц махалли, духовных лиц, мутаваллиев и муфтиев. Их содержание сводится, главным образом, к жалобам на действия местных властей на незаконные, по их мнению, поступки духовных лиц, ОМДС и др. Делопроизводственные материалы требуют трудоемкого исследовательского анализа на предмет установления достоверности сообщений. Принятые властями решения не всегда соответствовали реальному положению дел, так как приоритетным являлись государственные интересы.

Материалы Казанского (ф.2 НА РТ), Самарского (ф.3 ГАСО), Оренбургского губернских правлений (ф.И-1 ЦГИА РБ; ф.11 ГАОО) важны, прежде всего, в плане изучения реализации религиозных и гражданских прав мусульман, возвратившихся в ислам крещеных татар. Выборочно были изучены также журналы Казанского губернского правления XIX — начала XX в. В ЦИАМ изучены документы по возведению и реконструкции Исторической мечети Москвы (канцелярия Московского генерал-губернатора — ф.16) и Московского губернского правления (ф.54).

В фондах канцелярий начальников Казанской (ф.1 НА РТ), Самарской (ф.3 ГАСО), Оренбургской губерний (ф.10 ГАОО), Оренбургского военного губернатора (ф.И-2 ЦГИА РБ) привлекли внимание документы, освещающие общественно-политический статус различных сословных и этнических групп мусульман, духовенства и др. Донесения кантонных начальников, уездных исправников, станowych приставов, волостных старшин и др. воспроизводят многогранную палитру волнений народных масс, в которых исламский фактор играл ведущую роль.

В поликонфессиональных поселениях ключевое значение в устройстве религиозного быта имело мнение духовных властей. Этим обстоятельством объясняется главным образом наш интерес к материалам Казанской духовной консистории (ф.4 НА РТ) и Казанской духовной академии (ф.10 НА РТ), где можно почерпнуть информацию о православно-исламских отношениях, миссионерской деятельности православной церкви среди крещеных татар и мусульман, об издании антиисламской религиозной литературы и др.

С целью выявления степени попечения местных и центральных органов Министерства государственных имуществ в нравственном воспитании и устройстве религиозного уклада татарских крестьян, представлявших основную часть уммы внутренних губерний, нами исследованы документы Казанского губернского управления земледелия и государственных имуществ (ф.91 НА РТ), Канцелярии министра земледелия (ф.381 РГИА), Первого департамента Министерства государственных имуществ (ф.383 РГИА), Департамента государственных имуществ Министерства земледелия (ф.396 РГИА).

В материалах судебных или административных расследований отложилась информация о различных правонарушениях духовных лиц и прихожан, связанных с совершением общественной молитвы, строительством, ремонтом и реконструкцией мечетей, избранием духовных лиц, исполнением духовных завещаний и др. Применение наказаний, предусмотренных законодательством за нарушение правил организации и совершения мусульманского богослужения и др., отслеживалось по документам фондов Казанской палаты уголовного суда (ф.13 НА РТ), Прокурора Казанского окружного суда (ф.390 НА РТ), Прокурора Казанской судебной палаты (ф.89 НА РТ).

В дооктябрьский период публиковались некоторые документы, раскрывающие внутривластный курс правительства Екатерины II в отношении мусульман.

В понимании социокультурных процессов, происходящих среди мусульман, и оценке их властями, а также в определении проблем организации и совершения исламского

ритуала в перечне вопросов, волновавших умму в начале XX в., важное значение имеет опубликованный в 1928 г. «Журнал особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» 1910 г.

Трудоемкая работа по выявлению и систематизации публикации источников по русско-казахским отношениям XVIII — начала XX в. из местных и центральных архивов СССР была проделана казахскими источниковедами. Затрагивающий, главным образом, дипломатические, внешнеполитические стороны деятельности российских учреждений материал позволяет оценить политический аспект содействия распространению в степи исламских институтов, назначения мулл к старшим султанам правительством Екатерины II и Александра I и строительства мечетей при меновых дворах, крепостях, в казахской степи и аулах султанов.

Перспективы обустройства духовных дел мусульман рассматривались также на I, II и III Всероссийских мусульманских съездах.

Обсуждение религиозного вопроса в парламенте Российской империи освещается в сборнике документов и материалов, составленном Л.А.Ямаевой, оно представлено выступлениями депутатов мусульман, их записками в комиссии Думы, а также стенографическими отчетами Государственной Думы.

Фундаментальный сборник документов «Аграрный вопрос и крестьянское движение 50 — 70-х годов XIX в.» до сегодняшнего дня остается единственным сборником документов, комплексно рассматривающим общественно-политическое и социально-экономическое положение различных социальных групп татарского общества, решение «исламского вопроса» в Среднем Поволжье в 1850 — 1870 гг.

Любопытные сюжеты об условиях труда на уральских промышленных предприятиях и быта рабочих в поселках можно почерпнуть из сборника документов, посвященного истории рабочего класса в Уральской промышленной зоне в 1861 — 1904 гг.

Комплекс архивных материалов из местных архивов по истории возведения и функционирования казенной Караван-сарайской мечети Башкирского иррегулярного войска в Оренбурге был опубликован в связи с юбилеем этого культового сооружения. Одними из первых в постсоветский период сборник документов о правовом статусе ислама в России опубликовали башкирские ученые.

Огромное значение при определении численности уммы в регионах и селениях имеют материалы учета населения, статистика. Интересующие нас статистические материалы отложились в ряде архивов. Религиозное управление (Ф.И-295 ЦГИА РБ) с 1820-х гг. собирало сведения о численности мечетей и духовенства, а с 1830 г. вело статистику о рождаемости и смертности, о браках и разводах среди мусульман.

Во второй половине XIX — начале XX в. в губернских правлениях заполнялись ведомости с указанием названия поселения (поселений), численности прихожан, имен и фамилий духовных лиц, номера свидетельства ОМДС и времени их утверждения в духовной должности местной администрацией. Ведомости важны для выявления сложных махаллей, определения статуса мечетей, численности духовенства. В плане определения численности мусульман в волостях, уездах и городах, предприятий, основанных татарами, познавательны материалы местных органов статистики. Нами использовались материалы Казанского (ф.359 НА РТ) и Самарского (ф.171 ГАСО) губернских статистических комитетов.

В приложениях к ежегодным «всеподданнейшим» отчетам начальников губерний и областей (1870 — 1915) безусловный интерес представляют ведомости о численности населения в уездах и городах по вероисповеданиям, учебных заведений (мектебе и медресе), богослужебных помещений различных конфессий и др.

Репрезентативным источником в реконструкции этнотопографии городов, численности мусульман в этническом «разрезе», семейств духовных лиц, сословно-социальной структуры, половозрастных групп этноконфессиональных общин, сфер занятости их членов, а также грамотности являются однодневные переписи, проводившиеся в 1860-е —

начале XX в. по западноевропейским стандартам в столицах. Они позволяют отслеживать модернизацию уммы в статике и динамике, а единоразовые — в казачьих войсках, Екатеринбурге, Оренбурге и других городах. Отсутствие учетно-статистических данных о численности приходов, духовенства и мечетей в первой половине XIX в. в определенной степени восполняется сведениями из книги Н. Варадинова, посвященной истории МВД, составленной на основе ведомственной делопроизводственной документации и отчетов ОМДС. Эксклюзивный материал о численности мусульман и об их удельном весе среди жителей уездов и городов отложился в изданиях губернских и областных статистических комитетов, в трудах их сотрудников, статистических обзорах по губерниям, обзорах и описаниях иррегулярных войск, ведомственных изданиях Министерства государственных имуществ и др..

В определении регионов расселения мусульман и их фактической численности уникальным источником являются материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и ее погубернских выпусков.

Большая работа по изданию материалов переписей 1795 — 1917 гг. проделана источниковедами Башкортостана. Ими изданы материалы V ревизии (1795) по «Экономическим примечаниям» к Генеральному межеванию земель по 12 уездам, материалы VII ревизии (1816) по Мензелинскому и Бугульминскому уездам, материалы VIII ревизии (1834) о численности башкир, мишарей и тептярей по 19 уездам Оренбургской, Пермской, Вятской губерний, X ревизии (1859) о мусульманах в Бирском, Белебеевском и Мензелинском уездах Оренбургской губернии и др., позволяющие предметно рассуждать о численности дворов и жителей, этническом и сословном составе мусульман в селениях Приуралья и сложных земельных отношениях.

Весьма содержательным источником для нашего исследования являются материалы периодической печати, обладающие рядом существенных преимуществ: они многогранны, оперативны, содержат информацию о «различных срезах общества», мнения современников. Материалы периодической печати, с учетом их учредителей и издателей, следует разделить на несколько подгрупп. Комплексный подход к проблеме изучения мусульманского богослужения потребовал от нас анализа периодической печати православного духовенства, миссионеров и чиновников учебного ведомства, а также центральных ведомственных изданий, непосредственно курирующих исламский вопрос. Эта подгруппа ведомственных периодических изданий выделяется номенклатурными интересами своих учредителей. Несмотря на тенденциозность рассуждений о миссионерских действиях мусульман среди крещеных «инородцев», о фактах их «ухищрений» по устройству религиозного быта, важным здесь представляется фактологический материал, освещающий межконфессиональную ситуацию в местностях, точка зрения духовной власти, к мнению которой при возведении исламских богослужебных заведений прислушивалась местная администрация.

Вторая подгруппа представлена казанской общественной периодической печатью, на страницах которой изредка появлялись публикации татарских читателей, посвященные различным общественно-культурным и бытовым вопросам мусульман.

С момента появления в 1883 г. первая тюркская газета И. Гаспринского «Переводчик-Тарджеман» стала своеобразной летописью обновленческих процессов в культурной и общественной жизни уммы, в ней систематически публиковались сообщения из различных регионов расселения мусульман, побуждающие правоверных к прогрессивным деяниям.

Вопросы модернизации татарского общества, реформирования системы управления духовными делами мусульман, роли и места мулл в реформировании национального образования в частности и уммы в целом, регулирования численности махалли, необходимости нововведений в общественном богослужении, правовом положении мусульман, а также будничная жизнь городских и сельских религиозных общин, мнение

наиболее активной части групп мусульман внутренней России рассматривались по публикациям в газетах «Вақыт» (1906 — 1907) и «Баянелъхак» (1907 — 1908).

Иллюстративный материал (карты, фото, чертежи и рисунки) позволяет выявить местонахождение и внешний вид исламских богослужебных зданий, а также расстояние от них до ближайших церквей. Из фонда «Технического строительного комитета Министерства внутренних дел» (ф.1293 РГИА) были извлечены карты губерний и областей, казачьих земель, генеральные и конформированные планы городов и селений, типовые и образцовые чертежи храмов различных конфессий и других объектов, поступавшие на утверждение в Министерство путей сообщения и публичных зданий, а также в строительный комитет МВД. В фонде «Планы, чертежи гражданской архитектуры» (ф.1488 РГИА) хранится делопроизводственная документация нововведений в области исламского культового зодчества.

В фонде «Карты, планы и чертежи (Коллекция)» (ф.1399 РГИА) хранятся планы крепостей и городов XVIII — XIX вв., менового двора Троицка, ярмарок, чертежи мечетей, возведенных за казенный счет в Омске и Оренбурге и др. В фонде Сената и его учреждений (ф.248, оп.160 РГАДА) сосредоточены планы менового двора Оренбурга, Макарьевской ярмарки, типовой проект мечети 1782 г., планы крепостей Сибири и юго-восточных окраин империи XVIII в.

Согласно законодательству, возведение общественных зданий как явление, меняющее облик поселения и вносившее коррективы в генеральный план города, должно было согласовываться с МВД. Соблюдением данного положения во многом объясняется наличие фрагментов планов в фондах этого учреждения. Непременным условием обсуждения места расположения новой мечети в городских органах самоуправления, городской думе являлись локальные планы, обнаруженные нами в ф.41 (Оренбургская городская управа) ГАОО, в ф.98 (Казанская городская дума и городская управа) НА РТ и ф.821 (ДДДИИ) РГИА.

Прилагаемые к ходатайствам мусульман чертежи местности в большинстве случаев являются частью изданного генерального плана города. Тем не менее они имеют большую информативную ценность, ибо в ходе застройки города часто нарушались первоначальные планировочные установки. В данном случае имеется возможность выявить реальную планировку района возведения мечети, как правило, татарской слободы или части поселения, где расселялись мусульмане.

Материалы Второго департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ф.216), Департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ф.218), Департамента рассмотрения проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий (ф.220) представляют интерес в плане изучения причин и мотивов государственного культового зодчества, осуществления контроля над образцовым строительством мечетей, их взаимоотношений с другими ведомствами, также курировавшими возведение общественных зданий в сельской местности.

Местные органы технического надзора утверждали планы и сметы строительных работ, производили оценку и освидетельствование построек, отводили земли под строительство государственных учреждений, зданий духовного ведомства, частных лиц и др. Архивные дела фондов ЦГИА РБ — Оренбургской губернской дорожной и строительной комиссии (ф.И-144), Оренбургского губернского строительного комитета (ф.И-428) и НА РТ — Казанской губернской строительной комиссии (ф.409), Казанской губернской дорожной и строительной комиссии (ф.408 НА РТ), строительного отделения Казанского губернского правления (ф.2) содержат экспертные заключения на представленные для утверждения планы и фасады богослужебных зданий. Чертежная документация позволяет выявить дифференцированное отношение органов полицейско-технического надзора различных губерний к реализации курса образцового проектирования в 1829 — 1862 гг., а также определить круг требований, представляемых

техниками и архитекторами к публичным религиозным зданиям, замечания, направленные на улучшение проектов в техническом отношении и в плане пожарной безопасности; выявить авторов проектов, уточнить представление о размерах и облике молитвенных зданий. Часть чертежей отложилась в фондах губернских правлений.

В качестве дополнительных источников использовались «открытые письма» — открытки конца XIX — начала XX в., а также коллекции фотографий того времени с видами достопримечательностей и улиц, формирующих облик городских поселений, среди которых, наряду с богослужебными заведениями других конфессий, имеются и виды мечетей и типы мусульман.

В фотоархиве Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) хранятся материалы Русского императорского археологического общества. Здесь важным источником являются фотографии. Из культовых зданий можно выделить сохранившиеся снимки мечетей Санкт-Петербурга, Иркутска, Казани и др.

В архивохранилище № 6 ЦГИА РБ имеются фотоснимки повседневного быта мусульман, башкир, достопримечательностей городов, фотографии типов горожан, крестьян, различных социальных групп населения, культовых сооружений, в том числе исламских и др. Фотографии мечетей Среднего Поволжья хранятся также в фондах Национального музея РТ.

В ходе составления Историко-культурного атласа татарского народа сотрудниками отдела этнографии ИЯЛИ в 1970 — 1980-е гг. проводились экспедиции по комплексному изучению этнографических групп татар. В результате сформировался фонд фотографий действующих, перестроенных под другие нужды или завершающих свой век обветшалых мечетей в татарских селениях Поволжья и Приуралья.

Планы городов Европейской части России и Сибири мы изучали в Национальной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского университета и Национальном музее РТ.

Несомненный интерес представляет наследие русских зодчих, имевших отношение к исламской культовой архитектуре — А.Н.Воронихина, А.Мельникова.

Единственным специальным изданием фотографий мечетей городов и селений Европейской части России и Сибири в царский период стал альбом, изданный в 1911 г. в честь юбилея муфтия М.Султанова. Фотографии альбома сопровождаются краткими аннотациями со сведениями о меценате, времени строительства и реконструкции храмов. Они представлены во вкладыше нашей монографии.

Информативную ценность имеют современные альбомы, появившиеся в постсоветский период, в которых изображены, главным образом, исторические каменные мечети.

Большую научную значимость представляют сочинения государственных, религиозных и общественных деятелей, путешественников, источники личного происхождения. Прежде всего это письма, мемуары миссионеров Е.А.Малова (ф.7 ОРРК НБ КГУ) и Н.И.Ильминского (ф.968 НА РТ), труды татарских богословов Г.Курсави, Ш.Марджани и М.Бигиева и др., в которых трактуется отношение правоверных к исполнению религиозных обрядов, говорится о правомерности совершения пятничной молитвы не только в большом городе (миссре), о времени совершения пятидневных молитв в средней полосе России и др.

Хранящаяся в Научном архиве Уфимского научного центра (НА УНЦ) коллекция Р.Фахретдинова (ф.7), составляющая 40 томов, поступила в советское время из архива ОМДС. Помимо его собственных трудов, здесь сохранились вырезанные ученым из разных татарских газет материалы о выборах оренбургского муфтия, реформе Духовного собрания и национальной школы, положении духовенства, а также истории общин, в частности, Санкт-Петербурга, напечатанной в газете «Нур». Некоторые сведения по истории мусульман Уфы были обнаружены нами в рукописях городского главы Д.С.Волкова (ф.23 НА УНЦ).

Нами использовались публицистические сочинения известных мусульманских ученых: Ризаэддина Фахретдинова «Религиозные и социальные вопросы» («Дини вѣ икѣтимагыт мѣсьѣлѣлѣр хакында»), Йосыфа Акчуры «Взгляд религии на свободу» («Дин мѣсьѣлѣлѣре») и др.

В начале XX в. одной из примет религиозного обновления в татарском обществе явилось внедрение в практику чтения хутбы на татарском языке. По этому поводу разгорелись споры между традиционалистами и джадидистами на страницах национальной печати и в специальных изданиях. Появились труды Г.Буби, З.Камали, обосновавших в рационалистическом и правовом ключе возможность и необходимость чтения проповеди на понятном для прихожан языке, а также несколько книг улемов с текстами наставлений, составленных на основе прочитанных ими пятничных и других праздничных хутб. Эта группа источников позволяет проследить отношение духовенства к изменению религиозного обряда, а содержание хутб — проанализировать методы воздействия и приоритетные ценности татарского общества в рассуждениях джадидистов-имамов.

Воззвание идеолога восстания 1755 г. Батырши (Габдуллы Галиева) к единоверцам и его письмо, написанное им после ареста императрице Елизавете Петровне, воссоздают социально-экономическую и общественную обстановку в Поволжье и Приуралье, где положение мусульман имело разительные отличия. Опубликованное в переводе на русский язык «наследие» Батырши позволяет определить приоритеты в общественном сознании народных масс, в котором право на строительство мечетей и открытие мектебе выступало неперенным атрибутом свободы уммы.

Наказы Екатерины II и депутатов-мусульман из различных регионов в Уложенную комиссию (1767 — 1768), материалы которой были опубликованы в «Сборнике Русского исторического общества», позволяют сгруппировать основные чаяния и вопросы, волновавшие различные социальные слои мусульман. В них запечатлены духовно-религиозные нужды и проблемы сельских обществ после упразднения «Новокрещенской конторы» (1764), свидетельствующие о том, что и после прекращения миссионерского вторжения, в условиях сохранения контроля самодержавно-церковной власти над жителями селений, вновь введенный норматив численности махалли, наряду с фактором совместного расселения мусульман с новокрещенными, выступает главным препятствием в нормализации повседневной религиозной жизни правоверных.

Историко-географические сочинения русских и иностранных авторов второй половины XVIII — первой половины XIX в. содержат оригинальные сведения о религиозном быте, занятиях, хозяйственном укладе татар, башкир, сибирских татар в традиционной религиозной общине. Они позволяют определить степень религиозности тюрко-татарского населения Европейской части России и Сибири, где ведущее положение занимали казанские, касимовские и оренбургские татары, переселившиеся из Казанской губернии. И.Гмелин оставил для потомков свои впечатления от посещения в 1733 г. мечети в татарской слободе Казани. С.Г. Гмелин в 1770 г. описал этнотопографию уммы в Астрахани, вкратце охарактеризовал ее этнический состав, занятия, численность мечетей и духовенства. В путевых заметках ученых мужей И.Георги, И.Лепехина, И.П.Фалька, П.С.Палласа зафиксированы социально-экономические отношения, культура, особенности религиозной и бытовой жизни, хозяйственного уклада татар и башкир, других этнических групп мусульман. Религиозно-обрядовый аспект повседневности мусульман привлек внимание первого историка Оренбургского края П.И.Рычкова, И.Дебу, посетителей Нижегородской ярмарки и др.

Новые стороны религиозной политики самодержавия в отношении мусульманского населения в Оренбургском крае и казахской степи во второй половине XVIII в. открывают материалы, исходящие от лиц, непосредственно претворявших в жизнь политический курс правительства на юго-востоке страны: советника Уфимского наместнического правления

Д.Б.Мертваго (1787 — 1797 гг.), первого Оренбургского муфтия М.Хусаинова, ездившего к казахам в 1790 г. со специальным поручением русских властей.

Одну из основных групп исследований современников конца XVIII в. — начала XX в., занимающихся интересующей нас проблематикой, представляют записки краеведов о быте и традиционной культуре татар. Заметки современников Мильковича, П.А.Пашино, Н.П. Штейнфельда, Н.Попова, публикации К.Насыри и Р.Фахретдинова освещают тему наиболее полно, в них присутствуют сюжеты о деяниях мулл и богослужении, религиозных праздниках, характеристика махалли. Татарской общине Казани первой половины XIX в. посвящен труд К.Фукса, о месте татар в хозяйстве Санкт-Петербурга 1880-х гг. и об их быте, занятиях в условиях большого города пишет А.А.Бахтияров.

Несмотря на присутствие налета субъективности, эта группа источников содержит сведения, которые трудно почерпнуть в других видах источников: в них запечатлен личностный взгляд автора на известные личности, события и явления. Дневниковые записи («Памятная книжка») Галимджана Баруди, которые он вел в 1917 г., содержат комментарии известного духовного деятеля на взаимоотношения между духовенством и прихожанами, о совершении религиозных ритуалов; воспоминания потомка казанских купцов Юнусовых освещают роль национальной буржуазии в повседневной жизни уммы Казани; в «Воспоминаниях» Заки Валиди Тогана представляют ценность сюжеты о детстве и отрочестве, описание родной деревни и порядков в семье духовного лица.

В публицистической работе И.Гаспринского «Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения» нас привлекла оценка, данная автором традиционной махалли: «Всякая община представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духа исламизма. Община эта имеет свою власть в лице старшин и всего прихода, нуждающиеся в высшем признании, ибо авторитет этой власти — авторитет религиозно-нравственный, ее источник — Коран». Из подобных самодостаточных религиозных общин, подчеркивает И.Гаспринский, и состоит российская умма. Он корректно ставил перед общественностью и уммой проблемы интеграции мусульман в поликультурную среду, рассуждал о роли махалли, духовных лиц и ислама в прогрессе российской уммы.

С появлением ислама и при жизни пророка Мухаммада со всеми возникающими вопросами, касающимися религии, верующие обращались к пророку, который в своих ответах опирался на боговдохновенное откровение. Откровение было двух видов — это Коран, смысл и слова которого ниспосланы Аллахом, второе — сунна, или пророческая традиция, смысл которой был от Аллаха, а словесное выражение — от пророка (нормативная часть хадисов, которым надлежит следовать и подражать). В качестве источника справочного характера нами использовался перевод Священного Писания мусульман — Корана. Собственные изречения Мухаммада и его деяния, зафиксированные в преданиях — хадисах, вместе с Кораном составляют два основных источника исламской веры, культа и этико-социальной доктрины. Из разных сборников хадисов самым авторитетным считается «Сахих» («Надежный») ал-Бухари (умер в 870 г.) — вторая, после Корана, высокочитаемая мусульманами книга. Указанные источники использовались для понимания смысла молитвы в мировоззрении мусульман и повседневной жизни уммы.

Сведения о численности мусульман и наличии в селениях мечетей можно почерпнуть из источников справочного характера: из погубернских «Списков населенных мест Российской империи», составленных на основе материалов X ревизии (1858 г.). Полиэтнический и поликонфессиональный состав жителей селений в Поволжье во второй половине XIX в. зафиксирован также в ряде изданий статистов, земских учреждений, миссионеров и учебного ведомства XIX — XX в. В сборнике документов «Материалы для истории Сибири», составленном Г.Н.Потаниным, и в описании Ф.Тышкова сибирских городов конца 50 — начала 60-х гг. XIX в. нас заинтересовали сведения о численности

мусульман в крепостях и городах Западной Сибири. К этой группе источников мы относим также энциклопедические словари по исламу и труды, популяризирующие учение ислама, поясняющие различные стороны исламского вероучения.

Важное значение в плане выявления численности мечетей, национальных школ, мусульманского духовенства, попечительских и благотворительных общественных организаций, адресов молитвенных зданий, мулл и хозяев городской недвижимости, торговых и промышленных заведений имеют «Адрес-календари» губернских городов и губерний, «Памятные книжки» губерний и областей, путеводители по Нижегородской ярмарке. При рассмотрении трансформации городской уммы в контексте определения его материальных и интеллектуальных ресурсов незаменимым источником справочного характера выступает библиографический указатель татарской периодической печати за 1905 — 1924 гг.

Произведения фольклора, устного народного творчества несут ценную информацию о духовной культуре татар и башкир. Нами привлечены поговорки и пословицы о Боге, религиозных обрядах, о потустороннем мире (рай и ад), приходском духовенстве, байты о народных праздниках, участии татар в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., Русско-японской войне, Первой мировой войне, тяжелой судьбе рекрутов, солдат, пленных и заключенных; исторические, топонимические предания, легенды, мифологические рассказы; загадки о мечетях и духовенстве, о религиозных обрядах и др.

Под **вещественными источниками** мы подразумеваем действующие или перепрофилированные здания мечетей, мектебе и медресе, возведенные в имперский период, их вакуфы. Посещение культовых зданий позволяет прикоснуться к прошлому, воочию увидеть и оценить их размеры, планировку. В этом отношении нами изучены действующие исторические и бывшие мечети Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Оренбурга, Уфы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Чистополя, Самары, Татарской Каргалы и ряда других селений. Экспозиции историко-краеведческих музеев вышеназванных поселений, а также Ульяновска, Тюмени и др. обогащают наши представления о повседневной культуре татар и башкир XIX — начала XX в.

Среди рассмотренной группы письменных источников высокой степенью достоверности отличаются законодательные и подзаконодательные акты, воплотившие в себе юридическо-правовые меры органов власти по реализации внутривосполитического курса самодержавия.

Наиболее репрезентативным источником представляются судебнo-следственные материалы гражданского и уголовного суда, где отложилась информация о различных правонарушениях духовных лиц, прихожан, связанных с исполнением религиозного обряда, строительством, ремонтом и реконструкцией мечетей, избранием духовных лиц, исполнением духовных завещаний и др.

Большой достоверностью обладают музейные экспонаты и фотографии современников. Облик действующих мечетей, в силу многочисленных реконструкций, не всегда соответствует первоначальным чертежам зодчего. Аналогичная картина характерна и для чертежной документации мусульманских богослужебных и учебных заведений, при возведении которых строители исходили из замысла проектировщика, что отражалось на высоте минарета, конфигурации купола, высоте здания и др.

Статистические материалы имеют различную степень достоверности в силу становления в рассматриваемый период статистики как науки, методики сбора и др. Для выявления общих тенденций и ошибок в отдельные годы важным представляется рассмотрение изменения цифровых показателей по сводным ведомостям по нескольким губерниям и за длительный отрезок времени.

Массовые источники, особенно прошения, общественные приговоры, жалобы и другие документы, исходящие от мусульман или мулл, или православных священнослужителей, или общественных учреждений, а также журналов заседаний духовных консисторий, ОМДС, губернских и областных правлений, местных органов различных ведомств и др., в

которых концентрированно изложены корпоративные интересы каждой стороны, порой несут лишь фрагментарную информацию. Особенно для первых трех категорий истолкование происходящего на свой лад, предвзятое отношение было обычной практикой. Негласно считалось, что в религиозных вопросах средства оправдывают достижение поставленной цели. Определенное влияние на такой взгляд накладывали традиции православно-исламских отношений, сложившиеся в регионе. Очень часто отслеживание конкретного исторического сюжета прерывается вследствие недостаточности или отсутствия документов о завершении спорного вопроса и др. Лишь внимательное изучение и сопоставление материалов позволяет сделать определенные выводы.

2. Историография проблемы

Идеологизированность религиозного вопроса в России самым непосредственным образом отразилась в историографии исламской проблематики, которую условно можно разделить на три периода, в целом соответствующих времени существования различных политических систем в стране: дореволюционный, советский (1917 — 1992) и - постсоветский.

В отечественном исламоведении дореволюционного периода выделяются два направления: академическое, представленное светскими учеными, и миссионерское, представленное православными священнослужителями, занимавшимися данной проблематикой с миссионерской целью. Отечественное востоковедение и исламоведение во многом выступали как часть мировой ориенталистики, приметами которой была европоцентристская концепция в оценке Востока и восточной культуры в истории человечества и христианский взгляд на ислам как на нецивилизованное явление. В Новое время страны Востока существенно отставали от Европы в социально-экономической и общественно-политической областях, что представлялось неопровергаемым доказательством превосходства христиан над исламским миром.

Наряду с созданием ценных трудов по исламу, как отмечал историограф Н.А.Смирнов, «многие крупные русские востоковеды нередко вместо самостоятельных исследований в области ислама ограничивались обработкой и переводом произведений восточных авторов или западноевропейских ученых». Тем не менее изучение ислама, перевод трудов западных ученых способствовали в целом ознакомлению российской общественности с постулатами мировой религии.

Общим для них являлось отношение к исламу с православно-христианской точки зрения, что отражалось на интерпретации культурной самобытности мусульман. Для представителей академического направления, объектом исследования которого был «классический ислам», характерен более высокий уровень толерантности к мусульманам. Другим объединяющим фактором представляется гражданская позиция авторов, охрана ими государственных интересов.

Видный представитель отечественной ориенталистики А.Е.Крымский критически относился к тотальному обвинению мусульман в фанатизме. Он первым из русских исламоведов применил расовый подход к оценке истории ислама и его перспектив развития в будущем. Как справедливо отмечает М.А.Батунский, ученый пытался - «исключительно дурным влиянием «тюркско-расового духа» объяснить цепь весьма печальных, по его мнению, событий на постмухаммедовском исламском Востоке». В своей работе «Мусульманство и его будущность» А.Е.Крымский ставит под сомнение существование единой мусульманской культуры, противопоставляет тюркам арийцев (преимущественно персов) и семитов (арабов), называя их «наиболее даровитыми из мусульман», и указывает: «Отличительными признаками турки являются совершенно слепая вера, ненависть к отвлеченным рассуждениям, религиозный консерватизм и фанатизм, нетерпимость к другим верам. Европейские татары под долгим русским

властью успели потерять агрессивную нетерпимость, но консервативность сохранили вполне».

В своей программной статье по случаю начала издания научного журнала «Мир ислама» в 1912 г. крупнейший российский востоковед В.В.Бартольд, резюмируя положение дел в отечественном востоковедении, констатировал, что «общий характер этих работ и достигнутые ими результаты до сих пор мало соответствовали тому значению, которое имеет для России изучение мусульманского мира». Ученый отметил также «общую отсталость» русского востоковедения от западноевропейского, с горечью признав, что «об исламе как религии на русском языке нет до сих пор сколько-нибудь обширного труда, который в свое время представлял бы шаг вперед в науке; в этом отношении даже русские специалисты были вынуждены ограничиваться популяризацией выводов, добытых западноевропейскими, преимущественно немецкими, учеными». Заслуживает внимания также его замечание относительно преобладания в этой сфере среди русских изданий трудов, написанных «с целью защиты ислама или борьбы с ним». Востоковед однозначно признавал Россию ответственной за изучение исламской культуры перед российскими мусульманами и всемирной наукой. Ученый заявил, что «мусульманская культура есть сложное явление; что современную жизнь мусульманского мира нельзя понять без знания его прошлого; что в этой отрасли знания, как и во всякой другой, необходимо считаться с достигнутыми наукой результатами, не довольствуясь составлением компиляций... все истины понятны в России отдельным специалистам».

В своей монографии «Халиф и султан» (1912) В.В.Бартольд констатировал: «Духовный суверенитет султана, как халифа всех мусульман, был признан Россией при заключении Кучук-Кайнаджийского трактата (1774) и изъяснительной конвенции к нему (1779), причем соответствующие пункты обоих договоров были отменены договором о присоединении Крыма к России (1783). В научно-публицистическом исследовании «Ислам» (1918), наряду с освещением развития мусульманской догматики при Мухаммаде и после его кончины, ученый обращает внимание на эволюцию роли мечети в религиозном обряде и общественно-культурной жизни уммы.

В.В.Бартольд отмечал, что «до царствования Екатерины II положение мусульман в России было во многих отношениях хуже, чем положение христиан в Турции». Принципиальным представляется его оценка о том, что «со времени Екатерины II русское правительство изменило свою политику и стало оказывать исламу полное уважение».

Наследие российских миссионеров четко делится на две группы. Первая группа изысканий представлена трудами по истории ислама и анализами Корана с целью доказательства лживости исламского учения и истинности православных догм. Для нас же представляет научный интерес вторая группа работ, посвященных изучению быта и повседневной культуры мусульман Поволжья и Приуралья.

Работы Я.Д.Коблова, главным образом предназначенные для миссионеров и руководителей православных паств в местностях исламо-христианского пограничья, с этнографическими подробностями повествуют о месте мусульманского духовенства и мечетей в жизни малочисленной сельской общины, в целом религиозно-бытовой жизни татар, дают характеристику системе обучения мусульман.

Перу известного представителя казанской миссионерской школы Е.А.Малова принадлежат публикации по истории миссионерской деятельности русской православной церкви во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Единственной работой, посвященной истории функционирования мусульманских богослужебных заведений Среднего Поволжья во второй половине XVI — середине XIX в. и не потерявшей по сей день своей научной значимости, является его труд «О татарских мечетях в России», созданный на основе привлечения законодательных актов и других источников, а также хорошего знания культурно-религиозного быта татар.

В начале XX в. с этнографической точки зрения описал традиционную культуру казанских татар священнослужитель П.Знаменский, а «исламский вопрос» в контексте

изучения духовно-религиозной жизни крещеных татар и их взаимодействия с мусульманами в Приуралье поднимал священник С.М.Матвеев.

В XIX в. были изданы первые труды о миссионерском просвещении коренных народов Поволжья, Приуралья и Сибири, и утверждении православия в этих регионах. В одном из своих исследований ориенталист-миссионер Г.С.Саблуков, издавший перевод Корана на русском языке, запечатлел свои наблюдения о порядке совершения богослужения в мечетях. В контексте православно-исламского противодействия рассматриваются исламские институты в трудах Н.М. Остроумова и Е.Н.Воронца.

Единственной работой, дающей целостное описание сложившейся во второй половине XIX — начале XX в. системы управления духовными делами мусульман в России, где существенное место отведено ОМДС, является служебная записка сотрудника ДДДИИ С.Г.Рыбакова «Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России», написанная на основе материалов архива данного ведомства и изданная в виде брошюры.

Огромный вклад в проведение историко-этнографических и археологических изысканий в регионах внесли различные научные общества. Краеведы сфокусировали свое внимание на истории губерний, обрядах, верованиях и социально-экономическом положении мусульман, в которых, как правило, имеются этюды о повседневной религиозной жизни мусульман, о мечетях и общественном богослужении, о приходском духовенстве.

Русские ученые активно проводили исследования по изучению истории городов во внутренних губерниях, в казахской степи и Сибири, освещая в своих публикациях численность, место расселения, мечети, быт и занятия бухарцев и татар. К числу редких работ, написанных светскими краеведами по мусульманскому духовенству, следует отнести брошюру В.В.Дремкова. Автор описывает обязанности и социальное положение имамов в селениях Астраханской губернии, подкрепляя изложенное фактами из своей жизненной практики.

Издание первой краткой истории ОМДС было связано с 100-летним юбилеем религиозного управления, в ней, в частности, приводятся сведения о численности мечетей и духовенства в округе.

В отдельную группу следует выделить труды татарских исследователей, прежде всего Ш.Марджани и Р.Фахретдинова. Помимо содержащегося в них оригинального материала, здесь принципиально важной представляется их оценка внутривластного курса правительства по отношению к умме, правового положения единоверцев в сфере организации религиозно-духовной жизни, представляют интерес сюжеты по истории исламских институтов. В этой связи особо следует подчеркнуть наследие татарского историка и богослова Ш.Марджани. В его «Извлечении вестей о состоянии Казани и Булгара» повествуется об истории мечетей Казани, приводятся краткие биографии и описываются деяния первых четырех оренбургских муфтиев и ОМДС. Ключом к пониманию социокультурного положения сельской традиционной религиозной общины являются сведения о персоналиях духовных лиц, позволяющие выявить тенденцию формирования целых родов мусульманских духовных лиц, превращения их на глазах прихожан в особую общественно-сословную группу, о благотворительной деятельности национальной буржуазии по устройству богослужебных зданий и др.

Огромная заслуга в изучении исламских институтов в Российской империи принадлежит Р.Фахретдинову. Будучи членом ОМДС, в 1892 — 1908 гг. по поручению муфтия М.Султанова он приводил в порядок архив религиозного управления, выписывая наиболее значимые материалы для своих будущих исследований. Результатом этой работы, прежде всего, следует назвать его труд «Правительственные предписания по исламу», в котором раскрываются процесс реализации новой школьной политики правительства в XIX — начале XX в., направленной на установление контроля над системой мусульманского образования; отношение к ней приходского духовенства. Методологическое значение имеют высказывания Р.Фахретдинова по поводу научной

значимости документов, отложившихся в архиве ОМДС, для написания подлинной религиозно-духовной и национальной истории мусульманских народов Российской империи. В историко-библиографическом своде «Асар» Р. Фахретдин приводит биографии известных мусульманских духовных лиц и улемов, историю мечетей и др.

Статьи об условиях производства и быта рабочего класса на промышленных предприятиях важны для реконструкции их религиозного обряда и досуга.

Основным итогом дореволюционного этапа историографии явилась собирательная и описательная деятельность краеведов и миссионеров, заложившая источниковую базу для изучения исламских институтов и духовной культуры татар и башкир.

Для нас особый интерес представляют статьи В.В.Бартольда «К вопросу о полумесяце как символе ислама» (1918) и «Ориентировка первых мусульманских мечетей» (1922), написанные им в первые годы советской власти. В первой автор рассматривает историю проникновения в мусульманские страны традиции по установке полумесяца над куполом или минаретом мечети; во второй собраны скудные сведения о мечетях, построенных при жизни пророка Мухаммада, освещается вопрос определения кыйблы при молении мусульман.

В целом же в советский период изучение ислама в России как социокультурного явления переживало кризис. Исторические исследования о прошлом татар и башкир ограничивались территориальными рамками автономных республик. Другой приметой советской эпохи явились свертывание научных изысканий по исламу и откровенно атеистический характер публикаций, направленных на дискредитацию места и роли ислама в духовной культуре и социальной жизни тюркских народов. В общую тенденцию не вписывается брошюра Дж.Валиди, изданная до начала широкомасштабной антирелигиозной пропаганды в Советском государстве, в которой дается высокая оценка исламу в сохранении этноконфессиональной идентичности татар.

В изучении исламских институтов в 1930-е гг. тон задавали публикации Л.Климовича, А.Аршаруни и Х.Гибадуллина. Несмотря на все издержки советской тоталитарной системы, позитивными моментами работы Л.Климовича «Ислам в царской России» явились освещение вопроса в общеимперском масштабе и богатый фактологический материал, который, несмотря на неоднозначные трактовки, имеет важное познавательное значение. Б.Ишемгулов излагал историю ОМДС и деятельность оренбургских муфтиев с классовой точки зрения.

Во второй половине XX в. активизировались этнографические изыскания в Приуралье, Поволжье и Сибири. Результатом многолетних исследований стали солидные труды Н.И.Воробьева, Р.Г.Мухамедовой, Ф.Шарифуллиной, Ю.Г.Мухаметшина, Н.А. Томилова, Ф.Т.Валеева историко-этнографического характера о материальной и духовной культуре отдельных этнографических групп татар, Р.Г.Кашафутдинова, Р.К.Уразмановой — о праздничной культуре татар. В них фрагментарно излагается роль норм ислама в традиционной культуре татарского народа. Исключением явилась кандидатская диссертация А.А.Загидуллина, посвященная быту татарских крестьян Казанской губернии второй половины XIX — начала XX в., в которой рассматривается влияние норм шариата на семейно-брачные и культурно-бытовые отношения, на раздел имущества, а также трудовое и нравственное воспитание.

Некоторые положения исторических очерков З.А.Ишмухаметова, посвященных роли ислама в татарском просвещении, искусстве за тысячелетнюю историю российской уммы, несмотря на ограниченность источниковой базы, идеологические клише советского времени и наличие ошибок фактологического плана, и сегодня сохраняют свою актуальность. Прежде всего это касается социальных функций мусульманского духовенства в Среднем Поволжье.

Приоритетным направлением в исламоведческих исследованиях третьей четверти XX в. в Татарстане явились изыскания по истории общественной мысли татарского народа, которые возглавил Я.А.Абдуллин.

Одна из редких статей, посвященных роли мулл в татарской сельской общине, принадлежит Р.А.Шайхиеву.

Историческая этнография башкир, их быт, материальная и духовная культура активно изучались уфимскими учеными. Значительная часть трудов этой группы исследователей посвящена правовому и социально-экономическому положению мусульманского населения в Приуралье.

В советский период активно изучались рабочее движение и материально-бытовое положение рабочих, определенное внимание уделялось реконструкции их «социального облика»: семьи, семейного и материального быта, общественной и культурной жизни. В рамках социально-экономической проблематики рассматривались формирование рабочего класса, условия труда и быта рабочих, решение проблем их досуга, материально-бытовые условия на предприятиях Урала и Южного промышленного района, а также отдельных предприятиях, таких как Воткинский, Ижевский, Казанский пороховой заводы и Казанская Алафузовская фабрика и др. Одновременно проводились изыскания о татарских промышленниках, об их промышленных заведениях. В силу малочисленности мусульман в среде промышленных рабочих, их быт, праздники и религиозные верования, обряды практически не рассматриваются или отражены весьма фрагментарно. Эти работы ценны тем, что воссоздают условия труда и экономического положения многоконфессионального рабочего люда капиталистической России в условиях промышленного производства.

Чрезвычайно важный вклад в изучение материального исламского наследия в Поволжье и Приуралье внесли архитекторы. Исламские культовые памятники в Приуралье в 1950—1960 гг. изучал Б.Г.Калимуллин, им исследована архитектура Караван-сарайской мечети в Оренбурге, ряда культовых памятников в селениях. Затем центр исследований по исламскому культовому зодчеству переместился в Казань. Раскрытию особенностей культовой исламской архитектуры Волго-Камья, историко-географических корней и архитектурно-художественных закономерностей ее формирования согласно историческим этапам развития татарской культуры и татарской нации с момента принятия ислама и до начала XX в. посвящены труды Н.Х.Халитова. Как наследие татарского народного зодчества и составная часть архитектурной культуры народов Среднего Поволжья мечети исследовались Г.Н.Айдаровой-Волковой, как важный элемент архитектурно-пространственной организации селений поволжских татар, а также в плане влияния ислама на развитие татарской архитектуры — Х.Г.Надыровой. Каменные городские мечети в советский период включались в региональные издания, посвященные историко-культурным памятникам старины.

Миграционные процессы среди татар в середине XVIII — начале XX в. в евразийских просторах, историческая демография татар по материалам переписей изучались В.М. Кабузаном, Д.С.Исхаковым и У.Х.Рахматуллиным.

С целью изучения социально-экономической среды обитания членов сельской махалли нами привлекались работы, посвященные отдельным категориям крестьян, и по аграрной истории регионов Российской империи.

В конце 1970 — 1980 гг. анализ «национального вопроса» в городах в отечественной историографии стал производиться по этнокультурной тематике. Ленинградские и московские ученые возглавили это научное направление.

Отказ от классового подхода и привлечение новых источников позволили выявить ранее не замеченные аспекты внутривосточного курса самодержавия и пересмотреть сложившиеся стереотипы.

Приметой постсоветского времени явились бум исламоведческих исследований, нередко сопровождавшийся пересмотром устоявшихся стереотипов, сосредоточение внимания на национальной историографии. Здесь выделяются работы, посвященные истории ислама в России, а среди них — монографии Р.Г.Ланда «Ислам в истории России», А.В.Малашенко «Исламское возрождение в современной России», однако

интересующие нас стороны «исламского вопроса» рассматриваются в них вскользь. В трехтомном исследовании М.А.Батунского посредством анализа трудов ориенталистов и видных представителей русской культуры выстраивается модель эволюции отечественного исламоведения в средние века и Новое время.

Многочисленные конференции и семинары по самым различным аспектам данной тематики сформировали новые направления в отечественном исламоведении.

Наибольшее внимание современных исследователей более всего привлекают государственно-исламские отношения в Российской империи. Наряду с выделением общего и особенного в системе государственного регулирования ислама в последней четверти XVIII — начале XX вв., Д.Ю.Арапов анализирует интеграцию исламского ритуала в Российскую армию.

Анализируя деятельность мусульманских депутатов на I—IV созывах Государственной Думы, их участие в разработке проектов законодательства, касающихся мусульман, Д.М.Усманова в своей монографии указывает преграды в деле распространения исламского ритуала в поликонфессиональной среде, подтверждая разностатусность религий в государстве.

Заметным событием в изучении истории исламских институтов следует признать появление энциклопедических словарей «Ислам на территории бывшей Российской империи» и «Ислам на европейском Востоке», где представлены сжатые сведения по истории мечетей, известных медресе, об общественных деятелях и ученым, праздниках, благотворителях, представителях религиозно-философских школ и др.

Основная часть современных публикаций по исламоведческой тематике локализуется конкретными регионами компактного расселения мусульман. Это, прежде всего, труды, посвященные наследию видных татарских ученых и мыслителей. В них, помимо анализа научного наследия и теологических трудов, в том числе имеющих отношение к совершению религиозного ритуала, освещается их деятельность в качестве имамов и мударрисов. Многочисленные издания последних лет следует сгруппировать по нескольким проблемам: правовое и социально-экономическое положение различных социально-сословных групп мусульман и в целом уммы в регионах, государственно-исламские отношения и религиозная политика царизма в региональном измерении в отношении татар и башкир в XIX — начале XX в., ОМДС и положение вакуффов, общественно-политическая жизнь мусульман, функционирование кадимизма и джадидизма как социокультурных явлений, взаимодействие культур народов Поволжья и Приуралья, функционирование татарских приходов в Российской империи.

Среди них особо хочется выделить монографию Д.Д.Азаматова, посвященную деятельности ОМДС в конце XVIII — XIX в., где целый параграф отведен освещению перипетий интеграции приходских духовных лиц и мечетей в имперское правовое пространство в Оренбургской (Уфимской) губернии.

В кандидатской диссертации А.В.Кобзева, посвященной мусульманам Симбирской губернии, реконструируются особенности социального и религиозного быта региональной уммы, в том числе отношения прихожан с указными муллами, решение общественных дел по устройству мечетей, школ, их содержанию и др.

На рубеже XX — XXI в. появилась серия работ по истории районов и отдельных поселений Татарстана, Башкортостана, Нижегородчины, в которых отслеживается культурно-религиозный уклад общин татар, башкир и мишарей. Достойны внимания истории различных сторон жизнедеятельности мусульманских общин в Санкт-Петербурге, в городах Центральной России Поволжья, Приуралья, Сибири. В них, помимо освещения истории формирования этнического, социального и профессионального состава общин, этнотопографии поселения, уделяется внимание возведению мечетей, функционированию мектебе и медресе, источникам их финансирования, деятельности мулл, повседневной жизни уммы и др. Большим достоинством краеведческих исследований является широкое привлечение и использование неопубликованных письменных

источников, отложившихся в местных архивах и приложение к изданиям, как правило, чертежей мечетей и планов местности возведения исламского храма или селения, фотографий местных духовных лиц и общественных деятелей, мечетей, школ, особняков татар.

В написание краеведческих работ, историй локальных этноконфессиональных общин все больше вовлекаются профессиональные историки, что в целом способствует повышению исследовательского уровня публикаций. Тем не менее следует констатировать наличие имеющихся изъянов, связанных с профессиональной подготовкой авторов, ранее занимавшихся другими научными проблемами, ограниченным кругом используемых источников, слабым знанием эпохи, происходивших в империи событий и «мусульманского вопроса». С учетом единой основы религиозного быта мусульман, а также с целью поднятия исследовательского уровня в данной области исторических знаний, назрела необходимость выработки методологических и методических рекомендаций с обозначением узловых проблем. Комплексный подход при изучении локальных историй позволяет делать обобщения и выстраивать определенную тенденцию в становлении исламского богослужения в империи.

В последние годы появились труды Г.Л.Файзрахманова и Г.Т.Бакиевой, посвященные истории сибирских татар, сельским органам самоуправления, социально-экономическому положению и культурному развитию в дореволюционное время.

В фундаментальных изданиях НИИ теории архитектуры и градостроительства освещаются ключевые аспекты градообразования в России. Книга «Петербург и другие новые российские города XVIII — первой половины XIX веков» важна в плане осмысления трансформации крепостей на окраинах в торгово-промышленные поселения. Во втором издании рассматриваются теоретические вопросы, анализируются функциональные, экономические, социально-технические и идеологические факторы градообразования, феномен торгово-промышленного города, главные тенденции развития отечественной архитектуры и градостроительной концепции, государственная политика в области гражданского и культового зодчества, сюжеты по реализации образцовых, «нормальных» и типовых проектов во второй половине XIX — начале XX вв. Представленный материал позволяет рассматривать правительственный курс в области строительства мечетей концептуально, как часть единого цельного государственного попечения в области общественного и частного строительства, в контексте храмостроительства русской и других христианских церквей. Оба издания широко иллюстрированы планами, проектами сооружений и фотооткрытками с видами и зданиями городских поселений.

В последнее десятилетие активизировалось изучение мусульманских историко-культурных памятников в Татарстане по новой методике, согласно которой, помимо архитектурных параметров и ценности памятника, подробно освещаются его социальная история и значение в жизни местной этноконфессиональной общины.

Изучением татарских торговых колоний в Оренбургском крае и казахской степи плодотворно занимались М.Ф. Рахимкулова и В.З.Галиев. Появилась новая работа Р.Н.Якупова историко-этнографического плана о тептярях.

Существенный вклад в изучение государственно-исламских, православно-исламских отношений, правового положения мусульман вносят исследования зарубежных историков А.Каппелера, А.Рорлиха, Р.Джераси, А.Кефели и др., труды которых отличаются новыми подходами к изучению «исламского вопроса» в России. Ряд аспектов исламо-христианских отношений в Поволжье XVI — XVII в. изучает М.Хамамото.

Наиболее близкие к теме нашей монографии вопросы поднимает в своем труде турецкий ученый И.Мараш. В контексте освещения наследия татарских богословов и татарской интеллигенции Нового времени он специально исследовал эволюцию взглядов видных представителей татарской мусульманской интеллектуальной элиты в вопросе значения хутбы в праздничном исламском богослужении и теологического обоснования

возможности чтения хутбы на татарском языке, а также распространение нововведений в приходах по материалам национальной периодической печати.

Таким образом, в одних исследованиях изучались отдельные стороны исламского богослужения или некоторые элементы и факторы, обеспечившие осуществление исламского ритуала, в других исламская молитва рассматривается как часть явления и нередко в узких хронологических рамках. Если быть более точным, исламское богослужение анализировалось исследователями разных научных дисциплин, при этом явственно обозначилась слабость межкультурных связей. Изучение его как целостного социокультурного явления возможно только при многофакторном подходе. Данная тема еще не являлась самостоятельным предметом изучения. Восполнить данный пробел призван наш научный труд.

Глава II

МЕЧЕТИ В ОБЩЕИМПЕРСКОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

1. Религиозная политика правительства в отношении мусульман во второй половине XVI — первой половине XVIII в.

На территории современной России история ислама делится на два больших этапа. В средневековый период ислам имел статус государственной религии в Волжской Булгарии и Джучиевом Улусе. После распада евразийской державы в XV в. ислам сохранил статус государственной религии в позднесолотоордынских средневековых татарских государствах, а также получил распространение в Тюменском ханстве.

В средние века характерные для мусульманских государств Востока богомольные учреждения были распространены и в северном форпосте ислама в Евразии, в Волжской Булгарии, Золотой Орде и позднесолотоордынских ханствах. Речь идет, прежде всего, о главных городских мечетях — «аль-джамир аль-кабир» (большая великая мечеть), выделявшихся в городском ландшафте своей величиной и монументальностью. В крупных городах существовали «мусала» загородные мечети для молений по годовым религиозным праздникам с большим стечением народа. Они представляли обширную площадь, обнесенную стеной, но крытые постройки в ней были необязательны. Кроме «Аль масжит» («мѣхѣллѣ мѣчете» — по-татарски, пятивременная мечеть — в русскоязычном делопроизводстве), предназначенных для пятикратных ежедневных молений, и «Аль-джами» (по-татарски «комга мѣчете» или «кѣмигъ мѣчете» (соборная мечеть), возводимых для совершения праздничных пятничных молитв, были распространены мечети, исполнявшие различные религиозные потребности: поминальные, мечети-ханака и др. В татарских ханствах функционировали различные культовые сооружения, характерные для средневековых исламских стран: мавзолей, купольные восточные бани и др.

Примеры «джами» мечетей средневековых татарских городов сохранились в городе Булгары — в периферийном административном центре Золотой Орды на Волге. Соборная мечеть здесь была возведена в 40 — 60-е гг. XIII в. и подвергалась неоднократной реконструкции. «Здание имело прямоугольный план размерами 34 г 34 м., с 20 внутренними столбами (по четыре столба в пяти рядах), несущими аркады и деревянную четырехскатную кровлю. К главному северному фасаду примыкали арочный портал входа и высокий минарет, рухнувший в 1841 г.». 24-метровый минарет состоял из верхнего малого и нижнего большого цилиндров и был очень схож с сохранившимся до сегодняшних дней «малым минаретом» (высота 12 м без шатрового завершения, возведен во второй половине XIV в.). По мнению специалистов по средневековой монументальной архитектуры, по облику, материалам кладки и техническим приемам соборная мечеть имела много общего с исламскими культовыми зданиями Закавказья, Крыма, Малой Азии,

Месопотамии, в то же время в ней отразились мотивы, присущие Средней Азии. Поход Федора Пестрого в 1431 г. привел город к гибели.

Одна из «больших соборных мечетей» «среднего по величине золотоордынского города» была обнаружена и раскопана археологами в Нижнем Поволжье, в Водонянском городище. Прямоугольное здание, выстроенное во второй половине XIV в. из рваного кирпича на глиняном растворе, размерами 25 г 36 м, имело вход в северной стене. В северо-восточном углу сохранилась кладка цоколя минарета. Внутреннее пространство мечети было расчленено колоннами на шесть нефов каждый шириной 4 м.

В г.Касимове сохранился только высокий круглый толстый минарет, возведенный, согласно преданию, ханом Касимом (умер в 1469 г.) из неистуканных камней, а новое двухэтажное культовое каменное здание мечети татарами было построено вместо кирпичной обветшалой мечети на основе «высочайшего» повеления 1768 г.

В усадьбах феодальной элиты функционировали также «домовые» мечети, предназначенные для молитвенных собраний членов семьи и хозяйственных работников.

Преобразование Московского государства в Россию началось с экспансии против Казанского ханства. С потерей государственности разрушилась иерархия привилегированного сословия духовных лиц во главе с сеитом, с упразднением государственной идеологии и политической культуры татарских ханств ислам исчез из общественно-политической жизни. Русская власть отняла у духовных лиц, мечетей, мектебов и медресе земельную и иную недвижимость — *вакуфы*. Содержание исламских институтов стало обязанностью местных общин. В ходе военной агрессии и карательных акций русских была разрушена система конфессионального образования татар, исчезли библиотеки, погибла или покинула родные места часть духовенства и т.п. Таким образом, мусульманские институты Поволжья, Приуралья и Западной Сибири выпали из действующей в российском обществе социальной иерархической структуры. Более того, ислам оставался враждебным элементом для официальной идеологии, формируемой православной церковью. Произошло резкое сужение сферы воздействия религии на общество: в Среднем Поволжье мусульмане были насильственно выселены в сельскую местность. Ислам главным образом сохранился в сельском обществе и семье. Произошла деформация исламских институтов, определявших мировоззренческую и социальную структуры уммы.

Во второй половине XVI — XVII вв. успешность миссионерской деятельности церкви зависела от стабильности в стране, административного контроля на окраинах и личных качеств местных архиереев. Христианское просвещение проводилось параллельно с русской колонизацией. Особо необходимо указать на произошедшие в стране политические и общественно-социальные катаклизмы. В данной обстановке первоочередное значение имели соблюдение общественного спокойствия и полноценный сбор налогов. Миссионерская деятельность в Среднем Поволжье, начатая первым казанским архиепископом Гурием и его соратниками Германом и Варсонофием, постепенно захламлялась. В XVII в. крещением были охвачены главным образом мурзы и служилые татары внутренних губерний, что наглядно свидетельствовало о слабости административного контроля над религиозной жизнью новокрещенных и мусульман в регионе.

Потеря национальной государственности наиболее явно проявилась в ликвидации органов политической власти и искусственном прерывании средневековых традиций исламской культуры в городской местности, в том числе монументальном исламском культовом зодчестве. Таким образом, со второй половины XVI в. господствующее место в Среднем Поволжье заняла православно-русская культура, что ознаменовало начало новой эпохи в духовном развитии края.

После падения средневековых татарских государственных образований, кроме Крымского ханства, практически все городские поселения в них превратились в крепости — центры сосредоточения администрации, военной силы новой власти, которая стала

преобразовывать их по привычной модели средневековых русских городов. Коренное население выселялось из городов, здания исламских культовых зданий ликвидировались, интенсивно возводились православные церкви и соборы.

В сельской местности потребность в мечетях «аль-джамир аль-кабир» и «мусала», монументальных культовых зданиях, игравших существенную роль в общественно-политической жизни мусульманского государства, отпала: с потерей государственности исчез социальный заказчик таких культовых зданий. Малочисленность жителей сельского населенного пункта сделала востребованными, главным образом, джами и пятивременные мечети.

Таким образом, в период «гонения ислама», когда татарское население Среднего - Поволжья вынуждено было оставить города и жить в сельской местности, архитектура татарских мечетей утратила многие черты монументальности: «Прежде всего, исчез - градообразующий, масштабный характер их архитектуры, вместе с ним исчезли и монументальные традиции, воплотившиеся в «высшем» типе общегородской Джами».

Еще в золотоордынский период были заложены толерантные взаимоотношения между различными этническими элитами евразийской державы, где мирно сосуществовали различные культуры. Преемственность традиции в этой области позволяла успешно сотрудничать с лояльными к новой власти группами мусульманских феодалов без специального требования непереносимой смены ими вероисповедания. Во второй половине XVI — XVII в. активная интеграция мусульман в российское общество ограничивалась локальной группой уммы, представленной бывшей элитой ханств в лице мурз, а также служилых татар. Правда, с целью разрыва традиционных связей с ясачным мусульманским населением их расселяли на периферии, среди русских, предоставляя на новом месте обитания небольшие поместья и вотчины. Они выступали в качестве военной силы, по мере необходимости использовались в гражданской административной службе и в сфере дипломатических отношений с восточными, мусульманскими странами. При этом в допетровский период и непосредственно в годы правления Петра I именно мурзы и служилые татары в первую очередь подвергались христианизации.

Московское государство, как наследница Золотой Орды, приписывало перешедших к нему на службу татар в служилое сословие, одаривая поместьями и жалованьем. По мере захвата средневековых татарских ханств эта практика была распространена на лояльную часть татарских мурз и расширена за счет вовлечения в служилое сословие представителей коренного ясачного населения как новой социальной опоры на окраине. Превращение Московского государства в Россию сильно не повлияло на государственно-исламские отношения в русских городах и в Касимовском ханстве (упразднена в 1681 г.), в которых функционировали локальные татарские слободы. В XVI — XVII вв. в Юрьеве, Сурожеве, Романове, Ярославле, Касимове, Москве и в ряде городов России с татарским населением функционировали мечети и гробницы местных феодалов.

Татары славились как искусные лучники и непревзойденные мастера конной атаки, во второй половине XVI в. татарские князья и их отряды включались в состав российского войска практически в каждом крупном походе против Ливонии и Великого княжества Литовского, а также участвовали в покорении средневековых татарских государств, в военно-феодальной колонизации новых территорий, возведении крепостей, в том числе в Западной Сибири.

Однако непереносимым условием карьерного роста приближенных к царскому двору феодалов-«инородцев» являлось принятие православия. Мусульманская феодальная элита, интегрирующаяся в русское общество, постепенно теряла свою конфессиональную идентичность, давая начало новому поколению русской аристократии, о татарских корнях которой напоминали лишь фамилии. В этом большая заслуга самодержавно-церковной власти, сумевшей различными методами материального обольщения увеличить православную паству.

Иная картина наблюдалась на окраинах, где в первое время русский элемент был весьма малочисленным и локализовался военно-служилым сословием и монахами, представляющими передовой отряд колонизаторов. В целях безопасности, по средневековой традиции устройства укрепленных поселений, в Среднем Поволжье вокруг крепостей и вдоль берегов крупных рек путем выселения коренного населения создавались свободные пространства в радиусе нескольких или десятков верст, предназначенные для переселенцев из русских регионов.

Правительственным органам и титульному населению со средневековым религиозным менталитетом предстоял длительный путь осмысления нового содержания государства, ставшего полиэтническим образованием. Новые власти нуждались в мусульманах, использовали их в качестве мелких служащих, переводчиков, посредников в управлении многонациональным населением края, торговцев, обеспечивающих укрепление административно-военных центров русских властей продовольствием и другими припасами. Востребованность мусульман создавала предпосылки для лояльного отношения воеводы к исламским институтам.

Мусульмане, стремившиеся сохранить свою конфессиональную идентичность, столкнулись с политикой ассимиляции, создававшей напряженность в исламо-христианском пограничье. В годы усиления воинствующей христианизации жители Татарской слободы Казани становились заложниками такой политики, как это случилось в 1593 г., когда во имя исполнения грамоты царя Федора Ивановича казанским воеводам и дьякам от 18 июля были уничтожены все мечети. Претворение в жизнь царского указа негативно отразилось на исполнении религиозно-обрядовой стороны жизни мусульман.

В царских наказах правителям уездов и городов Среднего Поволжья второй половины XVI — XVII вв. можно выделить три принципиальных момента, характеризующих внутривластный курс русского самодержавия к данному региону — в частности, и к «инородческому» населению Российского государства — в целом.

Первый момент — это установка царского правительства местным властям предупредительно-охранительного, крайне недоверчивого отношения к «инородцам» края. Систематическое повторение подобных предписаний в наказах воеводам указанного периода раскрывает, с одной стороны, проблемы правительственной военно-феодальной колонизации региона. С другой стороны, эти пункты следует воспринимать как следствие отношения местных народностей к новым властям. Военно-полицейская форма управления края уже предполагала строгую охрану городов-крепостей, сбор информации о появившихся «чужих» лицах в местности, требование их явки к местному начальству, тайный сбор информации о возможных «изменах», «погашение» их путем ареста зачинщиков протеста до начала выступления народных масс, разрешение на выезд «инородцев» в другие регионы только с «проезжей грамотой» воевод. Проживание в военно-стратегических объектах окраин представителям коренного населения запрещалось, также ограничивался их доступ на территорию крепости. С целью предупреждения неповиновения местного населения, в частности, чтобы подданные исправно платили налоги и выполняли повинности, власти широко практиковали систему закладов. И в Казани, и в других уездных городах были построены специальные дворы для содержания этих людей. В целях безопасности, в первой половине XVII в. из Москвы последовал запрет «инородцам» заниматься кузнечным и серебряным делом, запрет ввоза в местности их проживания «пансырей и шлемов и сабель и желез стрелных», который сохранил силу закона и во второй половине XVII в.

Второй момент — закрепление за местной администрацией обязанности обращаться с ясачными подданными «с ласкою, а не жесточью», «обид и тесноты не чинить», и строгий запрет на использование насильственных мер, превышение своих полномочий, служебных злоупотреблений, получение взяток в судебных делах, при сборе налогов и т.д. Причем требования корректного отношения к населению можно рассматривать в двух планах.

Первое — к ясачному и посадскому населению. Второе — к служилым людям, в том числе служилым татарам и новокрещеным, стрельцам.

Третий момент — это предписания царского правительства местным властям успешно осуществлять сбор налогов с тяглогового и ясачного «инородческого» населения как можно больше («чтобы казне не было порухи, как можно было прибыльнее»).

Укрепление материальной базы и своего благосостояния во второй половине XVI — XVII вв. было одним из основных направлений деятельности православной церкви в регионе. Этому благоприятствовала и общественно-политическая ситуация в России, в первую очередь тесный союз царского самодержавия с церковью. Правительство создавало для православной церкви, как и для всего пришлого русского населения, по сравнению с центральными районами государства, льготные условия, что выразилось в щедрой раздаче им наиболее доходных и лучших земель и в назначении в первое время большого жалованья священнослужителям. Формирование монастырского землевладения в Среднем Поволжье стало важной частью правительственной военно-феодалной колонизации.

Массовое переселение крестьян на окраины в значительной степени было связано с усилением крепостнических порядков в стране. Крестьянская колонизация Среднего Поволжья особенно усилилась во второй половине XVII в. после Соборного Уложения 1649 г., юридически оформившего крепостное право. Правительство стало жестко преследовать «вольное» переселение, однако эти меры не могли остановить эти побег.

В результате неоднозначных миграционных процессов правительственной военно-феодалной колонизации, в средневожском регионе в 1719 г. численность русских составила примерно 490 тыс. человек. На территории современного Татарстана к середине XVIII столетия русские составили 52% всего населения, татар осталось около 40%, других народностей — 8—10%.

Действия новой администрации по укреплению своей власти и усиление национального и фискального гнета вызывали недовольство народных масс. Ярким проявлением массового протеста стало восстание 1573 года, в котором участвовали марийцы, татары, чувашы, удмурты, башкиры. В 1582 — 1584 гг. в Среднем Поволжье произошел «общий бунт» против миссионерской деятельности властей. В 1592 году население 12 волостей марийцев и татар вышло из повиновения правительства. Национальный, религиозный, социальный гнет царского самодержавия способствовал активному участию коренного населения региона в русском крестьянском восстании под предводительством И.Болотникова, которое продолжалось в крае несколько лет: в 1606 — 1610 гг. Против жесткого налогового гнета правительства в 1616 году сплоченно выступили татарские, чувашские, марийские, удмуртские крестьяне, башкиры. Массовое неповиновение властям охватило огромную территорию: от Сарапула до Муром, и вошло в историю как «Еналеевское восстание». В период крестьянского восстания под предводительством С.Разина в 1670 — 1671 гг. Среднее Поволжье превратилось в один из центральных районов неповиновения властям. С.Разин обещал «инородцам» свободу вероисповедания, и весь край, «ожесточенный насилиями приказных людей, совершаемых иногда под прикрытием религиозной ревности», пришел в сильное волнение. По мнению авторитетного историка русской православной церкви П.Знаменского, «торжество государства над бунтом было вместе и торжеством церкви».

Локальное значение имело просвещение через обучение, хотя устройство при Гурии (1555 — 1567) и Германе (1564 — 1567) в Казани и Свияжске новокрещенских школ стало неординарным явлением в средневековой России.

Причину приостановки миссионерской деятельности в последующем на целых 20 лет историки церкви склонны объяснять быстрой сменой архиепископов (6 человек) и отсутствием у них «ревности своих предшественников и той близости к царю, какою пользовались их предместники, которым царь достаточно способствовал в их святом деле».

Следующая полоса активной миссионерской деятельности православной церкви в крае связана с именем митрополита казанского и астраханского Гермогена (1589 — 1606). Новый архиерей усилил деятельность православной церкви среди мусульман и язычников, лично принимал участие в «христианском просвещении» местных «инородцев». В частности, в феврале 1591 г. Гермоген собрал, согласно источнику, всех новокрещеных Казанского уезда в соборной церкви Пречистой Богородицы г.Казани и несколько дней читал им проповедь. Во время миссионерской работы архиерея новокрещенные открыто заявили ему, что «в православной вере не утвердились», и «скорбят, что от своей веры отстали».

В своем письме царю Федору Ивановичу митрополит давал следующую характеристику «религиозно-нравственному состоянию» новокрещеных: «В Казани и в Казанском и Свияжском уезде новокрещены с татарами и с чувашею и с черемисою и с вотяки вместе и едят и пьют с ними с одного, и к церквам божьим не приходят, и крестов на себе не носят, и в домах своих божьих образов и крестов не держат, и попов в дома свои не призывают и отцев духовных не имеют; и к роженицам попов не зовут, только сам поп, сведав роженицу, приехав даст молитву; и детей своих не крестят, только поп не обличит их; и умерших к церкви хоронити не носят, кладут по старым своим татарским кладбищам; а женихи к невестам по татарскому обычаю приходят, а венчався у церкви и снова венчаются в своих домах попы татарскими; а во все посты и в среде и пятницы скором едят... да и многие скверные татарские обычаи новокрещены держат безстыдно, а крестьянской веры не держатся и не навыкают. Новокрещеные ученья не принимают и от татарских обычаев не отставают, а живут в великом бесстрашии и конечно от христианской веры отстали». Гермоген жаловался и на татар-мусульман: если после взятия Казани в течение 40 лет не было в Татарской слободе мечети, «то ныне учили мечети ставить близко посаду, всего как из лука стрелять». Об исламских храмах вне города ничего сказано не было.

Грамота царя Федора Ивановича казанским воеводам князьям И.М.Воротынскому, А.Н.Вяземскому и дьякам И.Осорьину и П.Карпову от 18 июля 1593 г. последовала как ответ на письмо казанского митрополита. Царский указ примечателен конкретностью мер по усилению православного миссионерства, составлен со знанием местности, где проживали новокрещенные, и в целом этноконфессиональной ситуации в крае. Следует подчеркнуть, что все предусмотренные мероприятия впервые были подчинены одной конечной цели — утверждению в православии новокрещен. Царская грамота пронизана общественной атмосферой средневековой России. Меры, предписанные царем Федором Ивановичем казанским воеводам и дьякам, можно условно разделить на следующие пункты.

1. Произведение переписи всех новокрещеных в пригороде и уезде: выявление их местожительства, численности хозяйства и семьи.

2. Устройство особого новокрещенского прихода путем переселения новокрещеных («служилых и неслужилых торговых и всяких людей») из сельской местности в одну из слобод Казани в среду русских людей, а чтобы «татар близко не было», постройки для них церкви с назначением туда «и попа, и дьякона, и пономаря» и таким образом изолирование их от мусульманского влияния.

3. Проведение мероприятий по переселению, в том числе по принудительному переселению новокрещеных в русскую среду: в местностях, где новокрещенные жили далеко от Казани, «те пашни поотдавать татарам», а их наделять пашенными угодьями близ города, «взяв у татар» или при содействии властей произвести полноценный обмен на земли «дворцовых сел», расположенных близко к городу. Причем все расходы на устройство на новом месте должны были взять на себя новокрещенные. Лиц, не имеющих средств для постройки дома, обязаны были брать на «поруку» соседи-новокрещенные или власти могли заключить в тюрьму.

4. Проведение мероприятий по изоляции православных людей, в том числе новокрещеных, от общения с татарами-мусульманами, немцами, чувашами, марийцами в хозяйственно-бытовом плане: а) запрещение «иноверцам» держать в хозяйстве кабальных православных людей. Если русские крестьяне «служат в невеликих деньгах» у татар и немцев, то их выкупать и «посадить» на государственной пашне; если же они «служат в деньгах», то поменять их на латышей, литовцев, немцев, имеющих у новокрещеных. Предписать («молвили бы») татарам и немцам, чтобы они «русских людей всех поотпускали и впредь русских людей к себе не принимали, и денег им взаймы не давали, а принимали себе и купили литву, и латышей и татару и мордву»; б) запрещение новокрещеным «у себя держать некрещеных татар, марийцев, чуваш и немцев», если они не крестятся, то их отпустить или продать татарам, чувашам, марийцам. Новокрещеные родители, имеющие детей от брака с некрещеными татарами и немцами, обязаны были их крестить; в) новокрещеные обязаны были не общаться с татарами и немцами — и «с одного с ними не ели и пили»; г) новокрещеные обязаны были женить своих детей на русских людях или на православных «инородцах», что означало запрет браков между новокрещеными и мусульманами, язычниками.

5. Установка надзора за религиозной жизнью новокрещеных («веру держали крепко, к церкви ходали и в домах у себя образа держали и на себе кресты носили, и попов в дома свои призывали, и отцов духовных себе имели, и умерших клали у церкви»). С целью изучения основ православия новокрещеные обязаны были ходить к казанскому митрополиту. Для новокрещеных, не желавших слушать духовных отцов, предусматривалось использование репрессивных мер: заключение в тюрьму, пытки, избиение.

6. Уничтожения мусульманских мечетей в г.Казани.

Необходимо подчеркнуть, что выполнение всех вышеуказанных мероприятий впервые возлагалось практически полностью на военные власти.

Данный царский указ имел отчетливую противомусульманскую направленность. В нем достаточно рельефно прослеживаются основные причины кризиса «религиозно-нравственного состояния» новокрещеных. Как видно из документа, борьба с исламом и противостояние язычеству рассматриваются как составная часть христианизации в Среднем Поволжье, изолирование новокрещеных от мусульман и язычников предполагается как необходимое условие для успешного «утверждения» их в христианстве. На основании ходатайства казанского митрополита Гермогена, царское правительство решило навести порядок в деле учета численности новокрещеных. Проблему отсутствия контроля над общественной жизнью этой группы населения, проживавшей в основном в сельской местности, власти пытаются решить путем принудительного переселения новокрещеных с мест обитания в особую слободу с церковью в г. Казани. Причем кампания переселения должна была проводиться за счет самих новокрещеных, что означало существенное ухудшение их материального положения и могло негативно сказаться на реализации самой идеи.

Скудность источников затрудняет ответ на вопрос, насколько полно были реализованы положения царского указа. Однако с достаточной уверенностью можно сказать, что меры, предусмотренные в царской грамоте от 18 июля 1593 г., не ограничились Казанским уездом. Они были приняты как руководство к действию администрациями всех уездов в Среднем Поволжье, входивших в состав Казанской епархии. В соответствии с царской грамотой, в разных местностях проводились некоторые работы по переселению новокрещен в особые слободы или села (населенные пункты, имеющие церкви). В частности, во второй половине 90-х гг. XVI в. при попытке властей выселить новокрещен Курмышского уезда в новопостроенное село Преображенское (Алгаши) новокрещеные «оказались ослушни и чинились сильны». В ответ на их отказ последовал указ о наказании их и высылке на житье с женами и детьми. Появление в Свияжске, Чебоксарах и Козьмодемьянске дворов служилых новокрещен (в основном из чувашей) чувашский

историк В.Д.Димитриев связывает с претворением в жизнь царского указа от 18 июля 1593 г. В этих городах в 1625 г. числилось «3 головы новокрещен и 71 служилый новокрещен».

Если разрушение мечетей не требовало особых усилий, то остальные положения царского указа могли быть реализованы на значительной территории края только при совместных действиях духовных и военных властей. В целом до конца XVI в. претворение в жизнь царской грамоты, видимо, носило локальный характер. Данные Писцовой книги И.Болтина 1602 — 1603 гг. по Казанскому уезду, где зафиксировано значительное число новокрещен, проживающих в селениях совместно с некрещеными, позволяют довольно категорично говорить об этом.

Вследствие малочисленности церквей в крае (в 1679 г. в Казанской епархии насчитывалось всего 284 церкви, значительная часть которых располагалась в городах), дальности расстояния от церквей до населенных пунктов «инородцев», незнания - церковнослужителями татарского языка и основ ислама, отсутствия надлежащего - образования православных духовных лиц, мало понимавших сущность и дух христианства, церковь неспособна была вести полноценную миссионерскую работу среди татарского населения.

Согласно подсчетам Д.М.Макарова по Писцовой книге Казанского уезда 1602 — 1603 гг., семьи новокрещенных составляли 17,2% (200 из 1155). Подавляющее большинство новокрещенных представляли служилые люди (70,5%, или 141 из 201 семьи) и только 29,5% — ясачное население. Получается, что к началу XVII в. в Предкамье приняли православную веру 70,1% служилых и лишь 6% ясачных. Из 141 селения, описанного в Писцовой книге Казанского уезда 1602 — 1603 гг., в 76 проживало служилое и ясачное население, причем в 37 деревнях расселялось по одному служилому человеку, что следует признать как результат целенаправленной деятельности царских чиновников по поселению в селения новокрещенных служилых людей или верстание их из числа ясачного населения. Именно благодаря рассмотрению властью их как своей опоры на окраине, отсутствовала претензия со стороны церкви на мирное сосуществование представителей различных вероисповеданий.

Смутное время стало серьезным испытанием российской государственности, привело к кризису политической власти в стране. Очевидно, в период нестабильности проблемы христианизации отошли на задний план. Как указывал один из исследователей истории русской церкви А.Доброклонский, в допетровской России «христианство с успехом распространяется там и тогда, где и когда гражданская власть усиливается и старается провести христианство в жизнь народа».

По неполным сведениям, в 1615 — 1702 гг. было окрещено почти 600 мусульман, из которых примерно 80% в первой половине XVII в. Большинство новокрещен составляли служилые татары с семьями, проживающими недалеко от Москвы. Среди них встречаются отдельные переселенцы из Турции, Ирана и Ногайской Орды. О крестившихся жителях Среднего Поволжья сведений крайне мало. Архивные исследования М.Хамамото позволяют четко определить регион расселения новокрещен и приоритетные направления христианского просвещения в XVII в. Объектом миссионерского воздействия в указанный период стали татарские мурзы и служилые, привилегированная часть мусульман. Смена их веры стимулировалась не только единовременным одариванием, но и увеличением поместного оклада и денежного жалованья, перспективами карьерного роста.

Ходатайства о крещении подавались в Посольский приказ или воеводам. Приметой политики христианизации второй половины XVI — XVII вв. стали индивидуальный подход самодержавно-церковной власти в интеграции мусульман и проведение акта смены веры с соблюдением процедуры обучения основам веры. Поскольку среди уммы намерение единоверцев сменить веру вызывало сильнейшую антипатию, проявляющуюся в увещаниях и применении насильственных действий родственниками и

односельчанами вплоть до ареста и побоев, он изолировался путем приглашения для увещевания в местный город или Москву, архиерейский дом или ближайший монастырь. Причем нередко использовались и насильственные методы в отношении содержащихся в монастырях мусульман. После крещения они возвращались на родину или устраивались на новом месте.

В XVII в. просвещение «инородцев» Среднего Поволжья через школу отошло на задний план. Отсутствие сведений о деятельности монастырских училищ в Казани, наталкивает на мысль об их закрытии. Видимо, продолжала функционировать только школа в Свяжском Успенском монастыре.

В течение XVII столетия из восьми архиереев, назначенных после 1611 г. в Казанскую епархию, в исторических документах зафиксирована миссионерская деятельность только митрополита Лаврентия (1657 — 1672). В 1659 — 1660 гг. митрополит просил царя Алексея Михайловича передать в его распоряжение Свяжский монастырь для «увещевания инородцев», что и было сделано.

Христианское просвещение в рассматриваемый период не касалось мусульман иностранцев, если они сами не изъявляли желание креститься. Они являлись малочисленной группой мусульман, попадавших в орбиту международных отношений, гарантирующих им свободное отправление религиозных обрядов и открытое регулирование повседневной жизни нормами Шариата, имевших особый статус в поликультурной среде. Речь идет о бухарцах, хивинцах, ташкентцах, персиянах, агрыжцах (лиц, рожденных в Астрахани от браков индийцев с татарами). Этот момент отметил Г.С.Гмелин, внимательно изучавший особенности жизнеустройства мусульман в Астрахани с августа 1769 г. по июнь 1770 г., писавший, что бухарцы «пользовались и пользуются ... еще и ныне такими преимуществами, кои покоренные татары не имеют их вообще».

В сенатском указе от 13 апреля 1744 г. подтверждалось, что проживающим в Астрахани персидским купцам, жители «Бухарского, Гиляндского и Агрыжанского дворов татаров суд и расправу чинить по их закону», что означало устройство религиозного быта по своему усмотрению. Этим же указом Астраханскому губернатору предписывалось «из персидских подданных купцов, которые добровольно пожелают в России селениями своими, для торговых промыслов выезжать принимать «пристойным образом», правда, локализуя их местожительство Астраханью.

Указом от 20 ноября 1769 г. сибирскому губернатору Чичерину было рекомендовано действовать в отношении бухарцев и ташкентцев на основании грамоты Петра I.

Религиозный вопрос в XVIII в. приобрел общероссийское значение. Стремление «иноверцев» добиться реализации своих религиозных прав вызывало противоречивые чувства у правительства, дающего в своей деятельности приоритет в духовной области православия. В Российской империи правовой статус подданных во многом определялся сословной принадлежностью. Мусульмане внутренней России, помимо сибирских татар, были интегрированы в сословную систему (дворянство, купечество, духовенство, мещанство, крестьянство и казачество). Однако в плане вероисповедания сложилась своя иерархия, которой во многом определялись гражданские права подданных в вероисповедальном отношении. Это — православие, другие христианские и нехристианские религии.

Известно, что 11 октября 1703 г. был издан указ, чтобы мечети в г.Тобольске были построены в отдаленности от русских церквей: «А в Тобольске им служилым и захлебным татарам и бухарцам и всяким иноземцам велеть приезжать в приказную палату, и сказать им его царского величества указ, чтобы живучи на старых своих местах, между русскими людьми, близ церквей Божиих, во время божественного пения не кричали и безчинства никакого, также и русским людям никакой препоны и обид не чинили и мечеть свою от церквей Божиих отнесли на дальные места, чтобы никакого крика и пения близ церквей Божиих не было. А будуще они, во време божественной службы, учнут кричать и

смехотворение и безчинство и русским людям какую препону и обиду чинить: и им иноземцам у его царского величества то быть в опале и в казни».

Еще до официального признания открытого существования мечетей в 1744 г. имеется ряд источников о единовременных официальных разрешениях самодержавно-церковной власти отдельным категориям и группам мусульман содержать мечеть.

Архитектура мечетей как общественно-религиозных зданий в той или иной степени подпадала под сферу государственного контроля в приграничном регионе, где возведение мечетей было официально разрешено. В 1704 г. в Приуралье правительство потребовало от мусульман, чтобы они строили мечети по образцу христианских церквей, а религиозные обряды приблизили к православным. А при совершении обрядов, наряду с муллой, должен был присутствовать и поп. За посещение верующими мечети был введен специальный налог. Восстание башкир и татар 1704 — 1711 гг. сыграло решающую роль в отмене этих дискриминационных нововведений самодержавия.

В 1730 г. для укрепления христианским просвещением «иностранцев» была создана «Новокрещенская комиссия», ставшая учреждением, специально занимающимся вопросами внешней миссии. Случаи самовольного возвращения новокрещеных в ислам воспринимались как угроза безопасности русской церкви, как наступление ислама на православную паству, что лишь ожесточало отношение Синода к умме. Именно поэтому с учреждением «Канторы новокрещенских дел» на качественно новом уровне стали решаться вопросы противодействия исламу и защиты новокрещеных от возвращения в мусульманство и язычество. Теперь миссионеры сами выезжали в селения, переводя центр крещения из монастырей и архиерейских дворов в приходские церкви и сельскую местность. Перелом в миссионерском просвещении коренных народов произошел в 1741 г. Если в 1739 и 1740 гг. крестилось соответственно 206 и 308 человек, то в 1741 г. — 9159, 1742 г. — 12 359. В дальнейшем миссионеры весьма успешно расширяли свою деятельность: в 1743 — 1747 гг. в среднем крестилось ежегодно более 43 тыс., в 1748 — 1760 гг. — по 16 тыс. человек.

Христианство впервые начало ассоциироваться не только с русскими, но и вчерашними язычниками, что привело к существенному изменению конфессиональной топографии Среднего Поволжья. Этот момент отмечали и депутаты Уложенной комиссии 1767 — 1768 гг., констатируя, что ранее татары дружно жили со своими соседями: мордвой, чувашами, марийцами, удмуртами, после их крещения духовные власти препятствуют их общению даже в хозяйственном и бытовом отношениях.

Не случайно именно в этот период внимание духовных властей начали привлекать и стали достоянием в правительственных кругах факты миссионерского воздействия мусульман на соседние народы, прежде всего на язычников и новокрещен. Миссия очень скоро назвала исламские институты самым главным и грозным соперником русской церкви в Среднем Поволжье. Поэтому оборотной стороной усиления миссионерского просвещения явилась борьба с исламом. Стало очевидно, что если не русская церковь, то мусульмане поведут за собой многотысячную массу язычников, что должно было придать принципиальный характер противоисламской политике самодержавно-церковной власти. Этот тезис был не беспочвенным. В документах действительно проскальзывают сведения об исламизации язычников и буддистов.

В губернаторском и воеводском наказе 1728 г. предписывалось: «...понеже в Российской империи многие подданные обретаются иноверцы, а именно мордва, чуваша, черемисы, остяки, вотяки, лопари, и иные им подобные, из которых народов не безизвестно есть, что магометане превращают в свою веру и обрезают, чего губернатору и воеводе накрепко смотреть и отнюдь до того не допускать, а ежели явятся такие магометане или другие иноверцы, которые тайно или явно из российских народов в свою веру превратят и обрежут, таких брать и розыскивать и по розыску чинить по вышеописанной Уложенной XXII главе 24 ст., т.е. буде кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством или обманом русского человека к своей вере обрежет, а сыщется про

то допряма: и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия». В 1742 г. начальникам губерний вновь было предписано «всеми удобовозможными способами» разведывать о перешедших в ислам и «сыскивать накрепко, кем и из какой веры или народа в мусульманство перешли и утверждены».

После объезда селений Казанской губернии, руководитель «Конторы новокрещенских дел» архимандрит Дмитрий Сеченов известил в 1741 г. Синод о случаях перехода чувашей в ислам целыми деревнями и строительстве в своих селениях множества «татарских мечетей», а также о существовании в Казани пяти мусульманских богослужебных зданий, о содержании в работниках у жителей Татарской слободы купленных калмыков, также ведущих исламский образ жизни. Со ссылкой на указ от 22 февраля 1735 г. о запрете российским и иностранным подданным инославного вероисповедания вести миссионерскую деятельность (среди российских подданных он просил высшее начальство провести судебное разбирательство над совратителями в ислам и «на страх другим учинить» татарам запрет привлекать в мусульманство других иноверцев, а на чувашей, если не будут креститься, наложить штраф, а новопостроенные в Казани и Казанской и других губерниях мечети сломать «без остатка»: «ибо от таковых магометанского закона абызов в проповеди слова Божия и в призвании ко святому крещению иноверцев находится великий соблазн и препятственное помешательство».

По указу от 11 сентября 1740 г. Синод разрешил до возведения церквей в новокрещенских селениях (из расчета один деревянный храм на каждые 250 дворов) направить по два священника, по одному диакону и по три церковника с назначением казенного жалованья. Они должны были осуществлять контроль над духовной жизнью новокрещен, обучать их детей грамоте и курировать возведение церквей. Христианизация коренных народов в Нижегородской епархии активизировалась после назначения епископом сюда в 1742 г. руководителя «Конторы новокрещенских дел» архимандрита Дмитрия Сеченова. В декабре 1744 г. в Нижегородской губернии, из запланированных 35 деревянных церквей для новокрещенных, было возведено 4, пятая достраивалась.

После появления указов о запрете миссионерской деятельности среди язычников и предоставлении этого права в исключительную компетенцию православной церкви, как совершенно справедливо отмечал Е.А.Малов, мусульмане должны были быть лишены права возводить мечети вблизи языческих киреметей, рядом с язычниками, как потенциальной группы, обязанной в ближайшей перспективе присоединиться к православной пастве. В действительности правительство об этом аспекте исламско-православных отношений говорило мало, потому что в короткий период основная масса язычников записалась христианами.

За весьма короткий период было крещено столько населения, что ни правительство, ни духовная власть не могли обеспечить паству необходимыми религиозными институтами для закрепления впечатляющих результатов единовременного миссионерского просвещения. Как сохранить контроль за религиозным бытом новокрещенных, практически принявших новую веру, польстившись на материальные льготы и еще не освоивших и не знающих основ христианства, когда охватить всех даже теоретически невозможно? Необходимо было создать монополию в области идеологического воздействия на паству. Главным конкурентом на этой стезе выступали мусульмане, проживающие, в силу исторической демографии, в непосредственной близости от новокрещен. Объектом нападений местных духовных и светских властей стали культовые здания в сельских поселениях.

Резюме Е.А.Малова, специально исследовавшего историю татарских мечетей в России, о том, что «Русское правительство не стесняло магометанства; оно только требовало, чтобы магометанство было вдали от христианского города, чтобы мечети не были в соседстве с церквями христианскими», правомерно распространить на период до 1742 г., до появления сенатского указа 19 ноября, согласно которому предписывалось «новопостроенные за запретительными указами мечети» в местах, где проживают

новокрещенные в Казанской, Астраханской, Сибирской и Воронежской губерниях сломать, а в моноконфессиональных селениях татар, подсчитав численность действующих храмов, установив время их постройки, определив расстояние между ними и дворность селений, провести ревизию для определения, какие сломать и какие оставить.

На начальном этапе деятельности «Конторы новокрещенских дел», констатируя невозможность дальнейшего совместного проживания в сельской местности христиан и мусульман, в именном указе 11 сентября 1740 г. было предписано выселять новокрещен в селения русских или «христиан-инородцев», а также выбирать места для их поселения между Саратовом и Царицыном на нерозданных казакам земельных угодьях из расчета устройства 1 тыс. дворов переселенцев и возвести для каждых 250 дворов деревянную церковь. Первоначально планировалась постройка за казенный счет 30 храмов со штатом при каждом по 2 священника, по 1 диакону, по 3 церковника со жалованьем. В указе от 28 сентября 1743 г. отмечалось о нежелании новокрещен Казанской и Нижегородской губерний выселяться на окраины, к тому же 30 церквей были заложены на их прежнем месте жительства.

Приняв во внимание эту тенденцию и уточнение Синода о том, что в некоторых селениях новокрещенные составляют две трети жителей, а татары — одну треть, следовательно, оставление на прежнем местожительстве мусульман приведет к убытку первых, Сенат указом от 28 сентября 1743 г. обязал переселяться их из поликонфессиональных селений некрещеных. Новое правило сохраняло силу закона вплоть до 1755 г.

В XVII в. резко возросла численность мусульманских богослужебных зданий в Приуралье. В первой половине XVIII в. данный регион стал местом массовой миграции татар и других коренных народов Среднего Поволжья, стремящихся создавать на новом месте обитания привычную культурно-бытовую среду. Практически в каждом новом поселении имелись имам и богослужебное здание, что воспринималось как исламизация региона. Совсем не случайно, спустя чуть более года после прибытия сюда Оренбургской экспедиции и начала активной русской колонизации края, 11 февраля 1736 г. появился царский указ, запрещающий здесь постройку новых исламских храмов и конфессиональных школ без разрешения администрации. Следует подчеркнуть, что новый закон не предполагал проведение ревизии законности ранее возведенных храмов, признавая их неприкосновенность. Эта мера стала также ответом на активизацию деятельности мусульманских духовных лиц по укреплению основ шариата в семейно-бытовой жизни башкир, распространению мусульманства среди язычников. Как проявление укрепления позиций ислама был расценен властями разгром мусульманами в ходе восстания 1736 г. 300 поселений новокрещеных. В том же году в Приуралье был зафиксирован первый известный случай разорения властями мечети Азиева. Указом от 11 февраля 1736 г. было объявлено об определении в каждой даруге (административной единице) не более одного ахуна после принятия кандидатом на духовную должность присяги на верность российскому государю. Духовенству запрещалась миссионерская деятельность среди других этноконфессиональных групп.

Ответом на меняющуюся этнодемографическую ситуацию в Приуралье стал сенатский указ от 20 февраля 1744 г. о запрете строительства мечетей близ селений «новокрещенных иноверцев». В условиях приграничной территории, не входившей в орбиту деятельности «Конторы новокрещенских дел», формирование новокрещенских селений в данном регионе происходило главным образом за счет вольного переселения новокрещеных. Местная администрация лишь отслеживала их изолированное расселение отдельно от мусульман. Данный законодательный акт стал производным царского указа Сенату от 19 ноября 1742 г. о запрете строительства мечетей в селениях, где мусульмане живут совместно с русскими и новокрещеными.

Для изолирования новокрещенных от одноплеменников рекомендовалось назначать «служить их в Мензелинске и в строящихся городах вершинах Икских и между Уфой и

Мензелинском». Это предписание для Оренбургского края было актуально и ранее согласно указу от 11 сентября 1740 г. (в случаях нежелания новокрещен переселиться из поликонфессиональных селений в отдельные деревни).

Указом Синода «О принятии Новокрещенскою конторою мер к целесообразному переселению новокрещенных инородцев Уфимской губернии» от 26 июля 1743 г. относительно обеспечения дееспособности устраиваемой властями Новой Московской дороги, соединяющей Оренбург с Казанью, рекомендовалось вдоль тракта, помимо иноверцев, при необходимости селить и новокрещен Уфимского уезда. «Токмо бы их селить особыми слободами и в наилучших местах, дабы новокрещенных ни единого с ними в общежительстве не было и для того, где они будут поселены, построить церковь и все потребное учредить, а как во всем том поступать, тайно проконсультироваться с Новокрещенскою конторою». Если же новокрещенные не пожелают там расселяться, то их предполагалось непременно расселить в одном или двух местах отдельно от мусульман.

Анализ законодательных актов Синода и Сената 1740 — 1760-х гг. позволяет однозначно утверждать, что инициатива о сломе мечетей в поликонфессиональных селениях, где наряду с мечетью функционируют и церкви, была вызвана обращением в Синод руководителя «Конторы новокрещенских дел» от 16 ноября 1741 г., предложившего конкретные меры по усилению миссии, в том числе финансирование строительства еще 30 церквей (из расчета по 300 руб. для каждого деревянного храма с назначением штатов церковнослужителей), обратив внимание правительства на факты функционирования в селениях Среднего Поволжья мечетей и церквей.

Показательно, накануне появления закона от 19 ноября 1742 г., синодальным указом от 10 мая 1742 г. предписывалось архимандриту Дмитрию Сеченову выявить численность некрещеных в Казанской, Нижегородской, Астраханской, Воронежской губерниях, в связи с необходимостью подсчета средств («новокрещенных расходов») для их крещения (!). Указывалось на необходимость немедленного слома незаконно возведенных в Казани пяти мечетей и исламских храмов в селениях чувашей, возбудив уголовные дела против совратителей и оштрафовав перешедших в ислам. Предписывалось также в Казанской, Симбирской, Астраханской и Воронежской губерниях сломать и более не позволять строить татарские мечети, возведенные в мусульманских селениях после запретительных указов рюриковичей, копии которых были востребованы от Казанской губернской канцелярии. (Поскольку других законодательных актов о разрушении мечетей не было обнаружено, именно указ от 18 июля 1593 г. стал основой для мотивации духовной власти о незаконности возведения в православном государстве исламских культовых зданий.) Следует подчеркнуть, что запретительные предписания под пунктами 10 и 11 выступали неотъемлемой частью комплексной программы по усилению и расширению миссионерского просвещения язычников и мусульман в Поволжском регионе.

По царскому указу от 19 ноября 1742 г. о запрете строительства мечетей в селениях, где мусульмане живут совместно с русскими и новокрещеными, произошло массовое уничтожение культовых зданий в Казанской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях. В Казанском уезде Казанской губернии из числа 516 храмов, действовавших практически в каждом селении, были ликвидированы 418 (81%), в Сибирской губернии, в гг.Тобольске, Таре,— 98 из 133 (73,7%), в Астраханской губернии — 29 из 40 (72,5%) богослужебных заведений. В последней из административно-территориальных единиц, по просьбе ее начальника, разрушались только мечети татар — российских подданных, молитвенные здания других этнических групп избежали такой участи.

Статистические сведения в целом подтверждают слова депутатов Уложенной комиссии 1767 г. от служилых мурз и татар Ногайской, Зюрейской, Арской, Алацкой, Галицкой дорог Казанского уезда о том, что ранее они имели «во всякой деревни мечети».

Сильнейшим ударом по экономическому благополучию уммы стал сенатский указ от 28 сентября 1743 г., переложивший собираемые с новокрещен налоги на некрестившуюся часть коренного населения Среднего Поволжья.

Сельские общества вели замкнутое существование, отвечая на усиление эксплуатации, бесчинства местной администрации и попытки вмешательства в их внутреннюю жизнь антиправительственными выступлениями, упорно отстаивая свою конфессиональную идентичность в годы воинствующей христианизации.

Акция упразднения исламских культовых зданий была подготовлена двухвековой миссионерской деятельностью церкви, направленной на учреждение в мусульманских селениях локальных групп новокрещенных, представленных порой одной или несколькими семьями. Указ сыграл роль мины замедленного действия, детонатор которой был запущен самодержавно-церковной властью в самый разгар деятельности «Конторы». Указ от 19 ноября 1742 г. о массовом разрушении всех новопостроенных мечетей, где имеют жительство новокрещенные «иноверцы», стал пролонгированным вариантом синодского указа от 10 мая 1742 г.: разрушение мечетей было поставлено как самозащита церкви от усиления ислама, в борьбе с которой лучшей защитой признавалось нападение.

Именно тогда было нарушено сформировавшееся негласное общественное согласие между уммой и правительством, ранее не вмешивавшим во внутреннюю жизнь сельских обществ. В результате массового слома мечетей, действовавших практически в каждом татарском селении, независимо от численности жителей, умма в Среднем Поволжье оказалась на тропе войны с самодержавной властью.

Духовные власти сильно тревожила не поддающаяся их контролю межконфессиональная ситуация в селениях, в которых проживали новокрещенные, среди которых, в силу издержек кампании массовой христианизации с применением материальных подачек и порой откровенного давления, после отъезда миссионеров проявилась тенденция сохранения прежнего уклада религиозного быта. Поэтому проектированные к возведению храмы со штатом церковно- и священнослужителей были призваны не только удовлетворять «духовные требы», но контролировать религиозное состояние новокрещен.

Однако исламизация коренных народов продолжалась. В 1743 г. достоянием - правительства стал факт принятия ислама 33 чувашами с семьями, всего 260 человек. По сведениям 1744 г., проживающие в Астрахани российские подданные, бухарцы, гилянские, агрыжанские, казанские, юртовские татары приобрели для службы и «переманили» в ислам 634 калмыка (221 м.п. и 413 ж.п.). В 1746 г. было возбуждено уголовное дело по фактам «сращения в ислам» 2 мусульманами-казаками Яицкого городка проживающих совместно калмыков. В 1751 г. выявилась активная деятельность татарского муллы Сеитова из Тары, приезжающего в барабинские степи для утверждения в мусульманстве проживающих здесь язычников, за что барабинцы собирали ему с каждого улуса по 10 или 20 руб. для произношения молитв в течение года.

Массовое уничтожение исламских храмов вызвало петиционную кампанию с жалобами на бесчинства властей и просьбами на восстановление или открытие мечетей. Трезво оценив масштабы содеянного и сложившуюся общественную ситуацию в регионе, правительство на совместном заседании Сената и Синода сочло возможным выработать «правила» — нормативы учреждения новых мечетей, которые на фоне абсолютного запрета должны были выглядеть существенной «льготой» для мусульман. Свои действия власти объясняли международным аспектом религиозного вопроса: «Ежели у них татар все мечети сломать, то из того не иное что последовать может, токмо им, татарам, в их законе оскорбление, и от того б не могло до разглашения дойти в такие места, где между магометанами, в других государствах, живут люди греческого исповедания, и построены божии церкви, и не произошло бы какого тем церквям утеснения, к тому же живущие в России татары магометанского закона приводятся к присяге по их законам в мечетях».

Несмотря на все издержки, указ от 22 июня 1744 г. стал точкой отсчета в налаживании цивилизованных государственно-исламских отношений:

1) Впервые было объявлено об установлении правительственного контроля над исламским храмовым строительством, означавшее юридическое признание одного из самых массовых исламских институтов — мечетей.

2) Был регламентирован порядок их устройства: мечети разрешалось возводить исключительно в моноконфессиональных селениях (а в городах — в отдельно стоящих от посада татарских слободах).

3) Был установлен норматив численности мусульманского прихода, позволяющий жителям обзавестись богослужебным заведением и публично исполнять религиозный ритуал, что было равнозначно признанию автономного существования махалли.

4) Предоставлялась возможность восстановления ранее упраздненных храмов, в случае соблюдения норматива численности прихода от 200 до 300 ревизских душ м.п. и численности новокрещен.

5) Признавались легитимными лишь общественные богослужебные заведения, что означало невозможность в будущем строить «домовые» храмы при учебных заведениях и частные мечети при усадьбах.

6) Разрешалось возводить в селении не более одной мечети, независимо от численности жителей.

От абызов и других выборных мусульманских духовных лиц взамен за предоставленную льготу требовалось: 1) не вовлекать в ислам русских и новокрещен, даже слуг, состоящих в хозяйстве; 2) толерантно относиться к посещающим их селения миссионерам и не препятствовать крещению единоверцев.

Общественная напряженность в Поволжье, усиление фискального гнета мусульман в уездах за счет переложения на них налогового бремени новокрещенных и других факторов обусловили массовое переселение татар в другие регионы, следствием которого явилось уменьшение дворности и численности душ м.п. в поселениях. Поэтому царский указ от 22 июня 1744 г. был направлен на уменьшение численности мечетей.

Таким образом, во второй половине XVI—XVII в. успешность миссионерской деятельности церкви зависела от стабильности в стране, административного контроля на окраине и личных качеств местного архиерея. Христианское просвещение проводилось параллельно с военно-феодальной и мирной русской колонизацией. Особо необходимо указать на общественно-социальные катаклизмы в стране этого времени, прежде всего это годы опричнины 1567—1671 гг., «смуты» конца XVI—XVII в., восстания народных масс, в том числе татар и башкир, происходившие с заметным постоянством и систематичностью. В данной обстановке на первый план выходили соблюдение общественного спокойствия и полноценный сбор налогов.

До 1742 г. амбиции самодержавно-церковной власти ограничивались формированием локальной группы новокрещенных из числа бывшей феодальной элиты и служилых татар, массовое крещение мусульман считалось делом дальней перспективы. Именно малочисленностью, социальной и духовной незащищенностью новокрещенных, которую не могла обеспечить самодержавно-церковная власть, объясняется стремление переселить их в русские селения или образовать отдельные слободы, изолировав от родных и односельчан.

В этот период мечети ликвидировались и мусульмане изгонялись из поселений, где устраивались русские. Данная средневековая традиция означала невозможность организации мусульманского уклада в непосредственной близости от русских. В силу отсутствия средств, нестабильности в стране и внутренних проблем, связанных с русской колонизацией, духовные власти не могли вмешиваться в других местностях в жизнь сельских общин. Христианизация принудительными мерами служилых татар и мурз в период правления Петра I также не нарушила сложившийся баланс отношений, потому что подразумевала локальную группу мусульман.

Активизация миссионерской деятельности в 1740-е гг. первоначально выразилась в запрете постройки мечетей в поселениях совместного проживания мусульман и

новокрещеных. Массовость разрушения исламских культовых зданий была подготовлена христианским просвещением православной церкви со времени учреждения Казанской епархии и привела к широкомасштабному наступлению на ислам в Среднем Поволжье. Юридическим основанием к воинствующей христианизации послужил царский указ от 18 июля 1593 г., оказавшийся единственным законодательным актом о разрушении мусульманских богослужебных заведений. Ликвидация мечетей в 1742 — 1743 гг. производилась под лозунгом защиты новокрещеных от влияния мусульман в рамках политики христианского просвещения. Так было нарушено негласное общественное согласие между уммой и правительством. Массовые жалобы и прошения на восстановление мечетей стали первым сигналом об общественной напряженности в Среднем Поволжье. В такой непростой обстановке правительство указом от 22 сентября 1744 г. пошло на уступки, признав автономность мусульманского прихода и мечетей и выставив свои условия для их функционирования. Дискриминационные меры в отношении исламских институтов на Приуралье не распространялись, до окраины не доходила деятельность «Канторы новокрещенских дел».

2. Общественно-политическая сторона религиозного ритуала в России

После упразднения мечетей в 1742 — 1744 г. татары сохраняли традиционный религиозно-культурный уклад. Официально это удавалось сделать путем возрождения мечети в рамках установленных правительством правил. Основная часть селений вынуждена была проводить молитвенные собрания в частных жилищах, нелегальных мечетях, потому что норматив численности махалли в 200 — 300 ревизских душ м.п. позволял лишь частично восстановить упраздненные ранее исламские храмы. В частности, в 1750-е гг. сибирские татары и бухарцы указывали, что после разорения у них исламских храмов 1743 и 1744 гг. они собираются молиться в юртах. Третья группа мусульман, несмотря на правительственный запрет, стала самовольно возводить общественные религиозные здания. Причем такая тенденция обнаружилась и в поликонфессиональных селениях.

«При ограничении монументального строительства в условиях религиозного притеснения, нелегальные мечети могли строиться в основном из дерева. Опасность их разрушения со стороны русской администрации способствовала выработке в этих условиях типа мобильной, быстро возводимой простой мечети с минимально выраженной религиозной символикой, не привлекавшей внимания приказной администрации и миссионеров. Поэтому такие бросающиеся в глаза признаки мечетей, как высокий минарет, большие размеры, декоративные украшения, сложная планировка, не могли иметь широкого применения... Нелегальная, как бы «катакомбная» мечеть в борьбе за выживание приобрела черты, давшие ей возможность в условиях гонений на ислам сохраниться как архитектурный тип, маскируясь под обычный жилой дом за счет архаизации архитектурной формы и сокращения функционально-эстетической программы. В самом своем простейшем виде, когда условия бытования оказывались на грани возможного, такая мечеть имела вид клетской избы с плоской крышей, без минарета и без выраженного михраба, с приставной лестницей для азана. Только по повороту продольной оси она могла выделяться из жилой застройки, и то незначительно, учитывая кучевую планировку кварталов».

До появления указа от 22 июня 1744 г. о дозволении строить мечети исключительно для общин имели легитимность дворцовые или усадебные мечети служилых татар и мурз, существовавшие еще со времен средневековых татарских государств. Именно при разборе в 1767 г. такой пустующей каменной мечети в татарской слободе г.Касимова, расположенной рядом с усадьбой татарина Балакирева (состоящей из дома и сада), ее новым владельцем Дмитрием Симоновым возник конфликт между нанятыми строителями и хозяином, с одной стороны, и местными мусульманами — с другой. Синод признал

действия владельца недвижимости правомерными, предписав мечеть сломать, а «разобранный кирпич употребить на церковное строение».

Рассмотрев челобитье «всех слободских и уездных служилых мурз и татар» Казанской губернии от 1764 г. об отыскании присланного Петром I казанскому архиерею указа от 19 июня 1722 г. «о неразорении магометанского закона мечетей...», Сенат сделал запрос в Казанскую духовную консисторию о поиске данного законодательного акта, которого среди архивных дел духовного ведомства не оказалось.

Однако в период деятельности «Канторы новокрещенских дел» (1731 — 1764) новый курс самодержавия в отношении мечетей объективно не мог сразу же изменить традиции средневековых методов христианизации, о чем свидетельствует пролонгация этого указания в указе Синода от 12 декабря 1746 г. «О неупотреблении никаких принудительных средств противу иноземцев к восприятию веры греко-российского исповедания». Просьба о запрещении насильственного крещения мусульман прослеживается и в ряде наказов татар, посланных в Екатерининскую законодательную комиссию в 1767 г.

Одной из причин усиления общественной напряженности явились деятельность «Канторы новокрещенских дел» и массовость перехода язычников в ислам. Представление об активной широкомасштабной миссионерской деятельности русской церкви в 1750 — начале 1760-х гг. дает указ Сената от 15 сентября 1760 г. «О воспреещении крестить иноверцев неволею», который Синод направил казанскому епископу Палладию, рязанскому епископу, тобольскому митрополиту и архиереям: нижегородскому — Феофану, вятскому — Варфоломею, тамбовскому — Пахомию и астраханскому — Мефодию.

Назначенный ответственным для организации переселения новокрещен в Казанскую и другие губернии Борис Ярцев в 1744 г. поставил вопрос о возведении в отдаленных от русских сел и деревень часовен за их счет, к которым определить священников и церковных причетников и запретить им брать плату за исполнение обрядов бракосочетания, погребения, «лазаретные деньги». Его инициатива была материализована в указе Синода от 21 декабря 1747 г.

В 1751 г. было построено 22 церкви из 30 намеченных и профинансированных сенатским указом от 28 сентября 1743 г. (общая сумма 4,5 тыс.руб.) и производилось строительство еще 88 в Казанской и Воронежской губерниях. При них для исправления треб и наблюдения за постройкою были назначены 73 священника и 6 церковно-служителей. Помимо этого, было решение о возведении еще 12 церквей в Сибирской и Свияжской провинциях. К 1751 г. в сформированных новокрещенских селениях - Казанской и Оренбургской губерний, расположенных отдельно от русских и мусульманских деревень, действовало 208 церквей, возведенных в большинстве случаев усилиями новокрещен за свой счет. Причем при каждой церкви насчитывалось от 150 до 700 дворов. Указом от 3 июня 1751 г. было предписано устройство материальной базы для содержания приходскому духовенству путем передачи причту пахотной земли и сенных покосов. Помимо этого, по ходатайству «Канторы новокрещенских дел» Синод дал разрешение на постройку в Казанской и Оренбургской губерниях в новокрещенских селениях, независимо от численности приходов, 33 новых деревянных церквей.

Насильственные меры и материальное стимулирование властей кардинальным образом изменили этноконфессиональную топографию Среднего Поволжья. Основная масса бывших язычников: марийцев, чувашей, удмуртов и мордвы, не выдержав административного давления и поддавшись изощренным методам воздействия, записались христианами. На фоне таких впечатляющих успехов ситуация в татарских деревнях была равнозначна поражению православия в противоборстве с исламом: в 1750 г. в Казанской губернии насчитывалось «3451 крещеных и 108 680 некрещеных татар». Среди 70 005 человек, крестившихся в 1750 — 1762 гг., татары составляли 8548 человек, или 12,2%. В 1743 — 1760 гг. приняло православие более 400 тыс. представителей

коренных народов Волго-Уральского региона и Сибири, в том числе более 12 тыс. татар. В результате миссионерской просветительской деятельности русской церкви доля крещеных, по сведениям третьей ревизии, увеличилась примерно до 7,2%.

Таким образом, воинствующая христианизация, миссионерское вторжение в татарскую сельскую общину в 1743 — 1744 гг. серьезно пошатнули традиционный религиозный уклад уммы. В своих ходатайствах мусульмане просили восстановления прежнего положения вещей: разрешения возводить по примеру прежних лет в каждом селении мечети, независимо от численности жителей, а также вывести из деревень новокрещеных. Автономный уклад жизни сельских общин был нарушен и другими правительственными мероприятиями, которые в целом воспринимались уммой как звенья единого процесса, направленного на утрату конфессиональной идентичности, интеграцию татар в российское общество. Религиозное угнетение, вмешательство миссионеров в духовную жизнь уммы, усиление русской колонизации, объявление об установлении правительственного контроля над возведением мечетей в Приуралье и результативная и широкомасштабная деятельность «Канторы новокрещенских дел» в Поволжье, откровенно дискриминационное положение некрещеных по сравнению с новокрещеными, — все это встревожило умму и, как следствие, проявилось в формах активного и пассивного протеста мусульман.

Ислам проповедует сотрудничество мусульман с властью, правителями: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас...».

Между тем у мусульман существуют три мира, территории: «дар уль ислам» — территория ислама, «дар уль харб» — территория войны, «дар уль куфр» — территория неверия. Территория войны — это зона, где происходит столкновение с «дар уль куфр»ом. С ликвидацией национальной государственности мусульмане оказались в «дар уль куфр» — на территории неверия. Приспособление уммы в общероссийское правовое пространство в условиях нового времени обозначило возможные две альтернативы: стремление России к созданию условий для реализации норм религиозных прав мусульман и признание норм шариата или «дар уль харб» — территорию войны. В многочисленных выступлениях народных масс против царского самодержавия во второй половине XVI — середине XVIII в., несомненно, присутствовала религиозная идеология. С началом осуществления широкомасштабной христианизации, усиления фискального и национального гнета и бесчинства местной русской администрации империя, в которой в угоду усилению православия жестоко попирались религиозные права правоверных, для мусульман Европейской части России и Сибири имперское государство превратилось в «дар уль харб» — в территорию войны. До центральных властей доходили сведения о противоправительственных намерениях некоторых татар за насильственное крещение единоверцев.

Ответом на указанные выше правительственные мероприятия стали запланированное на 1748 г., ставшее известным еще до начала, а потому сорванное выступление мусульман Казанской губернии и восстание Батырши 1755 — 1756 гг. Для идеолога татар и башкир Абдуллы Галиева (Батырши) стало очевидным, что самодержавие, не удовлетворяясь лишь сбором налогов со своих подданных, перестав быть гарантом невмешательства во внутренние дела уммы, совместно с духовной властью проводит широкомасштабную кампанию по принудительной христианизации мусульман, которая не ограничится Поволжьем и Сибирью. Своим воззванием Батырша подводил умму к «дар уль харб». Он сделал лозунгом борьбу против неверных, изгнание всех «кяфиров» с территории расселения мусульман и организацию национального государства, защиту ислама и угнетенных народов от самодержавно-церковной власти, от бесчинства и взяточничества русской администрации. Лозунги отвечали насущным потребностям уммы. Более того, Батырша призывал к объединению с казахами, которым русская администрация старалась противопоставить башкир. Восстание должно было начаться на огромной территории:

Среднее Поволжье, Приуралье и Западная Сибирь. Известия об антирусских настроениях среди коренного населения свидетельствовали о том, что откровенно великодержавные действия правительства по национальному и религиозному угнетению мусульман выводят умму «на тропу войны» с самодержавием. Для государственных мужей стало очевидным, что новоявленный идеолог, объединив различные этнические группы мусульман под лозунгом защиты ислама и борьбы против неверных, т.е. христианских чиновников и православного государства, мог вывести огромную территорию в империи из-под контроля царской администрации.

Самодержавие, стремясь предупредить новые антиправительственные выступления, поспешно приняло серию указов, предполагавших существенное ослабление религиозного и социального гнета мусульман. В сентябре 1755 г. были утверждены указы о переводе служилых татар и мурз из Казанской губернской канцелярии в ведение конторы Казанского адмиралтейства и о введении оплаты за ночные работы при заготовке леса из расчета заработанного, включающегося в подушный налог. Согласно второму указу (от 3 сентября 1755 г.), прекращалась практика переселения некрещеных из родного поликонфессионального поселения в другую местность. Жалобы новокрещеных на совместно проживающих с ними мусульман впредь должны были разбираться не архиереями, а светской властью — губернской администрацией. Указом от 28 сентября 1755 г. были отменены взимание с татар-мусульман за счет новокрещеных налогов и набор рекрутов, в 1755 г. на один год ясачное население было даже освобождено от уплаты подушного налога. Не менее важное значение в ослаблении общественной напряженности на местах сыграл перевод в другие епархии казанского епископа Луки Конашевича и сибирского митрополита Сильвестра Гловацкого.

В 1756 г. служилый татарин, поверенный от всех служилых татар и мурз Казанской губернии Якуб Биметев, челобитьем просил Сенат, «чтобы в их татарских больших и малых деревнях, в коих они жительствоуют, а мечетей не построено, повелено было мечети для моления по закону их вновь по-прежнему построить, а находящиеся по малу числу душ, а именно человек от двух до шести, из тех их жительств вывести и поселить с прочими новокрещеными или с русскими».

Указ от 23 августа 1756 г. следует рассматривать в контексте вышеизложенных событий. Этим законодательным актом были, наконец, установлены правила строительства мечетей в поликонфессиональных поселениях Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерний. Строительство мечети запрещалось, если в селении христиане и новокрещеные татары составляли более одной десятой части жителей, если же менее одной десятой, то власти должны были предварительно переселить их в селения, где проживали русские или новокрещеные. Так принципиально был решен вопрос о невозможности соседства в одном селении православного и мусульманского храмов. Если ранее возможность возведения мечетей рассматривалась в контексте опасности для новокрещеных, то теперь в орбиту табу была вовлечена вся паства — все христиане, независимо от этнической принадлежности.

По имеющимся в правительстве в 1756 г. и 1760 г. сведениям, в Казанской губернии насчитывалось 56 поликонфессиональных селений, в которых было расселено 4964 мусульманина и 601 новокрещен (в среднем в каждом селении 88,6 мусульманина и 10,7 новокрещена).

В 1764 г. архиепископ Тобольской епархии обратился в Синод с просьбой о «недозволении татарам селиться и жить совместно с христианами».

Ситуация коренным образом стала меняться со времени вступления на российский престол Екатерины II, осознавшей необходимость регулирования государственно-исламских отношений во благо укрепления самодержавия.

Упразднение в 1764 г. «Конторы новокрещенских дел» положительно повлияло на снятие напряженности. В 1767 г. в Сибири возведение мечетей было отведено на рассмотрение сибирского губернатора. Указом от 20 ноября 1769 г. вновь была

подтверждена передача решения вопросов исламского храмового строительства в Сибири в компетенцию местного губернатора на основании выработанной нормативной базы.

Чаяния мусульман Волго-Уральского региона и Сибири наиболее емко были выражены в письменных требованиях и рекомендациях их депутатов от различных сословий, направленных в Екатерининскую законодательную комиссию 1767 г. Эти требования отражают религиозный уклад и межконфессиональную ситуацию на исламо-христианском пограничье после издания указа от 23 августа 1856 г. и упразднения «Новокрещенской конторы» (1764). От мусульман из разных губерний депутатами было избрано 29 человек, в том числе 24 татарина, трое башкир и два бухарца. Помимо них в списках значатся один старо- и один новокрещеный татарин. Умма делегировала наиболее авторитетных членов, в число делегатов входили 2 муллы, 4 мурзы, 2 старшины и 1 старшинский сын, 2 писаря. Служилых мещеряков Исетской провинции представляли муллы Абдулла Тавышев и Алмугамет Ибрагимов.

Изучив указы депутатов от мусульман, С.Ф.Ташкин верно заметил, что религиозное положение для них «потеряло былую остроту». По большому счету, их прошения сводились к трем моментам. Первое — реанимировать прежнее, до начала массовой христианизации, религиозное положение. Второе — юридически закрепить сложившиеся еще до слома мечетей и введения норматива махалли нормы ислама и религиозные права, возродить традиционный религиозный быт сельских общин, сделав эти нормы обязательными для соблюдения и для администрации, и для православной церкви. Третье — постепенно формировать уравновешенные, цивилизованные отношения между исламом и православием на уровне священнослужителей, в сфере публичного исполнения религиозных ритуалов и повседневной хозяйственно-бытовой жизни, положив конец различного рода дискриминациям при совершении исламского общественного намаза. Они, по сути, сводились к цивилизованному регулированию религиозных прав и заключали в себе следующие положения.

Помимо обращения внимания правительства на свое ущемленное сословно-социальное положение с перспективой его улучшения депутаты были озабочены дискриминацией религиозных прав единоверцев, в поликонфессиональных селениях, фактически ставших заложниками государственно-церковных отношений.

В рамках действующего законодательства они могли воспользоваться предоставленной правительством возможностью публичного устройства религиозного быта только в случае выселения из деревни новокрещеных. Совместное расселение приводило к общественной напряженности, конфликтам между представителями различных конфессиональных групп — именно в этом ключе следует воспринимать их просьбы о формировании моноконфессиональных селений, что свидетельствовало о существовании надзора за религиозной ситуацией со стороны духовной власти.

В частности, служилые татары и мурзы Казанского уезда писали: «Оные новокрещенные и поныне жительствоуют с нами. И где хотя некрещенных в одном селении до двух сот душ находятся, а там же и новокрещенные, — в таких селениях строить нам мечети не допускают. А неже наши татарския есть малыми издревне селениями, и деревня от деревни разстоянием находятся во отдельности, и ежели в одной деревне построить мечеть по числу двухсот душ, то, за таковою дальностию деревня от деревни, по закону нашему богомоления исправлять никак невозможно и весьма отяготительно, ибо в рабочее время принуждены будем лишаться по деревенским работам дневного пропитания». Как видно, их просьбы сводились к прекращению притеснения их в религиозном отношении. Они так же, как и ясачные татары Казанского уезда, просили «дозволить строить мечети в каждом селении, как это было до 1743 г.». Служилые татары, подчиненные Адмиралтейскому ведомству, из Слободского уезда также ходатайствовали о переводе проживающих вместе с ними «в малом числе» новокрещеных в русские или новокрещенные селения, подчеркивая нежелательность соседства с ними не только из-за лишения их возможности возвести мечеть, но в общественном и социально-

экономическом отношении: уплата за них налогов и несение повинностей в период трехлетней льготы за смену веры, безнаказанность новокрещеных за правонарушения, что проявлялось в их явном злоупотреблении своим привилегированным положением.

Наказы свидетельствовали о невыполнении местными властями царского указа от 23 августа 1756 г. о выселении малочисленных новокрещеных из мусульманских селений. Депутаты от служилых татар и мурз Пензенского и Саранского уездов, помимо необходимости возведения в каждой деревни богослужебного заведения со штатом: один мулла и азанчей, просили освободить последних от корабельной работы и от уплаты государственных налогов, намекая на желательность распространения на них привилегированного статуса. Ясачные татары Кунгурского уезда Пермской провинции, указав на наличие у них десяти мечетей (со штатом при каждой: «по одному мулле, дьячков по два, пономарей по одному»), просили, чтобы такой состав был сохранен и в будущем, как и возможность избирать на духовные должности достойных из своей среды; «чтобы дозволяли строить безо всяких запретов, по своему желанию» новые богослужебные заведения.

Сообщая о том, что «разных чинов люди употребляют нам о законе и о пророке нашем, тако-же во время богомоления нашего ругательные слова, и тем причиняют нам крайнюю обиду», депутаты просили выработать закон, предусматривающий наказание в отношении лиц, оскорбляющих религиозные чувства мусульман.

На одном из заседаний Уложенной комиссии депутат от служилых татар Пензенской провинции Аюб Еникеев просил у правительства гарантии, чтобы «мы находились по прежнему в своем магометанском законе и защищаемы были от непристойных и ругательных слов и обид (российского народа) и от новокрещен и от разорения наших мечетей и кладбищ и законных дел, которые по нашему закону разбирать нашим муллам по прежнему».

В «Наказе» Екатерины II Комиссии для написания нового Уложения от 30 июля 1767 г. декларировались гуманистические идеи французских просветителей. В частности, одна из статей (494) «Наказа» декларировала следующее: «В том великом государстве, распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер». Ключевую смысловую нагрузку несет статья 496 «Наказа», раскрывающая суть идеологической основы «просвещенной монархии» Екатерины II: «Гонение на человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестковейные сердца, и отводят их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан». Одновременно предполагалось продолжение христианизации иноверцев («И нет подлинного иного средства, кроме разумного их законов дозволения, православную нашу верою и политикою неотвергаемого, которым бы можно было всех наших овец паки привести к истинному верных стаду»).

Еще в мае 1767 г., делаясь своими впечатлениями от посещения Казани, Екатерина II писала Вольтеру: «В здешнем городе находится двадцать различных народов, которые совершенно не сходны между собою. Надобно, однако ж, дать им такое платье, которое бы годилось для всех. Можно очень найти общие начала, но подробности... и какие подробности! Это почти то же, что сотворить, устроить, сохранить целый мир!».

Указом от 3 марта 1771 г. Синод, на основании обращения Сената, запросил у казанского архиерея Вениамина и тобольского архиерея Варлаама сведения о составе селений, в которых живут новокрещеные, а также о том, есть ли в поликонфессиональных селениях мечети. Примечательно, что в основе любознательности Сената лежало отсутствие в его распоряжении за последние десять лет обращений как от губернаторов, городских канцелярий, так и от самих новокрещен о переселении в другие селения. Оказалось, что вопрос о переселении новокрещен не был предусмотрен и в «Межевой инструкции». Но не это самое главное. Такой перевод становился невозможным, прежде

всего, вследствие установившихся традиций землевладения ясачного сельского населения: земельные угодья крестьянской общины находились в коллективной собственности всех ее членов, независимо от их вероисповедания. Лишение переселенцев их земельных наделов становилось правонарушением. Единственный выход из сложившейся ситуации Сенат видел в обособленном устройстве новокрещен, локализуя их в поликонфессиональных селениях — «особых слободах», чтобы «одни между другими навсегда не мешались» с возложением переустройства на Казанского губернатора. Руководством к действию чиновников должно было стать соблюдение материальных интересов жителей: произвести локальное переселение с наименьшими убытками как для мусульман, так и новокрещен. Обе группы должны были ходить на молитвенные собрания в ближайшие селения, в которых имелись мечеть и храм. Таким образом, была признана возможность совместного расселения христиан и мусульман в одном селении независимо от их численности. Причем право на возведение храма в поликонфессиональном селении сохраняли лишь православные.

В связи с этим вердиктом Сената Синод просил архиереев сообщить: на каком основании и в каких местах живут ныне новокрещенные; имеются ли в поликонфессиональных деревнях мечети, и где именно; не происходят ли из-за совместного проживания «соблазн и соращение» их в ислам, если происходит, то «через что способнее оное отвратить»; какие способы применяются для христианского просвещения мусульман, и оставлять ли вновь крещеных в прежних местах жительства, и не последует ли из-за смены прежнего места жительства им «тягости», а «татарам большого от приведения их в христианскую веру отвращения».

После упразднения в 1764 г. «Канторы» вопросы разбирательства о земельном владении татар, новокрещенных и русских в Закабанье в Казани были переданы на рассмотрение местного начальника губернии с рекомендацией, чтобы «переселенные в ту слободу русские и новокрещенные с ломкою построенных уже ими дворов или по другим каким-либо обстоятельствам до разорения доведены не были, а были бы каждый по справедливости удовлетворены».

Православно-христианское пограничье и контроль православного духовенства вынуждали жителей Старотатарской слободы в Казани продолжать совершать намаз в единственной «весьма малой и ветхой» мечети.

В 1767 г. выдался казанским татарам случай личного обращения к императрице Екатерине II, посетившей Казань. Вняв просьбе мусульман, российская государыня в присутствии казанского губернатора А.Н.Квашнина-Самарина в Казани разрешила постройку двух каменных мечетей. Появление в Казани мечетей вызвало ответную реакцию православных священнослужителей, возбудивших ходатайство о запрете открыть мусульманские храмы для богослужения. Было бы неверно трактовать действия казанского губернатора А.Н.Квашнина-Самарина на основе устного отзыва государыни, разрешившей постройку, и впоследствии сославшегося на статьи 494, 495 и 496 «Наказа данной Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения» 30 июля 1767 г., в которых в целом выражен концептуальный подход императрицы по регулированию государственно-исламских отношений в Российской империи в будущем, ошибкой или незнанием законов.

Возведение в 1771 г. Казани двух мусульманских богослужебных зданий вызвало новый виток напряженности между духовной властью и уммой. Итогом разбирательства межконфессиональной ситуации в Казани стал царский указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам», впервые провозгласивший принцип веротерпимости к исламу в Российской империи.

Регулирование, на первый взгляд, локального, конкретного вопроса одним росчерком пера императрицы было возведено в ранг закона — в принцип взаимоотношений между

государством и исламом, русской церковью и мусульманами. Указ по своей сути сводился к двум пунктам: впредь православным архиереям предписывалось «в дела, касающиеся до всех иноверных вероисповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все в рассмотрение светских команд». А гражданские власти в свою очередь, «должны прилагать, в силу государственных законов, старание, чтоб от того между подданными не могло быть никакого разногласия, а паче б между ими любовь, тишина и согласие царствовали». Если исходить из буквального текста закона, то это означало изолирование православной русской церкви от всякого вмешательства в государственно-исламские отношения и предоставление всей полноты власти местным губернаторам. Половинчатость данного законодательного акта заключалась в том, что в нем не была проведена ревизия ранее изданных «высочайших» указов, которыми до сих пор руководствовалась местная администрация, и не было заявлено об их аннулировании.

Для иллюстрации создавшейся юридической коллизии обратимся к тексту документа. Претензии казанского архиепископа Вениамина носили вполне «законный» характер: архиерей указал, что в Казани «близ благочестивых церквей и в общем жительстве татар и новокрещеных» построены две каменные мечети. Принятый императрицей указ он единовременно проигнорировал, на основании указов ее предшественников: законы от 19 ноября 1742 г., 20 февраля 1744 г., 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. Чтобы сделать указ от 17 июня 1773 г. полноценным законом, необходимо было заявить об их отмене, чего не последовало.

Данный закон сыграл весомую роль в формировании толерантных принципов государственно-исламских отношений. В указе от 17 июня 1773 г. речь шла о возведении исламских храмов в поликонфессиональных поселениях, и ничего не говорилось о нормативе численности христиан (более 1/10), лишаящем мусульман, даже при наличии более 200 — 300 ревизских душ, права на постройку мечети. Этот же закон давал «зеленый свет» устройству религиозного быта в поликонфессиональных поселениях, прежде всего в городской местности, где русские составляли большинство, а мусульмане являлись пришлым элементом.

Церковь подстраивалась под настроение в коридорах власти. В 1770 г. на запрос Юстиц-Коллегии, не имеются ли в Синоде законы «на таких людей, укоторые чрез чинымые побои привлекают и принуждают из лютеранского или тому подобных законов к принятию веры греческого исповедания, и что по тем законам с такими принуждениями чинить повелевается», Синод ответил, что на основании евангелического учения принятие из разных религий в православную греко-российскую вероучение должно осуществляться «по самопроизвольным желаниям, а не по принуждению, а точных о штрафовании принудительной к тому законов по духовной команде нет».

В плане отношений между православием и исламом в России «просвещенный абсолютизм» Екатерины II, с учетом религиозной ментальности русского народа и православной церкви во второй половине XVIII в., вполне оправдал свое название. В данном случае именно правительство выступило в роли силы, стремившейся к установлению правовых, договорных отношений с нехристианской религией. Тем не менее в XIX в. сохранилось неприятие русским политическим сознанием ислама как религии и цивилизованного феномена.

Таким образом, основные принципы и правила строительства мечетей были разработаны до Екатерины II, которая, опираясь на них, объявила в 1773 г. о «свободе вероисповедания». Правила, введенные во время насильственной христианизации в Среднем Поволжье, по сути, определили критерии организации самых массовых общественных религиозных организаций мусульман — махалли (прихода). Они были направлены на ограничение развития исламских институтов.

Крестьянская война под предводительством Е.Пугачева способствовала ослаблению христианского просвещения коренных народов, контроля ситуации в поликонфессиональных селениях. Реализация толерантного курса начала осуществляться

после подавления Крестьянской войны 1773 — 1775 гг., для принимавших участие в ней мусульман «исламский вопрос», право на свободу вероисповедания играли немаловажную роль.

В 1782 г. «Уставом Благочинного или полиции» императрица возложила на местную полицию контроль за сооружением зданий молитвенных собраний в городах европейской части России. Признание ислама означало необходимость создания нормативной правовой базы для регулирования стабильных государственно-церковных отношений. В этом плане весьма кстати оказался опыт взаимоотношений местной администрации и институтов ислама в Приуралье, а также цивилизованного регулирования религиозного вопроса во вновь присоединенном к России Крымском ханстве, подданные которого также исповедовали ислам.

К слову сказать, необходимость создания условий для интегрирования крымско-татарской феодальной верхушки в структуры российской империи позволила реабилитироваться части представителей татарской феодальной элиты, приписанных в 1724 г. к податному сословию благодаря указу от 22 февраля 1784 г. «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства». Царским же указом от 1 ноября 1783 г. генерал-губернатору фельдмаршалу князю Г.А.Потемкину разрешалось брать на военную службу и награждать офицерскими чинами «татарских мурз и князей».

В 1783 г. правительство принципиально высказалось за назначение духовных лиц из числа исключительно российских подданных. В именном указе от 28 января 1783 г., данном рязанскому и тамбовскому генерал-губернатору «о доставлении поданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов», говорилось о «неудобности выписывать» ахунов из Бухарии или другой «чужей земли». Речь шла о наиболее ученых духовных лицах, в которых остро нуждалась в тот период российская умма в силу начального этапа возрождения исламского образования в империи. Правительство также корректно изолировало высшее мусульманское духовенство от включения в состав Нижней (уездный сословный суд первой инстанции для непомещичьих крестьян) и Верхней расправ (губернский сословный суд для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел государственных, экономических, дворцовых крестьян и однодворцев), уравнивая в этом плане их возможность избрания на вышеуказанные учреждения с другими местными жителями. Этим же указом Екатерина II подтвердила сохранение прежнего норматива устройства махалли, подчеркнув необходимость контроля за возведением мечетей «без надобности в тягость их (мусульманам.— *И.З.*) собственную умножаемую были».

В «Городовом положении» 1785 г. заявлялось о разрешении «иноверцам», иностранцам, «свободное отравление веры..., моля творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи Российской».

Проблему организации специального религиозного управления по духовным делам невозможно вычленив из внешнеполитической деятельности самодержавия. Екатерина II, по достоинству оценив благосклонное и верноподданное отношение мусульман Среднего Поволжья, установившееся в знак их благодарности правительству за толерантный внутривластный курс, стала использовать исламские институты в качестве инструмента для установления добрососедских отношений с казахами Младшего и Среднего жузов, которые со второй трети XVIII в. считались номинальными подданными империи. Государственный контроль был направлен на назначение преданных самодержавию «татарских мулл» к казахским султанам. Этим обстоятельством было вызвано учреждение в 1768 г. при Пограничной экспедиции должности казахского ахуна, на которую был назначен будущий муфтий Мухамеджан Хусаинов. В том же году он был наречен званием первого ахуна.

В ходе Русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. Османское правительство попыталось вовлечь в борьбу с Россией среднеазиатские ханства и казахские жузы. В частности,

приграничная администрация перехватила письмо из Турции в Бухарию, в котором сообщалось о скором отправлении туда паши с большими подарками. Помимо оригинала этого письма, высланного А.О.Игельстромом, Екатерина II получила аналогичную информацию из Ирана. Эти сообщения вызвали серьезную обеспокоенность правительства. Еще свежи были в памяти воспоминания о суматохе в правительственных кругах, вызванной Крестьянской войной под предводительством Е.Пугачева в Волго-Уральском регионе, движущей силой которой выступили коренные народы. В ответ на свое донесение барон А.О.Игельстром получил секретное предписание от 11 сентября 1887 г. о «самоприлежном надзирании» над обитающими во вверенных ему губерниях «иноверными народами» для удержания их от вредных, антиправительственных воздействий, клонящих к волнениям. Аналогичные предписания были направлены казанскому губернатору князю Мещерскому, некоторым начальникам губерний, что свидетельствовало об оценке Екатериной II неприятной для себя новости как общеимперской угрозы. Было чего бояться: во многих местностях функционировали мечети во главе с муллами и абызами, которые не зависели от правительственных учреждений и вели вполне самостоятельную деятельность. Для исполнения указаний из столицы барон А.О.Игельстром направил своих подчиненных в расправы для инструктажа местных начальников на случай появления в местности бухарцев с целью препятствования их замыслам.

Возвратившись из командировки, во время обсуждения мер против проповеднической деятельности бухарцев, авторитет которых среди российских мусульман был непре-рекаем, советник Уфимского наместнического правления Д.Б.Мертваго (1787 — 1797) предложил проект о создании специального правительственного органа по контролю над духовенством, чтобы лояльные к устоям империи муллы «противодействовали проникновению антиправительственной проповеди» в среду российских подданных. Таким образом, идея о Духовном собрании возникла как противодействие внешней идеологической угрозе со стороны соседних мусульманских государств. При этом чиновники, несомненно, подразумевали модель государственно-исламских отношений, действующую в Османском государстве. Известно, что авторы проекта Д.Б.Мертваго и барон А.О.Игельстром находились после присоединения в 1783 г. Крымского ханства к России некоторое время по служебным делам в Турции. Поэтому царские указы от 22 сентября 1788 г. об учреждении специального правительственного органа для мусульман и должности муфтия (на которую назначались российские подданные) «над всеми обитающими в России магометанского закона людьми» (за исключением Таврической области) правомерно оценивать как контрмеру по изолированию уммы от воздействия эмиссаров соседних исламских государств.

В проекте «Положения о Духовном магометанском собрании», не получившем силу закона, довольно подробно регламентированы полномочия вновь учреждаемого религиозного управления и регулирование локальных вопросов в местной умме. В частности, его обязанности состояли «не только в одном чинении определяемым вновь духовным магометанского закона чинам испытанию (автор явно полемизирует с лицом, давшим ему указание относительно ключевых положений проекта. — *И.З.*), но также в том, чтобы разбирать и решать дела до духовной части магометанского закона принадлежащие, как то: «до обрезания, бракосочетания, разводов и мечетного служения, простирая всемерные наблюдения на то, чтоб в производстве всего онаго не вкралось суеверие и другие злоупотребления, не могущие быть терпимы». Таким образом, предполагалось установление контроля практически над всеми сторонами - жизнедеятельности уммы, а не только над действиями местных духовных лиц. В то же время вопросы определения наказания за «противошариатские проступки» изымались из компетенции Духовного собрания, которое должно было ограничиться «наставлениями и увещеваниями».

До учреждения ОМДС в Оренбургском крае ахуны экзаменовали будущих духовных лиц на предмет знания основ ислама и решали: позволять или не позволять им проводить пятничную полуденную молитву. Они также участвовали в разрешении постройки новых мечетей. Учитывался введенный в 1736 г. в Приуралье порядок строительства мечетей: «Всякий, мечеть построить желающий, чтоб просил на то позволение в Духовном магометанского закона собрании, а оное, рассматривая его жалобу и обстоятельства, оную оправдывающие, представило бы о том наместническому правлению». Духовное собрание призвано было наблюдать, чтобы при мечетях «излишних» духовных лиц не было, чтобы они самовольно не присваивали себе духовного звания, чтобы из числа духовных лиц были исключены «ученые, которые... называются улемами». В его компетенцию передавались действующие и предполагаемые к открытию школы с тем, чтобы Духовное собрание «имело смотрение над производством преподаваемого в них учения». Учителями могли служить исключительно прошедшие испытание в Духовном собрании благонадежные в политическом плане духовные лица, школы учреждались только «при мечетях» также исключительно с разрешения религиозного управления. Оно требовало и ежемесячно собирало со всех школ «за подписанием учителей имянные списки с означением в оных, кто чему обучается» с последующим представлением информации местной администрации.

Императрица свела представленный проект к организации системы по назначению мусульманских духовных лиц, разрешив таким путем злободневную общественно-политическую проблему. Таким образом, регулирование исламского вопроса, начавшееся с юго-восточных окраин, стало составной частью внешнеполитической деятельности империи. Создание Духовного собрания явилось не самоцелью, а изначально стало инструментом формирования лояльных к устоям империи групп духовных лиц из числа российских подданных. Они призваны были противодействовать проникновению в российскую умму антиправительственной исламской идеологии из Османского государства и среднеазиатских ханств. Самодержавие, учредив Духовное собрание, признало (вслед за мечетями, в 1744 г.) приходское мусульманское духовенство европейской части России и Сибири, став на путь сотрудничества, тем самым начав комплектовать в соответствии с существующими в регионе условиями этой группы своих подданных как своеобразного сословия, нацеливаясь в перспективе на привлечение мулл к исполнению ряда административных функций. При вступлении в должность, в присутствии имама и представителя местной власти, духовное лицо произносило с Кораном в руках «Клятвенное обещание» на верность российскому престолу, содержание которого соответствовало тексту «Клятвенного обещания» лица, вступающего в чиновничью должность. В этой связи на основе анализа содержания записей приходских духовных лиц Казанской губернии о российских монархах конца XVIII — начала XIX в. Г.Рахим тонко подметил, что в освещении событий ими, начиная от правления Екатерины II, веет духом примиренчества с правительством: вместо «русских ханов» императоры именуются не иначе как «нашим государем» (шахыбыз), Екатерина II — «нашей бабушкой», подробно перечисляются годы рождения и смерти каждого представителя дома Романовых.

Легализация приходских духовных лиц означала завершение официального признания российским законодательством махалли как массовой социокультурной ячейки уммы. Регулирование прав и обязанностей духовных лиц и прихожан по организации религиозно-духовной жизни, по устройству общественной молитвы в традиционной общине произошло в XIX в. Оно шло одновременно с расширением компетенции ОМДС по управлению духовными делами мусульман. Так происходили адаптирование исламских институтов в общеимперском правовом пространстве, определение черты дозволенности применения норм шариата в российской умме.

Вследствие появившихся слухов о насильственном крещении, сильно взволновавших мусульман, Синод издал в 1789 г. указ, запрещающий посылать в иноверческие селения

православных проповедников. На запрос Синода о возобновлении христианского просвещения Сенат в 1799 г. ответил отказом, поэтому миссионерские обязанности были возложены на приходское духовенство, не знающее языки коренных народов региона.

Большинство вопросов, предусмотренных для передачи на рассмотрение вновь учреждаемого религиозного управления, согласно рассмотренному выше проекту «Положения о Духовном магометанском собрании», в XIX в. оказались в его компетенции. В соответствии с указом от 8 апреля 1801 г. до рассмотрения ходатайств о постройке мечетей и организации общественного богослужения губернское начальство должно было предварительно получить заключение Духовного собрания.

С изданием закона от 8 апреля 1802 г. «О непреступлении губернаторами пределов власти, назначенных законами» были учреждены коллегиальные органы — губернские правления, которые и стали рассматривать вопросы назначения духовных лиц и др. Их постановления получали силу закона с момента утверждения начальником губернии. Во второй половине XIX в. участие религиозного управления порой игнорировалось местной властью. На основании уведомления Духовного собрания о нарушениях данного законоположения некоторыми местными органами власти министр внутренних дел циркуляром от 5 апреля 1891 г. за № 1913 предписал начальникам губерний прекратить практику разрешения возведения мечетей непосредственно губернскими правлениями без согласования с ОМДС. Решение силового ведомства для ряда губернских правлений так и осталось лишь пожеланием.

Регламентация управления уммой внутренней России в XIX в. связана с систематизацией религиозных дел крымских татар. В 1801 г. во время пребывания в Санкт-Петербурге таврический муфтий Сеит Мегмет обратился со «всеподданнейшим» прошением об учреждении особого духовного сословия и организации учрежденного царским указом в 1794 г. Духовного правления. При учреждении управления Александр I рескриптом от 14 ноября 1802 г. на имя председателя «Особой в Крыму комиссии для разбора споров о землях» сенатора Лопухина поставил перед чиновником задачу выяснить следующие обстоятельства: «Есть ли необходимость в умножении магометанского духовенства в Крыму, какие можно назначить ему выгоды, судя по тем, кои оно уже имеет, каким образом удобнее может быть устроено сие состояние вообще и на каких правилах будет сходственнее учредить его правление». Рекомендовалось также руководствоваться указом 1788 г. «для Оренбургского и Казанского магометанского духовенства».

Представленный в 1806 г. сенатором Лопухиным по согласованию с местной духовной властью проект реформы сперва не был поддержан МВД, затем и Главным управлением духовными делами иностранных исповеданий. Устройство административного управления исламскими институтами в Таврической губернии откладывалось по разным причинам до конца первой трети XIX в. Однако в силу отсутствия других законодательных актов для руководства муфтий в ряде случаев в своих действиях руководствовался этим документом.

Именно поэтому «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» от 23 декабря 1831 г. представляло собой не столько положение об исламских институтах в Крыму, сколько систематический свод всех изданных до этого времени постановлений правительства, касающихся мусульман в Российской империи. Такое значение придавал документу его составитель статс-секретарь Блудов. В своей пояснительной записке к «Своду законов Российской империи», представленной в Государственный Совет, руководитель II отделения Его Императорского Величества указывал, что «при начертании онаго имелось главною целью установить общие, по возможности полные, по делам магометан правила с существовавшими в то время узаконениями и утвержденными временем обычаями не только Таврических, но и других магометан, подданных России, с тем, чтобы, во 1-х, распространением на Тавриду законов, коим следует магометанство других губерний, привести дела всего исповедания

ее в надлежащее единообразие во всей империи и, во 2-х, собранием в одно целое выходявших по разным случаям и разъясненных в разных указах делах постановлений о магометанском духовенстве облегчить действия правительства и местного начальства, которое, теряя из виду означенные узаконения, затруднялось в своих распоряжениях или же допускало такие, кои с оными были не согласны».

Данное положение можно правомерно назвать первым опытом составления свода законов по регулированию жизнедеятельности исламских институтов. При составлении «Свода законов Российской империи» в начале 1832 г. многие статьи данного документа «перекочевали» в устав духовных дел мусульман округа ОМДС.

В период правления Александра I контроль над деятельностью неправославных конфессий, «рассеянный» по разным учреждениям, сосредоточивается в особом высшем государственном органе — Главном управлении духовных дел иностранных исповеданий (1810), подчиненном МВД. С 1817 г. оно вошло в состав вновь образованного Министерства духовных дел и народного просвещения, которому стали подведомственны все религии в государстве. При его реорганизации в 1824 г. в самостоятельное ведомство, наряду с Синодом и МНП, выделилось в Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. В 1832 г. учреждение было понижено в статусе и преобразовано в ДДДИИ МВД. Заведование департаментом окончательно закрепилось за силовым министерством после его кратковременного существования (1880 — 1881) в качестве самостоятельного министерства под управлением Л.С.Макарова.

Доктрина «идеальной монархии» была воплощена в сформулированной в 1832 — 1833 гг. графом С.С.Уваровым теории «официальной народности», выраженной в триединой формуле: «самодержавие — православие — народность», ставшей стержнем имперской идеологии вплоть до падения самодержавия.

Исключительное положение православной церкви в государстве и специфика «веротерпимости» в России, как правило, самым непосредственным образом отражались на реализации религиозных прав татар-мусульман. В царском указе от 31 мая 1829 г., ознаменовавшем начало «образцового проектирования» исламских храмов, были перечислены основные требования относительно возведения мечетей в империи. Назывались: действующий норматив мусульманского прихода; возможность сооружения в селении не более одной мечети независимо от численности жителей (закон от 2 августа 1770 г. подтвердил запрет на строительство исламских храмов без учета численности прихода); констатировалось (со ссылкой на законы от 2 ноября 1844 г. и 23 августа 1756 г.), что строение мечетей «допускается там, где нет никакого препятствия в оном по собранным сведениям в рассуждения христиан русских или новокрещеных татар. Главное управление не упускает из виду сих указов для охранения христиан и крещеных татар от соблазна в вере. Но местное губернское начальство при исполнении оных должно, однако ж, принимать в соображение и объявленное в указе от 29 мая (17 июня) 1773 года Высочайшее повеление о терпимости, охраняемое все веры в России». С одной стороны, вопросы возведения исламских культовых зданий должны были решаться без вмешательства православной церкви, с другой — с учетом возможного соблазна в вере для православных в случае постройки в поликонфессиональном селении мечети священники должны были сказать свое веское слово. Буквально получалось, что степень «опасности соблазна» должна была определять гражданская власть.

Новое поколение либерально настроенных чиновников, составителей «Свода законов Российской империи», первоначально игнорировало указ от 23 августа 1756 г. (о запрете строить мечеть, если в поселении новокрещенные составляли более одной десятой части жителей). Видимо, учитывались и факты существования в поликонфессиональных поселениях мечетей.

Впервые этот законодательный акт был принят во внимание в «Уставе строительном» издания 1857 г. Результатом редактирования данного дискриминационного положения в духе толерантности явилась статья о возможности возведения новой мечети в случае, если

из-за нее не могло «произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещеных татар». (Составители «Свода законов Российской империи» сделали ссылку на царские указы от 19 ноября 1742 г. и 23 августа 1756 г.) Таким образом, закон предполагал возможность возведения исламского храма в поликонфессиональной деревне независимо от численности христиан и новокрещеных татар.

Следует отметить, что в законе не был точно прописан механизм выявления степени «опасности соблазна в вере». Не оговаривалось, кто именно определяет возможность и степень такого соблазна для православного населения вследствие постройки в поселении исламского культового здания. Администрация имела полномочия для самостоятельного определения межконфессиональной ситуации на подведомственной ей территории. Забота о государственной религии и православном населении являлась первейшей обязанностью начальника губернии. Подведомственная ему полиция контролировала все аспекты религиозно-духовной жизни российских подданных и особенно ревниво следила за титульным населением. Ей предоставлялось по закону и право определения «степени насущной необходимости» исламского богослужебного здания для вновь организуемой махалли. Закон гласил: «Губернаторы, по просьбам и требованиям приходов или приходских чинов о дозволении построить новую мечеть или еврейскую синагогу, сначала удостоверяются в точной, на основании законов необходимости того и разрешают постройки не иначе, как по изданным на сей предмет особнным правилам». Местная администрация выступала в качестве решающей инстанции в вопросе возведения исламских богослужебных зданий.

Законы предписывали миролюбивое и уважительное отношение «инославных» и «иноверных» религий друг к другу. Строго воспрещался лицам разных исповеданий начинать «ссоры или распри» по разным религиозным вопросам, «чинить брань» чужого вероисповедания.

Роль церкви в формировании внутриполитического курса самодержавия и ее идеологической подпитки существенно выросла. В этом контексте, из буквального смысла статьи 262 «Устава строительного» можно сделать вывод, что речь в ней шла о защите религиозных прав православного населения, которая вверялась гражданской власти, и не более того. Поэтому нововведение 1857 г. следует рассматривать как отражение одного из охранительных законоположений, способствующих сохранению и возвеличиванию государственной религии Российской империи. Интересы господствующей религии должны были соблюдаться в поликонфессиональных поселениях. В XIX в. в отношении иностранных исповеданий Синод «являлся органом правительственной власти». Как совершенно справедливо подметила С.И.Алексеева, «в пореформенный период дела департамента иностранных исповеданий по-прежнему были распределены между тремя ведомствами: Министерством внутренних дел, Министерством народного просвещения и Синодом».

Следует признать отсутствие четкого порядка в «выявлении опасности» соблазна. Включение идеи «свободы вероисповедания» в «Основные государственные законы», которыми непосредственно руководствовались губернские власти, предоставляло администрации возможность различного толкования указанной статьи «Устава строительного». Конкретная реализация закона из области юриспруденции переходила в сферу политической конъюнктуры. В начале XX в., под воздействием происходивших в стране демократических преобразований, в регионах выработались различные подходы: часть губернских правлений самостоятельно, через уездные полицейские управления, устанавливала «степень соблазна» для православных в случае постройки мечети.

Охрана интересов господствующей церкви являлась одной из ключевых моментов в длинном списке должностных обязанностей местной коронной администрации. В частности, главному административно-полицейскому чиновнику в губернии предписывалось следующее: «Губернаторы обязаны во всяком случае и всю предоставленную им властью содействовать православному духовному начальству в

охранении прав Церкви и незыблемость самой веры, наблюдая тщательно, чтобы ереси, расколы и др., предрассудком и невежеством порождаемы между жителями вверенной вам губернии, и чтоб, для отвращения сего зла и производимых оным соблазном, были употребляемые благовременно все предписанные общими установлениями и особыми высочайшими повелениями меры».

Православная церковь участвовала и в инославном храмовом строительстве. При рассмотрении вопроса о возведении христианской церкви местные власти обязаны были предварительно согласовывать его с епархиальным руководством на предмет отсутствия каких-либо препятствий с православно-церковной точки зрения, и затем представить материалы с изложением своего мнения в ДДДИИ для принятия решения. В случае несовпадения взглядов местных духовных и светских властей МВД становилось третейским судьей. Этот порядок был изменен законом от 6 января 1862 г.. Гражданская власть единолично стала рассматривать и решать вопросы инославного храмостроительства. Однако стараниями влиятельного обер-прокурора Синода К.П.Победоносцева, по «высочайшему» повелению от 10 октября 1885 г. прежний порядок был восстановлен полностью. Поскольку по градации прав конфессий «иноверные» религии стояли ниже, чем «инославные», получалось, если уж Синод и местные епархии контролировали возведение христианских церквей, то согласование вопроса о постройке мечети представлялось как бы в порядке вещей.

«Высочайше» утвержденным мнением Государственного Совета от 15 декабря 1886 г. был установлен новый норматив строительства мечетей — 200 наличных душ м.п. вместо 200 ревизских душ. Показательно, что, обсуждая проблему пересмотра нормативов строительства мечетей и молитвенных домов (ст.261 «Устава строительного»), Государственный Совет предварительно высказал следующее соображение: «Законодательно эта мера, не противореча преследуемой законом цели, вполне отвечала бы одушевляющему правительству намерению — обеспечить иноверцам, проживающим в империи, возможность, без ущерба для господствующей православной церкви, свободу в удовлетворении их духовных нужд. Осуществление сего не должно сопровождаться какими-либо неблагоприятными для охранения православия последствиями... Строительство молитвенных домов, независимо от требуемого для сооружения их числа прихожан, допускается только в том случае, если от этого не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещеных татар. Таким образом, достоинство и право христианской церкви оказываются, по отношению к обсуждаемому предмету, достаточно огражденными законом».

Закон от 15 декабря 1886 г. духовной властью был воспринят как «сохранение» участия православной церкви в вопросах строительства новых мечетей или образования нового мусульманского прихода. Такое же понимание было характерно и для большинства начальников губерний.

Примечательно, что в общеимперском законодательстве не было отрегулировано минимально возможное расстояние между мусульманским и православным храмами. Данный феномен был вызван не только расселением основной массы татар и башкир в сельской местности. Царские указы 1740 — 1750 гг., нацеленные на сельскую местность, изначально принимали как данность невозможность размещения православных и мусульманских храмов в одном поселении. Поэтому поиски чиновниками ответа на вопрос о возможном расстоянии между православным и нехристианским культовыми зданиями были «разрешены» царским указом от 23 августа 1756 г. Пробел в законодательстве относительно четкого расписания требований строительства мечетей в городской местности означал также представление этих вопросов на рассмотрение местной (гражданской и духовной) власти. В начале XX в. в МВД вопрос рассматривался в том смысле, что «закон вообще не допускает устройства нехристианских духовных учреждений вблизи православных храмов».

Расстояние между православным и нехристианским храмами было оговорено только в отношении синагог в черте проживания евреев. Поскольку в градации конфессий в Российской империи иудаизм вместе с исламом был приписан к «иноверной» группе религий, «внутренний критерий» для чиновников, решающих эти дела, был не менее установленного законом расстояния. С 1835 г. синагоги и еврейские школы могли открываться на одной и той же площади или улице с православной церковью не ближе 100 саженей, через улицу (на другой улице) — не ближе 50 саженей.

Особое межведомственное совещание 1914 г (30 апреля — 16 мая) приняло положение о распространении правил постройки еврейских синагог и молитвенных школ на вновь возводимые мечети в России. Впредь строящиеся новые мечети на одной улице или площади с православными церквями могли располагаться на расстоянии не ближе 100 саж., а на другой же улице от церкви — не ближе 50 саж.

Законотворчество по управлению исламскими институтами в целом было лишено системности и целостного подхода. В середине XIX в. правительство признало необходимость выработки новой системы управления духовными делами мусульман, потому что многие аспекты жизнедеятельности исламских богослужебных учреждений выпали из законодательства и решались на основе «обычного права». Итогом реформы должно было стать формирование системы, обеспечивающей «прозрачность» религиозно-обрядовой и культурной жизни мусульманского населения России.

Отметим несколько существенных моментов, без учета которых невозможно определить место исламского общественного богослужения в системе государственно-церковных отношений в политико-административном контексте.

Во-первых, это отношение правительства к мечетям как религиозному центру нехристиан, что предполагает комплексный подход к изучению проблемы, подразумевая отношение самодержавия к духовенству «при мечети», к национальной школе «при мечети», к религиозной общине «при мечети» и ее реакции на ассимиляторскую политику властей.

Власти были убеждены, что в силу сосредоточения в своих руках важных административных рычагов (решение семейных дел, производство бракосочетания, дележ наследства и имущества и др.), духовенство имеет огромный авторитет в приходе, держит единоверцев под своим влиянием. Поэтому ему нетрудно навязать жителям столько мечетей, сколько они пожелают, что приведет к увеличению численности мусульманских храмов и духовенства.

Во-вторых, согласно законодательству разрешение на общественное богослужение, постройку мечети механически означало регистрацию новой махаллы, имеющей право на содержание причта, конфессиональной школы и др. Самоорганизующие социальную жизнь и динамично увеличивающиеся общины, находящиеся под опекой российских законов, вызывали настороженность власти.

В-третьих, общественное богослужение должно было совершаться исключительно в разрешенном властью публичном молитвенном здании и под руководством - утвержденного администрацией благонадежного в политическом отношении духовного лица. Обратной стороной этого условия были запрет на организацию в селениях публичных собраний, в том числе религиозных — вне храмов, и их проведение в городах исключительно по разрешению полиции.

В случае нарушения установленных правил виновные привлекались к уголовной ответственности. Очевидно, что самовольная организация и проведение лицом, не имеющим духовного звания, молитвенного собрания мусульман оценивались как незаконное, без разрешения власти, публичное мероприятие. Таким образом, для совершения общественной молитвы мусульмане обязаны были иметь в законно установленном порядке возведенное молитвенное помещение и назначенное духовное лицо.

В-четвертых, отношение к храмам как к важнейшему элементу реализации «свободы вероисповедания» подданных было заложено в «Основных государственных законов», аналогично воспринимаемых уммой. Во многом необходимостью непрерывного совершения общественного богослужения объяснялось предоставление мусульманскому духовенству округа ОМДС льготы (1850 — 1873) от рекрутской повинности. После введения всеобщей воинской повинности они, в отличие от православных священнослужителей, стали военнообязанными. При обсуждении проекта «Устава о всеобщей воинской повинности» 1874 г. данный вопрос не получил положительного разрешения на том основании, что мусульманские духовные лица определяются (с 1855) «к должностям не моложе 25 лет», хотя этот критерий распространялся лишь на ахунов, мухтасибов и мударрисов, а хатыпы, муллы, имамы утверждались с 22 лет, муэдзины — с 21 года.

Духовное собрание предпринимало несколько попыток освобождения мулл от воинской повинности. Так, в 1889 и 1893 гг. (ходатайство соответственно № 121 от 5 мая и № 9 от 4 ноября) муфтий М.Султанов просил об освобождении мулл, состоящих в запасе армии или зачисленных в ратники ополчения, от учебных сборов в связи с ущемлением религиозных прав мусульман: неисполнением в этот период религиозных треб жителей и приостановкой на некоторое время в приходах богослужения. Он даже представил в МВД список 607 военнообязанных духовных лиц. Правительство аргументировало свой отказ принадлежностью указанных в списке лиц к разным срокам призыва, что гарантировало привлечение каждый раз на военные сборы небольшой группы мулл, следовательно, это не могло причинить сколько-либо серьезный ущерб отправлению религиозных «треб» мусульман. Следует признать, что указанная численность военнообязанных имела для Российской армии символическое значение. Главным мотивом здесь являлось соответствующее отношение правительства к исламу.

После получения отказа, 1 июня 1894 г., муфтий М.Султанов повторно возбудил ходатайство, на этот раз более радикальное — об освобождении их от воинской повинности в целом. Под предлогом формирования необходимого количества нижних чинов запаса, которыми «будет покрываться не только потребность армии при ее мобилизации, но и убыль из рядов ее на случай европейской войны», в 1898 г. правительство воздержалось от удовлетворения его прошения.

В Русско-японскую войну 1904 — 1905 гг., по сведениям правительства, было мобилизовано более 300 мулл. Лишь в 1912 г. правительство предоставило приходскому мусульманскому духовенству льготу: освобождение от воинской повинности.

В-пятых, это — отношение к общественному богослужению как рычагу идеологического воздействия на российских подданных. По шариату, пятивременный намаз мог совершать каждый мусульманин, имеющий достаточные знания и подготовку. Поскольку единственным местом совершения общественной молитвы признавались мечети, то по буквальному смыслу российских законов получалось, что совершение общественного богослужения является прерогативой лиц, имеющих на это разрешение светского начальства. Духовное собрание (постановлением от 17 августа 1892 г. за № 3714) подчеркивало, что «предоставление исключительного права на совершение религиозных обрядов у мусульман особым, утверждаемым правительством муллам, преследует цели не столько религиозные, сколько политические».

Наряду с православной церковью, местная администрация брала на свое попечение свободу отправления вероисповедания всех признаваемых в империи конфессий. Однако четкие правила были выработаны лишь в отношении православных церковных обрядов. Они заключались: в соблюдении полицией порядка в храме и вне церквей, в контроле, чтобы помещики и волостное начальство различными указаниями о выполнении натуральных повинностей не препятствовали сельскому населению ходить в церковь в дни религиозных и установленных государством праздников; чтобы в дни совершения литургии продажа спиртных напитков из питейных домов, трактиров не производилась;

чтобы близ храмов не допускалось «соблазнительных и вообще шумных игр»; чтоб без разрешения властей не устраивались храмы и молитвенные дома для совершения общественного богослужения; «чтоб исповедующие не православную веру ни силою, ни обольщением не осмеливались соблазнять православных или же привлекать к своему образу мысли и людей других, пользующихся покровительством закона вероисповеданий»; «чтоб исповедующие одну веру не позволяли себе оскорблений, и особенно притеснений исповедующим другую веру, и даже не позволяли себе неприличных насчет их вероисповедания насмешек, особливо ругательств» и др..

Самодержавие исходило из того, что в Российской империи, государственной религией которой является православие, представители других религий пользовались «свободой вероисповедания» в несколько стесненных условиях. Толерантный внутриполитический курс самодержавия в период правлений Екатерины II, Павла I и Александра I в определенной степени отвергал великодержавно-церковный смысл указов от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г., корректировка которых произошла уже в период правления Николая I в 1829 г. и приобрела выверенный характер после издания в начале 1830-х гг. «Свода законов Российской империи». На либерализацию правил на организацию общественного богослужения существенное влияние оказал указ Екатерины II о невмешательстве в дела мечетестроительства местных православных архиереев, получивший в исторической литературе название как закон «о свободе вероисповедания», и указ от 17 апреля 1905 г., где в духе нового времени был изложен ряд западноевропейских принципов «свободы совести».

В делопроизводственной документации центральных органов власти нами обнаружен проект, предложенный министром народного просвещения и обер-прокурором Синода Д.А.Толстым в связи с массовыми отказами татарских сельских обществ открывать, в соответствии с «Правилами» от 26 марта 1870 г., за свой счет русские классы при медресе и русско-татарские школы. Им была предложена следующая редакция новой статьи закона: «Разрешение на устройство новой мечети даже подлежащее гражданское начальство не иначе как, если приход, общество или частное лицо о том ходатайствующие, представят обязательство об открытии при мечети одновременно в мектебе и медресе русского класса и об ассигновании на его содержание. Размер этих средств определяется местною гражданскою администрацией, по соглашению с учебным начальством, но, во всяком случае, жалованье учителю сего класса должно быть не менее 350 руб. Приход, общество или частное лицо взамен ежегодного взноса суммы, потребной на содержание русского класса при мектебе и медресе, могли пожертвовать татарам или недвижимое имущество, доходы с коих соответствовали бы упомянутой сумме. Имущества эти поступают в собственность русского класса и доходы с них, равно как деньги, вносимые ежегодно расходуются по указанию учебного начальства, но исключительно на потребности класса. Разрешение на открытие вновь мектебе и медресе как при мечетях, так и помимо оных зависит от подлежащего попечителя учебного округа». Претворение в жизнь данного проекта было отложено в связи с осложнением международной ситуации накануне Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Меры наказания за незаконное возведение богослужебных зданий всех конфессий тесно соприкасались с незаконным проведением богослужебных собраний. В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» наиболее подробно и полно были представлены меры пресечения незаконных проступков в этой области. За построение мечетей в городах и селениях без разрешения администрации или в «не предписанном от других строений расстоянии» виновные лица подвергались штрафу до 200 руб. Незаконно построенные храмы, по решению губернского правления, «исправляются или переносятся на другое место» или же, если было необходимо, вовсе закрывались. Идентичное наказание предусматривалось и в отношении евреев. Только в случае давности совершенного «преступления» (10 лет и более), которое предполагало закрытие богослужебного здания, виновные освобождались от наказания.

В отношении христианских культовых зданий уголовное наказание было более суровым. За постройку православной или инославной церкви или учреждения ее в частном доме без разрешения духовной и светской властей виновный подвергался денежному взысканию до 500 руб. Духовная и светская администрации совместно решали вопрос об оставлении или упразднении незаконного храма.

За постройку деревянных церквей вместо каменных там, где законом или особыми распоряжениями правительства это было не дозволено, виновные христиане всех вероисповеданий подвергались штрафу не свыше 300 руб. (В действительности эта статья во второй половине XIX в. — начале XX в. считалась анахронизмом, и власти практически не пользовались ею.)

Помимо этого, согласно «Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» виновный «в допущении без разрешения начальства в своем доме или ином помещении совершать публичное или общественное богослужение евреев», в случае необходимости специального разрешения администрации, подвергался денежному штрафу не свыше 300 руб.

В статье 278 «Уголовного уложения» была пролонгирована вышеприведенная статья 486 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Как свидетельствуют архивные материалы, при наказании мусульман за возведение незаконной мечети судебные власти руководствовались 1073 статьей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Они исходили из того, что в «Уставе строительном» говорилось лишь о мечетях и не упоминались молитвенные дома, а в случаях проведения незаконных общественных богослужений можно было с успехом применять статью 279 «Уголовного уложения». (Относительно сооружения церкви или христианских молитвенных домов или устройства их без разрешения в принадлежащем виновному здании или занимаемом им помещении вновь указывалось наказание штрафом не свыше 300 руб.)

Буддийское духовенство за незаконную постройку дацанов или других молитвенных зданий лишалось духовного звания и «обращалось в светское состояние».

Причты всех признаваемых в России конфессий играли важную роль в закреплении в общественном сознании полиэтнического населения империи верноподданнического духа по отношению к русскому самодержавию в лице императора и всего Августейшего дома. Поэтому совершение богослужения в честь членов императорского дома приобрело всероссийское и политическое значение. В империи для всех конфессий были установлены единые специальные «дни, в которые совершаются возношения о здравии и благоденствии Государя Императора и Августейшего Его Дома», которые совпадали с днями рождения, «тезоименитства» или восшествия на престол.

«Высокопраздничные и царские дни» относились к числу праздничных дней, которые должны быть «посвящаемы отдыху, набожному благоговению и слушанию службы в церкви». Служащие государственных и общественных учреждений и учащиеся, независимо от их конфессиональной принадлежности, в эти дни отдыхали.

Относительно обязательного богослужения в инославных церквях и храмах нехристиан ни в уставах этих конфессий, ни в других законодательных актах ничего не сообщалось. Исключение составляли «Положение об управлении Закавказского мусульманского духовенства шиитского и суннитского учений» 1872 г. и «Устав духовных дел протестантских исповеданий» (ст.261). В первом сообщалось: «Все высокопраздничные дни должны быть чествуемы духовенством в мечетях возношением по обрядам мусульманской религии молитв Господу Богу о здравии и долгоденствии Государя Императора, Государыни Императрицы, Наследника Престола и всего Царствующего Дома, согласно правилам и предписаниям по сем предметам от высшего духовенства». Забегая вперед, отметим, что здесь была зафиксирована сложившаяся практика проведения «высокопраздничных» дней в умме Таврического и Оренбургского духовных управлений, в Уставы которых она не включалась по причине «откладывания реорганизации» управления духовными делами мусульман на законодательном уровне.

Во втором документе говорилось, что сверх церковных праздников во всех протестантских лютеранских церквях чествуются дни рождения и тезоименитства государя императора, государыни императрицы, наследника престола и других лиц, означенных в особой табели, ежегодно составляемой МВД. В XIX в. в империи установилась такая практика, когда никаких общих распоряжений относительно обязательного празднования упомянутых «царских дней» в церквях и молитвенных домах иностранных исповеданий МВД не делалось: лишь в начале каждого нового царствования, по получении известия из канцелярии обер-прокурора Синода, сообщалась составленная Синодом для руководства молитвенных учреждений общая табель «Высокоторжественных дней», празднуемых православной церковью и, кроме того, ежегодно препровождалось в Евангелическо-лютеранскую генеральную консисторию предписание согласно статье 261 ее устава.

Независимо от этого на основании «особых повелений», объявленных Министерством императорского двора, духовенству иностранных христианских исповеданий предписывалось совершение в церквях молебствований по поводу случающихся в императорской семье особых событий. Причем МВД при исполнении этих повелений придерживалось их буквального смысла, предписывая совершение богослужения в церквях лишь духовенству христианских исповеданий, и оставляло без извещения духовных лиц мусульман, иудеев, ламаитов. Несмотря на это, по сведениям ДДДИИ, на рубеже XIX — XX вв. практически во всех городах среди этих конфессиональных групп российских подданных совершались молитвы по случаю всех значимых событий, происходивших в императорской семье. Несомненно, претворение в жизнь теории «самодержавие — православие — народность» в среде православного населения было перенесено таким путем в усеченном виде в поликонфессиональное российское сообщество. В условиях официального культивирования почитания российского государя, руководство инославных и «иноверческих» церквей не хотело отставать от Синода в выражении верноподданнических чувств к российскому государю, тем самым материализуя идею единства судеб и общей родины.

В 1889 г. по ходатайствам римско-католического и лютеранского духовных начальств об установлении в церквях этих конфессий ежегодного благодарственного молебствия в ознаменование «чудесного спасения» 17 октября 1888 г. российского государя с семейством от угрожавшей опасности министр сделал «всеподданнейший» доклад. Александр III 12 декабря 1889 г. наложил резолюцию, сводящуюся к тому, что такое молебствование можно совершать, если того пожелают, что означало добровольность его проведения.

Прежде чем перейти к рассмотрению положения дел среди мусульман, проиллюстрируем ситуацию на примере католиков. В римско-католических церквях империи молебствия за Царствующий Дом совершались на основании указа Римско-католической духовной коллегии от 11 июня 1869 г., согласно установленному этим документом порядку. 1) Торжественные дни вносились в духовные календари на два разряда: а) дни, в которые во всех церквях на основании «высочайшего» повеления 5 февраля 1862 г. совершалось молебствие с пением гимна «Te Deum Laudamus»; б) дни, празднование которых на основании того же царского указа от 5 февраля 1862 г. переносилось на ближайшие воскресные дни и в которые не воспрещено погребение усопших.

2) В случаях, выходящих из обыкновенного порядка (рождений, бракосочетаний, смерти или других событий — в Августейшей фамилии), настоятели церквей приступали к совершению молебствия по получении предписания от своего духовного начальства, но могли совершать молебствия и до получения официального разрешения, если информация о событии дошла до них раньше. 3) В табельные дни богослужение с молебствиями должно было обязательно совершаться настоятелями, на викарных дозволялось возлагать эту обязанность в случае, если настоятель не мог руководить церковным служением по

уважительной причине (по болезни или отсутствию из прихода по духовным делам). Это богослужение проходило не только во всех приходских церквях, но и в тех филиях и каплицах, при которых находился особый постоянный священник, исполняющий приходские требы. 4) О совершаемых в торжественные дни молебствиях с пением гимна «Ge Deum Laudamus» прихожане извещались настоятелем заранее, о других днях, празднования которых переносились на ближайшие воскресные дни, специального оповещения не делалось. 5) Кроме того, в табельные дни обязательно совершалась литургия, причем молитвы за императора и Августейший Дом произносились тотчас вслед по окончании обедни. Для придачи большего торжества в случаях, когда на службе участвовало высшее духовенство, молебен совершался лицами высшего духовенства, т.е. епископом или членом Капитула прелатом или каноником. С учетом мнения российского государя от 12 октября 1889 г., день 17 октября 1888 г. о «чудесном спасении» царской семьи к числу табельных не был отнесен.

В 1902 г. министр внутренних дел поручил ДДДИИ обсудить возможность установления для всех нехристианских церквей обязательного празднования «высокоторжественных и царских дней». Принимая во внимание гарантию права свободного отправления культовых обрядов со стороны «Основных государственных законов» вероисповеданиям, не принадлежащим к господствующей церкви, сотрудники ДДДИИ высказались за возможность такого нововведения не иначе, как с «высочайшего» соизволения.

Механизм составления молитвы возношения во здравие российского государя и императорского дома был следующий. Синод присылал в ДДДИИ «высочайше» утвержденный текст возношения при богослужении имен Августейшей фамилии и просил сделать распоряжения относительно снабжения данным текстом церквей иностранных исповеданий. Для мусульман МВД заказывало в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел переводы текста, учитывающие специфику молитвы мусульман.

Обновление текстов происходило после пополнения в семье монарха или кончины одного из указанных в списке членов Августейшего дома. В 1861 г., например, список был обновлен после рождения великого князя Михаила Александровича. Присланную в Уфу «высочайше» утвержденную новую форму возношения на татарском языке Духовное собрание размножило в губернской типографии по числу приходов (тираж — 3800 экз.) и переправило старшим духовным лицам в местностях — ахунам, которые, в свою очередь, распространяли их среди местного приходского духовенства. В 1864 г. из Санкт-Петербурга был получен «для соблюдения и точного исполнения» «высочайше» утвержденный новый текст на татарском языке — обновленный табель «высокоторжественных и викториальных дней», который был напечатан в количестве 4 тыс. экземпляров и разослан по приходам на основании постановления религиозного управления от 4 ноября 1865 г.

Порой случались и конфузы. Степному генерал-губернатору в 1907 г. стало известно о произношении мутлами в тексте молитвы во здравие Царствующего дома в качестве наследника великого князя Михаила Александровича. Оказалось, что в татарских и казахских мечетях Акмолинской и Семипалатинской областей духовные лица руководствовались печатным текстом, присланным из Оренбургского магометанского духовного собрания еще задолго до рождения цесаревича Алексея Николаевича. Было установлено, что ДДДИИ уведомил управления христианских конфессий о царском указе от 31 июля 1904 г., данном Синоду о том, что рождение и тезоименитство наследника великого князя Алексея Николаевича повелевается праздновать 30 июля, а тезоименитства — 5 октября. Уведомить ОМДС... забыли. Очевидно, что чиновники департамента проигнорировали и Таврическое магометанское духовное правление, и Управления Закавказского мусульманского духовенства шиитского и суннитского учений. В том же 1907 г. департамент заказал 5 экземпляров перевода текста и, разослав по духовным управлениям мусульман, исправил свою оплошность.

Содержание присланных текстов оглашалось во всех мечетях, независимо от статуса храма (пятивременный или джами) и дня (т.е. не пятница) недели. ОМДС дополнительно к ним установило проведение подобных религиозно-политических мероприятий 1 января — в Новый год, в первый день месяца Шавваль, по совершении «Айди-Фитр», и в десятый день месяца «Зуль-хиджа», по совершении «Айди-курбан».

Кроме того, по предложению правительства или по собственной инициативе Духовное собрание проводило мероприятия, связанные с крупными военно-политическими событиями в империи. Так, по случаю предстоящего столетия со дня рождения императора Александра I ОМДС циркуляром № 3597 от 16 ноября 1877 г. предписало имамам «крепости молитву в успокоении души» бывшего российского монарха.

В циркуляре ОМДС за № 395 от 17 января 1913 г. первоначально сообщалось о предоставлении «правительству и народам России» права на устройство в честь 300-летия царствования дома Романовых 21 февраля «торжественного празднества», совершения молитвы по умершим и правившему императору и его семейству. Всем духовным лицам предписывалось «21 и 22 февраля в мечетях при собрании прихожан, о чем последних оповестить за неделю до дня празднования, вознести Аллаху молитву о в Бозе почивающих государях Императорах Дома Романовых и о благоденствии ныне благополучно царствующего государя Императора Николая Александровича, наследника цесаревича, Великого князя Алексея Николаевича и всей Августейшей Семьи и за спокойствие и процветание нашего отечества — России».

Сотрудничество религиозного органа мусульман и самодержавия особенно рельефно проявлялось в период военных кампаний. Средства массовой информации обеспечивали таким патриотическим акциям широкую огласку. В 1877 г. умма исполнила «высочайшее повеление» о совершении общественного богослужения по случаю благополучного перехода русских войск через реку Дунай и «о даровании помощи» императору «к благополучному и счастливейшему окончанию предпринятого... трудного дела» — войны против Османской империи (1877 — 1878). Еще до начала военной кампании России с соседним исламским государством муфтий С.Тевкелев сумел «отличиться», представив императору адрес «о верноподданности чувств» мусульман округа ОМДС. Александр II с благодарностью принял адрес и велел объявить подданным, что он «не сомневается в их верноподданнических чувствах». Доведя до сведения мулл об этом важном политическом событии в циркуляре № 15 от 5 января 1877 г., оренбургский муфтий выразил свою уверенность в том, что духовные лица со своими прихожанами сумеют оправдать доверие российского государя.

9 января 1905 г. по распоряжению правительства во всех культовых учреждениях страны, в том числе и в мечетях, прошли богослужения по случаю завершения войны с Японией.

По предписанию муфтия М.Султанова буквально с первой пятницы после начала Первой мировой войны еженедельно в мечетях по всей России совершались общественные богослужения о даровании победы русскому оружию и затем производились «кружечные сборы» в пользу раненых и больных.

В 1915 г. муфтий М.-С.Баязитов известил вышестоящее начальство о совершении 18 июля по случаю праздника «Рамазан-байрам» мусульманами г.Уфы и других местностей молебствия о здравии российского государя и всей Августейшей семьи, а также о даровании победы «доблестному воинству российскому». Буквально на следующий день, 19 июля, им была получена телеграмма из Ставки, подписанная Николаем II с выражением благодарности. «За молитвы и выражение верноподданнических чувств высоко ценю доблесть многочисленных мусульман, сражающихся в рядах нашей храброй армии», — писал российский государь.

Падение царского режима вызвало незамедлительную реакцию ОМДС. В его обращении от 9 марта 1917 г. за № 2188 духовенство уведомлялось об отречении 2 марта Николая II от престола и передачи власти в руки Временного правительства. Ахунам,

хатыпам и имамам вменялось в обязанность сообщить прихожанам о произошедших в государстве переменах и внушить «разумными и сладкоречными... проповедями о долге каждого из них служить Родине верой и правдой, оказывать всякую ей возможную помощь всеми способами, как-то: земледелец — хлебом, рабочий — его работой, богач — денежными средствами помогать неимущим и сирым детям Родины, и отстаивающим грудью Родину нашу от врага богатырям-воинам». Подчеркивалась желательность продолжения населением повседневной трудовой деятельности с тем, чтобы ни один мусульманин «не следовал разным толкам и подстрекательствам злонамеренных людей, не нарушил ни своего, ни общественного спокойствия и тишины». В связи со сменой политического строя в государстве указывалось также, что, ввиду отречения царя и его династии от престола, «принятые по сего времени возношения Аллаху молитвы после соборных богослужений (Юмги и Аидов) за здравие Царя и Царской семьи впредь до особого распоряжения прекратить, вознося каковую молитву о спокойствии, благе и счастье Родины, благоденствии Временного правительства».

Следующим политическим событием, обычно происходящим в церквях России, являлось торжественное принятие чиновниками и избранными на общественные должности лицами присяги взошедшему на престол представителю рода Романовых.

В городах с несколькими мечетями государственный акт, как правило, производился в мечети, имам которой являлся старшим среди духовенства. В Казани, например императорам Александру I и Александру II присягали на верность в первой соборной мечети, где служил ахун Ш.Марджани.

При новой власти традиция продолжала существовать. Имам г. Бодайбо и приискского района Витимского и Ленского горных округов А.А.Масагутов 30 апреля 1917 г. уведомил ОМДС о том, что мусульмане-рабочие встретили с радостью свержение «старого правительства и с великою радостью и по сроку признали Первое Народное Правительство, и присягнули служить верою и правдою; присяга производилась с большою торжественностью». Он сообщал также о проводимой им большой работе («устремлены все силы») среди татар-мусульман по разъяснению «важности события и долга гражданина, исполняющего долг перед Родиной и Правительством».

В царствование Елизаветы Петровны стали сооружаться храмы в увековечение памяти восшествия на престол и других событий из жизни императора и его дома. Они также сооружались в память о святых или событиях священной истории, совпавших с днем храмового праздника. В период «просвещенной монархии» эта практика получила дальнейшее развитие и просуществовала вплоть до 1917 г. Мусульмане иногда также обращались с инициативами о разрешении постройки мечети в честь юбилея или в память спасения царя или его семьи от несчастного случая. Однако в основе таких обращений, как правило, лежала надежда смягчить центральную власть и получить разрешение на строительство мечети в обход закону.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет выделить несколько этапов эволюции юридического оформления государственно-исламских отношений в целом, и отношения правительства к мусульманскому богослужению как к общественно-политическому явлению в частности. Акция по ликвидации мусульманских культовых зданий явилась частью политики христианизации коренного населения региона, направленной одновременно на борьбу с исламом и язычеством. Отступление церковно-самодержавной власти от первоначальных установок происходило бессистемно, как ответная реакция на петиции или движение протеста мусульман, и его завершение ускорилось восшествием на престол Екатерины II. «Переходный период» условно состоит из нескольких этапов. Первый этап (1744 — 1756) — это период «воинствующей христианизации» в Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях. После произведения массовой «зачистки» мечетей в 1742 — 1743 гг., в условиях запрета на совершение общественного богослужения в поликонфессиональных поселениях и малочисленности жителей и дворности в деревнях, норматив махалли в

300 — 200 ревизских душ должен был тормозить увеличение численности исламских богослужебных зданий. Идея толерантности, заложенная в указе от 22 июня 1744 г. о признании мечети и мусульманских приходов, выхолащивалась активной миссионерской деятельностью православной церкви.

На втором этапе «переходного периода» (1756 — 1764) в рамках действующего норматива махалли указом от 25 августа 1756 г. мусульмане получили возможность совершения общественного богослужения после выселения новокрещен, составляющих менее 1/10 части. Ослабление контроля над духовной жизнью мусульман в поликонфессиональных селениях последовало со снятием с должностей архиереев Казанской и Сибирских епархий, руководивших крещением мусульман и язычников. Этот этап, с одной стороны, характеризовался изолированием духовной власти от разбирательства конфликтных дел, возбужденных новокрещеными в поликонфессиональных селениях, с другой стороны, продолжением миссионерского просвещения «Канторой новокрещенских дел».

Приметой третьего этапа «переходного периода» (1764 — 1773) явилось прекращение широкомасштабной христианизации мусульман самодержавно-церковной властью, что произошло с упразднением «Канторы новокрещенских дел» и формальной передачей его миссионерских функций епархиям. Правительство в 1771 г. официально признало возможность мирного сосуществования в одном селении мусульман и христиан путем локализации их усадеб в обособленные слободы или улицы. В случае удачного завершения разработки нового Уложения законов юридическое оформление цивилизованных государственно-исламских отношений с учетом высказанных пожеланий депутатов-мусульман могло бы быть осуществлено системно и комплексно. Этого не произошло. Зафиксированные в наказе Екатерины II 1767 г. гуманистические принципы не отменяли дискриминационных законов, действующих в поликонфессиональных селениях. Итогом третьего этапа «переходного периода» стал указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. о веротерпимости. Было объявлено об отлучении церкви от неперемennого участия в решении вопросов строительства мечетей и о передаче их полномочий в компетенцию светской администрации, что создавало условия для публичного богослужения независимо от удельного веса мусульман во всех поселениях империи. Декларированная в ней идея о гарантии религиозных прав российских подданных независимо от вероисповедания имела чрезвычайно важное моральное значение. Появление царского указа от 17 июня 1773 г. совпало с началом Крестьянской войны под предводительством Е.Пугачева (1773 — 1775), хотя и не было непосредственно связано с массовым социальным протестом народных масс. Он был издан как ответ на регулирование напряженной общественной ситуации в Казани между мусульманами и архиереем. С 1773 г., когда на политическом уровне принципиально был разрешен вопрос о предоставлении мусульманам прав для исполнения всех пяти основных заповедей ислама, обозначился новый этап в жизнедеятельности исламских институтов в Российской империи.

Правительство, предоставившее мусульманам свободу вероисповедания в рамках установленных им правил, вскоре осознало необходимость установления контроля над мусульманским духовенством, имевшим огромное влияние на умму. Четвертый этап (1773 — 1788) завершился правительственной инициативой о сотрудничестве с приходскими духовными лицами, главным инструментарием которого выступало ОМДС — коллегиальный орган из избранных на определенный срок мусульманских духовных лиц во главе с муфтием — и губернские, областные администрации. Будущие духовные лица начали сдавать экзамен на знание основ ислама в религиозном управлении. Легализация приходского мусульманского духовенства и учреждение религиозного управления свидетельствовали о структурировании ислама в общеимперское правовое пространство, что осуществлялось посредством принятия локальных законодательных актов по частным случаям, или ведомственными предписаниями, или циркулярами, или

фетвами оренбургского муфтия. В дальнейшем проявилась тенденция расширения компетенции данного правительственного учреждения по управлению исламскими институтами. В плане стабилизации «мусульманского вопроса» ОМДС стало, олицетворением адаптированной к российским реалиям системы государственно-церковных отношений и удачно вписалось в модель управления самодержавия с религиозных администраций других «терпимых» в России, вероисповеданий, распространенных на территории России.

В условиях двусмысленности юридической трактовки и явного противоречия указов от 1744 г. и 1756 г., с одной стороны, и 1773 г. — с другой стороны, несмотря на то, что согласно правовым нормам признавалось верховенство последнего из принятых законов, политическая конъюнктура сыграла определяющую роль во введении в «Уставе строительном» 1857 г. правила о разрешении строительства новой мечети лишь в случае отсутствия опасности соблазна в вере для живущих совместно с мусульманами новокрещенных и христиан, практически официально признав тем самым право участия православной церкви в исламском храмовом строительстве. Показательно, что модернизация России и формирование элементов гражданского общества не смогли изолировать русскую церковь от «участия» в решении о постройке мечетей — этого не захотела верховная власть.

Таким образом, после признания легитимности мечетей в 1744 г. наблюдалось свертывание массовой христианизации мусульман, изолирование русской православной церкви от вмешательства в религиозно-обрядовый уклад традиционной мусульманской общины, а также ослабление ее контроля над духовной жизнью жителей поликонфессиональных селений, создание условий для функционирования махалли в городах. Признание в 1789 г. мусульманского духовенства стало основанием для дальнейшей интеграции исламского ритуала вне традиционной общины. Эти моменты характерны для Среднего Поволжья, Центральной России и Сибири. В Приуралье и на казахско-российском пограничье, на окраине, вследствие практического отсутствия миссионерского просвещения и слабости административного контроля властей, существовала «свобода вероисповедания». Указанными мерами правительство шло к уравниванию статуса мусульман внутренних губерний в вероисповедальном отношении фактическим религиозным положением их единоверцев на юго-восточной окраине последней четверти XVIII в.

В период ОМДС вплоть до падения самодержавия каких-либо существенных изменений в области совершения исламской молитвы не происходило, что позволяет 1789 — 1917 гг. рассматривать как единый этап, в котором произошла лишь законодательная регламентация ее некоторых сторон.

3. Социальные аспекты организации и совершения намаза

Норматив устройства общественного богослужения, закрепленный царским указом от 22 июня 1744 г., определил критерии организации мусульманского прихода. Регулирование численности махалли в дальнейшем прошло несколько этапов, которые следует выделить особо. Закон от 23 августа 1756 г. зафиксировал расплывчатый критерий численности мусульманского прихода в Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерниях — от 300, по крайней мере 200, ревизских душ м.п. Он был нацелен на предоставление права совершения общественного богослужения лишь в крупных селениях по принципу организации православного прихода, объединяющего несколько деревень. На наш взгляд, именно поэтому указы от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. специально оговаривали невозможность возведения в крупных поселениях более одной мечети. Фактически получался исламский вариант православного прихода. Менталитет тогдашних чиновников, действовавших рука об руку со священнослужителями, предписывал именно такое устройство махалли.

Мусульмане были недовольны новыми правилами. В 1764 г. татарин Якуб Биметов, как доверенный от мурз и татар «всех слобод» и уездов Казанской губернии, подал в высшие инстанции прошение о том, чтобы мусульмане «имели в городе Казани, так и в Казанской губернии, в уездах, в больших и малых деревнях, во всякой деревне без исчисления душ, так равно и учреждении кладбищ в удобных местах, без всякого стеснения довольствовались». Однако в 1770 г. правительство Екатерины II отказало татарам, тем самым подтвердив прежний порядок — запрет строительства мечетей без учета численности прихожан.

Предложения по улучшению своего правового и социально-экономического положения нашли воплощение в наказах доверенных мусульман в Комиссию по составлению проекта нового уложения. В частности, в «Наказе Свияжского уезда от ясашных татар» (1767) сообщалось следующее: «Имеем мы... по своей вере усердие, чтоб строит ... для принесения по своему закону Богу благодарение, мечети, но без дозволения на то смелости не имеем, ибо по прежним узаконениям повелено мечети строить у двухсот душ; но нам оттого бывает не без тягости, потому что и к мечетям деревни в число в двухсотное приписаны некоторые на ближнем расстоянии, верстах по десяти и более, в которые мы по своему закону принуждены ходить на молитву. Но в таков в домашней нашей экономии, а особливо в рабочие дни, чинится в уборе с полей хлеба и сена в ведренны дни, когда проходим, а по наступлении же ненастных дней, загнивает на полях напрасно. И для того просим всенижайше, чтоб повелено было, если кто по усердию нашему и во всякой деревне мечети строить пожелает, в том нам, татарам, не воспрещать, отчего мы как вышеописанного убытка миновать, как и к Богу всегдашнее благодарение по своему закону приносить можем».

В именном указе рязанскому и тамбовскому генерал-губернатору М.Ф.Каменскому от 28 января 1783 г., изданном по поводу запроса генерал-поручика по исламским делам, императрица относительно возведения исламских культовых учреждений заявила следующее: «Что касается до свободы наших подданных нашим законам магометанского строить в селениях их мечети, где прежде оные были, и где они по числу людей необходимо нужны, також наблюдения, дабы те мечети без надобности в тягость их собственно умножаемы не были, в том поступать по прежним указам».

Во второй половине 1780-х гг. верховная власть была поставлена перед фактом необходимости выработки механизма контроля над исламскими институтами, прежде всего за деятельностью духовных лиц в Оренбургском крае, где не применялись дискриминационные меры в отношении ислама, к этому времени, благодаря массовой миграции из Среднего Поволжья, сформировалась компактно расселенная большая группа мусульман, ведущая оседлый образ жизни, успевшая в большинстве населенных пунктов обзавестись мечетями. Механическое распространение критериев численности прихода, установленных законами от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г., в Оренбургском крае было равносильно открытию новой кампании по уничтожению мечетей в этом регионе — слишком свежа была на памяти Крестьянская война под предводительством Е.Пугачева. В ходе военной кампании 1773 — 1775 гг. императрица не только увидела в лице нерусских народов реальную силу, но и осознала пагубный внутривластный курс своих предшественников в отношении ислама.

Разработчиками проекта «Положения о Духовном магометанском собрании» (1789) было заявлено о распространении нормы организации православного прихода (одна церковь на 100 дворов) на махаллю и не отрицалась возможность учреждения махалли и в малолюдных мусульманских селениях. Поскольку не было оговорки о возведении только одного храма в каждом поселении, независимо от численности жителей, можно заключить, что в Оренбургском крае сельское общество с более 100 хозяйствами могло себе позволить две мечети. Это очень важный момент в эволюции норматива исламского общественного богослужения в общеимперском правовом пространстве.

Оговорка «Но ежели где малое жительство, не имеющее с другими близкого соединения, там и при меньшем числе дворов мечети быть позволить, поелику магометане производят пятикратную в день молитву» позволяла в значительной степени обеспечить «мягкое» регулирование численности исламских институтов и предоставляла администрации свободу действий в реформировании сложившейся традиции с последующим ужесточением требования к строительству мечетей во вновь образуемых махаллах.

В «высочайше» утвержденном варианте закона в основу норматива махалли была взята не рекомендация барона А.О.Игельстрема, а установленный царскими указами от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. критерий, предназначенный для мусульман Европейской части России и Сибири. Думается, такое решение было обусловлено тем, что значительная часть мусульман принадлежала к податному сословию, основной единицей учета численности которой являлись систематически проводимые, через определенные промежутки времени, ревизии, где фиксировалось мужское население, обязанное платить подушную подать.

Материалы «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию земель по 12 уездам Оренбургской губернии (V ревизия, 1795 г.) позволяют реально оценить последствия предполагавшихся нововведений самодержавия. Мы, конечно же, учитываем при этом процесс заселения региона переселенцами из Среднего Поволжья и появление новых поселений. Обратной стороной миграционных потоков явилось уменьшение численности населения в Среднем Поволжье.

Несомненно, симбирский и оренбургский наместник владел информацией и заранее обстоятельно обдумал все «за» и «против», прежде чем направить проект императрице. Как показывают наши подсчеты, в 1795 г. в 1445 мусульманских деревнях Приуралья размещалось в среднем 22,2 двора, или 70 душ м.п. Если сопоставить критерии норматива прихода барона А.О. Игельстрема — 100 дворов — с тогдашними демографическими реалиями, то получается, что предлагаемый им норматив был более жестким: он в 4,5 раза превышал численность дворов в мусульманских поселениях в Приуралье. Среднестатистическая махалля должна была объединить не менее 4 деревень.

Для сравнения отметим, что в 1835 г. правительством были установлены следующие нормативы для совершения публичного и общественного иудейского богослужения: если в поселении еврейских домов насчитывалось не более 30, то разрешалось иметь одну молитвенную школу, если до 80, то, сверх школы, и синагогу. В поселениях, в которых имелось более 80 домов, на каждые 30 домов разрешалось открывать дополнительную молитвенную школу, на каждые 80 дворов — новую синагогу.

Данные таблицы 1 утверждают о предвзятости подхода самодержавно-церковной власти в определении численности махалли в 200—300 ревизских душ м.п., в 3—4 раза превышающей реальную численность жителей в поселениях. В этом суть дискриминационного характера норматива для проведения исламского молитвенного собрания.

Предложение барона А.О.Игельстрема предполагало учет численности дворов в населенном пункте в момент поступления ходатайства о строительстве мечети, а утвержденный законодательством норматив — данные «ревизских сказок», являвшиеся единственным источником сведений о населении страны на протяжении почти полутора веков. В инструкции о ревизии от 16 декабря 1743 г. было постановлено впредь производить ревизии через каждые пятнадцать лет. Известно, что со второй половины XVIII в. до 60-х гг. XIX в. с интервалами в 20 — 40 лет состоялись переписи податного населения: 3-я ревизия — в 1761 — 1767 гг., 4-я — в 1781 — 1787 гг., 5-я — в 1794 — 1808 гг., 6-я ревизия была назначена на май 1811 г., но прервана в связи с угрозой войны с Францией, 7-я была проведена в 1815 — 1825 гг., 8-я — в 1833 — 1835 гг., 9-я — была назначена на 1850 г., последняя, 10-я ревизия, была проведена в 1857 — 1859 гг.

Как видно, в основе подсчета численности прихожан использовались статистические сведения, не полностью учитывающие динамику роста населения. Здесь следует учесть и

то обстоятельство, что в «ревизских сказках» фиксировалось только податное население, другие группы населения в них не учитывались. Сведения были неточными из-за фискальных целей и продолжительности переписи, недоучета, утайки, ошибок писцов и др.

Предвзятые критерии устройства исламского общественного богослужения спустя столетие, в условиях веротерпимости, превратились в один из главных вопросов обсуждения в коридорах власти. Норматив заложил мину замедленного действия во взаимоотношения между местным населением и властями в Приуралье. Можно констатировать, что в последней четверти XVIII в., вследствие существования мечети практически в каждом населенном пункте на окраине, норматив применялся только в отношении вновь образуемых приходов. Известно, что в первой половине XIX в. в Оренбургском крае практически во всех мусульманских сельских обществах имелись мечети и школы. Власти сознательно не стали приводить существующие махалли в соответствие с нормативами. На наш взгляд, свою роль в продлении толерантного этапа сыграли принципы внутривластного курса Александра I.

Стремление администрации привести существующие махалли в соответствие с принятым критерием проявилось в период правления императора Николая Павловича, придававшего большое значение подведению юридической нормативной базы и регламентации различных сфер жизнедеятельности своих подданных.

Законом от 31 мая 1829 г. был подтвержден норматив указа от 23 августа 1756 г., который, по признанию Министерства внутренних дел (1880), «имел целью предупреждение размножения магометанских учреждений и духовенства и установления какой-то нормы».

В 1829 г. администрация Оренбургской губернии осложнила выдачу разрешения на открытие мечети, обязав кандидатов на духовные должности являться в губернское правление, и затем уже в Духовное собрание. Мечети, построенные без разрешения, признавались недействительными и подлежали закрытию. Результаты принятых мер оказались впечатляющими: если в 1831 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 1663 мечети и 2883 духовных лица, то к 1835 г. — соответственно 1235 и 2039. В 1830 — 1840 гг. во исполнение указания правительства ОМДС практиковало запреты на ремонт и перенос мечетей, в которых не имелось положенного числа прихожан. Нередко такие мечети подвергались консервации.

29 декабря 1831 г. было «высочайше» утверждено «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах», содержащее параграф о том, чтобы «при всякой мечети прихожан было не менее трехсот, или, по крайней мере, двести ревизских душ мужского пола», что стало нововведением для крымских татар, которым в 1783 г. российское правительство обещало сохранить без изменений исламские институты. Фактически на них распространялся норматив махалли мусульман внутренней России. Разработчики не могли не заметить предписания указов от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. о возможности строительства только одной мечети в селении, независимо от численности жителей, и положения о разрешении иметь несколько сельским обществам общую мечеть в случае, если в поселении число жителей не достигает установленной законом численности. Большинство вопросов, предусмотренных для передачи на рассмотрение вновь учреждаемого религиозного управления, согласно проекту «Положения о Духовном магометанском собрании» 1788 г., в XIX в. оказалось в его компетенции.

Разработка «Положения» осуществлялась чиновниками, воспитанными на либеральных традициях правительств Екатерины II и Александра I. Поэтому представляется правомерным их толерантный взгляд на «исламский вопрос». На составление законодательства о мусульманах повлияла и Кавказская война. В «Уставе строительном» издания 1857 г. это правило было зафиксировано в пункте *a* статьи 261,

под которой имелись ссылки на царский указ от 23 августа 1756 г. и на соответствующий параграф Положения, изданного 23 декабря 1831 г.

Толерантный подход проявился в том, что составители «Свода законов Российской империи», проигнорировав предписание указа от 23 августа 1756 г. о невозможности возведения в одном поселении более одной мечети независимо от численности жителей, включили выдержку из «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» 1831 г.: «...при всякой мечети прихожан было не менее трехсот, или, по крайней мере, двести ревизских душ мужского пола».

В законе от 9 декабря 1835 г. «Об определении мулл при мечетях»: при назначении дополнительного штата мулл в селении с единственной пятивременной мечетью принималось во внимание численность прихода. Если численность жителей превышала 200 ревизских душ м.п., то позволялось увеличить число имамов, но не более чем в соборной мечети. Так, в 1835 г. произошло уточнение законов от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. (норматив от 200 до 300 ревизских душ м.п.) в духе либерального внутривластного курса самодержавия. Новая редакция вошла в «Свод законов Российской империи», фактически предписав уменьшить на одну треть норматив вновь учреждаемого прихода. Подавляющее большинство селений тогда не имело 200 и более душ м.п. Иначе говоря, установленный норматив в первой трети XIX в. лишь констатировал возможность реальной постройки только одной мечети в среднестатистическом сельском поселении.

Следующая корректировка численности махалли была произведена законом от 15 декабря 1886 г. – вместо 200 ревизских душ, в силу отмены проведения ревизий, был введен норматив 200 наличных душ м.п.

Проблема реализации религиозных прав мусульман в малонаселенных деревнях в начале XX в. стала одним из знаковых элементов реализации гражданских прав мусульман. Прежде всего, такая постановка вопроса возникала в связи с усилением общественно-политической активности народных масс и резким повышением национального самосознания уммы, а также инициативой правительства о пересмотре законоположений, ущемляющих гражданские права нерусского населения империи.

В XIX в. главными условиями возведения мечети и организации общественного богослужения являлось наличие во вновь образуемом приходе необходимого числа душ м.п. и общественного приговора с подписями не менее 1/3 старших лиц в семьях о намерении возвести храм и согласии предоставить средства на его содержание, а также духовных лиц при нем. Последнее обязательство было впервые зафиксировано в «Положении о Таврическом магометанском духовенстве и правах онаго» (23 декабря 1831 г.).

Регламентация выбора мусульманских приходских духовных лиц произошла в первой половине XIX в. Правительство впервые четко прописало основные моменты данной процедуры. Несомненно, появление правила было вызвано множеством спорных дел. Каждый мулла мог исполнять «требы» только в своем приходе. Неразбериха приводила к жалобам, дестабилизировала общественную атмосферу в местности. Личностный аспект, тесно переплетенный с экономическим, проявлялся в напряженных отношениях между общиной и органами местной власти. Закон «О порядке избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам» от 21 октября 1837 г. «обогатил» раздел «Устава строительного» о постройке мечетей. Если в издании 1836 г. говорилось только о дозволении строительства при представлении «от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству и с утверждения начальства губернского, после надлежащего удостоверения в необходимости сего построения, а равно и в достаточности средств для их содержания», то в издании 1857 г. предусматривалось и положение о содержании при ней духовенства.

Избрание приходского духовного лица должно было производиться «непременно в присутствии волостных голов и сельских начальников, между военными сословиями (в

башкирском войске) — в присутствии кантонных начальников и юртовых старшин». Общественный приговор подписывался всеми избиравшими лицами, и сей документ от крестьян представлялся «для засвидетельствования» в волостное правление, от военно-служилого сословия — через кантонных начальников в земский суд, а оттуда — в губернское правление.

Виновные в составлении подложного приговора и его утверждении должностные лица привлекались к судебной ответственности.

В избрании духовного лица «не должны участвовать люди, не принадлежащие избирающему обществу, а также младшие члены семейств, т.е. неотделенные от отцов сыновья, меньшие братья, племянники и тому подобные». Должно было быть изъявлено желание двух третей лиц прихода, которые «почитаются старейшими семейств». Однако понятие старшего домохозяина в сельской местности не подходило для проведения общественного приговора в условиях городского или поселкового быта.

В округе ОМДС отсутствовало четкое определение приходского общества и приходского собрания, за исключением башкирских махаллей, что нередко ставило губернские правления в весьма затруднительное положение при утверждении приговоров, в случаях поступления жалоб на нарушения. Поэтому на рубеже XIX — XX вв. в ряде губерниях власти, используя административный ресурс, обязали мулл вести приходские списки, облегчив себе проверку легитимности выборных документов. Правда, это предписание исполнялось муллами не всегда, что приводило к затруднениям при разбирательстве правомочности общественного приговора.

В 1860-е гг. произошла унификация правового положения сельского податного населения и был создан единый орган его административного управления. В 1866 г., вслед за крепостными и удельными крестьянами, царское правительство уравнило в правах и крестьян государственного ведомства. По закону от 18 января 1866 г. они были подчинены в административном плане губернским, уездным по крестьянским делам учреждениям. На них были распространены все статьи «Положения» 19 февраля 1861 г. Таким образом, с 1866 г. административно-полицейские функции полностью сосредоточились в губернских правлениях.

Аналогичную роль в Приуралье по регулированию жизнедеятельности махаллей сыграла произошедшая в 1863 — 1865 гг. реформа по отмене кантонной системы управления и передаче башкир, мишарей и тептярей из военного в гражданское ведомство. Однако в «Положении о башкирах», «высочайше» утвержденном 14 декабря 1863 г., было однозначно заявлено о праве сельского схода составлять приговоры об избрании духовных лиц, постройке и исправлении мечетей. Следовательно, вопросы о выборах духовных лиц, постройке и исправлении мечетей были отнесены к компетенции сельских сходов при участии старших домохозяев мужчин мусульманского вероисповедания. Духовенство не могло участвовать в решении общественных дел сельского общества, на сельском сходе участвовали лишь мусульмане, имеющие право голоса на сельском сходе. Между тем территория махалли не всегда совпадала с территорией сельского общества. Нередко в селениях действовали более двух мечетей, приходов. Согласно буквальному смыслу законодательства, выборы в башкирском селении должны были производиться прихожанами всех существующих в селении мечетей, членами местной общины. Поскольку неперенным условием составления общественного приговора о выборе духовного лица или постройке мечети являлась гарантия их содержания за свой счет, получалось, что прихожане соседних мечетей вынуждены были брать на себя расходы их существования и, следовательно, подчиняться избранному духовенству. Это обстоятельство провоцировало пререкания между муллой и прихожанами, негативно влияя на общественную атмосферу в селении.

На прошения мусульман о строительстве мечети с образованием самостоятельного прихода, о ремонте и перестройке храма не распространялась льгота, освобождающая от гербового сбора, что отличало их от аналогичных ходатайств православного населения.

Если же ходатайство о постройке мечети с учреждением махалли или об утверждении духовного лица подавалось в одно ведомство высшей власти, то после получения почтовой марки для ответного послания просителям сообщалось «о возбуждении данного прошения» через губернское правление.

На рубеже XIX—XX в. ОМДС обращало внимание на соблюдение следующих условий для организации общественного богослужения: 1) правильное составление приговора — наличие большинства ($\frac{2}{3}$) голосов старших домохозяев, присутствие сельского старшины, засвидетельствование приговора земским начальником; 2) наличие заключения земского начальника о степени необходимости построения новой мечети, экономической состоятельности просителей «содержать новую мечеть» и необходимом при ней штате духовенства; 3) наличие отзыва местного духовенства о его согласии на постройку новой мечети, особенно в тех случаях, когда она возводилась в селениях, где уже действовала мечеть (мечети). Помимо этого требовались сведения: об облике действующего храма (имеется ли минарет, крыша покрыта ли железом и окрашена ли краской, обшита тесом), оштукатурены ли стены и имеются ли в храме подстилки для молящихся. В случае «удовлетворения указанным условиям» ОМДС давало положительное заключение.

Организация общественного богослужения, прежде всего, зависела от выяснения необходимости постройки новой мечети. Эту функцию, по сути, выполнял общественный приговор мусульман. Как правило, ходатайство доверенного лица уточнялось губернским правлением на предмет достоверности численности вновь создаваемого прихода у местного полицейского управления. При необходимости администрацией повторно выявлялась «насушная потребность» строительства храма. Любопытно, что Сенат своим указом от 3 октября 1900 г. за № 7756 лишил губернские правления права отказывать прихожанам под предлогом того, что «существующее в той местности количество мечетей вполне достаточно для богомоления прихожан». Однако это положение не было отражено в «Своде законов Российской империи», следовательно, не получило тотального распространения.

В правилах о постройке мусульманских храмов был перечислен лишь порядок рассмотрения ходатайств в инстанциях. Не утвержденный (зарегистрированный) в волостном правлении общественный приговор считался недействительным. Первоначально представление «от приходов и приходских чинов» (с 1801 г.) поступало в ОМДС, затем оно, с заключением религиозного органа, должно было быть представлено на рассмотрение местной администрации. «После надлежащего удостоверения в необходимости построения» новой мечети и достаточности средств на «приличное содержание» храма губернское правление рассматривало вопрос в одном из своих заседаний. Это правило первоначально было изложено в царском указе от 23 декабря 1831 г. в отношении приходов крымских татар, а затем распространено на мусульман Европейской части России и Сибири.

В «Уставе строительном» изданий 1836 г. и 1842 г. ни слова не было сказано о правилах составления общественного приговора, о взаимоотношениях между ведомственной администрацией сельского податного населения и губернским правлением и др., хотя уже действовал указ от 9 декабря 1835 г. о выборах духовенства.

Обращает на себя внимание тот факт, что порядок процедуры, связанный с постановлением сельского общества о возведении мечети, «попал» не в «Устав духовных дел иностранных исповеданий», а в «Устав строительный». Это явление объясняется, во-первых, отсутствием четко регламентированного порядка о разрешении возведения храмов. Кажется, «обычное право», выработавшееся в Среднем Поволжье во второй половине XVIII в.— начале XIX в., механически было перенесено в законодательную практику. Создается впечатление, что правительство интересовало только установление полноценного контроля за появлением новой мечети. Во-вторых, за основу был принят

порядок действия органов крестьянского самоуправления ясачных крестьян, государственной деревни.

Письменное обязательство частного лица о содержании за свой счет предполагавшегося к возведению храма и приходского духовенства, вместо общественного приговора об этом, не могло служить основанием для разрешения строительства мечети с учреждением махалли: считалось, что банкротство или смерть частного лица могла создать неприглядную ситуацию. А приложение расписки частного лица о желании построить на свои средства мечеть чиновниками воспринимался единовременным актом благотворительности. При неутешительном отзыве местной администрации о бедственном экономическом положении общины это обстоятельство принималось во внимание и, как правило, способствовало положительному исходу вопроса. Правда, предварительно губернские чиновники могли затребовать от соответствующих органов сведения о финансовом состоянии и «чистоте» накопленного капитала.

Имели ли мусульманки право голоса и право присутствовать при составлении общественного приговора о постройке мечети с учреждением самостоятельного прихода в качестве главы семейства или как уполномоченного своего мужа? В общественных приговорах нам не удалось выявить факты участия женщин в решении организационных вопросов. В 1909 г., видимо, для разрешения возникшего прецедента, пензенский губернатор сделал запрос в МВД о том, могут ли лица женского пола, имеющие полномочие на это от своих мужей, быть допущены к выборам приходского духовенства с правом подачи решающего голоса. На запрос министра ОМДС, со ссылкой на статью 1433 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» (в выборе не должны участвовать лица, не принадлежащие избираемому приходу, а также младшие члены семейства, т.е. отдельно от отцов сыновья, младшие сыновья, племянники и т.п.), заявило, что женщины, хотя и имеющие на то полномочия от своих мужей, не допускаются к выборам духовного лица. Со своей стороны Департамент подготовил «справку» для министра, указав, что, согласно указу от 17 октября 1906 г., в вопросе о праве женщины подписать заявление об образовании общины не содержится никаких ограничений, «в силу чего к допущению женщин подписывать указанные заявления при условии достижения ими общего гражданского совершеннолетия препятствия не встречается». Тем не менее в ответе на запрос Пермского губернатора, вслед за Духовным собранием, МДВ заявило (18 декабря 1909 г.), что «женщины не пользуются правом подачи решающего голоса при выборах духовных чинов в магометанских приходах ни лично, ни по уполномочию своих мужей».

В июне 1914 г. активистки зарождающегося мусульманского феминизма Мариам и Салима Якуповы, Махфуза МаксUTOва хотели передать составленную ими петицию о положении женщин IV Всероссийскому мусульманскому съезду, проходившему в Санкт–Петербурге. Однако их инициатива не нашла понимания делегатов съезда. Отказ делегатов встретиться с представителями женщин и обсудить женский вопрос и допустить мусульманок к выборам духовных лиц был осужден в татарской печати.

Согласно «Уставу строительному», построение новых мечетей допускалось «не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов Магометанскому духовному начальству с утверждения начальства губернского, после надлежащего удостоверения в необходимости построения сих новых мечетей, а равно и в достаточности средств для приличного их содержания». Таким образом, при возведении мечети в поселении, где в округе не было прихода, все вопросы решались прихожанами. Обязательность наличия на общественном приговоре о возведении мечети подписей духовенства, иначе легитимность приговора могла быть поставлена под сомнение, четко не было прописано. Упрощенно говоря, законодательство не содержит ответа на вопрос: какое значение имеет отрицательное мнение приходского духовенства по поводу возведения новой мечети? Эта неясность обусловила различную оценку губернскими правлениями жалоб духовных лиц.

В начале XX в. в силу «измельчания махалли» власти стали уделять больше внимания мнению приходского духовенства.

Остался вне поля зрения составителей и вопрос о правах части прихожан старой мечети в случае отделения от махалли нового прихода. Поскольку о них ничего не говорилось, как бы само собой напрашивается ответ об игнорировании их мнения. Однако, поскольку вновь образуемая махалля дальнейшее содержание действующего храма и причта полностью возлагала на них, то в действительности все было не так просто. Каждое губернское правление по-своему решало данный вопрос. В большинстве случаев они ограничивались требованием соблюдения в обоих приходах установленного законом норматива численности махалли.

Отсутствие в законах четких правил относительно организации махалли, объединяющей, как правило, жителей двух селений или одной деревни и части соседней, а главное – предельного расстояния между населенными пунктами, при бюрократическом характере деятельности губернского правления создавало порой возможность организовывать фиктивные приходы, расположенные друг от друга «даже далее 10 верст». Данный вопрос полностью находился в компетенции местной администрации.

Таким образом, сложившаяся традиция по содержанию мусульманами богослужебных зданий со второй трети XIX в. стала обязательной повинностью. Постройка мечети становилась первым шагом в формировании религиозно-культурной автономии «инородцев».

Возведение храма с образованием махалли, школы и других богоугодных заведений в общине регулировалось нормами шариата. Для этого достаточно сравнить общественную ситуацию в российской деревне в 1905 — 1907 гг., в период революционного подъема. Русские крестьяне требовали пересмотра размеров сборов на содержание духовенства и церкви вплоть до упразднения, выступали против сборов денег духовенством, отказывались от уплаты руги, воздерживались от посещения церковных служб, в 1905 г. на заседаниях некоторых крестьянских союзов даже выносились решения о закрытии церквей (предлагалось «обратить их здания на полезные учреждения» — больницы или школы), крестьяне совершали нападения на дома священнослужителей и т.д. Такие проявления антиклерикализма обошли татарскую и башкирскую деревню стороной.

В 1910 г. ОМДС приняло за правило при всяком поступлении ходатайства о возведении мечети с устройством самостоятельной махалли требовать от просителей сведения: о существующих в поселении мечетях, мусульманских школах, о численности контингента учащихся и учителей, соответствует ли содержание учебного процесса названию учебного заведения, и давало «добро» исключительно в случаях, если мечети и школы устроены, не требуют ремонта, а преподавание ведется удовлетворительно. Нововведение предполагало осложнить появление новых махаллей, в то же время позволяло собирать сведения о системе образования в регионах и вынуждало общину лучше заботиться не только о мечетях, но и учебных заведениях.

Государство требовало от прихожан гарантии материального содействия в возведении и содержании зданий молитвенных собраний. Данное законоположение кажется проявлением заботы самодержавия о мусульманах. В действительности это явилось отражением в российском законодательстве попечения об исламских институтах за счет самих мусульман. Государство от этого не теряло ни копейки, но получило дополнительную статью по контролю за динамикой роста численности исламских институтов, поскольку без получения разрешения на постройку мечети, как правило, невозможно было ставить на повестку дня вопросы, касающиеся регистрации новой махалли, назначения духовенства, совершения общественного богослужения, открытия мектебе и медресе.

Также следует отметить, что это правило имело силу только при возведении новой мечети с образованием махалли. В случае ветхости или неприличного вида исламского культового здания законодательство не предусматривало меры наказания.

На практике именно тяжелое социально-экономическое положение общины становилось причиной отказа мусульманам, ходатайствовавшим об организации прихода с постройкой мечети.

В период правления Николая I Министерство государственных имуществ обращало пристальное внимание на облик деревни, на богослужебные помещения, которые, как публичные здания, должны были иметь (по нормам планировки и застройки) приличный вид. Дело дошло до того, что для постройки домов вдоль трактов Палата государственных имуществ выделяла казенный лес — строительный материал. Стремление Министерства государственных имуществ воспитывать сельские общества в религиозно-нравственном отношении на высоком уровне выразилось в царском указе от 16 июня 1852 г., данном руководству ведомства, «О безденежном отпуске леса на перестройку и починку храмов и молитвенных домов иноверцам из сословия государственных крестьян Великорусских губерний». Для постройки молитвенных зданий бесплатный строительный материал отпускался по разрешению министра государственных имуществ по представлениям местных палат из крестьянских лесных дач повсеместно, если только не наблюдалось их истощение,— «не входя в сметные назначения», т.е. столько, сколько необходимо. А на перестройку и ремонт культовых богослужебных учреждений разрешенный духовным начальством отпуск материалов производился по сметной документации, утвержденной чиновниками ведомства. Законом от 18 января 1866 г. государственные крестьяне были выведены из подчинения этого ведомства и уравнены в правах с остальными категориями сельского податного населения империи, что означало потерю этой льготы для мусульман.

Недвижимое имущество, принадлежащее церквям христианских и нехристианских конфессий, и та его часть, которая в случае сдачи в наем не приносила дохода, не облагались налогами на недвижимость.

С 1830 г. питейные дома на больших улицах могли находиться от православных церквей на расстоянии не ближе 40 саженей. Устройство питейных заведений на площадях, где находились храмы, также запрещалось законом. Закон от 1850 г. запретил устраивать лавки при церквях, храмы и колокольни при лавках. В 1857 г., после опубликования закона об акцизах и питейных сборах, минимально допустимое расстояние между церковью и питейным домом было увеличено до 125 саженей. Оказавшиеся в этой зоне питейные заведения разрешено было оставить, но с условием не ремонтировать, «после прихода в ветхость перенести на новые специально установленные для них места». Публичные здания (цирк, театры, другие увеселительные заведения) могли строиться в 100 саженях от православного храма. Хотя эти предписания «Устава строительного» имели в виду православные церкви, на практике местная администрация в принципе могла руководствоваться ими и при регулировании в городском пространстве религиозно-обрядовой жизни мусульманской общины.

Власти старались разъяснять жителям правила возведения мечетей. В этой связи заслуживает внимания просьба ОМДС от 1 декабря 1892 г., направленная к начальникам губерний Волго-Уральского региона, о разъяснении через волостные правления сельским мусульманским обществам основных положений статей 260 — 265 «Устава строительного». Административный орган мусульман стремился получить максимум информации, позволяющей ему перейти от формального утверждения ходатайств о постройке мечетей к анализу возможности строительства храмов в соответствии с законом. В частности, в приговоре просители обязаны были указать: наличие во вновь образуемом приходе не менее 200 душ м.п., подтвердить свое обязательство «доставлять средства» на содержание храма и приходского духовенства, указать, «не проживают ли вместе с желающими построить мечеть христиане и новокрещенные татары, и не может ли от построения мусульманского храма произойти для них соблазна в вере» (!!!), выяснить и описать место сооружения культового здания, чтобы соблюдалось правило его постройки на площади или на расстоянии в 20 саженей от ближайших строений. Волостные

правления обязаны были контролировать, в каком состоянии находится существующая в селении мечеть, имеется ли у прихожан достаточно средств для приличного содержания как нового, так и функционирующего храма. Кроме того, просители обязаны были представить в Духовное собрание планы и фасады, «предположенные к постройке мечети». Волостные правления должны были разъяснить, что в случае поступления приговоров, не удовлетворяющих новым требованиям, они не будут рассматриваться административным органом мусульман.

В наставлении оренбургского муфтия М.Султанова до сведения состоящих в приходах духовных лиц (от 6 сентября 1897 г.) доводились правила постройки новых мечетей, перестройки и ремонта существующих храмов. Оно было включено и в «Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» изданий 1903 г. и 1905 г.

Уфимское губернское совещание, образованное с разрешения министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся ислама и нужд башкирского населения (22, 23 и 25 июня 1905 г.), уделило большое внимание проблеме исламского общественного богослужения, что нашло отражение в его резолюции. Участники совещания высказались за передачу права «разрешения постройки и ремонта мечетей», образования новых махаллей, их реорганизации, в целом устройства религиозно-обрядовой жизни в компетенцию института окружных ахунов. Причем окончательное решение на основании представлений окружных ахунов должно было принимать Духовное собрание, не входя в соглашение с епархиальным начальством. Ахуны должны были заботиться о составлении обществами, нуждающимися в мечетях, приговоров (п.31, 81). Институту окружных ахунов отводилась ключевая роль в организации общественного богослужения. Они получали право созыва приходского или сельского (если приход состоял из отдельного общества) схода для обсуждения проблем о нуждах и делах прихода, инициирования составления приговора, причем сельский и волостной органы самоуправления должны были оказывать содействие управлению окружных ахунов или командированному им лицу в принятии личного участия как по соблюдению за порядком, так и исполнением установленных законом правил: проверка, свидетельствование приговора, а также содействие к его исполнению.

Составленный приговор как документ, подтверждающий желание общества, поступал в распоряжение управления окружного ахуна. После рассмотрения в коллегиальном составе и сбора нужных сведений — относительно соответствия размера предполагаемой к постройке мечети действительным нуждам прихода, избранного под постройку места с учетом санитарно-гигиенической, пожарной, технической безопасности, в плане обеспечения дальнейшего содержания мечетей и духовенства — техническая документация вносилась на предварительное одобрение в строительное отделение губернского или областного правления, затем поступала в Духовное собрание для принятия окончательного решения. Управление окружных ахунов должно было также принимать непосредственное участие в составлении приговоров об избрании духовных лиц. В целом новый институт должен был курировать мечетестроительство, имущество богослужebных учреждений и кладбища, осуществлять надзор за приличным их содержанием, в случае надобности, путем воздействия на прихожан убеждениями — проповедями (вагазами) — и другими мерами вразумления, вплоть до обращения к местным гражданским и судебным властям, содействовать устранению беспорядков (п.31). Указывалось на неотчуждаемость земельного участка, выделенного под мечеть. Любопытен способ регулирования взаимоотношений мутаваллия и общины в отношении права распоряжения храмом: сам факт постройки частным лицом мечети должен был стать основанием для автоматической передачи культового здания в распоряжение местного общества.

Абсолютное большинство исламских культовых зданий в сельской местности возводилось из традиционного строительного материала — дерева. Спустя десятилетия срубные здания приходили в ветхость, что приводило к периодической постройке новых культовых зданий. Роковую роль в уничтожении храмов играли и пожары. Одним из эффективных способов поддержания мечети «в форме» являлось проведение своевременного ремонта ее здания. Поскольку последнее слово в возведении храма принадлежало губернскому начальству, прихожане по мере необходимости, на основании общественного приговора, обращались в губернское правление за разрешением частичного ремонта здания. Если предполагалась реконструкция здания с изменением плана и фасада, то они обязаны были представлять на утверждение новые чертежи, если же речь шла о частичном ремонте без реконструкции, то представляемого приговора было достаточно для внесения ходатайства на одном из заседаний губернского правления. И в случае реконструкции здания, и в случае ее частичного ремонта, как правило, по требованию чиновников, местная полиция, осмотрев культовое здание, должна была подтвердить или опровергнуть необходимость обновления храма. Как правило, сельские общества решали такие вопросы по-разному: непосредственно со светскими властями, без согласования с ОМДС, или предварительно просили разрешения у религиозного органа. Во втором случае его разрешение зависело от времени получения местной администрацией рапорта Духовного собрания на производство ремонта, перестройки храма, в поддержку приговора прихожан. В данном случае доверенными или просителями выступали заинтересованные лица — имамы поселения.

Таким образом, организация религиозного богослужения и регистрация мусульманского прихода действующим законодательством фактически подменялись, сводились к возведению культового здания. В то время как элементами махалли, кроме богослужебного здания, являлись причт и прихожане. Данная специфика законодательства объясняется концентрацией внимания самодержавно-церковной власти в XVIII в., прежде всего, на «видимом» в сельском поселении атрибуте ислама — мечети, где должны происходить молитвенные собрания. При отсутствии постоянного полноценного административно-полицейского контроля и замкнутости мусульманской общины выявление тайных духовных лиц являлось бесполезной тратой сил и энергии. В этих условиях ликвидация «незаконной» мечети признавалась наиболее эффективной формой контроля.

В казачьих войсках строительство мечетей, назначения мусульманских духовных лиц осуществлялись на основании действующего законодательства для гражданских махаллей, которое стало официально использоваться с 1855 г. с учетом специфики устройства органов самоуправления военно-служилого сословия.

Первостепенность — для совершения общественного богослужения и образования махалли — строительства мечети сохранилась и после признания ислама в качестве одной «из терпимых религий». Регулирование исламского богослужения властями осуществлялось в формате христианской религиозной традиции. Мечеть и «растворила» в себе совершение общественного богослужения, «подмяла» под себя и регистрацию махалли, и назначение при ней духовных лиц. В соответствии с буквальным смыслом действующего законодательства только при существовании мечети, а не молитвенного здания, могло быть разрешено образование махалли. Иначе говоря, без мечети махалля не имела права на существование. Следует отметить, что исламский храм воспринимался правительством по подобию христианского, с тем лишь отличием, что христианам разрешалось при этом иметь еще и молитвенные дома (молельни) для совершения общественных богослужений. Поэтому в постановлениях губернских правлений вышеуказанные аспекты излагались примерно таким образом: «Разрешить постройку соборной (пятивременной) мечети с образованием самостоятельного прихода». Получалось, что только после завершения строительных работ приход имел право производить выборы духовных лиц, хотя у последних, кроме проведения общественных

богослужений, было еще немало, определенных законами ислама и царским законодательством, обязанностей.

Наш вывод подтверждается тем, что регламентация порядка назначения и жизнедеятельности мусульманского приходского духовенства и законодательства произошла в XIX в., «наслаиваясь» на правила строительства мечетей, и опять-таки — с ориентацией на сельское податное население.

Сложившиеся во внутренних губерниях правила в отношении массовых институтов ислама постепенно были распространены и на округ Таврического магометанского духовного собрания, Кубанскую и Терскую области и Ставропольскую губернию. Таким образом, помимо Закавказья и Туркестана, повсеместно в империи на рубеже XIX — XX вв. организация общественного богослужения сводилась к сооружению мечетей и заключалась в соблюдении следующих правил:

1. При каждой мечети должно быть не менее двухсот ревизских наличных душ м.п.
2. Общество, желающее образовать самостоятельный приход, в общественном приговоре письменно подтверждало свое согласие «на доставление средств» для содержания храма и духовенства.
3. Проекты сооружаемых мечетей должны были быть «утверждаемы каждый раз» губернским или областным правлением, а в особо важных случаях — Министерством внутренних дел.
4. Новые мечети в селениях должны были строиться на площадях или находиться на почтительном расстоянии от ближайших строений (20 саж.).

Во второй половине XIX — начале XX в. сооружение мечетей в Степных областях разрешалось: 1) во вновь учрежденных Уральской и Тургайской областях — министром внутренних дел по представлению местного военного начальства с соблюдением статей 154 и 155 «Устава строительного» (действительная необходимость, определенное в законе число прихожан и обеспечение «средствами содержания мечети и духовенства»), в Акмолинской и Семипалатинской областях — степным генерал-губернатором, в Семиреченской (с момента присоединения к Туркестанскому краю) — туркестанским генерал-губернатором.

Относительно Закавказья в действующем законодательстве не было каких-либо указаний о порядке строительства мечетей. Тем не менее установилась практика со ссылкой на статью 89 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений», согласно которой местная администрация обязана была наблюдать, чтобы молельни были сооружаемы не иначе, как с разрешения установленных властей. На основании этого разрешение на строительство мечетей давал главный Кавказский наместник. При принятии решения начальство также исходило из статей 154 и 155 «Устава строительного».

С целью упорядочения совершения пятивременных молитв имамами и осуществления контроля над передвижениями приходского духовенства, МВД установило в 1896 г. правило увольнения мусульманских духовных лиц: в отпуска они уходили с разрешения местного губернского начальства, а на кратковременные (не более двух недель) — по усмотрению губернских чиновников с ведома местного полицейского управления. В 1900 г. упростилось получение разрешения на кратковременные отлучки путем предоставления им такого права с уведомления полицейского управления.

Обжалование постановлений губернских правлений производилось в установленном законом порядке. В течение трех месяцев со дня объявления полицией постановления губернской администрации тот же уполномоченный или другое лицо, выбранное общественным приговором для этого, мог обратиться в Сенат с апелляцией.

Обращение мусульман к императору Канцелярия императора по принятию прошений «спускала» в МВД, которое, в свою очередь, запросив материалы и заключение местного губернатора, составляло справку для ответа.

Таким образом, можно констатировать, что разработка законодательных актов и их принятие во второй половине XIX — начале XX в. по регулированию возведения

исламских культовых зданий в Европейской части России и Сибири происходили путем тотального или локального распространения действующей модели организации исламского общественного богослужения во внутренних губерниях России.

Особенность российского законодательства в отношении мечетей и исламского богослужения, заключающаяся в слабой разработке положений их жизнедеятельности в целом, и вопросов общественного богослужения в том числе, объясняется осторожностью самодержавной власти, пришедшей на рубеже 1850 — 1860 гг. к мысли о комплексной реорганизации управления духовными делами мусульман, а в 1875 г. отложившей ее рассмотрение до «лучших времен» в связи с напряженностью на Востоке, «разрешившейся» русско-турецкой войной 1877 — 1878 гг. Анализ законодательства по возведению исламских культовых зданий в Европейской части России и Сибири во второй половине XVIII — начале XIX в. позволяет говорить о первостепенности прихода для организации религиозно-обрядовой и бытовой жизни мусульман.

Только комплексный анализ законодательных актов, циркуляров и предписаний Министерства внутренних дел и указов Сената по апелляциям мусульман позволяет выявить особенности организации и проведения мусульманского общественного богослужения в Европейской части России и Сибири. При этом следует учитывать, что «правовое сознание русского общества, взятое в целом, не вполне соответствовало действовавшему в России законодательству и носило следы обычного права». Эта специфическая особенность реализации религиозных прав мусульман в условиях российской действительности в деле возведения мечетей будет рассмотрена в последующих разделах нашего исследования.

Формирование правил возведения исламских культовых зданий в Европейской части России и Сибири произошло в период правления Николая I и в основном завершилось в первой трети XIX в. Они без принципиальных изменений действовали вплоть до падения самодержавия. Создание нормативных актов производилось бессистемно, от случая к случаю, путем возведения в законодательный статус частных случаев, разбираемых органами верховной власти. «Эволюция» законодательства в целом вписывается в формирование бюрократических традиций и свидетельствует об отсутствии какой-либо специальной, предвзятой политики самодержавия по отношению к исламу на Европейской части России и в Сибири до тех пор, пока религиозный фактор не стал влиять на общественно-политические события.

4. Проблемы устройства молитвенных помещений в начале XX в.

Известия о поражениях российской армии в Русско-японской войне 1904 — 1905 гг., обострение аграрного вопроса, ухудшение благосостояния и другие факторы привели к усилению революционного настроения среди народных масс. Обновление общественно-политической жизни проявилось в усилении протестов нерусского населения по поводу неразрешенности «национального вопроса».

Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране последовал именной «высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г., предписавший пересмотр российского законодательства, в частности вопросов, касающихся веротерпимости в духовной жизни, т.е. в отношении «инославных» и «иноверных» исповеданий. Издание указа вызвало кампанию по подаче прошений с просьбами о разрешении на законодательном уровне наиболее болезненных проблем уммы.

Группа татарских прогрессивных деятелей была принята министром внутренних дел Святополком. Чтобы вести предметный разговор, сановник предложил разработать докладную записку о нуждах мусульман. Вскоре на имя министра поступила докладная записка о передаче мектебе и медресе, мечетей, издания религиозных книг в исключительное ведение ОМДС. Эта программа Духовным собранием была оценена как нереальная в плане осуществления. История доказала правоту муфтия М.Султанова и заседателей религиозного учреждения. В 1905 г., после встречи М.Султанова с

председателем Комитета Министров С.Ю.Витте, в ходе которой обсуждались назревшие проблемы реорганизации управления духовных дел мусульман, и после получения от него «добро» на разработку проекта реформы управления исламскими институтами, в Уфе 10 апреля 1905 г. было созвано совещание с участием около 40 духовных лиц. По итогам работы совещания была принята составленная членом Собрания Р.Фахретдиновым резолюция, в целом вызвавшая одобрительный отклик уммы.

При комплексном анализе в 1905 г. правил сооружения богослужебных зданий инославных и иноверных исповеданий, с учетом поступивших ходатайств от мусульман, Комитет Министров, обратив особое внимание на их неполноту, взаимную несогласованность и «широкое допущение административного усмотрения», вследствие этого пришел к убеждению о необходимости их пересмотра с тем, чтобы поставить «порядок разрешения молитвенных домов иноверных исповеданий на почву твердого и определенного закона, вне зависимости от какого-либо усмотрения и от не основанных на законе административных распоряжений».

Взгляд на «исламский вопрос» верховной власти, зафиксированный в законе от 17 апреля 1905 г., закрепил демократические установки, царившие в этот период в правительстве.

В то же время в указе от 17 апреля был заложен «двойной стандарт» самодержавной власти. Закон декларировал необходимость тотального пересмотра законодательства, ущемляющего гражданские права неправославного населения страны во имя исполнения повелений российского государя о незамедлительной отмене «всех не соответствующих началам веротерпимости и не основанных прямо на законе распоряжений». Одновременно правительство высказало «решительное убеждение» о том, что изменения государственно-церковных отношений в поликонфессиональной России не распространяются на «Основные государственные законы», признающие православие первичным и господствующим в империи. «Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы государства Русского и Православной Церкви, отнюдь не должно быть умалено. Поэтому неизменно подлежит сохранению и на будущее время преимущество, главным образом придающее православной церкви значение господствующей, принадлежность к ней государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения нужд своих из общегосударственных доходов».

Одним из пунктов «высочайше» утвержденного 17 апреля 1905 г. журнала Комитета Министров от 2 февраля и 1 марта 1905 г. (раздел X, п.1) учреждаемому Особому вневедомственному совещанию поручались разработка законопроектов и их представление в Государственный Совет без предварительного согласования с центральными ведомствами. По вопросу сооружения молитвенных домов иноверных исповеданий, способствующих «широкому допущению административного усмотрения», были указаны статьи «Устава строительного» об участии архиереев в решении вопросов возведения мечетей в округах Таврического и Оренбургского духовных управлений. Причем обусловливание принятия окончательного решения отсутствием «соблазна для православных» было признано «более стеснительным», нежели форма участия духовной власти в мечетестроительстве в Тавриде.

Комитет Министров весьма критически подошел к оценке фактора опасности соблазна для православных от возведения мечетей, подчеркнув при этом, что, «проживая в составе России уже в течение многих столетий, мусульманское население внутренних губерний исполняло всегда долг свой перед государством наравне с его коренными подданными и не доставляло правительству каких-либо особых забот в отношении политическом. Будучи затем весьма твердым в правилах своего вероучения, население это никогда, однако, не проявляло стремления к прозелитизму среди русского народа. Кроме того, несмотря на сохранившиеся еще некоторые отличия внутреннего и внешнего быта, население это сроднилось с Россией и вполне ей дружественно».

В целом «высочайше» утвержденным 17 апреля 1905 г. положением Комитета Министров, изложенным в указе от того же числа, об укреплении начал веротерпимости Особому вневедомственному совещанию по делам веры было предписано разработать комплекс вопросов, касающихся исламских институтов: 1) о сооружении «молитвенных домов иноверных исповеданий»; 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства — приходских и высших; 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства; 4) о порядке открытия мусульманских школ — мектебе и медресе; 5) об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области; 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей. Помимо перечисленных дел, «высочайше» утвержденным положением Комитета Министров 18 июня 1905 г., Особому совещанию было предложено рассмотреть также и некоторые вопросы, связанные с регулированием статуса уммы в российском правовом пространстве: 1) о предоставлении мусульманским духовным лицам звания личного почетного гражданина; 2) об изменении действующих правил по рассмотрению дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; 3) о преподавании ислама на родном языке верующих; и 4) о пересмотре постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности.

Следует отметить, что среди поступивших в адрес правительства документов имелось и предложение ОМДС 1905 г. о предоставлении разрешения на постройку мечетей по усмотрению религиозного органа без всякого участия гражданской власти, кроме утверждения плана культового здания в строительном отделении губернских правлений. А ходатайства исламских общин и отдельных мусульман сводились к тому, чтобы разрешение на постройку мечетей исходило от лиц и учреждений, «правлящих делами своих единоверцев», и к устранению участия в этом деле православного духовенства. Предполагаемая реформа не осталась без внимания и участников первого съезда партии «Иттифак эль-муслимин», состоявшегося летом 1905 г. В резолюции, посвященной переустройству исламских институтов, декларировалось «о сосредоточении за Духовным собранием открытия махалли, постройки мечетей», учебно-организационных вопросов мектебов и медресе. Аналогичное требование прозвучало в ряде прошений мусульман, адресованных министру внутренних дел.

В своем обращении к правительству в 1905 г. татары Касимовского уезда Рязанской губернии, в частности, отмечали важную роль православного духовенства при разрешении «постройки мечети», «которое разрешает вопрос с точки зрения существования соблазна и при утвердительном ответе со стороны онаго магометанам приходится оставаться без мечети, а ответ каждым священником дается по своему вкусу и без достаточных оснований». Они обратили внимание государственных мужей на усиление негативного отношения единоверцев «к русскому элементу» вследствие вмешательства в сугубо внутреннее дело общины православных священнослужителей.

Вопросы устройства религиозно-обрядовой жизни уммы были разработаны членом Государственного Совета действительным статским советником В.П. Череванским для рассмотрения на Особом вневедомственном совещании с участием представителей Государственного Совета, Синода, Министерств юстиции, внутренних дел и народного просвещения, в его записке «По делам веры мусульман-суннитов» и двух дополнениях к ней: «О судебном деле киргизов» и «О положении мусульманских женщин». Интересующие нас вопросы сосредоточены в первой записке. Сановник писал, что «осуществление такого порядка привело к тому, что духовенство могло бы навязать народу столько мечетей, сколько оно пожелает, а народу оставалось бы нести смиренно свою лепту на сооружение мечети, на ее содержание и содержание размножающегося

числа вероисповедников, что не может не озабочивать правительственную власть, перед которой интересы народной массы, хотя бы и материальные, не могут быть устраняемы чрезмерными настояниями вероисповедников».

В.П.Череванский предложил выработать законодательный проект «возведения исламских культовых зданий», основанный на следующих принципах, которые, в силу их важности, мы сочли необходимым привести полностью: «1) Христианскую духовную власть совершенно освободить от обязательства давать какое-либо заключение по делам сооружения мечетей. 2) Разрешения на постройку новых мечетей должны исходить от правлений по делам мусульманской веры, но не иначе как по предварительному ходатайству о том мусульманской общины, выраженному в приговоре, подписанном или утвержденном печатями или тамгами не менее половины лиц всего состава общества. 3) При составлении сего рода приговоров не должны участвовать лица мусульманского вероисповедательского персонала; кроме того, за правительственной властью надлежит сохранять право наблюдения, чтобы приговоры выражали действительно народное желание, а не служили бы только актами исполнительного перед вероисповедательским персоналом характера. 4) В местностях с крещеными, не состоявшими в мусульманстве, первые должны быть сооружаемы христианские храмы или молитвенные дома, а затем могут быть открываемы беспрепятственно и мечети мусульман. 5) Постройку мечетей мусульман вне городов освободить от требований строительного устава, подчинив их сооружение местным требованиям, относящимся к постройке обывательских домов».

Проект В.П.Череванского вызвал принципиальное несогласие члена Особого вневедомственного совещания Будиловича, обнаружившего в документе противоречие с существующими российскими законами. По его мнению, в случае отстранения светской власти от участия в исламском храмовом строительстве, число культовых учреждений «может возрасти до бесконечности, вопреки интересам населения, и мечети станут возникать рядом с православными храмами, что может служить соблазном для православных инородцев, нередко колеблющихся между Кораном и Евангелием». В результате Особое вневедомственное совещание под председательством генерал-адъютанта А.П.Игнатьева не смогло прийти к единому мнению по данной проблеме.

Совещание начало свою работу 29 ноября 1905 г. Обнародование к этому времени законов о Государственной Думе и Совете Министров установило новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. В частности, подлежащие ведению Государственной Думы дела должны были вноситься в нее исключительно начальниками отдельных ведомств после предварительного обсуждения в Совете Министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого межведомственного совещания лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». Царским указом от 28 мая 1906 г. оно было закрыто, его журналы и материалы поступили в распоряжение Совета Министров, а оттуда, не ранее второй половины июля 1906 г., — в МВД. Чиновникам данного ведомства был поручен пересмотр всех действующих законов, регулирующих управление делами мусульман в Российской империи.

В период работы Особого Совещания и после его закрытия в правительство поступило более 500 ходатайств по самым разным аспектам жизнедеятельности исламских институтов, в том числе не учтенным в рекомендациях Комитета Министров. Чиновники министерства их также приняли во внимание при разработке нового законопроекта.

В своей служебной записке по этому поводу чиновник особых поручений ДДДИИ Г.Н.Тарановский отмечал: «Нельзя отрицать, что мусульмане имеют право подозревать русскую власть в намерении сдерживать размножение числа мечетей; подозрение это опирается, и не без основания, на участие русского духовенства в разрешении на постройку мечетей. Закон по этому предмету не приносит, однако, польза ни государственной власти, ни интересам христианской церкви. Мусульмане прекрасно знают, что переход в мусульманство случается в виде единиц на десятки миллионов

населения, а, следовательно, не ради охранения этой ничтожной и ненужной христианской величины установлено участие епархиальной власти в разрешениях на сооружение мечетей». Мнение специалиста раскрывает новый аспект данного положения, а именно — востребованность соучастия в этом процессе духовной власти, которая предоставляет в руки правительства инструмент для запрета сооружения исламских храмов (читай: увеличения числа духовенства, школ, самодостаточных приходов) в случаях, когда соблюдаются все требования закона, но нецелесообразно по государственным соображениям.

Г.Н.Тарановский предлагал изолировать православное духовенство от исламского храмового строительства, а в местностях с крещеными и «инородцами» первоначально сооружать христианские храмы или молитвенные дома, а затем уже «беспрепятственно» разрешать возведение мечетей. То есть в поликонфессиональных селениях светская власть сама должна была создавать приоритеты для христиан и рассматривать исламское культовое зодчество как «второсортное».

В градации конфессий в России наиболее близко к исламу было иудейство. При ходатайстве еврейской общины о постройке синагоги или школы разрешение давалось министром внутренних дел «по удостоверении безвредности секты» для «правительственного и общественного спокойствия». Согласно буквальному смыслу закона, в местностях вне черты оседлости евреев с разрешения министра внутренних дел допускалось исключительно устройство молелен на тех же началах, что были установлены для аналогичных учреждений, существующих в столице. Последнее правило было основано на положении Еврейского комитета от 28 октября 1868 г. и «высочайше» утвержденных 12 февраля 1865 г. и 19 января 1868 г. Положениях Комитета Министров. Александр II утвердил 19 сентября 1869 г. Положение Комитета Министров о разрешении на устройство в Санкт-Петербурге еврейской синагоги с условием закрытия всех существовавших в городе еврейских молелен и молитвенных домов. Положением Комитета Министров от 19 ноября 1904 г. министру внутренних дел было разрешено устройство в столице с соблюдением «Устава строительного», по мере надобности, еврейских молелен. Возведение синагог вне черты оседлости производилось на этих основаниях. Помимо этого, для Санкт-Петербурга действовало указание о представлении на рассмотрение императора фасадов еврейских молитвенных домов.

МВД довело до логического конца полученные из Особого Совещания материалы, оформив свое видение проблемы в проекте «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» от 20 февраля 1907 г., представленном в Государственную Думу.

Показательно, что документ был разработан без каких-либо консультаций с Синодом, о чем свидетельствует обращение директора департамента В.Владимирова от 19 января 1907 г. в канцелярию Синода с рекомендацией духовному ведомству составить новый, аналогичный выработанному в министерстве проекту открытия инославных и нехристианских храмов и молитвенных домов в столице, по сравнению с которым православная церковь оставалась в бюрократических тисках действующего законодательства.

В своем представлении к проекту МВД резюмировало, что имеющиеся в законах формальные требования о соответствии инославных и иноверных молитвенных зданий определенной численности в данной местности жителей определенного вероисповедания «не всегда... может служить мерилom действительных религиозных потребностей населения; она, кроме того, подтверждена значительным колебанием, а также может иметь совершенно различное значение в зависимости от местных обстоятельств. Поэтому Министерство полагало бы целесообразным исключить приведенное условие из закона о надобности или ненадобности молитвенного здания».

Разрешение других вопросов, касающихся сооружения богослужебных зданий, должно быть изложено в «отдельных законодательных работах» и подлежало включению в уставы соответствующих исповеданий.

В документе обращалось внимание на сооружение в большинстве случаев церковных и молитвенных зданий «инородцев» не на наличные капиталы, а на средства, собираемые путем добровольных пожертвований и обязательно принятых на себя населением взносов. Подчеркивалось, что проверка «наличия средств к возведению храма» является «чрезмерным стеснением для населения». Оказывается, «правительство, наблюдая за инославным и иноверным церковностроительством, вовсе не заинтересовано в обеспечении непрямого возведения данной постройки».

В «высочайше» утвержденном журнале от 17 апреля 1905 г. Комитет Министров относительно укрепления начал веротерпимости предлагал отменить дискриминационное право гражданской власти, разрешающее или запрещающее постройку инославных молитвенных зданий, сводя решение вопроса к трем условиям (п.13): 1) согласие надлежащего духовного начальства; 2) наличие необходимых на постройку средств; 3) соблюдение технических требований «Устава строительного», возложив на гражданскую власть констатацию этих условий.

МВД предлагало исключить из этого перечня второе условие как излишнее стеснение для прихожан. Вместе с тем в весьма обтекаемой форме была выражена необходимость сохранения за гражданской властью разрешения постройки этих культовых зданий. Это явление, не выступая прямым нарушением действующих законов, посягало на интересы титульного населения и государства, что проявлялось, по мнению МВД, в нескольких плоскостях: 1) Церковностроительство в руках инославного и иноверного духовенства нередко является средством для возвеличения престижа церкви и вероучения. В стремлении к умножению числа молитвенных сооружений духовенство часто начинает постройку, не имея в своем распоряжении достаточных средств, и затем, воздействуя на религиозное чувство прихожан, принуждает их к принятию на себя расходов, для них непосильных или надолго подрывающих их материальное благосостояние. Это с одной стороны. С другой стороны, непомерное размножение молитвенных зданий влечет за собой и увеличение численности духовенства в степени, далеко не соответствующей потребности населения. Правительство, в обязанность которого входит попечение о благосостоянии российских подданных, должно вести наблюдение за тем, чтобы постройка новых молитвенных зданий в материальном отношении не была чрезмерно обременительной для населения.

2) Помимо этого, сооружение инославного и иноверного молитвенного здания могло в некоторых случаях быть нежелательным и даже нетерпимым по государственным соображениям. В условиях России «церковь с давних пор сделалась одним из орудий национально-политической и религиозной борьбы, и в тех местностях, где сталкиваются разнородные национальности и исповедания, борьба эта нередко проявляется в очень интенсивных формах в виде стремления одной религии к подавлению другой... государство... никак не может оставаться безучастным зрителем попыток подавления и унижения господствующей православной церкви. Поэтому в тех случаях, когда обстоятельствами несомненно будет установлено, что сооружение возведено с очевидною целью унижить достоинство православной веры, правительству должна быть предоставлена возможность недопущения таковой постройки». Силовое ведомство, со ссылкой на открытие в Пруссии новых церквей с разрешения государства, участие гражданской власти и некоторое притеснение храмостроительства неправославных конфессий не признало стеснением свободы совести. Гражданской власти в лице губернских администраций предполагалось отводить роль третейского суда, обставленного «самыми строгими гарантиями законности и беспристрастности».

Эту функцию предусматривалось передать местному губернатору или градоначальнику, тем самым избавив центральную власть от лишнего делопроизводства.

Во всех случаях отказа или же когда местное начальство по политическим или иным соображениям признавало сооружение инославной церкви, хотя и отвечающей всем требованиям, недопустимым, окончательное право отказа предоставлялось исключительно министру внутренних дел, которому губернатор препровождал весь пакет документов со своим заключением.

Такой порядок объяснялся, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, МВД курировало духовные дела иностранных исповеданий. Во-вторых, оно, как центральное правительственное учреждение, было свободно от влияния местных условий и отношений. Такой порядок, по мнению министра внутренних дел П.А.Столыпина, мог бы быть распространен в империи повсеместно. Недовольные могли обжаловать решение министра в установленном порядке в Сенате.

Со ссылкой на «высочайше» утвержденное Положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 г., в котором осуждалось всякое участие православного духовенства в делах «инославного» храмостроительства, этот взгляд был распространен на правила возведения мечетей. МВД пошло по принципу унификации правил постройки «инославных» и «иноверных» молитвенных зданий, признав «излишним стеснением» для прихожан требование о наличии средств на возведение храма. В то время предполагалась выработка механизма ненавязчивого контроля с целью наблюдения, чтобы постройка молитвенных зданий не была чрезмерно обременительной для прихожан. Было признано необходимым «отменить дискредитационное право гражданской власти разрешать или не разрешать постройку». Речь шла об оставлении в силе некоторых положений действующего законодательства, а именно: «согласие духовного начальства и соблюдение технических требований».

Впервые начальникам губерний, а не губернским правлениям, предлагались единые требования по возведению, перестройке и «возобновлению существования» молитвенных зданий и помещений для «инославных» и «иноверных» исповеданий.

Новый вариант предлагаемого Министерством внутренних дел проекта 1907 г. сводился к следующим правилам:

1. Сооружение и устройство новых, предназначенных для постоянного или временного совершения в них публичных инославных или иноверных богомолений, молитвенных зданий и помещений, а также перестройка существующих и возобновление существовавших, если этим достигается возможность вмещения в здании большого числа молящихся, разрешается губернатором при соблюдении нескольких условий: а) в случае согласия духовного начальства этой конфессии; б) при согласии религиозной общины, если они не имеют установленного иерархического устройства; в) при соблюдении технических требований постройки, а также статьи 78 «Устава строительного» об особых условиях реставрации памятников древности.

2. В случае, если губернатор признавал возведение храма «не соответствующим интересам местного населения или общегосударственным пользам», то вся делопроизводственная документация, с его личным заключением, представлялась на усмотрение министра внутренних дел, принимавшего уже окончательное решение. При этом прихожане могли обжаловать его распоряжение в Сенате.

3. Перестройка, возобновление и ремонт культовых зданий, не связанных с увеличением их размера, производится без особого разрешения гражданской власти с соблюдением технических требований и вышеназванной статьи 78 «Устава строительного».

4. Сбор пожертвований на постройку и ремонт молитвенных зданий и на другие религиозные нужды производится с разрешения соответствующего духовного начальства на территории, ей подведомственной, для религиозных общин, не имеющих зафиксированного законодательством иерархического устройства, такое разрешение давалось начальником губернии или области в пределах подчиненной ему

административно-территориальной единицы. В остальных же случаях сбор пожертвований мог быть разрешен Министерством внутренних дел.

В положении Комитета Министров от 17 апреля 1905 г. осуждалось участие православного духовного начальства в делах инославного церковностроительства. Хотя в журнале прямо не говорилось об отношении господствующей церкви к нехристианским конфессиям, было очевидно, что признавалось вмешательство православной церкви в дела иноверцев как принцип. В представлении в Государственную думу, исходя из данного тезиса, МВД посчитало, что этот принцип, безусловно, должен быть применим и в отношении нехристианских конфессий как важнейший элемент реализации свободы совести. Поэтому силовое ведомство выступило в своем проекте за отмену тех статей закона, которые обусловили бы строительство молитвенного здания с согласия православного епархиального начальства или его устройство на определенном расстоянии от православного храма.

Между тем в вышеуказанном ключе на законодательном уровне были изменены и дополнены в соответствии с установками закона от 17 апреля 1905 г. лишь статьи, касающиеся построения христианских инославных церквей.

Обновление общественной жизни в стране сформировало критический взгляд на действующее законодательство, что нашло проявление в его ревизии. В 1906 г. МВД поделилось своим сомнением с Министерством юстиции по поводу правомерности закрытия храмов непосредственным распоряжением административной власти, в силу 2-й части ст.1073 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» или же закрытие может последовать не иначе как на основании судебного приговора.

Заключение Министерства юстиции сводилось к следующему рассуждению. Согласно буквальному смыслу статьи 1073 (ч.2.) «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», местному начальству было предоставлено право принятия мер наказания в отношении неправильно выстроенной мечети. Однако 2-я часть статьи 1073 не дает оснований для того, чтобы означенная мера предпринималась вне связи с 1-й частью данной статьи, определяющей ответственность за нарушение правил «Устава строительного», в том числе построения мечетей. Если до введения судебной реформы, ввиду отсутствия в законе указаний о порядке определения ответственности за нарушение «Устава строительного», дела нередко разрешались в административном порядке, то в настоящее время благодаря статье 1227 «Устава уголовного суда» не могло быть и речи, чтобы к исправлению, сломке или переносу незаконного культового здания можно было приступить без судебного приговора. Что же касается закрытия мечетей, то таковое соответственно общему смыслу законодательства, выраженному в статьях 1226 и 1152 «Устава уголовного суда», может быть предпринято впредь до постановления о том суда. Министерство юстиции полагало, что 2-я часть статьи 1073 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» не может «быть применяема» вне связи с 1-й ее частью, т.е. без получившего законную силу судебного приговора виновности обвиняемого, в котором не указывается, как поступить с неправильно построенной мечетью, — этот вопрос передается в компетенцию административной власти.

В проекте МВД от 20 февраля 1907 г. действующие нормы наказания были признаны недостаточно точными в разграничении «между областью дозволенного и недозволенного» и не учитывающими все формы открытого проявления веры. Налицо была необходимость определения тех условий, при которых они могли совершаться. В целях приведения законодательства в единообразие и в соответствии с началами свободы совести, в свете закона от 17 апреля и манифеста от 17 октября 1905 г., МВД признало необходимой отмену статьи 48(б) «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» в отношении евреев и статьи 278 «Уголовного уложения».

В проекте предлагалась новая редакция: «Виновный в устройстве религиозной процессии или паломничества, без заявления местной полицейской власти, когда таковое заявление требуется законом, или в употреблении колокольного или иных способов

публичного призыва к молитве, а также в ношении церковного облачения и монашеского и духовного одеяния без разрешения правительственной власти, когда такое разрешение требуется законом, наказывается денежной пеней не свыше трехсот руб.».

Однако законопроект МВД, в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране и реакционным внутривластным курсом самодержавия, относительно исламского культового зодчества не получил дальнейшего хода.

Учитывая отсутствие в действующем законодательстве единообразия в сфере - исламского храмового строительства и не усматривая вместе с тем оснований к сохранению для некоторых конфессий и регионов существующего порядка разрешения сооружения культовых зданий, силовое ведомство предложило в виде общего правила, что разрешение на сооружение христианского богослужебного или молитвенного здания, при наличии означенных в законе от 17 апреля 1905 г. условий, предоставить начальнику губернии, с тем, чтобы в случае отступления от этих условий или появления у губернатора сомнений он представлял дело на окончательное разрешение министра внутренних дел. В 1906 г. на основании «высочайшего» доклада министра было разрешено возведение мечети в одном из малочисленных населенных пунктов Астраханской губернии, в 1907 г. уже было «высочайше» удовлетворено 10 ходатайств аналогичных общин.

Министр с «всепокорнейшими докладами» ездил в Царское Село, где с 1905 г., в связи с болезнью наследника, уединившись от высшего общества, проживала семья императора, и Николай II по привычке синим карандашом в представленные листы ставил свою визу «С», означавшую «Согласен». Затем об этом решении уведомлялось и местное губернское начальство.

Локальность рассматриваемого вопроса и фактически его формальность, самое главное — желание избавиться от малозначительной для государственных дел процедуры, вызвали, наконец, сдержанное недовольство российского государя. На листе представления «всепокорнейшего» доклада министра внутренних дел о разрешении крестьянам д. Бурыл-Айгировой Оренбургской губернии (171 душа м.п.) постройки мечети в изъятие закона Николай II 20 января 1908 г. написал: «Согласен. Но обращаю внимание на весьма участвовавшие ходатайства». Это замечание подтолкнуло министра внутренних дел выработать новую схему разрешения аналогичных просьб. С учетом роста поступления аналогичных прошений и принимая во внимание существование такой практики в отношении мусульман Закавказья, был составлен «всепокорнейший» доклад «О предоставлении министру внутренних дел права разрешить построение магометанских мечетей при наличии менее 200 прихожан», одобренный императором 18 февраля 1908 г.

Вскоре в департаменте выработались критерии рассмотрения прошений от малочисленных общин: когда число прихожан составляло менее 150 душ м.п., ходатайства отклонялись сразу, в других случаях прошение с заключением начальника губернатора поступало на рассмотрение министра. Затем все ходатайства получали окончательное разрешение по усмотрению директора ДДДИИ. Министр извещался лишь в тех случаях, когда Департамент затруднялся вынести свое постановление. Распоряжение МВД могло быть обжаловано в общем порядке в Сенате.

В 1906 г. таким путем было разрешено одно ходатайство, в 1907 г. — уже 10 прошений. Некоторый рост численности разрешенных прошений в 1908 г. (16) можно объяснить появлением законной возможности учреждения прихода в небольших поселениях. Пик пришелся на 1909 г. — 33 разрешенных случая, а в 1910 г. произошло четырехкратное сокращение — до 8 разрешений.

Часть ходатайств после получения заключения местного губернатора оставалась без удовлетворения. Скажем, мусульманам Уфимской губернии, по неполным сведениям, в 1906 г. министром было отказано 2 раза, в 1907 г. — 4, в 1908 г. — 1, в 1909 г. — 8, в январе 1910 г. — 1. Согласно подсчетам, в Департамент за период с мая 1909 г. по ноябрь 1912 г. ОМДС в столицу было представлено всего 54 ходатайства малочисленных общин о

разрешении построить мечеть. С сентября 1909 г. по 30 декабря было рассмотрено 49 ходатайств, из которых 7 признаны заслуживающими уважения, а остальные 42 проигнорированы.

Изменение политической ситуации — государственный переворот 3 июня 1907 г., обвинение татар в панисламизме, а затем в пантюркизме, созданное в столице министром внутренних дел П.А.Столыпиным в 1910 г. «Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» и другие обстоятельства привели к тому, что не позднее января 1911 г. проект «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» МВД взяло из Государственной думы на доработку. Было признано, что «намеченный в законопроекте единообразный порядок устройства богослужебных зданий для всех без исключения инославных и иноверных вероисповеданий не отвечает государственным интересам и противоречит общему духу нашего законодательства, ибо и с изданием законодательных актов последнего времени о свободе вероисповедания не устанавливает совершенно тождественного отношения государства как к христианским, так и нехристианским исповеданиям».

Пользуясь этим моментом, православное ведомство довело до сведения директора департамента свои пожелания по совершенствованию законопроекта. Изложенные в весьма обтекаемой форме, они сводились к ряду рекомендаций. Пожелания касались предлагаемых к отмене статей «Устава строительного». Желательность сохранения статьи 140 (относительно предварительного согласования с епархиальным начальством «возведения инославных храмов») была объяснена возможными неудобствами при близком их расположении друг от друга: при излишнем скоплении народа, особенно при религиозных процессиях, это обстоятельство могло стать помехой в совершении богослужения громким пением, музыкой и колокольным звоном. Было высказано пожелание сохранить прежний порядок представления фасадов молитвенных зданий в Санкт-Петербурге императору. Отмена правила (ст.109) о возможности возведения инославных храмов «не только из камня» ставила их в льготное положение по сравнению с русской православной церковью, однако это представляло опасность в пожарном отношении, поскольку на них не распространялись правила возведения церквей и молитвенных домов на открытом пространстве.

В связи с развитием капиталистических отношений, перенасыщенностью сельской местности свободными рабочими руками, обострением аграрного вопроса в татарской деревне усилились миграционные процессы, происходило формирование новых исламских анклавов в городах, на промышленных предприятиях и в русских селениях, что объективно расширяло исламо-христианское пограничье. Не случайно в начале XX в., по признанию чиновника особых поручений ДДДИИ Г.Н.Тарановского, одним из принципиальных и актуальных стал вопрос об участии православных архиереев в рассмотрении этой категории дел.

Дело в том, что с появлением закона от 17 апреля 1905 г. об укреплении основ веротерпимости в некоторых губерниях Волго-Уралья, с малочисленным контингентом мусульман, сложившиеся между светской и духовной властью отношения претерпели изменения. В частности, в Симбирской губернии, по сведениям 1897 г., проживало 131 873 души обоего пола, или 8,63% всего населения губернии, в Вятской — 129 528 душ обоего пола, или 4,27% (после 17 апреля здесь перестали пользоваться «услугами» архиерея, поручив предоставление требуемых сведений «о соблазне» чинам полиции), в Пермской — 148 460 душ обоего пола, или 4,96% (администрация всецело поручала это определение местному уездному исправнику). В губерниях же со значительным контингентом мусульман, таких как Уфимская (1 098 982 души обоего пола, или 50,03%), Казанская (625 847 душ обоего пола, или 28,75%), Оренбургская (362 799 душ обоего пола, или 22,66%) и Самарская (285 013 душ обоего пола, или 10,37%), продолжала

действовать прежняя модель государственно-церковных взаимоотношений, причем заключение духовной власти для губернских правлений имело обязательное значение. Между тем администрация Таврической губернии на основании закона от 17 апреля 1905 г. (где статья 157 «Устава строительного» о непремennom обращении за разрешением к духовной власти критиковалась) до середины 1914 г., пока не было получено предписание МВД об уведомлении «порядка возведения мечетей» в исламо-христианском пограничье, игнорировала практику согласования своих действий с местным архиереем.

В начале 1914 г. на основании обращения епископа Уфимской епархии Михея, жаловавшегося на несоблюдение «Устава строительного» в части согласования губернской администрацией вопроса о возведении мечетей в местностях совместного расселения мусульман и христиан с духовной властью, обер-прокурор Синода (6 февраля 1914 г.) обратился к министру внутренних дел с просьбой «о вменении губернским правлениям (в соответствии со статьей 156 «Устава строительного») в обязательное согласование проблем исламского храмового строительства с местными духовными консисториями». Предлагалось поручить местным архиереям сбор сведений о соблазне от возведения мечетей, причем заключение епархиального начальства, по мнению обер-прокурора Синода, могло иметь лишь осведомительное для гражданской власти значение и «не могло обязывать администрацию к разрешению дела непременно в том ключе, какой указан духовной властью».

Прежде чем ответить Синоду, ДДДИИ выяснил механизм решения данного вопроса в восьми губерниях Волго-Уральского региона, которые были «представлены на обозрение» Особого Совещания (30 апреля — 16 мая 1914 г.) по мусульманским делам с участием четырех ведомств, где вопрос об исламском храмовом строительстве подвергся всестороннему обсуждению. Совещание, со своей стороны, разделило принципиальное мнение МВД и высказалось за сохранение ныне действующих постановлений об исламском храмовом строительстве без каких-либо изменений. На совещании было также заявлено о необходимости распространения статьи 150 «Устава строительного», согласно которой еврейские синагоги и молитвенные дома, вновь устраиваемые на одной улице или площади с православными храмами, должны располагаться не ближе 100 саженей, на другой улице — не ближе 50 саженей, на строительство новых мечетей.

Проблема «участия в исламском культовом строительстве», сводящегося к запросу местной администрацией мнения духовной власти, вызвала неоднозначное отношение участников Особого совещания. Некоторые члены Совещания 1914 г. примкнули к взгляду, изложенному в записке Череванского и в проекте МВД 1907 г. «О совершенном устранении православной церкви от исламского культового строительства», подчеркнув, что тем самым закон ставит духовную власть в положение судьи, что не соответствует духу учения церкви, повелевающей действовать «на началах мира и любви». Обратной стороной данной традиции признавались справедливые замечания мусульман о том, что русская церковь в лице своих руководителей преследует цель притеснения мусульман. Один из участников Совещания высказался за отмену обязательного предварительного обращения губернского начальства к руководству епархии, с сохранением права протеста за последней, в случае угрозы интересам государственной церкви в поликонфессиональных селениях, состоящих из мусульман и язычников или новокрещеных. Однако большинство членов Совещания высказалось за сохранение действующей модели государственно-церковных отношений в этой сфере. В частности, признав «дешевизну» возведения мечетей и малочисленность махалли по сравнению с православным приходом, что давало преимущество исламским институтам в динамике развития, государственные мужи обвинили мусульман в стремлении распространить и упрочить свою религию среди язычников и новокрещен, в учреждении фиктивных приходов путем объединения жителей нескольких селений. Духовная власть была названа ими «единственной компетентной» в выяснении степени соблазна от возведения новой мечети. Начальники Вятской, Казанской, Уфимской, Воронежской, Оренбургской,

Таврической губерний и Акмолинской области отмечали, что правом наложения «вето» на постройку новой мечети архиереи пользуются осторожно.

Ответ обер-прокурору Синода последовал по завершении Совещания 1914 г. В своем отношении министр внутренних дел дал следующую оценку статье 156 «Устава строительного»: хотя она «...говорит лишь в общих выражениях о необходимости удостоверения при разрешении постройки мечети в отсутствии соблазна для живущих вместе с мусульманами христиан и новокрещеных татар и в то же время не содержит в себе указаний на обязательность сношения в таких случаях с епархиальной властью, предоставляя усмотрению подлежащего начальства избрание способов для установления наличности условий, требуемых означенной статьей «Устава строительного», тем не менее, по установившейся издавна практике, сношение в подобных случаях делается обычно именно с епархиальным Архиереем или Духовною консисториею, как органами, являющимися наиболее компетентными в означенном вопросе». С учетом того, что действующая практика вполне согласовалась с соображениями Синода, министр счел излишним ввести какие-либо изменения в сложившийся порядок.

Таким образом, с началом Первой мировой войны решение мусульманского вопроса, наряду с другими злободневными общественными проблемами, было отложено до «лучших времен». В этот период рассуждения о привилегиях православной церкви вновь стали рассматриваться как «норма» российской повседневной жизни. В этой связи весьма показательным рассуждением верховной власти. В 1915 г. Первый департамент Государственного Совета, обстоятельно рассмотрев правила возведения мечетей, пришел к заключению, что статьей «Устава строительного» об опасности соблазна православных «преследуется единственная цель предотвращения соблазна в вере для живущих вместе с магометанами лиц христианского вероисповедания, но отнюдь не стеснение мусульман в области их религиозного верования и признания за магометанами общегражданских прав».

Традиция русской православной церкви «наименования соборов и церквей именами российских государей» уходит в глубь столетий, ко времени существования в Московском государстве сословно-представительной монархии. Центральная власть зорко следила за соблюдением «архитектурного достоинства» означенных монументов, храмов и часовен, возводимых в память или в честь русских монархов, а также различных исторических событий. Во второй половине XIX в. эта традиция приобрела поистине народный характер. Стала отмечаться тенденция составления простонародьем низких по архитектурно-художественным критериям культовых зданий, «обличенных монаршим именем». Наведению порядка был призван служить циркуляр МВД от 27 октября 1904 г. за № 1507, согласно которому монументы в память «высочайших» особ должны были возводиться исключительно из тесового камня или металла, но ни в коем случае из дерева и кирпича, хотя и отштукатуренного. Самовольно возведенные памятники были обречены на забвение.

В связи с приближающимся 300-летием восшествия на российский престол династии Романовых правительство стало получать от представителей различных конфессий ходатайства о присвоении молитвенным зданиям названий в честь предстоящего юбилея. Несколько таких прошений поступило от мусульман. В частности, уполномоченный одной из махаллей г. Астрахани просил о присвоении «предположенной к возведению» мечети названия «Царская соборная мечеть в память 300-летия Дома Романовых». В законодательстве каких-либо ограничений в этом вопросе не прослеживалось, что означало право каждой религиозной общины, независимо от вероисповедания, обратиться с подобным прошением к российскому государю. МВД всерьез задумалось о степени желательности и допустимости подобных просьб. С одной стороны, прямой отказ «желанию просителей» был бы равносителен оскорблению патриотического духа в умме, с другой стороны, он не соответствовал реальным государственно-исламским отношениям.

Министр внутренних дел в своей «всепопданнейшей записке» подчеркивал: «В государстве христианском, с господствующею православною верою, верховным защитником коей по Основным законам является Государь Император, присвоение имени Высочайших Особ нехристианским богослужебным зданиям не отвечало бы интересам должного охранения достоинства и авторитета господствующей церкви. Способствуя косвенным путем вящему возвеличению нехристианских церквей, но и среди христианского населения, присвоение столь Высоких наименований может вместе с тем дать повод к распространению в народных массах превратных толков об особом покровительстве, оказываемом с высоты Престола нехристианским вероучениям и как бы приравнивающим их к господствующей вере и к ходатайствам о разрешении именовать храмы «Царскими» или «Императорскими».

С учетом всех «за» и «против» министром было найдено корректное решение, допускающее в нехристианских храмах, сооружаемых в память юбилея, помещение особых памятных досок с обозначением на них, что данное культовое здание построено «в память исполнившегося 300-летия царствования Дома Романовых», но без присвоения самому зданию какого-либо названия. Данное предложение министра было одобрено Николаем II 29 марта 1913 г.

Таким образом, в 1905 — 1907 гг. состоялся своего рода диалог между властью и подданными относительно разрешения традиционных государственно-религиозных отношений в духе современных требований, чему во многом способствовало понимание высшим руководством необходимости перемен. Взгляд уммы, в том числе Духовного собрания, сводился к максимальному упрощению и уменьшению административного контроля за исламским храмовым строительством, а также сосредоточению всех его аспектов, кроме технических, за религиозным управлением.

Нельзя не согласиться с замечанием А.А.Дорской о том, что «Работы над законопроектами, касающимися свободы совести, были блокированы, во-первых, позицией правительства, борющегося за сохранение за православием прав господствующей церкви; во-вторых, деятельностью Государственного Совета, который не одобрил ни один из немногочисленных принятых Думой по данному вопросу законопроектов; в-третьих, общим потоком дел».

Установки Комитета Министров, изложенные в законе от 17 апреля 1905 г., создали благоприятную атмосферу и правовое поле для комплексного решения религиозного вопроса с максимальным учетом мнения народных масс. Однако взаимоотношения правительства с первой Государственной думой показали кратковременность демократических настроений в высших эшелонах власти. Царизм не оказался морально готовым к наметившейся ускоренной трансформации российского общества. Тем не менее разработку МВД нового проекта по реорганизации управления инославными и нехристианскими религиозными институтами (1907), отозванного из Государственной думы на «доработку», следует признать «высшей точкой демократического взгляда» правительства на исламский вопрос, хотя и не реализованного на практике.

Царский указ от 18 февраля 1908 г., предоставивший министру внутренних дел право индивидуально разрешать постройку храма в мусульманских приходах с численностью менее 200 наличных душ м.п., стал единственным нововведением в области исламского храмового строительства.

Глава III.

ОБЩЕСТВЕННАЯ МОЛИТВА И МЕСТО ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ

1. Пятивременные и соборные (джами) мечети

Основные нормы исламского молитвенного ритуала оформились, главным образом, при Мухаммаде. Со времени прибытия пророка в Медину Кааба была объявлена кыйблой всех мусульман. Были определены правила омовения и призыва к общей молитве. У историков сохранились сведения о «призыве к общей молитве» после получения важного известия или при необходимости сообщить что-либо местным жителям. «Место собраний называлось мечетью (*месджит*), т.е. местом поклонения, но предназначалось не только для богослужбных целей; в собрании выполнялся молитвенный обряд, каждая речь начиналась со славославия богу, но вместе с тем решались общественные дела. По своей первоначальной архитектуре мечеть была более похожа на двор христианского храма с бассейном для омовения посередине и крытыми галереями по сторонам, чем на самый храм. Председательство в этих собраниях, конечно, принадлежало Мухаммаду; о внешних атрибутах его власти Коран не говорит; древнейшим из них, по преданию, был жезл (*аса* или *кадиб*); за несколько лет до смерти пророка появился еще *минбар* — небольшое деревянное седалище, на которое поднимались по двум ступеням и которое легко переносилось с места на место. ... Обращение минбара на кафедру имама произошло много лет после смерти пророка...».

До конца эпохи Омейядов (661 — 750) мечеть являлась центром государственной жизни. При Аббасидах мечети постепенно сделались храмами, посвященными исключительно богослужению и религии. Ученые первоначально занимались в мечетях или других помещениях с отдельными, обращавшимися к ним мусульманами. Позднее приобретение права чтения лекций в больших мечетях было обусловлено известными требованиями; при некоторых мечетях возникли богословские факультеты, из которых наибольшую известность получила школа при мечети Азхар, построенной в Каире в X в. Еще позже стали строить здания, специально предназначенные для науки, с кельями для студентов и аудиториями для чтения лекций. Эти школы получили название медресе (место учения, от глагола дараса — изучать) и раньше всего (в X в.) упоминаются на крайнем востоке мусульманского мира, в Туркестане. В XI в. было построено первое медресе в Багдаде, в XII в. — в Каире, в XIV в. — в Марокко. Лишь в Туркестане и Персии медресе упрочили свое существование и сохранили первоначальное устройство. В Аравии, Сирии и Египте местом научного преподавания по-прежнему оставались главные мечети.

Шариат предписывал восемь правил, соблюдение которых позволяло совершать «правильный», богоугодный намаз. Это — совершение богослужения в установленное время, вкладывая в него всю свою душу, обратившись на сторону Кыйблы, на чистом коврике в чистой и опрятной одежде, одетой на чистое тело, исключительно после омовения.

Для мусульман молитва является одним из столпов ислама, его основой и опорой, признаком веры. Ее предназначение состоит в том, чтобы служить внутренним препятствием (*видждан*), которое удерживало бы верующего от совершения грехов. Помимо этого молитва служит средством искупления грехов и проступков. «Аллах узаконил молитву для того, чтобы она стала средством духовного возвышения (*ми,радж*) верующего к его Господу, благодаря чему он мог бы поминать Его, обращаться к Нему с мольбами и вести с Ним тайные беседы, на что указывают его слова Всевышнего: «Поистине, я — Аллах, нет бога, кроме Меня, так поклоняйся же Мне и твори молитву, чтобы помнить обо Мне!» (Коран: «Та ха», 14). Она оказывает молящемуся огромную духовную помощь, укрепляет его и способствует перенесению жизненных трудностей, является лучшим средством избавления от страха, беспокойства и тревоги, удаляет заботы и печали души и сердца. Мусульманину с 7 лет рекомендовалось совершать молитву. Родителям предписывалось наказывать за отказ от молитвы детей с 10-летнего возраста.

Моление первых мусульман состояло в их совместном громком произнесении формул единобожия и возвеличивания Аллаха. Порядок молений в Коране ясно не прописан, хотя

есть многие указания на некоторые движения, молитвенные формулы. Считается, что весь порядок моления сложился как подражание молитвенным позам и движениям пророка Мухаммада и закреплён памятью первых мусульман.

Ежедневный молитвенный цикл состоит из пяти обязательных молитв (фард): первая молитва на рассвете (ал-фаджр или ас-субх) состоит из двух ракаатов, в полдень (аз-зухр) — из четырех ракаатов, предвечерняя (ал-аср) — также из четырех ракаатов, на закате (ал-магриб) — из трех, с наступлением ночи (ал-иша) — из четырех, дополнительная ночная молитва (витр) может включать до тринадцати ракаатов. При необходимости в определенных ситуациях можно объединять первые две и две последние молитвы. Нельзя молиться точно в полдень, в момент восхода и захода солнца. Сверх этих молитв может быть любое число добровольных молитв (нафила), ночная молитва (ат-тахаджжуд) считается проявлением особого благочестия. Мусульманская молитва совершается индивидуально и коллективно, но полуденный намаз в пятницу рекомендуется совершать коллективно, в мечети. Место, на котором совершается намаз, должно быть ритуально чистым, кроме того, молящийся расстилает молитвенный коврик, намазлык (саджжада). При коллективном молении молящиеся становятся рядами, а кто-то один, обычно имам, стоя впереди спиной к остальным, руководит молением.

В Среднем Поволжье и Сибири часть мусульман, ссылаясь на ошибочную фетву, данную неким Баккалем, не исполняли ночную и витр молитвы, аргументируя тем, что условием молитвы является наступление темноты, поскольку в короткие летние ночи зарево не исчезает, значит, время молитвы не настает, следовательно, и сама молитва не исполняется. Против таких рассуждений в конце XVIII — начале XIX в. выступал известный татарский богослов Абу-н-Наср Курсави. Он писал, что вопрос о ежедневной пятикратной молитве окончательно решен в сунне, поэтому не может быть пересмотрен заново. Суть обязанности есть повеление Аллаха, а не наступление времени. Разногласия в этой сфере сохранились среди российских мусульман и в последующие десятилетия. В частности, мулла Габдрахим Утыз-Имяни (1754 — 1835) сообщал о традиции воздержания от совершения ночной молитвы в Среднем Поволжье некоторыми мусульманами в короткие летние ночи и считал их поступок правомерным в силу не наступления времени ночной молитвы в этом регионе, так как «не завершается вечернее зарево».

Согласно сведениям Ш.Марджани, смута необязательности ночной молитвы пришла в Среднее Поволжье из Хорезма. Большую роль в повсеместном введении пятикратной молитвы сыграл первый оренбургский муфтий Мухамеджан Хусаинов (1789-1824), пригрозивший муллам, в случае не исполнения его предписания, освобождением от занимаемых духовных должностей. Тем не менее полемика по этому поводу продолжалась до начала XX в.

Известный татарский богослов Муса Бигиев писал в начале XX в. по этому поводу следующее: «... на Земле имеются места, где не существует восходов, закатов, тем не менее на ней не существует места, где отсутствовал бы 24-часовой суточный цикл... повсеместно каждому человеку необходимо совершать пять намазов в течение 24-часового цикла, это является... категорической истиной».

На первых порах к зданию мечети особые требования не предъявлялись, кроме отсутствия в нем идолов или живописных изображений, которые могли бы служить объектом поклонения. Им могло быть любое здание, способное вместить в пятницу всех молящихся. Постепенно наряду с пятничными, соборными (джами) мечетями появляются квартальные, домашние — во дворцах и богатых домах, в караван-сараях, затем и в медресе (небольшое закрытое помещение, либо зал в общем комплексе здания). Специфический облик мечетей складывается к концу XIII в., когда оформляется минарет, макура и михраб. Михраб стал главным ориентиром для обозначения направления Кыйблы. Позже с правой стороны от михраба оформляются минбар и помост (дикка) около него, на котором сидят муэдзины, провозглашая второй и третий призывы к молитве уже внутри мечети.

Согласно сведениям В.В.Бартольда, «полумесяц как религиозный символ, имевший для мечетей то же значение, как и крест для христианских храмов, был характерен не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама». До русского завоевания Средней Азии в туркестанских мечетях полумесяц не встречался. Думается, поездки российских мусульман в Мекку через Турцию и негласное признание турецкого султана некоторыми имамами верховным халифом правоверных сыграли не последнюю роль в установлении на шпилье минаретов полумесяца.

В мусульманской традиции не выработался обряд освещения здания мечети, но сакральность подчеркивают, среди прочего, такие требования для пребывания в ней, как ритуальная чистота и снятие обуви.

У татар михраб ставился в виде прямоугольного пристроя к зданию мечети. Входная дверь в молитвенный зал, в мечеть вырубалась с противоположной стороны от михраба. Для средней полосы России направление Кыйблы не совпадало с точным направлением к южному полюсу и создавало трудности при определении точного направления михраба мечети, что являлось уделом лишь отдельных лиц, знакомых с астрономией. По свидетельству Ш.Марджани, специально проверявшего этот аспект исламского храмового строительства в Казани, ни один из возведенных до середины XIX в. храмов, кроме шестой мечети в Новотатарской слободе, не имел правильного направления. В своей приходской Юнусовской мечети (построена во второй половине 1770-х гг.) он стал требовать, чтобы молящиеся становились на молитву не в сторону установленного михраба, не прямо к передней стене, а косой линией. Поэтому между южной стеной и молящимися формировался пустой острый треугольник.

Аналогичной была позиция и у ОМДС. В 1909 г., когда Комитет по постройке мечети во главе с Али Диаровичем Бигжановым в г.Ростове-на-Дону стал возводить храм, у татар возникли разногласия относительно правильности определения Кыйблы. Для выяснения столь принципиального вопроса была создана ревизионная комиссия, председатель которой — Юсуп Симаев обратился за советом в Уфу. Религиозное управление рекомендовало при возможности («без особых затруднений») поставить здание по направлению к Кыйбле, в противном случае молящиеся должны сами соблюдать указанное направление.

Во второй половине XIX — начале XX в. практически у всех мулл, а также у мусульман, добывающих средства к существованию вне места традиционного проживания и ведущих мобильный образ жизни, имелись небольшие компасы, позволяющие безошибочно определять направление Кыйблы. Тем не менее для мусульман, дисперсно расселенных на бескрайних просторах Евразии, эта проблема сохраняла свою актуальность.

Шариатом четко определен список правоверных, для которых совершение джума намаза есть фарыз. Всякий зрящий и здоровый мужчина, не страдающий болезнью ног, достигший совершеннолетия (15 лет), находящийся в здравом уме и рассудке, не содержащийся в тюрьме или ином месте заключения и проживающий в данном поселении, обязан совершать джума намаз.

Общественное богослужение в храме во многом обусловлено ритуалом молитвы, который в исламе имеет несколько видов: ежедневный, пятничный, Ыд-аль-Фитр (годовой после окончания месяца Рамазан) и Ыд-Аль-Адха (Курбан-байрам) (годовой праздник жертвоприношения).

Общественная молитва (совершаемая с джамаатом) превосходит индивидуальную молитву на 27 ступеней по той причине, что если мусульманин совершил омовение должным образом, а потом вышел из дома только ради того, чтобы совершить молитву в мечети, то в этом случае за каждый шаг, сделанный им, он обязательно будет возвышаться на одну ступень и с него будет обязательно сниматься одно прегрешение, а когда он приступит к молитве, ангелы не перестанут молиться за него, пока он будет оставаться на месте молитвы, говоря «О Аллах, благослови его, о Аллах, помилуй его!», и молитва

будет продолжаться все время, пока он станет ожидать начала следующей молитвы. Это высказывание исламского проповедника наглядно показывает побудительные причины совершения мусульманами общественных молитв в мечетях.

«Джума» (день собрания) — пятница, праздничный день у мусульман, день обязательного сбора совершеннолетних здоровых (не рабов) мусульман в мечеть для совершения полуденной коллективной пятничной молитвы и слушания проповеди (хутбы). Исторически посещение мечети для пятничной молитвы являлось религиозной и политической обязанностью и ассоциировалось с выражением лояльности правителю, имя которого упоминалось в хутбе. Пятничной праздничной молитве, начинавшейся в полдень, предшествовал азан. Далее следовали молитва из двух ракаатов, хутба и еще одна молитва из двух ракаатов. Обязательность присутствия на пятничной молитве отразилась и в архитектуре мечети, чем было вызвано появление специальной соборной мечети, способной вместить большое число молящихся.

Общественные молитвы совершались в приходских, квартальных молельных домах, мечетях, которые в пятницу и в дни религиозных праздников не могли поместить всех желающих. В Аравии в «малых поселениях», не имеющих прав на статус «мисра», пятничное богослужение не совершалось. «Мисром» называлась определенная местность, имеющая признаки города (улицы, бани, рынок, все то, в чем может нуждаться многочисленное население), где пребывали судьи, правитель и люди, поставленные для соблюдения порядка. Пятничный намаз должен был совершаться в главной мечети поселения, в присутствии достаточного количества мусульман. В мусульманских странах обычно в этой молитве принимал участие султан или кто-либо из главных местных начальников.

В средневековый период, когда ислам имел статус государственной религии, по мнению архитекторов, в Среднем Поволжье выделяются три типа мечетей: сельская или квартальная мечеть, рассчитанная на небольшое число прихожан; пятничные мечети в феодальных центрах, претендующие по своей архитектуре на главенствующее значение в силуэте поселения; главная «джамии» княжества или государства, место торжественных богослужений и государственных мероприятий.

В результате русской военно-феодальной колонизации Среднего Поволжья мусульмане были выселены из городов-крепостей, превратились в сельское непривилегированное население. Местная администрация и суды были представлены чиновниками христианского вероисповедания. Геополитическая ситуация в Поволжье и Приуралье стала кардинально отличаться от положения дел мусульман в Аравии. Со второй половины XVI в. в Поволжье и Сибири пятничная молитва подверглась сильнейшей деформации. Проживание абсолютного большинства мусульман в малочисленных селениях фактически должно было означать практику прекращения пятничных и других праздничных молитв.

Как было рассмотрено, царскими указами от 22 июня 1744 г. и 23 августа 1756 г. было разрешено возведение по одной мечети в населенном пункте, если численность прихожан мужского пола составляла от 200 до 300 ревизских душ. При этом о статусе мечети — пятивременной или джами — ничего не было сказано.

Важное политическое значение хутба обрела благодаря положению о необходимости упоминания имени здравствующего халифа, тем самым выражалась политическая ориентация хатиба и представляемой им общины: если имя правителя не произносилось, то это означало его непризнание или низложение. По мнению ОМДС (постановление от 17 августа 1892 г. за № 3714), по правилам шариата совершение обыкновенного пятивременного богослужения не требует участия указного муллы, этот обряд может быть исполнен всяким мусульманином, умеющим его совершать, и это не считается нарушением веры. Предоставление же совершения праздничного пятничного богослужения особым, утвержденным властями, муллам «преследует цели не столько

религиозные, сколько правительственные». Соборное богослужение не может быть совершаемо никем, кроме указного имама-хатиба.

Правовая основа для интеграции пятничной молитвы в общеимперское правовое пространство была подготовлена следующими общественно-политическими актами XVIII в.: легализацией мечетей в Поволжье и Сибири (1744), отказом русского самодержавия от признания султана Османской империи как халифа российских мусульман (1783), воздержанием от массовой и активной христианизации в 1760-е гг. и признанием мусульманского духовенства и учреждением ОМДС (1788). Формирование системы религиозного образования позволило подготовить лиц, умеющих произносить хутбу (на арабском языке).

Наиболее важным являлась каноническая сторона религиозного ритуала. Некоторые муллы, мотивируя отсутствием в Среднем Поволжье мусульманских поселений, соответствующих городу («миср»), выступали за упразднение пятничной и праздничной молитв и замену их обыденными молитвами. Другим важным моментом следует назвать то, что и после установления курса веротерпимости некоторые имамы продолжали считать Волго-Уральский регион не «дар уль-ислам», не исламским миром, территорией. В частности, крупный общественный деятель рубежа XVIII — XIX в. Г. Утыз-Имяни считал, что глава и судья в «мисре» должны быть мусульманами, а не другого вероисповедания. Именно поэтому он признавал исполнение пятничных молитв недействительным. Правомерность совершения молитв и в другие религиозные праздники он непосредственно связывал с наличием мусульманского правления, государственности.

О возможности совершения пятничной молитвы и в небольших селениях, не имеющих каких-либо атрибутов города, в начале XIX в. в своей книге «Наставление людей на путь истины» (до 1807 г.) дал фетву преподаватель медресе в д. Кышкар Казанского уезда Абу-н-Наср Курсави. Он писал, что по Корану и сунне пятничная молитва обязательна, она способствует консолидации мусульман-прихожан. Однако единого мнения по этому поводу до второй трети XIX в. между духовными лицами не наблюдалось.

Наименования «пятивременной» и «соборной» (джами) мечетей прочно вошли в российское законодательство и делопроизводство при муфтии Габдессаламе Габдрахимове (1825 — 1840), что было связано с желанием властей «регулировать» численность духовенства при мечетях. Примечательно в этом отношении мнение Сената, рассмотревшего в 1835 г. возбужденный МВД вопрос «Можно ли допустить определение двух и более мулл при одной мечети?»: закон от 23 августа 1756 г. «может быть принимаем в соображение при определении числа душ в магометанских приходах, имеющих одну мечеть и желающих иметь при оной более одного муллы». Поскольку духовные лица находились «при мечети», вопрос был рассмотрен в контексте допускаемой численности мулл при ней. По этому поводу было запрошено заключение религиозного органа, который сообщил, что по мусульманским правилам при соборной мечети полагаются один хатиб, один имам и один муэдзин, при простой — один имам и один муэдзин. (Обязанностями муэдзина являлись: возвешение громким пением азана о наступлении времени очередного намаза, чтение вслух перед началом богослужения (икама) особой молитвы (дога). Помимо этого он должен был содержать в порядке и чистоте мечеть и исполнять по поручению мулл отдельные второстепенные религиозные обряды.)

Согласно закону от 9 декабря 1835 г. «Об определении мулл при мечетях», по рекомендации Сената при назначении в селение с единственной пятивременной мечетью дополнительного штата мулл стала приниматься во внимание численность прихода: если она превышала 200 ревизских душ м.п., позволялось увеличить число имамов, но не более чем в соборной мечети (т.е. на одну единицу.— *И.З.*). Получалось, что каждая махалля, при согласии властей, могла иметь до трех духовных лиц. Устанавливая это правило, Государственный Совет имел в виду, главным образом, то, что «допущение большого числа мулл при одной мечети может подать повод к содержанию татарами излишнего

числа духовных лиц и к взаимным между ними спорам, беспорядкам в отправлении треб, вредным для самого благосостояния прихожан».

Так, если в Аравии основным критерием при определении типа мечети служил статус населенного пункта, то в России с 1835 г. — установленная правительством численность прихода в 200 ревизских душ, означавшая по сути возможность повсеместного совершения пятничной молитвы.

По мере отдаления от последней ревизии (1858) этот норматив становился анахронизмом. Согласно закону от 15 декабря 1886 г., он был заменен 200 наличными душами м.п. Любопытно, что соответствующее изменение не было внесено в примечание к ст.1205 «Устава духовных дел иностранных исповеданий», где сообщалось о праве мусульман, приписанных к простой (пятивременной) мечети в числе более 200 ревизских душ, дополнительно избирать еще одного муллу, но не более штата соборной мечети. Оно указывало на установление прямой зависимости численности духовных лиц в махалле от статуса мечети.

Вследствие издания закона от 15 декабря 1886 г. численность ревизских душ мусульман м.п. для вновь учреждаемых махаллей окончательно потеряла значение для определения численности духовных лиц при храме. Стало очевидно, что численность духовенства при простой, пятивременной мечети ограничивается двумя, а при джума мечети — тремя духовными лицами.

Духовное собрание, со своей стороны, поясняло, что по шариату при пятивременной мечети могут состоять лица, имеющие духовные звания имама, муаллима-сабиян, муэдзина, а при соборной — имама, хатиба, мударриса или муаллима, мухтасиба, муаллима-сабиян, муэдзина. Совершение молебна о здравии в честь российского государя в пятничное праздничное полуденное богослужение ОМДС (1898) считало необязательным.

Таким образом, статус храма стал определяться однозначно духовным званием причта, а статус культового здания определял максимальную численность при мечети. Наличие при пятивременной мечети имама-хатиба становилось, таким образом, достаточным основанием для возбуждения ходатайства о ее переименовании. При возбуждении ходатайства о постройке храма с образованием прихода светские власти не вмешивались в дела вновь образуемой махалли, позволяя жителям автономно решать вопрос статуса будущего культового здания. В общественном приговоре, как правило, указывалось название будущего храма, которое пролонгировалось в разрешительном постановлении губернского правления. Получалось, что еще до утверждения имама и просители, и гражданские власти, превышая свои полномочия, заранее определяли статус богослужебного здания. На основе отношения губернского правления кандидат в Духовном собрании подвергался испытанию в знании основ ислама. Если он по итогам экзамена не удостоивался звания имама-хатиба, то это обстоятельство могло поставить на повестку дня вопрос о выдвижении приходом на вакантную должность более подготовленного кандидата на получение звания хатиба. Поскольку в действительности экзамен был очень легким и чуть ли не формальным, вследствие практики одаривания экзаменаторов — членов ОМДС — «нестандартные» случаи являлись скорее исключением, чем правилом.

В 1833 — 1916 гг. происходил стабильный рост исламских институтов, ежегодный прирост численности мечетей составлял 1,13%, духовенства — 2,92%, численность духовенства увеличивалась в 2,6 раза быстрее, чем численность храмов. За время с 1833 г. по 1856 г. ежегодно численность мечетей увеличилась на 0,48%, духовных лиц — на 2,12%, в 1908 — 1914 гг. — соответственно 2,19% и 2,12%. Исключением выступают 1856 — 1868, 1914 — 1916 гг., когда рост численности духовных лиц несколько уступал росту численности мечетей.

Статистические сведения (таблица №3) отражают соотношение численности духовенства различных званий до и после принятия закона 9 декабря 1835 г. Как видно, с

этого времени установилась четкая градация духовных званий: хатибы, имамы, муэдзины. Если в 1833 г. при соборных мечетях лиц, имеющих право проводить пятничный намаз было меньшинство (ахуны, хатибы, мухтасибы, мударрисы), то спустя буквально два десятилетия они по численности в три раза превосходили имамов.

В 1851 г. Оренбургское губернское правление проводило ревизию всех приходов и выявило 730 мечетей, при которых насчитывалось менее 200 ревизских душ прихожан. Из этого числа мечетей 65% (399) являлись соборными. При них служили 749 духовных лиц, или в среднем по 1,9 духовных лиц, а при пятивременных храмах — в среднем по 1,2 человека. В 1856 г. в округе ОМДС насчитывалось 3478 мечетей, в том числе 2613, или 75%, соборных. Наблюдалась тенденция увеличения численности джами мечетей: в 1868 г. их удельный вес составлял уже 81,8%. В 1911 г. более 90% мечетей в округе ОМДС являлись соборными.

В XIX — начале XX в. примерно в половине мечетей округа ОМДС обязанности муэдзина выполняли муллы, в 1912 г. произошло резкое увеличение численности муэдзинов. С этого времени практически при каждой мечети существовал муэдзин. В год начала Первой мировой войны, по сравнению с 1913 г., произошло также увеличение численности хатибов на 924 человека или на 36,7%. В значительной степени повышение статуса духовенства осуществилось за счет уменьшения численности имамов на 571 человек. Безусловно, опасность призыва в действующую армию вызвала такую реакцию духовных лиц, направленную на свою социальную защиту.

Как видно из таблицы №4, в эти годы численность мечетей и хатибов была примерно одинаковой. Разница в соотношении хатибов и джами мечетей объясняется тем, что часть хатибов служила в одном приходе. При этом один из них назывался старшим муллой.

При рассмотрении ходатайств прихожан о переименовании пятивременной мечети в соборную религиозный орган внимательно следил и соблюдал принцип первичности звания духовенства. Например, в 1876 г., рассмотрев подобное прошение жителей д.Нижних Нурлат Самарской губернии, местный мулла был приглашен в Уфу для сдачи экзамена на звание «соборного имама». В противном случае предлагалось избрать имамом-хатибом другое лицо. Только после этого был окончательно решен вопрос о переименовании нижненурлатской мечети. Назначение при пятивременной мечети духовного лица, имеющего звания имама-хатиба, еще не означало возможность проведения пятничной полуденной молитвы. Для этого требовалось разрешение, постановление ОМДС о переименовании мечети в соборную, что было равнозначно дозволению приходскому имаму-хатибу руководить пятничным намазом.

После 1905 г. в 2 и более раз увеличилась численность лиц, стремившихся получить духовное звание, что приводило к острой конкуренции между кандидатами на вакантные духовные должности в махаллях. В 1900 — 1910 гг. из прибывших в Уфу в среднем 57,9% кандидатов на духовные должности сдавали экзамен на звание хатиба, 16,1% — на имама, 26% — на муэдзина.

Переименование мечети производилось на основании общественного приговора прихожан. Данный документ должен был показать не только волеизъявление жителей поселения, но и насущную необходимость в данном акте. Документ, подписанный старшими членами семейств и сельским старостой, представлялся для освидетельствования и записи в книгу общественных приговоров местного волостного правления, и после визирования его с наложением печати волостным старшиной документ становился легитимным. В конце приговора, подтверждая необходимость переименования культового здания, расписывались приходские духовные лица. С 1891 г., после введения должности начальников земских участков в губерниях Европейской части России, в приговорах, как правило, появилась роспись нового должностного лица, подтверждающая, что волеизъявление прихожан «заслуживает уважения».

Необходимо также отметить зримую взаимосвязь между размерами, обликом храма и его статусом. Традиционно на пятничный намаз приходило все взрослое мужское

население поселения. Пятница считалась в мусульманских селениях нерабочим днем, праздничная атмосфера наблюдалась в каждой семье. Для прихожан ключевое значение имели размеры мечети, ее вместимость. Поэтому размеры мечети должны были соответствовать своему предназначению. Обычно размеры исламского храма позволяли безошибочно определить его статус. Духовному управлению не всегда удавалось контролировать эту сторону устройства молитвенного обряда. В этой связи показателен случай с возведением в начале 1830-х гг. купцом Хамитом Габдулмязитовым в г.Семипалатинске разрешенной властями к постройке пятивременной мечети. Купцом был заказан проект храма внушительных размеров «в виде соборной», и прихожане стали именовать его соборной и совершать пятничные намазы. Религиозное управление узнало об этом в 1851 г., спустя 18 лет после возведения мечети.

Поэтому представляется закономерным возбуждение вопроса о повышении статуса мечети накануне реконструкции или постройки новой, если она выгодно отличалась от прежней своими размерами и наличием минарета. В результате переименование мечети, в силу ее одновременной перестройки, приравнивалось к постройке нового богослужебного здания. Например, в 1870 г., когда жители д.Старый Кызыльяр Елабужского уезда обратились к местной администрации с просьбой о переименовании мечети в соборную и перестройке вследствие ветхости здания, ОМДС представило заключение о согласии на ее переименование при соблюдении норматива численности прихода. Вятское губернское правление, в свою очередь, запросило у уездного полицейского правления сведения по полной программе: не только о численности прихода, но и об опасности для православных соблазна в случае возведения соборной мечети, о достаточности у прихожан средств для содержания соборной мечети, о необходимости такой перестройки, не говоря уже о плане и фасаде здания и месте постройки (на старом или новом месте), о расстоянии от ближайших построек, а также правомочности общественного приговора. Только после получения всех затребованных сведений прошение кызыльяровцев было удовлетворено.

Главной причиной переименования мечети из пятивременной в соборную жители населенных пунктов указывали на_неудобства, которые они испытывали во время богослужения в пятницу и другие дни религиозных праздников: мужское население деревни с пятивременной мечетью должно было посещать соборную мечеть в ближайшем селении.

Для повышения статуса мечети крестьянам д. Манзарской Асан-Илгинской волости Мамадышского уезда пришлось в 1874 г. преодолеть несколько формальностей. После кончины муллы Рахметуллина новый кандидат в муллы Ахметсафа Атнагулов, успешно сдав экзамен в Духовном собрании, получил звания имам-джамига, хатиба и мударриса. Чтобы обойти количественный ценз и набрать 200 ревизских душ, договорились объединиться с крестьянами д.Аюги (70 ревизских душ). Свое решение крестьяне мотивировали затрудненностью ездить на пятничный намаз и торжественные богослужения в религиозные праздники в соборные мечети соседних деревень: в зимнее время — «по бедности своей, за неимением большею частью теплой и приличной одежды», осенью — в период ненастья, весной — во время половодья.

На основании указа Сената от 23 января 1836 г., препятствующего увеличению махаллей (чтобы не обременять мусульман содержанием мечети и духовенства), и предписания заведующего башкирами от 13 апреля 1864 г. за №5405 о необходимости строгого соблюдения правил устройства мечетей и определения в духовные должности, в 1860 — 1870 гг. уфимское губернское правление практиковало в малочисленных селениях упразднение мечетей или переименовывало соборные мечети в пятивременные.

Обострение религиозного вопроса в Приуралье было обусловлено, прежде всего, учреждением Оренбургской и Уфимской губерний и двух самостоятельных епархий, активизацией миссионерской деятельности русской церкви, распространением в регионе общеимперского законодательства, проведением железной дороги, усилением притока православного населения и др. Контроль за деятельностью ОМДС руководством вновь

образованной Уфимской губернии также стал катализатором усиления конфронтации между ними. Местная администрация стремилась единолично решать вопросы, находящиеся в совместной компетенции с духовной властью (об организации новых приходов и возведении мечетей, утверждении духовных лиц), придавая заключениям Духовного собрания значение формальной отписки. Выступление муфтия С.Тевкелева в защиту Духовного собрания было воспринято как наступление на законные права местной администрации.

Конфликт между уфимским губернским правлением и ОМДС по поводу переименования мечети вспыхнул при разбирательстве ходатайства жителей д.Карановой Белебеевского уезда. Религиозный орган, исходя из того, что местный имам имеет звание мудarrisа, и при его медресе обучаются до 200 мальчиков из близлежащих селений, вынес положительное заключение. Чиновники губернского правления 17 января 1874 г. заявили о незаконности переименования из-за малочисленности прихода (всего 201 наличная душа м.п.).

В основе действий уфимской администрации лежало стремление не допустить бесконтрольного увеличения численности духовенства. При этом губернское правление ссылалось на рассмотренное нами примечание к статье 1205 «Устава духовных дел иностранных исповеданий». Имея в виду, что после переименования мечети в соборную прихожане получают право на увеличение штата духовенства, а утверждение в духовных должностях является прерогативой светской власти, подчеркивалось, что переименование мечетей из пятивременных в соборные находится в компетенции губернской администрации.

В представлении-жалобе (№ 1124 от 24 апреля 1874 г.) министру внутренних дел ОМДС подробно изложило свои аргументы. Со ссылкой на статьи 1230, 1143 и 1205 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» было заявлено, что переименование пятивременной мечети в соборную относится к категории духовных дел, поскольку этим регулируется исключительно порядок совершения молитвы. Оно не требует изменения плана и фасада здания храма, не имеет ничего общего с постройкой и реконструкцией культового здания, которые действительно находятся в компетенции гражданской власти. В соборной мечети лишь ставится «минбар» (кафедра). Переименование также не связано с численностью прихода. Право прихожан увеличить численность причта на одного имама не является обязательным и зависит от желания самих жителей, с учетом их возможности содержать его за свой счет.

Действительно, в российском законодательстве не содержались какие-либо указания о механизме изменения статуса исламских богослужебных зданий, не говоря уже о принадлежности его определения в компетенцию гражданской администрации. Тем не менее МВД (8 ноября 1874 г.) предписало религиозному органу отменить свое постановление. В ответном представлении (№ 872 от 9 апреля 1875 г.) оренбургский муфтий С.Тевкелев вновь попытался доказать обусловленность акта переименования лишь религиозной обрядностью. Кажется, полемика с губернским начальством и обсуждаемая проблема приобрели для бывшего офицера российской армии принципиальное значение. С.Тевкелев заявил, что с устранением Духовного собрания, служащего в России представительством высшей мусульманской власти, от участия в распоряжениях об изменении статуса мечетей религиозный орган утратит всякую возможность следить за порядком богослужения в храмах.

О возникшей дискуссии министерство уведомило оренбургского генерал-губернатора. Генерал-адъютант Н.А.Крыжановский, признав законным постановление губернской администрации, заявил, что согласно гражданским законам первенство в переименовании мечетей должно принадлежать светской власти. Он также довел до сведения ДДДИИ предложение уфимского губернатора: если статус мечети действительно находится в непосредственной связи с догматами религии и связан с порядком богослужения, то

Духовное собрание обязано, выяснив это в подробностях, представить доказательства, ибо на русском языке не имеются постановления шариата о переименовании мечетей.

В своем очередном обращении к директору ДДДИИ графу Э.К.Сиверсу (25 сентября 1875 г.) муфтий С.Тевкелев подчеркнул, что его повторное «домогательство» объясняется убежденностью в своей правоте и искренним желанием защитить религиозные права мусульман от неуместного вмешательства гражданской власти. «Храмы всех религий, — писал оренбургский муфтий, — должны быть одинаково святы в глазах верующих в Бога и попечение о существовании и достоинстве их должно составлять заботу одной духовной власти как корпорации, исключительно посвятившей себя служению Творцу вселенной. В мусульманских храмах возносятся те же самые молитвы ко Всевышнему, как и в храмах других исповеданий, и, быть может, иногда молитва за царя и Отечество, за сохранение существующего порядка и будущее преуспевание родины теплее и усерднее льется из-под кровли, освещенной луною, нежели из-под купола, украшенного крестом». Он обратил внимание директора ДДДИИ на «смешивание» губернским правлением двух совершенно различных понятий: разрешения постройки новой мечети и переименования существующей мечети, подчеркнув, что на основании шариата переименование есть чисто духовное дело — от статуса мечети зависит порядок совершения исламского ритуала.

Как видно из содержания письма, директор ДДДИИ олицетворял собой для председателя Духовного собрания последнюю инстанцию, способную принять справедливое решение. Не исключая худший вариант развития событий, С.Тевкелев высказался весьма пессимистично: «в противном случае мне остается только возложить все упование свое на Всеблагое Провидение, покровительствующее несправедливо притесненным и увериться, что мусульманская духовная власть является у нас не выражением той силы, которая служит очевидным признаком всякого правительственного учреждения, а напротив, слабым отголоском чего-то пассивного, чего-то непризнанного, чего-то не достигшего еще полного своего развития, не выразившегося ни в какой окончательной форме».

Однако взгляд центральной власти на проблему оставался непреклонным. ОМДС было извещено, что «при установлении веротерпимости все религиозные постановления во внешнем своем проявлении в сфере административной должны подчиняться тем правилам и ограничениям, которые установлены законами», это распространяется и на переименование мусульманских храмов. Одновременно были затребованы подробные сведения об отличительных признаках пятивременной и соборной мечетей, о правилах шариата по их переименованию, факторах, обуславливающих число духовных лиц, с приложением точных переводов из религиозных книг.

Полученные из Уфы материалы были переданы на экспертизу служащему при МВД преподавателю столичного университета И.Г.Нофалю. Ученый-востоковед представил свое заключение, из которого чиновникам департамента стало ясно, что по мусульманским законам праздничной молитвой (джумга) называется богослужение, начинающееся в пятницу в полдень вслед за проповедью, за которой следует общая молитва. Для совершения праздничного богомоления необходимо наличие семи условий. В частности, чтобы местность была подчинена какой-либо политической власти (законной или незаконной, исламской или немусульманской). По мнению ученого, по шариату празднование джумги зависит от разрешения гражданской власти (Бахр, с.339; Мулла Хосра, с.112), никакое общественное здание не может ни в силу переименования, ни в силу желания и средств прихожан «быть назначенным для празднования» без согласия на то гражданской власти (Тохтава, том 1, с.339). Переименование мечети может быть признано законным, если не было действительного изменения в той местности, где это переименование имело место, так как переименование джумги не может быть совершаемо в малых селениях, не обладающих качествами, дающими право на статус города. Относительно представленных С.Тевкелевым выписок профессор объяснил, что приведенный им текст урезан, некоторые слова в нем искажены, перевод неправилен и не может служить основанием для тех выводов, которые делает оренбургский муфтий.

И.Г.Нофаль представил свои переводы арабских текстов. В январе 1877 г. с заключением о принадлежности вопроса переименования мечетей в компетенцию светской власти, директор ДДДИИ граф Э.К.Сиверс представил записку по данному вопросу на рассмотрение министра внутренних дел.

Одновременно для выявления сложившейся практики на местах ДДДИИ обратился к начальникам четырнадцати губерний европейской части России и Сибири, предложив сообщить о порядке переименования мечетей. Из отзывов губернаторов стало очевидно, что существуют самые различные варианты разрешения местными властями данного вопроса.

Муфтий С.Тевкелев в поисках поддержки и понимания 21 марта 1878 г. вынужден был обратиться с письмом к министру внутренних дел Л.С.Макову. В ответ он получил заверение статс-секретаря Л.С.Макова (12 апреля 1878 г.) о том, что по получении затребованных от губернаторов сведений со стороны МВД будет сделано все возможное, чтобы не ущемлять религиозные права мусульман. Окрыленный такой поддержкой, оренбургский муфтий вновь обратился к министру со словами признательности, выразив надежду на скорейшее разрешение своей просьбы. В этот период Л.С.Маков стал владельцем земельных угодий (башкирских дач) в Уфимской губернии, муфтий С.Тевкелев собирался встретиться с министром во время его приезда для распоряжения с недвижимостью.

Нам не удалось выявить мотивы, заставившие центральную власть сохранить прежний порядок переименования мусульманских храмов. Думается, причина не ограничивается благосклонным отношением министра внутренних дел Л.С.Макова. Новый взгляд, по нашему мнению, сложился из следующих факторов. Заключение профессора И.Г.Нофалья о праве гражданской власти (хотя в исламе нет разделения власти) определять название мечетей в поселениях исходя из статуса поселений создавало проблемы. Возникал также вопрос относительно критериев переименования мечетей. В течение длительного времени мечети строились, главным образом, ориентируясь на численность прихода. Иначе говоря, статус поселения вообще не принимался в расчет. В ряде селений в этот период существовали несколько джамии мечетей. Более того, во многих местах культовые здания изначально строились как соборные. Правительство понимало, что любое посягательство на сложившуюся традицию в этой области чревато массовыми волнениями мусульман.

Кроме того, затребованная из губерний информация о порядке переименования мечетей подтвердила существование различных подходов администраций. Введение новых правил означало бы игнорирование сложившегося порядка, что было возможным только на законодательном уровне. Новые критерии могли нарушить традиционную систему жизнедеятельности прихода и негативно отразиться при организации новых махаллей. Наконец, комплексное рассмотрение вопроса реорганизации управления исламскими институтами в империи было отложено Комитетом Министров в 1875 г. «до лучших времен».

Заявление Духовного собрания о том, что все губернские правления, кроме Уфимского, предоставляют право разрешения о переименовании исламских храмов религиозному управлению, подтвердилось в сообщениях начальников Пензенской, Тобольской, Нижегородской губерний. Администрации Саратовской, Тамбовской, Рязанской, Томской губерний не обнаружили в архиве губернских правлений случаев переименования мечетей. В Астраханской губернии в 1870 г. в д.Малайской вместо двух пятивеменных, видимо, пришедших в ветхость, богослужебных зданий была построена одна соборная мечеть.

Показательно, что в ряде губернских правлений отсутствовал единый порядок рассмотрения подобных дел. Скажем, в 1858 — 1876 гг. в Вятской губернии в четырех случаях на переименование мечетей разрешение давало Духовное собрание, в трех случаях — местная власть. Причем выявились факты неуведомления администрацией о своем постановлении ОМДС.

В 1870-х гг. в Симбирской губернии переименование мечетей по распоряжению Духовного собрания произошло в пяти деревнях, а по постановлению губернского правления — в шести селениях. В тех случаях, когда ходатайства мусульман поступали в Уфу, религиозный орган автономно принимал решение и сообщал о нем в губернское правление.

В Казанской губернии переименование мечетей производилось с разрешения губернского правления на основании общественных приговоров приходов. Примечательно его предписание (от 3 октября 1867 г.) о том, что в случаях ходатайства о постройке или реорганизации мечетей необходимо указывать факт проживания или отсутствия в населенном пункте новокрещеных татар. В частности, на этой основе в 1870 г. администрация отказала жителям д.Новых Челнов Спасского уезда в «исправлении» пятивременной мечети с переименованием на соборную. Лишь после получения извещения об отсутствии в селении новокрещеных татар община получила разрешение.

Изменение статуса мечетей в Оренбургской губернии происходило под надзором гражданских и духовных властей. Получив приговор и собрав необходимые сведения из полицейского управления, губернское правление уведомляло ОМДС о согласовании вопроса. После поступления заключения религиозного органа дело выносилось на заседание присутствия. Если же мусульмане обращались непосредственно в ОМДС, то религиозное учреждение переправляло такое ходатайство со своим решением в распоряжение оренбургских властей. Случаи прямого обращения мусульман в ОМДС позволяют говорить об их высокой правовой грамотности. Однако такое поведение мусульман наблюдалось не всегда. Возможно, так происходило вследствие совмещения прихожанами переименования мечети с его реконструкцией или сооружением нового здания.

Переименование действующей пятивременной мечети в джамии становилось возможным тремя способами: 1) при наличии у действующего духовенства звания хатиба; 2) при избрании на вакантное место лица, имеющего или получившего впоследствии звание хатиба; 3) при избрании дополнительно к имеющемуся имаму нового духовного лица, т.е. за счет увеличения причта.

Рассмотрев дело о назначении при простой мечети г.Царицыно Саратовского уезда на должность хатиба крестьянина Янглычева с увеличением причта на одного духовного лица, в 1887 г. Сенат признал возможным удовлетворение ходатайства мусульман города (указ от 11 сентября за № 10032).

Численность прихода всегда оставалась одним из главных условий переименования храма. Только при наличии в махалле установленного законом числа душ чиновники брались за рассмотрение ходатайств мусульман о переименовании мечети. В других случаях действия светских властей становились вполне предсказуемыми. Например, в 1863 г. Управление башкирами отказало жителям д.Биктемирово Белебеевского уезда Оренбургской губернии именно из-за малочисленности прихода. Духовное собрание, в свою очередь, постановило (3 октября 1863 г.) о причислении жителей по своему выбору к мечети ближайшего поселения. По этой же причине Нижегородское губернское правление постановлением от 27 марта 1870 г. отказало мусульманам д.Красный Яр (141 ревизская душа м.п.).

Власти пресекали действия общин по формированию полноценных приходов путем присоединения части жителей соседнего селения. В частности, в 1884 г. было отказано жителям д.Малые Кибяк-Кози (87 ревизских или 146 наличных душ м.п.) Мамадышского уезда Казанской губернии, попытавшимся причислить к своему приходу 125 ревизских душ соседней д.Большие Кибяк-Кози под предлогом малой вместимости мечети соседней деревни. Полицией было выяснено, что мечеть в первой деревне вмещает 150 человек, а второй — до 250 молящихся. Фиктивность акта сделала невозможной переименование храма.

Муфтий Мухамедьяр Султанов согласился с предложением местных властей об упразднении в маленьких селениях мечетей по мере их разрушения. На такое размышление наводит заключение МВД, адресованное в 1885 г. в Сенат по случаю жалобы крестьян Биккула Бухараева и Диара Яфуказева д.Татарское Талышево (133 ревизские души) Корсунского уезда. Министр В.К.Плеве, оправдывая решение Симбирского губернского правления о запрете сооружения новой соборной мечети вместо ветхой пятивременной, указал, что ОМДС также высказалось за упразднение мечетей в малочисленных приходах по мере того, как они придут в ветхость.

Анализ деятельности Сената и МВД по рассмотрению жалоб мусульман о постройке или переименовании мечетей позволяет сделать некоторые наблюдения о взаимоотношениях силового ведомства и высшего апелляционного органа. В тех случаях, когда у сенаторов имелось твердое убеждение в законности постановления губернского правления, Сенат сообщал свое предварительное решение (проект указа) министерству, которое, в свою очередь, с пониманием относилось к его мнению. В частности, в 1888 г. такой предварительный вердикт был вынесен по постановлению уфимского губернского правления от 2 ноября 1887 г. о запрете переименовать простую мечеть в соборную в д.Кушманово Бирского уезда (проживало 187 наличных душ м.п.), с которым товарищ министра В.К.Плеве сразу согласился.

В других случаях Сенат направлял на заключение в МВД жалобы мусульман. В таких случаях ДДДИИ выступал в качестве третьей стороны, и, как правило, его заключение на бланке Сената сообщалось по назначению. Например, так произошло с аннулированием постановления Уфимского губернского правления от 15 июля 1885 г. об отказе жителям д.Бишку Магадеево Байсаровской волости Мензелинского уезда в переименовании храма. Главным аргументом местной администрации явилось присоединение к малочисленному приходу (144 ревизские души) 62 ревизских душ из соседней деревни. МВД сообщило, что статья 261 «Устава строительного» включает в себе правила только о количестве махалли при строительстве мечети, а не при ее переименовании. Резонно предположить, что при этом чиновники учитывали мнение Сената о том, что, поскольку вышеназванная статья подразумевает только постройку мечети, она не может быть основой для закрытия культовых зданий в малочисленных приходах. При рассмотрении материалов, поступивших из апелляционного органа, и в случаях обращения начальников губерний и областей за консультацией, ДДДИИ, как правило, принимал решения с учетом указов Сената, изданных по аналогичным случаям. В 1883 г. в департаменте для их учета была заведена специальная папка «Наряд указов Сената по магометанским духовным делам», где каждому указу апелляционного органа давалось заглавие, вкратце отражающее его содержание. Напечатанный и составленный вкратце текст позволял служащему быстро вникнуть в суть вопроса и рассматривать возможность применения его в отношении к спорному делу, регулирование которого не обеспечивалось действующим законодательством. Так в МВД выработался «системный подход» во взаимоотношениях с Сенатом.

ОМДС, со своей стороны, отклоняло общественные приговоры о переименовании «незаконных» мечетей маленьких селений, входивших в состав сложного прихода. Удовлетворение ходатайства мусульман в этом случае означало бы признание легитимности второй соборной мечети в одном приходе, что противоречило установленному законом нормативу численности прихода. По этим соображениям (что богослужебные здания были построены без разрешения местных гражданских властей) в 1904 г., например, Духовное собрание отказалось переименовать мечеть в д.Аблы Казанского уезда и губернии, которая находилась на территории прихода джами мечети д.Чирши. В данном случае во главу угла было поставлено правило о невозможности существования в одном приходе двух мечетей.

В 1850 — 1880 гг. власти пресекали ходатайства о перестройке пришедших в ветхость мечетей в малочисленных приходах. Это положение распространялось и на случаи

переименования. Лишь с 1887 г. произошел пересмотр отношения ОМДС к приговорам малочисленных религиозных общин о постройке нового богослужебного здания взамен пришедшего в ветхость или сгоревшего, или о его переименовании. ОМДС, положительно разрешая эти ходатайства, прилагало к своему заключению копию с журнального постановления Уфимского губернского правления от 30 июля 1887 г. Благодаря стараниям муфтия М.Султанова чиновники практически всех губернских правлений, в которых проживали мусульмане, были ознакомлены с историей переименования мечети д. Бишкумачевой. Жители данного селения (144 ревизские души) 28 апреля 1885 г. возбудили ходатайство об этом, приложив приговор о присоединении к их махалле группы жителей д.Токарликовой (62 ревизские души). Уфимское губернское правление (30 июля 1885 г.), указав на уменьшение численности прихода при мечети д.Токарликовой (остаются до 123 ревизских душ), признало переименование мечети д.Бишкумачевой невозможным. Сенат 16 июня 1887 г. вынес приговор, сославшись на следующие аргументы: 1) что в д.Бишкумачевой уже существует мечеть, хотя в селении числится всего 144 ревизские души; 2) переименование пятивременной мечети в соборную по российским законам признается вопросом религиозным; 3) ст.261 «Устава строительного» о количестве душ в приходе имеет силу закона только в случае возведения новых мечетей, она не распространяется на случаи переименования мечетей. В результате администрация Уфимской губернии 30 июля 1887 г. вынуждена была удовлетворить просьбу мусульман.

Как видно, высший апелляционный орган империи не счел даже нужным отметить превращение махалли д.Бишкумачево в полноценный приход в случае присоединения к нему части жителей соседнего селения. Это обстоятельство, по нашему мнению, объясняется стремлением особо подчеркнуть правомерность переустройства и переименования мечетей в малочисленных приходах. К тому же в это время уже действовал закон от 15 декабря 1886 г. о новом нормативе махалли, учитывающий наличное число душ м.п.

С целью добиться максимального распространения указа Сената от 16 июня 1887 г., ОМДС включило его в «Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» издания 1905 г. Следует отметить, что этот сенатский указ, благодаря «просветительской» деятельности религиозного управления, сыграл заметную роль в либерализации постановлений местной администрации.

В конце XIX в. такие дела решались с заметной последовательностью. Наглядным подтверждением служит обсуждение в высших эшелонах власти жалобы жителей д.Сардыганбаш (Алан) (156 наличных душ м.п.) Янгуловской волости Малмыжского уезда. В 1898 г. Вятское губернское правление отклонило их ходатайство о переименовании существовавшей с давнего времени мечети с назначением духовного лица. Тогда просители забыли приложить приговор 16 домохозяев соседней деревни За речкой Салаусь о желании присоединиться к вновь образуемому приходу. Д.Сардыганбаш находилась в составе нижнеянгуловского прихода. В 1899 г. ходатайство о переименовании существующей мечети с образованием самостоятельной махалли поддержали имам Маньяфов и 72 домохозяина д.Янгулово, изъявившие желание присоединиться к вновь создаваемой махалле. Однако вскоре мулла Маньяфов отступился от своего решения, вслед за ним янгуловцы также заявили о своих затруднениях по содержанию причта. Тем не менее МВД, установив, что крестьяне д.Сардыганбаш не платили мулле гушыр (/10 часть урожая), ограничиваясь единовременными вознаграждениями за исполнение религиозных «треб», разрешило образовать новый приход с присвоением существовавшей мечети статус джами в случае, если мулла Маньяфов будет получать от своих прихожан достаточное содержание.

Это решение силового министерства нашло воплощение в сенатском указе от 2 сентября 1902 г., лейтмотив которого сводился к тому, что «вопрос о переименовании мечети из пятивременной в соборную относится к компетенции не губернского

правления, а Магометанского духовного собрания». Религиозное управление и этот указ Сената поместило в «Сборнике циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания», сделав его достоянием всей уммы.

После разрешения спора о разграничении компетенции светских и духовных властей в сфере переименования мечетей на рубеже 1870 — 1880 гг. ОМДС рапортом доносило о своем решении местному губернскому правлению, которое доводило его содержание до сведения местного уездного полицейского управления или полицмейстера для объявления прихожанам и делало соответствующую отметку в ведомости мусульманских приходов. Решение Духовного собрания носило для губернских правлений обязательный характер. Однако без утверждения местной администрацией оно не получало законной силы.

Порой такой порядок переименования мечетей (в обход светских властей) позволял некоторым малочисленным сельским обществам, обзаведясь мечетью, ставить вопрос о регистрации махалли. Так, крестьяне д. Малые Метеряки (167 душ м.п.) Свияжского уезда Казанской губернии построили в 1901 г. культовое здание, в 1904 г. через Духовное собрание добились его переименования в соборное, в 1906 г., предварительно согласовав вопрос о включении во вновь образуемый приход 39 чел. соседней д. Большие Нырсы, ходатайствовали об утверждении при мечети муллы.

Как известно, Духовное собрание рассматривало ходатайства мусульман, составленные на татарском языке, выносило соответствующее заключение. Использование родного языка при решении религиозно-бытовых и обрядовых аспектов повседневности освобождало махаллю от лишних расходов по переводу необходимых документов на русский язык. Такой порядок был удобен и для членов ОМДС, которым легче было вникать в суть возбуждаемого на родном языке.

Губернские власти оценивали использование татарского языка в делопроизводстве с высоты государственных интересов. В случае, если постановление Духовного собрания принималось на основе общественного приговора, составленного на татарском языке, утверждение его решения откладывалось до представления просителями приговора на русском языке. При этом постановление ОМДС сохраняло силу. Кажется, вопрос для губернских чиновников действительно имел принципиальное значение, ибо воспринимался как ущемление статуса государственного языка и расширение полномочий «татарского наречия». Дело в том, что в волостных правлениях, где общественный приговор регистрировался в специальной книжке, принимался только русский вариант документа — перевод с татарского текста. В Духовное собрание должен был поступать этот документ. При рассмотрении таких «нестандартных» случаев, не вмешиваясь в компетенцию религиозного органа, правомерность своих действий чиновники обосновывали обязательностью для правительственных учреждений ведения делопроизводства исключительно на русском языке. В частности, в 1881 г. Казанское губернское правление с данной формулировкой отказало татарам д. Шагимарданский Починок Мамадышского уезда.

При переименовании мечети Духовное собрание обращало внимание на существование постоянного прихода при культовом здании. В этой связи показательна судьба пятивременной мечети, построенной в 1858 г. купцом 1-й гильдии Акчуриным рядом со своей суконной фабрикой в д. Старое Тимошкино Сенгилеевской волости Симбирской губернии. Ее переименование позволило бы рабочим не ходить в джамы мечеть в центре поселения, расположенной за рекой Свияга. При этом промышленник просил о разрешении проведения пятничных молитв осенью и зимой — в неудобное для передвижения время года. Вследствие временного характера проживания рабочих, уроженцев соседних селений, уездов и губерний, и отсутствия постоянной, традиционной махалли ОМДС в 1861 г. им отказало.

Как происходило переименование мечетей в местностях исламо-христианского пограничья? Несмотря на рекомендацию закона властям согласовать свои действия с руководством епархии в случаях возведения мечетей в поликонфессиональных селениях,

ходатайства прихожан и о ремонте, и о перестройке мечетей нередко по привычке отсылались местному архиерею. Не стали исключением и прошения о переименовании мечети. Следует отметить, что при отсутствии прямого указания в законах о необходимости такого поступка администрация учитывала межконфессиональную ситуацию в губернии, степень активности православной миссии и другие факторы. Повышение статуса мечети, посещение мечети в пятницу практически всеми мужчинами, предоставление общине возможности увеличения штата причта на одного имама нередко воспринимались потенциальной угрозой для православного прихода не только руководством церкви, но и гражданскими властями ряда губерний.

Для махаллей поликонфессиональных селений позитивное значение сыграл вышеназванный указ Сената от 16 июня 1887 г., заставивший губернские правления удовлетворять прошения малочисленных приходов. Например, когда татары д.Черемышево-Апаковой Лаишевского уезда Казанской губернии (114 мусульман м. п. и 124 русских) возбудили ходатайство «о перестройке своей мечети в соборную», несмотря на отрицательный ответ епархиального руководства («ни в каком случае не может заслуживать удовлетворения»), их прошение в 1897 г. удостоилось положительного разрешения. При этом, правда, было признано фиктивным и отказано присоединить к приходу 85 прихожан 2-й соборной мечети д.Шали, расположенной в 16 верстах (таким путем крестьяне д. Черемышево-Апаковой хотели довести число прихожан до положенной нормы). Рассмотренный случай позволяет говорить о том, что с конца 1880-х гг. малочисленные махалли в поликонфессиональных поселениях получили возможность переименования мечети и проведения пятничной молитвы в своем селении.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Ограниченность источников не позволяет установить точную численность духовенства при пятивременных и джами мечетях первой трети XIX в. Очевидно, что легализация мечетей и общественного богослужения в 1740-е гг. способствовала увеличению причта. При этом существовали общественные, не назначенные властями неуказные духовные лица, абызы. Большинство из них проживало в малочисленных селениях. Другая группа духовных лиц, не составляя конкуренции указным муллам, преподавала в крупных медресе. Иначе говоря, численность духовенства определялась материальными возможностями сельского общества и степенью воздействия на него духовенства, игравшей ключевую роль в данной сфере.

В период правления Николая I, когда регламентирование разных сторон общественной и социально-экономической, культурной жизни учреждений и подданных достигло невиданных размеров, чиновники МВД «обнаружили» недоработку своих предшественников в определении численности духовенства в приходах. Выяснилось, что в законодательстве осталась «лазейка» для ревнивых в религиозном отношении мусульман, которые при мечети могли иметь столько духовных лиц, сколько сумеют содержать за свой счет.

Духовное собрание, исходя из российского законодательства, где четко указывалась первичность для мусульманского прихода мечети и практически ничего не сообщалось о конфессиональных школах, с учетом требований шариата и обязанностей муэдзина (глашатай призыва на молитву — азан), имама (предстоятель на молитве), имам-хатиба (читающий пятничную хутбу-проповедь), представило свое разъяснение о минимальной численности духовных лиц при исламских богослужебных зданиях. Рекомендация ОМДС полностью не удовлетворила правительство. Закон от 9 декабря 1835 г. позволял махалле с пятивременной мечетью при численности прихожан более 200 ревизских душ иметь по три духовных лица. Большинство приходов в этот период объединяло жителей двух и более селений. Исполнение духовных треб с выездом на место могло негативно сказаться на проведении пятивременной молитвы в мечети. Нововведение было направлено на пресечение инициативы устройства новой мечети с образованием новой махалли за счет предоставления возможности обзавестись «лишним» духовным лицом. Оно также

предполагало свертывание деятельности неуказных духовных лиц усилиями официально назначенного духовенства.

Таким образом, в 1835 — 1886 гг. существование официально зарегистрированной махалли выступало главным критерием в определении штата духовенства при мечети. Статус мечети стал приоритетным в этом вопросе с появлением закона от 16 декабря 1886 г., установившего норматив прихода по наличным душам м.п.

С последней четверти XIX в. статус мечети определялся по званию муллы. Только имам-хатиб имел право на хутбу-проповедь в праздничную молитву.

В России нового времени статус культовых зданий не рассматривался во взаимосвязи со статусом населенного пункта, где находилась мечеть. Появление в законодательстве двух типов мечетей поставило на повестку дня вопрос об определении их статуса как при разрешении постройки культового здания, так и переименовании. Вновь образуемая махалля по-прежнему сама, видимо, исходя из своих потребностей, материальных возможностей и с учетом затрат на содержание причта, определяла статус храма. В городских общинах мечети, как правило, изначально строились как соборные. В малочисленных «незаконных» махаллях обычно возводились «пятывременные» храмы.

Поскольку законы не оговаривали механизм взаимоотношений местных властей и ОМДС в вопросе переименования исламских храмов, в регионах сложилась различная практика разрешения данного аспекта исламского богослужения. Разрешение спора между Уфимским губернским правлением и ОМДС относительно разделения полномочий в пользу последнего и признание тем самым ритуального смысла статуса мечетей стало следствием откладывания в долгий ящик реорганизации управления исламскими институтами и проявлением политики невмешательства в религиозные дела, не имевших политического значения для самодержавной власти. На совершение молитв в мечетях в честь российского государя, государыни и наследника наложилась христианская традиция. Вследствие этого ОМДС официально заявляло о необязательности совершения в пятницу молитвы в честь правителя, хотя во многих местностях в угоду исламским каноническим нормам во время полуденного пятничного намаза такой ритуал практиковался.

В результате с конца 1870-х гг. переименование мечетей на основе единовременных указов Сената и предписаний МВД без фиксирования в действующем законодательстве было передано монопольному ведению ОМДС. Местные власти не должны были вмешиваться в определение статуса мечети.

При отсутствии в действующем законодательстве каких-либо указаний о порядке переименования мечетей для администрации главным становились намерение прихожан и легитимность махалли. Процедура переименования в губерниях была различной: порой запрашивали документы и сведения, необходимые при возведении мечети. Эта особенность в деятельности ряда администраций объясняется «обычным правом», сложившимся под воздействием различных факторов, в том числе вакуума в законодательстве по регулированию государственно-исламских отношений.

Благодаря деятельности Сената и Духовного собрания, последнее из которых при каждом удобном случае к своему заключению о переустройстве или переименовании культовых зданий прилагало копии указа апелляционного органа, в конце 1880-х гг. в целом был решен вопрос о законном функционировании мечетей в малочисленных селениях. В правовом регулировании судьбоносной для уммы проблемы сыграла положительную роль активная позиция малочисленных махаллей, подававших жалобы в Сенат.

В поликонфессиональных селениях первичным признавалось право действующей махалли регулировать свою религиозно-обрядовую жизнь, а не угроза от повышения статуса исламского храма православным жителям. После окончательного закрепления за ОМДС во второй половине XIX в. права самостоятельного изменения статуса мечетей мнение руководства епархии для администрации потеряло всякую силу. Ее извещения о

переименовании мечети имели для духовной власти исключительно уведомительное значение и вытекали из должностной обязанности губернской администрации заботиться о православной пастве.

Многочисленность прошений о переименовании храмов, поданных в «связке» с постройкой нового культового здания, или переустройством (расширением), или с постройкой минарета позволяет говорить о локализации большинства пятивременных мечетей обычным жилым помещением, без внешних признаков богослужебного здания. Соборным мечетям, по сравнению с простыми, были присущи крупные размеры и наличие минарета.

2. Мусульманский «молитвенный дом»

В российском законодательстве, в связи с индивидуальным и автономным порядком выработки и уточнения уставов духовных дел иностранных исповеданий, не присущ системный и комплексный подход, предполагавший упорядочение и придание единой формы правовому статусу религиозных институтов каждой из конфессий. Достаточно сказать, что для наименования богослужебных зданий применялась самая различная терминология.

Между тем статус богослужебного здания у большинства конфессий имел обрядовое значение, не говоря уже об архитектурной стороне вопроса. Для представления места наименований исламских культовых зданий в имперском законодательстве необходимо вкратце рассмотреть терминологию, применяемую самодержавной властью. В уставах римско-католической и армяно-католической церковью богослужебные помещения именуется церквями, часовнями и капищами, в уставах протестантских исповеданий помимо церквей упоминаются молитвенные дома и кантораты, в уставе армяно-григорианской церкви употреблен только термин «церковь». Молитвенные здания в законе о старообрядцах и отпавших от православия сектантах обозначаются под именами храмов, молитвенных домов, скитов и обителей. В законе от 17 октября 1906 г., перечисляя молитвенные здания отпавших от православия сектантов, сообщается и об «иных» молитвенных зданиях этой группы верующих. У ламанитов богослужебные здания именуется хурулами, дацанами и кумирнями. Возведение или перестройка здания под молельное помещение раскольникам происходили с дозволения министра внутренних дел, а их ремонт без изменения внешнего вида — с разрешения местного губернатора. Причем каких-либо конкретных ограничений не было предусмотрено. Главным требованием являлось то, чтобы по внешнему виду молельный дом раскольников не был похож на православный храм.

Проблему неодинаковой трактовки термина «молитвенный дом» несколько обстоятельнее рассмотрим на примере иудаистов, вероисповедание которых, как и ислам, по имперскому законодательству относилось к «нехристианской религии». На местах общей оседлости евреи могли отправлять общественные молитвы в синагогах и молитвенных школах. В местностях вне черты оседлости разрешалось устраивать исключительно молельни. В законе отсутствовали какие-либо указания о различиях между иудейскими молитвенными учреждениями: синагогами, молитвенными школами, молитвенными домами, молельнями. Термин «молитвенный дом» употреблялся в отношении иудейских религиозных институтов в Царстве Польском, и, по мнению местного начальства, понятия «молитвенный дом» и «молитвенная школа» были тождественны. Чиновники МВД же считали, что синагога представляет до некоторой степени обширное здание, рассчитанное на значительное число молящихся, лишь размерами отличается от молитвенной школы, и, со ссылкой на специальную литературу, указывали, что молитвенная школа является одновременно местом для изучения основ религии. Независимо от разных наименований иудейских молитвенных учреждений в местах общей оседлости и вне черты оседлости евреев закон различал порядок и форму их

управления. При синагогах и молитвенных школах состояли особые еврейские духовные управления, в обязанность которых входило заведование внутренним устройством и хозяйством не только молитвенных учреждений, но и благотворительных заведений, где таковые функционировали. Вне черты еврейской оседлости молитвенным учреждениям разрешалось устройство не духовных, а хозяйственных правлений, единственно для заведования хозяйственными делами богослужебных учреждений.

После специального сравнительно-сопоставительного анализа религиозной терминологии, которая доселе исправно служила для дискриминации гражданских прав евреев, МВД в своем представлении в Государственную думу от 20 февраля 1907 г. уже заявляло, что далее не усматривается оснований к сохранению в законе запрещений устраивать молитвенные школы и синагоги вне черты оседлости, и правомерно распространить на них проектируемое постановление о порядке разрешения сооружения иноверных молитвенных зданий с сохранением прежних управлений. Однако со «стабилизацией» общественного положения в империи необходимость переустройства духовных дел подданных перестала быть востребованной, отошла на задний план.

Гражданских властей, прежде всего, интересовал статус богослужебных зданий, в которых общественные собрания верующих лиц происходили легально. Специфика российской юриспруденции заключалась в том, что многообразие церковной терминологии не прослеживалось в других законах, в той или иной степени регулирующих религиозные права подданных и конфессий. В частности, в «Уставе строительном» была зафиксирована необходимость получения протестантами разрешения гражданской власти на сооружения церквей, а о других культовых зданиях умалчивалось. Возможность сооружения с разрешения властей помимо церквей и молитвенных домов предусматривалась для евангелическо-аугсбургской и реформаторской церквей в Царстве Польском, а также некоторых протестантских сект (евангелических братских обществ и баптистов). Относительно иных богослужебных сооружений для других протестантских сект в законе ничего не сообщалось. В действительности в империи, кроме Прибалтийских губерний, большая часть протестантских богослужебных зданий не имела внешних признаков церквей и существовала под названием молитвенных домов. В Царстве Польском, а также в Северо-Западном и Юго-Западном крае преимущественно в сельской местности значительная часть действующих богослужебных помещений была соединена с церковными школами и даже имела с ними общие помещения, уступая их для молитвенных собраний (кантораты). Отсутствие единого критерия понятия «молитвенный дом» и пробел в строительно-техническом законодательстве, по мнению центральных властей, не только создавали «недоразумения», но и допускали возможность уклонения прихожан от получения разрешения гражданской администрации в случаях, точно не определенных законом, в том числе от выполнения требований «Устава строительного». В связи с такими фактами МВД вынуждено было разъяснять, что общий порядок сооружения инославных богослужебных зданий распространяется на молитвенные дома всех протестантских учений и сект, в которых совершаются временно или постоянно богослужения, молитвы или проповеди, независимо от наименования.

В проекте «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» от 20 февраля 1907 г., представленном в Государственную думу, МВД признало, что «общий порядок сооружения инославных богослужений распространяется на молитвенные дома всех протестантских учений и сект, в которых совершаются временно или постоянно публичные общественные богослужения, молитвы или проповеди, независимо от присваиваемых им особых наименований. Однако положение дел с исламскими молитвенными домами при этом не было учтено.

Правила строительства, учреждения молельных домов в законодательстве определены только для православного населения и раскольников. Строительно-технические вопросы и наказание за нарушения правил при постройке церквей полностью находились в

компетенции православного ведомства в лице руководства епархии. «В тех епархиях, где приходы расположены на обширных пространствах и прихожане не все могут с удобностью посещать во всякое время приходскую церковь, в отдаленных приходских деревнях, а также в кладбищах за счет жителей разрешалось построение временных или постоянных молитвенных домов».

В отношении мусульман термин «молитвенный дом» употреблялся редко. Согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., разрешалось возведение «молитвенных домов» казахам-мусульманам. До 1868 г. «молитвенные дома», как правило, за счет казны возводились в каждом вновь учреждаемом административном центре внешнего округа Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Несмотря на существование закона от 17 июня 1773 г. под названием «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающихся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам», в последующих законодательных актах, прежде всего в изданиях «Свода законов Российской империи», стал применяться исключительно термин «мечеть». Поэтому как в «Уставе строительном», так и в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий» молельные дома в Европейской части России и Сибири не значились в качестве мусульманских культовых зданий.

Основная причина игнорирования российским законодательством мусульманских молитвенных домов заключалась не столько в некомпетентности разработчиков устава духовных дел мусульман, сколько в составлении «Свода законов Российской империи» на основе ранее изданных законодательных актов. В 1740 — 1750-х гг., локализовав общественную молитву в мечети, самодержавно-церковная власть старалась облегчить себе задачу по контролю за динамикой численности исламских институтов.

При разработке устава по управлению духовными делами мусульман чиновники ориентировались на религиозную ситуацию в Таврической губернии, где после присоединения Крымского ханства к России местные исламские институты сохранялись без изменений. Поскольку в поселениях крымских татар доминировали мечети, молитвенные дома или молельни не нашли отражения в российских законах как равнозначные мечетям богослужебные помещения в Тавриде.

Идеальным вариантом для удовлетворения духовных «треб» прихожан в селениях сложной махалли (состоящей из жителей двух и более селений) представлялось бы проживание одного из духовных лиц в селении, где не было мечети. Тогда имам мог бы руководить намазом в молитвенном доме. Проблема заключалась в том, что духовенство несло персональную ответственность за пятикратное общественное богослужение в официальной мечети, что являлось важнейшим критерием исполнения должностных обязанностей. Поэтому духовным лицам было выгодно проживать в одном поселении, взаимно выручая, заменяя друг друга в период отлучек по своим делам.

Как правило, для руководства богослужением в молитвенном доме местные жители выбирали наиболее сведущее лицо. В таких поселениях связь с приходской джами мечетью проявлялась только при посещении храма в пятницу и годовые религиозные праздники. Если приходская мечеть была пятивременной, то прихожане ездили на праздничный пятничный намаз в соборную мечеть другой махалли.

По мере повышения исполнимости законов, на что были нацелены и либеральные реформы 1860 — 1870-х гг., усиления религиозности населения, роста численности махаллей проблема статуса исламских молитвенных домов стала одним из ключевых вопросов во взаимоотношениях уммы с правительством. Происходившие в 1850 — 1860 гг. в губерниях Волго-Уральского региона ревизии по уточнению численности легитимных мечетей привели к выявлению значительного числа незаконных исламских храмов. Абсолютное большинство из них существовали в «малонаселенных» (по тогдашним нормативам) поселениях, как правило, в сложных приходах. До конца 1880-х гг. власти упраздняли их после пожара, или по мере обветшания культовых зданий, или же не

утверждали новых мулл на вакантную духовную должность после кончины имама. Прихожанам предлагалось приписаться по своему усмотрению к ближайшей мечети. Для прихожан стало очевидно, что не следует давать знать о существовании молельни. В результате молитвенные дома перешли на полулегальное существование.

В этой связи становится понятным, почему одним из трех вопросов, предложенных муфтием Селемгереем Тевкелевым для обсуждения ДДДИИ во время посещения в 1865 г. столицы, стал вопрос о правомочности ОМДС разрешать строительство молельных домов в местностях, где из-за дальности расстояния жителям неудобно было посещение приходской мечети. Бывший офицер в отставке, С.Тевкелев все более вникал в религиозную ситуацию в российской умме, болезненно воспринимал отказы местных властей по причине малочисленности населенного пункта на просьбы жителей о возведении новых или ремонте пришедших в ветхость мечетей. Очевидно, консультантами его по этим вопросам выступали члены ОМДС.

В 1866 г. он вынес на обсуждение одного из заседаний Духовного собрания вопрос создания условий мусульманам для совершения общественного богослужения. ОМДС рассматривало его концептуально, признав, что отдаленность маленьких селений от мечети лишает жителей возможности исполнения одной из главных религиозных обязанностей, что, в конечном счете, оказывает негативное воздействие на состояние нравственности населения: «Сначала не считают грехом отступление от обрядов религии, потом ослабевают в самой вере, теряют уважение к обряду брака и присяги, предаются пьянству и другим порокам и преступлениям». Исходя из этих соображений, муфтий С. Тевкелев высказался за вменение в обязанность муллам наблюдать, чтобы их прихожане неуклонно исполняли по возможности все религиозные обряды, внушая при этом неукоснительное исполнение всех распоряжений правительства. А лиц, не имеющих должного уважения к своей вере, рекомендовалось подвергать духовному покаянию.

Подразумевая существующие нормативы в возведении мечетей (200 ревизских душ), ОМДС в своих представлениях от 15 июня 1866 г. к уфимскому, пермскому, казанскому губернаторам просило их ходатайствовать перед высшей властью о «разрешении мусульманам в тех местностях, где по закону не дозволена постройка мечети и оказывается неудобным прихожанам пятивременное в день посещение мечети, устраивать молитвенные дома, в которых они могли бы прославлять Аллаха исполнением пятивременного обряда и возносить в означенные дни молебствие о здравии и благоденствии Государя Императора со всем царствующим домом, не принимая при этом в расчет число душ, определенных для составления прихода». Оренбургский муфтий стремился на законодательном уровне разрешить проблему, ущемляющую религиозные права мусульман. О поступившем предложении ОМДС начальники Казанской и Пермской губерний оперативно уведомили Министерство внутренних дел.

Уфимский губернатор Аксаков свое принципиальное несогласие с инициативой Духовного собрания немедленно сообщил непосредственному начальнику — оренбургскому генерал-губернатору. Со ссылкой на многочисленность мечетей в крае, чиновник писал: «Разрешение устройства молитвенных домов ослабит действие закона об условиях, при коих допускается устройства мечетей, введет существование неутвержденных мулл (то есть лишь совершающих молитвы), даст повод последним развить бесконтрольно фанатизм в каждом незначительном селении. Кроме того, самое устройство молитвенных домов потребует издержек, которые более или менее будут обременительными для жителей, обязанных и без того поддерживать официальное сельское духовенство, вымогающее немало денег». Это мнение уфимского губернатора о невозможности удовлетворить ходатайство ОМДС, поддержанное генерал-адъютантом Н.А.Крыжановским, легло в основу ответа МВД, казанскому и пермскому губернаторам.

В своем «Проекте улучшения Оренбургского магометанского духовного собрания и подведомственных ему духовных школ и мечетей» 1867 г. муфтий С.Тевкелев предложил новые нормативы образования махалли, согласно которым молитвенный дом получал

равный с пятивременной мечетью статус: «Все магометане по месту жительства, принадлежащие к той или другой мечети, или молитвенному дому, составляют приход». В молитвенных домах и мечетях строго запрещались всякие собрания для других дел, кроме молитвы, хранение каких-либо вещей. При них могли существовать мектебе и медресе. Причем, в случае отсутствия надлежащего здания для учебного заведения, занятия духовным лицом могли проводиться в помещении молельного дома. Предлагалась следующая численность причта при богослужебных зданиях: при молельном доме — одно духовное лицо, при пятивременной мечети — имам и муэдзин, а при соборной мечети, в случае значительности населения, исходя из потребности, разрешалось иметь двух имамов или двух муэдзинов и одного имама. Со ссылкой на российские законы было заявлено, что мусульмане «могут везде отправлять общественные молитвы и богомоление, никто не имеет права препятствовать им в том ни словом, ни делом». Со ссылкой на нормы шариата была указана обязательность назначения места для праздничной молитвы и присутствие на ней, кроме имама, не менее трех человек.

Оренбургский муфтий не смог обойти вопрос о минимальной численности прихожан при каждом из богослужебных зданий. С.Тевкелев своим критерием назвал численность семейств наличного населения в приходе. В поселении с менее 20 семьями председатель ОМДС рекомендовал разрешить постройку «молитвенного дома», в населенных пунктах, состоящих из 20 — 100 семейств, — пятивременной мечети, а при проживании в местности более 100 семей — соборной мечети. Как видно, он ставил статус храма в зависимость от размера поселения.

В случаях, если из-за отдаленности мечети в родной деревне наблюдались «стеснения» в посещении ее жителями, с разрешения местной администрации и ОМДС, независимо от численности семейств, прихожане получали право устраивать богослужебное здание. Это примечание муфтия С.Тевкелева с учетом того, что «молитвенный дом» возводился после мечети, позволяет утверждать то, что он в таких случаях выполнял функцию помещения для общественного богослужения, при котором официально не прикреплялось духовное лицо, — одним словом, выполнял бы такие же функции и имел бы такой статус, как молитвенный дом православного населения. Можно сделать заключение о том, что по проекту муфтия С.Тевкелева «молитвенный дом», в случае постройки его в приходе помимо мечети, выполнял функции общественного здания, где совершалась коллективная молитва, а при образовании самостоятельной махалли становился «мечетью». Очевидно, что муфтий не видел никакого отличия между молитвенным домом и мечетью, понимая под словом мечеть в переводе в арабского «место молитвы», «место поклонения».

Таким образом, муфтий С.Тевкелев стремился распространить на молельные дома мусульман одинаковый статус с аналогичными учреждениями православной церкви — как помещения, в случае неудобств посещения прихожанами местного храма, призванного удовлетворять потребности жителей в совершении молитвы. Его инициатива противоречила существующим правилам о возможности возведения в махалле только одного богослужебного здания. Проект оренбургского муфтия, так и не получивший дальнейшего движения, предусматривал единый порядок возведения молитвенных домов и мечетей.

Спустя два года, в представлении в ДДДИИ от 8 марта 1869 г. в числе проблем, требующих безотлагательного законодательного разрешения, муфтием С.Тевкелевым был назван вопрос: «Имеют ли право магометанские общества в тех местностях, где для жителей неудобно, по дальности расстояния посещать мечеть, строить с разрешения Магометанского собрания молитвенные дома?». Правительство лаконично заявило, что как мечети, так и молитвенные дома могут возведены в приходах с численностью не менее 200 ревизских душ.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. верховной властью так и не был законодательно оформлен статус мусульманской молельни. Правда, термин «молитвенный дом», как синоним слова мечеть, был употреблен в заседании

Государственного Совета, состоявшемся 1 декабря 1886 г., во время обсуждения вопроса об изменении норматива мусульманского прихода (замена 200 ревизских душ 200 наличными душами м.п.), что нашло отражение в законе от 15 декабря 1886 г. Это обстоятельство послужило основой историку Д.Д.Азаматову предположить, что «в соответствии с законом допускалось возведение молитвенных домов без прикрепленных имамов независимо от числа прихожан». Однако это положение, как было нами рассмотрено, не отразилось в обновленной редакции ст. 261 «Устава строительного» о численности мусульманского прихода.

В плане оценки светской и духовной властью статуса исламского культового здания интересен случай разбирательства дела по возведению молитвенного дома во вновь основанной за рекой Увельки Новой слободе г.Троицка Оренбургской губернии. В 1875 г. ОМДС не разрешило производить намаз в доме сына купца Габбасова, ссылаясь на существующую в махалле мечеть. Ближайшая из трех городских мечетей находилась от нового поселения в 2 верстах. Сорок домохозяев Новой слободы просили дозволить совершать общественную молитву в пожертвованной городскими купцами Хайбуллой и Сафиуллой Габбасовыми избе (ширина — 8,5 м, длина — 15 м) до достижения численности мусульман до установленного законом норматива прихода.

Двойственность позиции ОМДС заключалась в том, что, признавая равнозначным в плане совершения общественной молитвы и молитвенный дом, и мечеть, и даже признавая правомерным сооружение первого в селении сложного прихода, в котором отсутствовала мечеть, оно противилось устройству в махалле нового молитвенного здания помимо мечети. Появление автономного общественного дома было верным признаком, симптомом напряженности отношений между лидерами общины или частью прихожан и имамом. При решении таких вопросов ОМДС фактически ставило во главу угла первичность права официально утвержденного духовного лица на руководство общественной молитвой своих прихожан.

Оренбургское губернское правление обратилось к муфтию за разъяснением: требуется ли для совершения общественной молитвы в жилом доме назначение особого духовного лица. На своем заседании от 24 апреля 1877 г. ОМДС постановило: «В молитвенных домах по правилам религии пятивременное богослужение, молитвы может исправлять избранный из среды общества хорошо знающий те молитвы, но духовные требы, относящиеся до обязанностей духовного лица, где таковые существуют, права не имеют». В соответствии с таким разъяснением жители слободы представили светской власти общественный приговор об избрании муллой из своей среды крестьянина Челябинского уезда Карасевской волости Мухаметши Киреева, чтобы он автономно исправлял все требы без всякой зависимости от городских мулл. Этот случай следует признать исключением из общей практики разрешения подобных дел.

Уфимское губернское совещание, образованное с разрешения министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся мусульманской религии и вообще нужд башкирского населения (22, 23 и 25 июня 1905 г.), уделило серьезное внимание статусу мечетей и молитвенных домов. Признав культовые здания местом, «пользующимся особым покровительством закона в плане неприкосновенности и ограждения от осквернения» (ст.80), участники совещания констатировали, что «молитвенные дома разнятся от мечетей тем, что в них не совершается полуденной пятничной молитвы без разрешения муфтия и для открытия их не требуется особого разрешения» (ст.82). В других случаях они пользовались равными с мечетями правами.

По мере колонизации Сибири в начале XX в. местные власти сталкивались с необходимостью компетентного разрешения религиозно-обрядовых вопросов жизни переселенцев. В частности, в апреле 1913 г. начальник Енисейской губернии оказался в растерянности по поводу ходатайства мусульман д.Куренко-Ошмянская Бельской волости Енисейского уезда, построивших «молитвенный дом» и просивших совершать в нем

общественные молитвы и назначить духовное лицо. Енисейский губернатор, сославшись на отсутствие какого-либо указания в законодательстве на существование исламского молитвенного дома, обратился за консультацией в ДДДИИ: имеют ли право мусульмане иметь молитвенный дом, если имеют, то какой порядок его разрешения. В своем ответе от 11 июля 1913 г. Департамент сообщил, что вопрос о статусе мусульманских молитвенных домов в настоящее время находится на рассмотрении Сената.

Для мусульман, оказавшихся вдали от родины в инокультурной среде, принципиальным вопросом являлось учреждение махалли с духовным лицом, что позволяло решать значительную часть религиозных потребностей общины. Вопрос ставился не столько о постройке мечети, сколько о необходимости духовного лица. Община обязывалась содержать будущего имама, обеспечив его сносной квартирой, ее отоплением и освещением.

Если следовать буквальному тексту законов, регулирующих существование исламских институтов, норматив в 200 душ касался только строительства мечети, а прямая связь между возведением мечети и учреждением нового прихода не обуславливалась. В 1911 г., со ссылкой на недостаточность в 200 оседлых наличных душ в г.Воронеже, местный губернатор воздержался от удовлетворения просьбы этноконфессиональной общины об учреждении махалли и назначении имамом-хатибом крестьянина Мингажетдина Кузехахтеева, имевшего документы духовного лица. Выяснив, что действующее законодательство не позволяет принимать однозначного, юридически выверенного решения, и, видимо, в связи с новизной дела губернатор представил материалы на рассмотрение ДДДИИ. Узнав об этом, община «вдогонку» направила в адрес министра внутренних дел прошение о необходимости официального прихода. По подсчетам уполномоченных общины Хасана Мансурова, Юсуфа Муртазина, Али-Мухамеджана Тевобилева, в Воронеже проживал 231 мусульманин, 103 воинских нижних чина и 21 учащийся, а в ближайших окрестностях по линии железной дороги — свыше 100 человек. Сведения полиции противоречили этим данным: по официальной статистике, в городе расселялось 85 мусульман, в том числе 54 ремесленника, 8 военнослужащих и 23 учащихся. Ввиду существующих затруднений в удовлетворении религиозных потребностей ходатайствующих, ДДДИИ (26 июня 1911 г.) предложил разрешить для совершения общественных богослужений и исполнения духовных «треб» мулле, назначив его в законном порядке. Поскольку местная администрация впервые сталкивалась с исламскими институтами, чиновники Департамента сочли уместным напомнить, что «молитвенные собрания» мусульман «подлежат наблюдению полиции на общем основании в видах охранения общественной безопасности, порядка и благополучия».

Разница в правовом положении между мечетью и «молитвенным домом» усматривается при разбирательстве властями права исламских институтов на собственность. По шариату вакуф означал акт, по которому человек на вечные времена безвозмездно передавал движимое или недвижимое имущество на богоугодную цель, отрекаясь от личного права. Одним из условий такой передачи считалась неспособность дара к уничтожению. В России законодательство разрешало передачу недвижимого имущества храмам и другим богоугодным заведениям, в том числе мечетям и конфессиональным школам. Духовным лицам, как правило, передавалось движимое имущество. Как видно, в этом списке молитвенный дом отсутствовал, следовательно, не мог претендовать на получение дарственного имущества или, в крайнем случае, необходимо было оспаривать такое право, привлекая Оренбургское магометанское духовное собрание.

Анализ российского законодательства и указов Сената, связанных с возведением мечетей и образованием приходов, позволяет утверждать о том, что если до появления культового здания первостепенное значение имела численность жителей населенного пункта, то в дальнейшем, при регулировании жизнедеятельности прихода, на первый план выходила мечеть. В частности, по результатам разбирательства сомнительных, по мнению

жалобщиков мусульман, решений Нижегородского губернского правления 1880-х гг., Сенат несколько раз принимал указы, суть которых сводилась к приоритетности мечети в случаях реорганизации прихода: «При каждой мечети должен быть только один приход, а потому допущенное разделение прихода при мечети на две отдельные части или группы прихожан соответственно числу духовных лиц неправильно и незаконно» (указ от 31 декабря 1885 г. за № 15 678), «прихожане магометанских приходов не могут быть разделены на два прихода по числу духовных лиц, состоящих при мечети, так как приходы приурочиваются к мечетям, а не к духовным лицам, состоящим при них» (указ от 2 января 1886 г. за № 278).

Духовные лица, согласно имперскому законодательству, находились «при мечетях», могли выбираться только по общественному приговору местных жителей. На начальном этапе формирования вышеназванных исламских институтов, не говоря уже о конфессиональном учебном заведении, именно приход выступал активным организующим началом, сохраняя свое важное значение и место в их дальнейшем функционировании. Юридическое признание властью махалли становилось возможным только при наличии мечети, богослужебного здания, для службы в котором общество избирало духовное лицо, одной из главных обязанностей которого являлось ведение метрической книги. Порой при регулировании некоторых сторон религиозной жизни сельских обществ местные власти предпринимали попытки обусловить устройство кладбищ существующим в местности культовым зданием. В частности, в 1887 г. Вятское губернское правление постановило организовать мусульманские кладбища только при тех селениях, где имеются мечети. Узнав об этом от оренбургского муфтия М.Султанова, МВД рекомендовало крестьянам, считавшим «свои интересы нарушенными», обжаловать постановление начальства Вятской губернии в Сенат.

В 1910 г. уполномоченные мусульман д.Абдуллино Бугурусланского уезда Самарской губернии Хусаин Мусин и Искак Резапов обращались к местной администрации о разрешении общине за неимением в поселении «соответствующего участка под постройку мечети» совершать богослужение во «временном молитвенном доме» — жилом доме, приобретенном в 1908 г. у одного из односельчан (длина — 20 аршин, ширина — 11 аршин) с назначением к нему духовного лица. Думается, отсутствие вокруг молитвенного дома открытого пространства с радиусом 20 сажений и нежелание ближайших домохозяев переселяться из центра деревни, вызвало данное ходатайство общины.

Не находя в российских законах упоминания о мусульманских молитвенных домах, в начале XX в. самарский губернатор обратился за отзывом в ОМДС с весьма интересным, на наш взгляд, и дающим некоторое представление понимания русской администрации специфики исламского ритуала: «Может ли быть допущен к открытию молитвенный дом без образования прихода с назначением особого муллы». Духовное собрание, со ссылкой на имеющиеся факты открытия властями приходов в городах без постройки мечетей с назначением духовного лица, признало правомерным такую возможность.

ДДДИИ (№ 58 741 от 6 октября 1910 г.) же дал следующее заключение: «В духовном отношении между мечетью и молитвенным домом не существует никакого различия, а потому представляется вполне возможным открытие при соблюдении всех остальных требований закона магометанского прихода при наличии в данной местности магометанского молитвенного дома без постройки мечети». Эту оценку следует распространить и на определение статуса молитвенных домов мусульман.

Центральная власть всесторонне исследовала проблему исламской моленной в связи с желанием группы столичных мусульман зарегистрировать четвертую махаллю. 26 июля 1906 г. 210 татар, торгующих на Ново-Александровском рынке Санкт-Петербурга, составили приговор об открытии временного, до постройки мечети, самостоятельного прихода с определением духовным лицом бывшего имама г.Иркутска Лутфуллы Исхакова с обязательством содержать за свой счет молельный дом и духовного лица. ОМДС отказалось поддержать их просьбу, указав подложность некоторых подписей в приговоре

и отметив отсутствие требуемого ст. 154 «Устава строительного» «засвидетельствования» со стороны духовных лиц необходимости нового прихода.

Предпринятая в марте 1907 г. вторая попытка также завершилась безрезультатно. Доверенным лицом мусульман-прогрессистов выступил депутат Государственной думы Шах-Айдар Сыртланов. Ходатайствующие, сменив тактику, не настаивали на утверждении Л.Исхакова муллой, а поставили вопрос об организации нового прихода. На этот раз светские и духовные власти были согласны пойти навстречу желанию группы. Решающее значение, первоначально в задержке ответа, а затем в отказе, сыграла жалоба местного духовенства. Муллы настойчиво просили градоначальника отклонить просьбу группы мусульман. Со своей стороны, Духовное собрание рекомендовало проверить правильность составления приговора и повременить с разрешением данного вопроса до официального открытия третьего прихода.

Градоначальник, принимая во внимание ст.154 «Устава строительного», согласно которой строительство мечетей допускалось по представлению приходов и приходских духовных лиц, а также со ссылкой, что вновь создаваемые приходы должны иметь мечеть (хотя первые три прихода храмов не имели, а пользовались молельными помещениями), отказал Шах-Айдару Сыртланову.

Депутат Государственной думы обратился за справедливостью и защитой в Сенат. Высший апелляционный орган империи в своем заседании от 19 ноября 1908 г. высказался за отмену постановления столичного градоначальника и представил проект своего указа в МВД на согласование. В ДДДИИ по этому поводу была составлена специальная записка, заключение которой стало ответом силового министерства высшему апелляционному органу империи. В записке «внутреннего пользования» обращалось внимание на политическую сторону «исламского вопроса»: «4-й приход не является духовной потребностью прихожан, а есть дело группы партий, желающих посредством этого нового учреждения устроить свои партийные интриги, мотивами эта группа выставляет дальность расстояния от 1-го прихода, между тем как из подписавшихся в приговоре 4-го прихода около 60 извозчиков-татар живут почти рядом с 1-м приходом».

Локализация формирования прихода с открытием мечети позволила МВД «аргументированно» доказать свою правоту по спорному делу, вынеся отрицательный вердикт мнению Сената. «Заключение» министерства позволяет восполнить пробел в законодательстве, связанный как с открытием нового прихода, так и с возведением мечетей. Суть документа сводилась к следующему пояснению: «Под понятием прихода в каждом исповедании разумеется особая организация, имеющая своею задачею наиболее полное удовлетворение духовных потребностей лиц, к ней принадлежащих. Так как цель эта главная и наилучшим образом достигается не иначе, как при посредстве отправления публичного общественного богослужения по закону в особо учрежденных зданиях, назначенными для сего духовными лицами, то никакой приход с точки зрения законов не может существовать без молитвенного дома, служащего местом для совершения упомянутого богослужения, а равно и без духовенства, отправляющего в этом доме сие богослужение. Молитвенные дома и состоящее при них духовенство являются настолько существенным элементом всякой приходской организации, что только они одни и служат объектами регламентации со стороны действующих в приходах узаконений. И действительно, в то время, пока в уставе каждого из признанных у нас исповеданий содержатся постановления о порядке открытия молитвенных домов и назначения к ним духовных лиц, в уставах этих, как и вообще в действующих узаконениях, не имеется никаких указаний по вопросу о порядке разрешения дел по ходатайствам об учреждении приходов, вне вопросов об открытии в них молитвенных домов и о назначении к последним духовных лиц». Акцентирование внимания депутатом Государственной думы Шах-Айдаром Сыртлановым на факт регистрации трех столичных махаллей без мечетей было проигнорировано со ссылкой на существование в наемных квартирах молитвенных домов, открытие которых с назначением к ним духовных лиц было в свое время

произведено «в установленном порядке». Если допустить существование махаллей без молитвенных домов, заявили чиновники, то приходами могли быть признаны и такие общества, которым «чуждою представляется преследуемая действительными приходами цель наиболее полного удовлетворения религиозных потребностей членов, входящих в состав этого общества». Сенат констатировал, что «при таком положении дела нельзя не прийти к заключению, что за непризнанием со стороны действующего закона приходов, не имеющих указанных выше духовных учреждений, не могут подлежать удовлетворению со стороны правительственных мест и ходатайства частных лиц об учреждении приходов без молитвенных домов для отправления общественного богомоления и без назначения к ним духовных лиц». В результате распоряжение Санкт-Петербургского градоначальника было признано правильным. Показательно, что в основу указа Сената от 11 января 1912 г. легла «подсказка» МВД об отсутствии в приговоре мнения духовных лиц о необходимости нового прихода, т.е. нарушение статьи 154 «Устава строительного», применявшейся в случае постройки новой мечети.

Окончательную ясность в проблему общественного богослужения внесло разбирательство в центральных органах власти в начале XX в. дела татарской общины г. Вологды. История образования здесь махалли требует специального рассмотрения, ибо она стала причиной размолвки между верховной и центральной властью по устройству исламского богослужения. В августе 1910 г. мусульмане г. Вологды обращались к властям о разрешении сбора пожертвований в масштабах империи на постройку «молитвенного дома и на расходы на богослужение и религиозные нужды» до 20 тыс. руб.. ДДДИИ отказал (11 февраля 1911 г.) вследствие малочисленности мусульман (69 душ м.п.).

Одновременно община возбудила ходатайство об утверждении избранного единоверцами муллой Якуба Халикова, уроженца д. Ключище Сергачского уезда Нижегородской губернии. Духовное собрание (18 декабря 1910 г.) имамом. Однако был - получен отказ администрации со ссылкой на статью 1416 «Устава духовных дел иностранных исповеданий», согласно которой в округе ОМДС приходское духовенство составляют при соборных мечетях хатибы (муллы), имамы и муэдзины, при мечетях — имамы и муэдзины. Губернское правление (12 января 1911 г.) постановило: поскольку муллы и имамы могут состоять при мечетях, а для построения мечети необходимо, чтобы при всякой мечети было не менее 200 душ м.п., в силу малочисленности уммы об утверждении муллы не может быть и речи. (В этот период без разрешения властей община арендовала под молельню состоящий из трех комнат дом Тороповой на Екатерининско-Дворянской улице.)

После консультации с юристами в феврале 1912 г. уполномоченные татар обратились с жалобой к министру внутренних дел. По их мнению, местная администрация фальсифицирует законодательство, ибо вышеназванная статья лишь указывает, какие духовные лица могут быть при мечетях, но отнюдь не исключает существование мулл и при отсутствии мечети. В подтверждение правильности своих слов они сослались на действующие махалли Ярославля и Санкт-Петербурга, где не имелись мечети, но были утверждены муллы. В этот период действовал закон от 18 февраля 1908 г., предоставивший министру внутренних дел право на постройку мечетей с устройством прихода для малочисленных общин (менее 200 душ м.п.), возможно, поэтому доверенные не стали акцентировать внимание на этом аспекте проблемы.

МВД приняло сторону мусульман. Заслуживают внимания доводы силового ведомства. Во-первых, было заявлено, что статья 1416 «Устава духовных дел иностранных исповеданий», помещенная в главе о правах мусульманского духовенства, действительно «заключает лишь перечисления признанных государственным законодательством степеней названного духовенства и не содержит в себе указаний на воспрещение магометан иметь муллу в тех местностях, где не существует и, как в данном случае... ни мечети, ни самостоятельного прихода». Особо подчеркивалось несоответствие решения местной администрации духу законодательства о «свободе вероисповедания»:

«Мусульманам, как и прочим российским гражданам, принадлежит неотъемлемое право свободного удовлетворения их религиозных потребностей, а следовательно, и устройство общественных богомолений и избрание требоисполнителей, по правилам их веры и с соблюдением действующих на сей предмет государственных узаконений».

Министр внутренних дел И.Крыжановский 30 июля 1911 г. рекомендовал вологодскому губернатору представить постановление губернского правления для отмены в сенат в установленном порядке и сообщить о мерах, которые он предполагает принять для предоставления мусульманам, проживающим в Вологде, «возможности удовлетворять их религиозные потребности». Отправив в сентябре 1912 г. свое «неправильное» постановление в высший апелляционный орган государства и принимая во внимание общественный приговор и положительное заключение ОМДС, губернское правление незамедлительно утвердило имамом Якуба Халикова, имевшего соответствующее свидетельство от религиозного управления. Я.Халиков начал вести метрическую книгу, фиксируя в ней семейные события мусульман, проживающих в Вологодской губернии.

На заседании I департамента сената 17 февраля 1912 г. развернулась длительная и принципиальная дискуссия по существу присланного дела. Мнения сенаторов разделились. Одиннадцать сановников сконцентрировали свои усилия в ответе на вопрос: имеют ли право отдельные группы мусульман в местностях, где не существует или не может существовать мечеть вследствие малочисленности общины, самостоятельно избирать муллу с последующим утверждением губернской властью. Основываясь на статье 1416 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» о званиях и штатах духовенства при мечети, сенаторы обратили внимание на статью 1431 о порядке избрания муллы, для чего требовалось согласие более 1/3 старших лиц в семействах.

Объединив положения обеих статей, они пришли к заключению: муллы, имамы, муэдзины являются «приходскими духовными чинами, состоят при мечетях и избираются приходами», из чего следовал категорический вывод — в местностях, где нет мечети и самостоятельного прихода, мусульмане не могут избирать приходское духовенство. Аргументы МВД о предоставлении «Основными государственными законами» российским подданным свободного отправления религиозных обрядов были отвергнуты заявлением сенаторов о необходимости соблюдения законности, тем более что приходское духовенство всех конфессий состоит при молитвенных домах. Поскольку в Вологде отсутствуют молитвенные учреждения, каковыми для мусульман по закону являются исключительно мечети, о «праве отдельных магометан, не составляющих прихода и не имеющих мечети, избирать для себя муллу не может быть и речи».

Трое сенаторов сошлись во мнении, что малочисленность мусульман служит законным препятствием лишь для построения мечети, а вовсе не для избрания муллы для совершения общественной молитвы. В качестве примера они отметили факты избрания имамов при отсутствии мечети и, в частности, сослались на этноконфессиональную ситуацию в столице, где действовало три прихода, а мечеть только строилась. Мотивацию отказа по причине того, что «муллы могут состоять только при мечетях», т.е. избрание муллы возможно лишь в случае устройства мечети, сановники сочли нарушением предоставленной российским законодательством мусульманам свободы повсеместного отправления религиозных обрядов. Более того, они дали новую трактовку ст.1413 «Устава духовных дел иностранных исповеданий»: под употребляемым в данной статье словом «приход» имеется в виду «совокупность тех проживающих в данном городе, селении и проч. лиц, которые по избрании будут совершать при его посредстве свои богомоления, — связывать же существование прихода с непременною постройкой в данной местности мечети, допускаемой лишь при наличности двухсот наличных душ мужского пола, не имеется никакого законного основания». В этом ключе ими было оценено постановление Вологодского губернского правления.

Заседание I общего собрания сената 12 октября 1911 г. еще раз подтвердило расхождение во взглядах государственных мужей. Четырнадцать из них признали отказ

Вологодского губернского правления правильным, а 26 высказались за отмену его постановления.

В силу этого спорное дело было отправлено на консультацию в Министерство юстиции. Таким образом, частный случай приобрел принципиальный характер и сводился к вопросу: допустимо ли с точки зрения действующего законодательства признать за мусульманским населением право свободного избрания муллы для удовлетворения религиозных нужд независимо от численности религиозной общины и наличия мечети. В Министерстве юстиции вновь были подвергнуты анализу положения о махалле и духовенстве. В частности, помимо статьи 1431, внимание юристов привлекла статья 1393 об обязанности духовных управлений наблюдать, чтобы в назначении «духовных чинов» существовала действительная надобность «в приходах». Для усиления своих аргументов они также привлекли ст. 1467, относящуюся к мусульманам-суннитам Закавказья, в которой говорилось об определении при каждом «приходском (мечетском) обществе» одного муллы. Из чего был сделан вывод, что лишь после образования прихода становится возможным избрание духовного лица. При этом отмечалось, что установленный законом порядок не может считаться ущемлением прав мусульман по реализации религиозных прав, наоборот, он соответствует духу имперского законодательства.

В вопросе относительно условий образования махаллы Министерство юстиции сослалось на указ сената от 4 февраля 1911 г. по случаю рассмотренного нами ходатайства депутата Государственной думы Сыртланова о разрешении регистрации 4-й махаллы в Санкт-Петербурге, лейтмотив которого сводился к невозможности учреждения прихода без мечети. Министерство юстиции сделало заключение о состоянии всех без исключения приходских духовных лиц при молитвенных учреждениях, которые у мусульман локализуются мечетью. В результате за малочисленной исламской общиной Вологды не было признано право избрания муллы по причине отсутствия у них мечети. Другое разрешение было бы равносильно признанию за мусульманами права, которое не было предоставлено даже инославным христианским вероисповеданиям, резюмировал свое решение министр юстиции Щегловитов (4 марта 1914 г.).

I департамент Государственного совета, пригласив на свое заседание 20 января 1915 г. заместителя министра юстиции сенатора Ильюшенко и исполняющего обязанности министра внутренних дел П.Н.Морозова, пришел к заключению, что закон не содержит указаний на то, что в приходах округа ОМДС избрание муллы допускается лишь при том условии, если число прихожан будет соответствовать установленному нормативу махаллы для постройки мечети. Указывалось на факты существования прихода и без мечети, если в нем имеются мулла и молитвенный дом хотя бы в наемной квартире. «Закон, не определяя, какое количество магометан необходимо для образования прихода и назначения муллы, указывает лишь, что мулла может быть назначен только тогда, когда в нем встречается действительная надобность. Определение наличности таковой надобности в округах Таврического правления и Оренбургского духовного собрания представлено законом магометанскому духовному начальству и в законе нет воспрещения для учреждения в означенных местностях магометанских приходов до построения мечетей».

С учетом того, что уже четвертый год этноконфессиональная община Вологды пользуется правом свободного вероисповедания, председатель и некоторые члены I департамента Государственного совета согласились с мнением 26 сенаторов об отмене постановления губернского правления от 1911 г. относительно «неутверждения в духовной должности» Якуба Халикова. В то же время сановники находили, что, помимо «высшего» духовенства, существование мусульманского духовенства закон приурочивает к махалле, а не к какой-либо другой группе мусульман (ст.1431). Хотя согласно статье 1393 Духовное собрание обязано наблюдать, чтобы в приходах существовала действительная надобность в духовенстве, но из примечания к той же статье усматривалось, что даже в том случае, когда число жителей, приписанных к простой

мечети, составляет более 200 ревизских душ и «будет потребно для них более одного муллы, число мулл не может превосходить числа назначенного для соборной мечети». Таким образом, в округе ОМДС по общему правилу при простой мечети полагается не более одного муллы. Это же правило было установлено и для мусульман Закавказья (статьи 1467 и 1582 «Устава духовных дел иностранных исповеданий»).

С учетом того, что в российском законодательстве в отношении какой-либо конфессии не предусматривалась возможность учреждения прихода вне вопросов открытия в них молитвенных домов и назначения при них духовных лиц, был сделан вывод о том, что «где нет мечети и самостоятельного прихода, там не могут быть избираемы духовные лица». Большинством голосов I департамент Государственного совета признал незаконным избрание имама и регистрацию махалли в Вологде. Решение Государственного совета должно было поступить в Вологодское губернское правление в виде указа сената.

Товарищ министра П.Н.Морозов (15 января 1915 г.), еще до этого не исключавший возможность принятия Государственным советом аналогичного с решением Министерства юстиции постановления, рекомендовал директору ДДДИИ воспользоваться в таком случае правом МВД в соответствии с законом от 18 февраля 1908 г. о разрешении в исключительных случаях учреждения махалли «ниже установленного норматива». Иначе закрытие существовавшего уже несколько лет с разрешения силового ведомства прихода вызвало бы справедливое возмущение мусульман, которое необходимо было избежать в условиях военного времени. Директор департамента Е.Менкин, получив информацию об утверждении решения Государственного совета, еще до появления сенатского указа обратился (3 апреля 1915 г.) с «совершенно доверительным» письмом к вологодскому губернатору В.А.Лопухину, в котором сообщал о численности постоянно и временно проживающих в городе мусульман, включая военных. Очевидно, неформальное отношение МВД к нарушению религиозных прав мусульман было вызвано не только заботой о соблюдении гражданских прав подданных, но и ущемлением мнения силового ведомства верховным органом власти.

Результатом совместных усилий ДДДИИ, губернской администрации и активистов татарской общины явилось «всепоподданнейшее» прошение мусульман от 25 февраля 1916 г. о разрешении этноконфессиональной общине Вологды содержать имама. В этот момент в городе постоянно проживали 279 человек, в том числе 118 женщин, 77 мужчин, достигших 21 года, и 84 лиц м.п., не достигших этого возраста, а также временно проживающих 4 мужчины. Ходатайство было возбуждено до получения сенатского указа. Чиновники сочли уместным обратиться непосредственно к российскому государю, сделав его «сопричастным» делу, справедливо ожидая передачи прошения через канцелярию императора на его рассмотрение.

Таким образом, если право частной молитвы могло считаться личным делом подданного, то общественное богослужение находилось под пристальным вниманием государства. Главное препятствие в вопросе реализации принципа веротерпимости в царской России заключалось в декларировании в «Основных государственных законах» и даже в «Устава духовных дел иностранных исповеданий» прав мусульман, наряду с другими верующими, открытого исполнения религиозных обрядов, с одной стороны, и ущемления их прав в «государственных интересах» законодательством и русской администрацией — с другой.

Во-вторых, в российской «системности» религиозного законодательства, за основу которой был взят христианский культовый ритуал, не учитывались специфические особенности исламской молитвы.

Статус «терпимой» религии в Российской империи — признание права мусульман открыто совершать религиозные обряды, отсутствие сепаратистских настроений среди мусульман, консервативность политических взглядов и законопослушность уммы, особенно рельефно проявившиеся в годы революции 1905—1907 гг., умение лидеров

общины договориться с представителями местной полиции. Все это позволяло нелегально проводить локальные общественные богослужения в наемных помещениях.

В 1740-е гг. была реализована идея превращения мечети в знаковый символ контроля за динамикой численности исламских институтов в Среднем Поволжье. С учреждением ОМДС она получила распространение в европейской части России и Сибири.

Противоречие устройства исламского общественного богослужения в европейской части России и Сибири нормам шариата проявлялось в следующих положениях:

1. Локализация общественного молитвенного помещения для мусульман исключительно мечетью — специально построенным с разрешения властей для совершения общественного религиозного обряда публичным зданием, своим внешним обликом выделявшимся на фоне частных строений. По шариату практически любое помещение могло служить мечетью — местом совершения общественного богослужения.

2. «Приписка» к мечети искусственно образованного и ограниченного нормативом прихода. Между тем по шариату мусульмане могли посещать мечеть независимо от места проживания.

3. Прикрепление «при мечети» приходского духовенства. По законам ислама каждый знающий обряд мог возглавить пятивременную общественную молитву.

4. Закрепление исключительно за духовными лицами права руководить общественным богослужением. По шариату особое звание духовенства для совершения богослужения необязательно.

5. Игнорирование в имперском законодательстве мусульманских молитвенных домов.

Крайняя запутанность законодательства о мечетестроительстве и учреждении махалли на различных этапах российской истории при рассмотрении спорных дел сделала преобладающим конъюнктурный подход.

По точному смыслу российских законов правом избрания духовенства пользовался приход, который учреждался только в тех случаях, когда в местности имелись условия для сооружения мечети (установленная законом численность постоянных жителей м.п., экономические возможности для содержания мечети и духовенства при ней). К такому выводу высшая власть пришла после многократного и безрезультатного обсуждения вопроса в сенате, благодаря комплексному рассмотрению в Министерстве юстиции и Государственном совете в 1912 — 1916 гг. дело об утверждении муллы в г.Вологде.

Таким образом, молитвенные дома могли быть легализованы исключительно при регистрации прихода, не сумевшего сразу построить мечеть, и утверждении имама, который нес персональную ответственность за религиозные собрания. В легальной махалле, имеющей законное право организовывать религиозные собрания, на первый план выходило право утвержденного гражданской властью духовного лица на проведение общественного богослужения.

Наконец, еще один аспект молитвенных домов был связан с возможностью проведения публичных собраний. В крестьянской общине законом были четко определены порядок проведения и численность ежегодных сельских сходов. Иные требования относительно несанкционированных сборищ действовали в городах. По мере усиления выступлений рабочих в начале XX в. правительство стало усматривать в них политическую опасность.

Таким образом, в силу отсутствия в российском законодательстве упоминания об исламских молитвенных домах официально их существование не признавалось. Единственным разрешенным местом совершения общественной молитвы становилась мечеть, которая возводилась с соблюдением определенных правил. Точнее, молитвенный дом мог официально существовать как общественное религиозное сооружение только при регистрации в поселении махалли. Поскольку возведение мечети требовало учета определенных технических норм и изменения планировки в поселении, устройство временного помещения для общественных намазов (аренда комнаты, здания или возведение жилого дома и др.) позволяло экономически маломощной общине наладить религиозно-бытовую жизнь в инокультурной среде. В сельских поселениях их возведение

инициировалось, как правило, в случае экстремальных ситуаций. Духовное собрание контролировало возведение мечетей, в исключительных случаях разрешая временное устройство молитвенных домов. С религиозной точки зрения, оно не видело разницы между мечетью и молельней как помещением для совершения общественного богослужения, предполагая наряду с существованием мечети и молитвенных изб, в силу дальности или неудобств из-за особенностей местного ландшафта, посещение храма. ОМДС вело политику двойного стандарта. Свою точку зрения, по шариату, оно доводило до сведения органов центральной власти, а при разрешении прошений общин действовало в рамках российского законодательства.

3. Мечеть в религиозной и социальной жизни общины

Пятикратная молитва во многом регулировала повседневную жизнь мусульман и уммы. Именно поэтому размеренность жизни селения определялась азаном — призывом к молитве. «В темный, тихий вечер имам протяжно созывает к молитве, с высоты минарета его звучащий голос раздается по деревне, татарин торжественно и важно собирается в мечеть, затем он проводит время свое почти исключительно в обществе мужчин, сидеть и болтать толпою — это для татарина величайшее удовольствие, которому он посвящает все свое свободное время». Пять раз в день призыв к молитве произносился с минарета, в случае его отсутствия муэдзин или мулла выкрикивал азан с крыши мечети или посреди улицы. И.Георги (1775) писал о татарах: «От молитвы никто нарочито не отгуливает, если же что-нибудь в том кому воспрепятствует, то он молится по крайней мере уединенно в доме или в поле при восхождении или захождении солнца, причем скидывает с себя башмаки и становится иногда на разостланное на земле свое одеяние».

Трудоспособная часть мужчин непременно посещала мечеть в пятницу, отдавая в другие дни, особенно в период сезонных земледельческих работ, предпочтение частному богослужению. Даже во время сенокоса и страды мужчины, как правило, возвращались в деревню, чтобы участвовать в пятничном намазе. А в некоторых селениях наблюдались случаи, когда пятничная полуденная молитва срывалась из-за отсутствия трех человек молящихся, включая духовное лицо. В обычные дни компанию имаму составляли люди преклонного возраста («мѣчет картлары»), отошедшие от производственной деятельности и домашнего хозяйства. Нередко службу в мечети он совершал в одиночестве. Поэтому правомерно говорить о религиозном собрании в пятницу и в годовые праздники.

Тем не менее звучащий с минарета призыв к молитве четко регулировал повседневную жизнь мусульманского селения. Этот момент очень точно подметили современники: в мечетях татары редко бывают, но когда мулла или муэдзин произносит с минарета «азан», «тогда татары бросают все и сейчас же предаются молитве».

Мечеть не является единственным местом совершения богослужения. Правоверный мог совершить культовый ритуал в любом удобном для себя месте. Практически небольшой участок земли (на улице, во дворе, в помещении, лесу, пустыне или степи), чистота которого достигалась покрытием его ковриком, войлоком или другой материей, становилась мечетью.

Пятница являлась для уммы праздничным днем, храму при этом отводилась ключевая роль, хотя после совершения общественного богослужения, на которое уходило примерно полчаса, мусульманин мог вернуться к повседневным заботам или посещал родных и близких, приглашал гостей и др. Шариат рекомендовал правоверным в пятничный день недели по возможности ограничивать трудовую деятельность, сосредоточиться на обучении, посещении мечети, слушании хутбы и др. Праздничный намаз является фарызом, т.е. обязанностью, имеющей силу непререкаемой обязательности. Если крестьянин несколько раз подряд пропускал пятничную молитву, то он подвергался всеобщему осуждению и не считался истинным мусульманином, низводился в разряд неверующих.

Известный арабист, автор перевода «Корана» на русский язык Г.С.Саблуков, делясь своими впечатлениями о пятничной молитве, писал: «Мне приходилось видеть в мечетях махомметан-татар... хорошая декламация звучных стихов Корана, также чтение хутбы во время полуденного молитвования по пятницам производит сильное впечатление на слушателей... Склад периодов в хутбе и вязе, произнесенных имамом, изменялся до трех раз. Первая часть их не могла бы понравиться слушателю, не знакомому со звуками арабского языка: каждый куплет, оканчиваясь гортанным звуком (гамза), по качеству этого слова прерывался вдруг, в то время как выходил сильным дыханием из гортани. С переменной рифмы напев другой части был свободнее, хотя имел в основании ту же мелодию звуков. Сменивший его третий лад был более мягкий, был живой, ясный и звучный. Окончание вяза (поучения) пелось (читалось рифмой (макам).— И.З.) так прекрасно, периоды звуков с повторением размеров повторялись в постоянно принятых изгибах голоса так верно, что начальная жесткость звуков забывалась, гортанные звуки как бы умягчались, уподобляясь легким звукам флейты: все пение приняло выражение какой-то торжественности. Слушатели внимали звукам арабской речи притаив дыхание: один только голос певца носился над этим как бы очарованным собранием, одни только звуки его декламации игривой цепью вились под сводом мечети, и когда имам кончил проповедь, когда слова «Велик Бог!», призывая к продолжению молитвы, изменили вид всего собрания, слух как бы искал исчезнувшие звуки, еще хотелось слушать эту мелодию, приятную, увлекательную. Где же крылась тут тайна влияния проповедника мусульманского на своих слушателей? В настроении, в звуках арабского языка, о которых мы говорили».

Согласно шариату, условия совершения джами-намаза в мечети сводились к следующим правилам: 1) совершение его в крупном городе или селении; 2) исполнение обязанностей имама лицом, утвержденным правителем государства или муфтием; 3) участие в богослужении не менее трех, включая имама, лиц (сунниты); 4) предоставление возможности всякому совершить богослужение (в буквальном смысле создание условий каждому свободно входить в мечеть); 5) совершение общественного богомоления в строго установленное время — в полдень; 6) произнесение хутбы перед общественной молитвой. При нарушении одного из условий пятничное богослужение считалось обычной молитвой, совершаемой в полдень.

Хутба в Коране не упоминается. О проповеди, выступлении хатиба говорится в многочисленных хадисах. При разработке фикха (мусульманского права) хутба была регламентирована в специальных разделах законоведческих трудов как часть богослужения по пятницам, в дни двух главных праздников и по особым поводам (затмение, засуха и т.п.).

Пятничную молитву начинает хатиб. Он произносит хутбу, приветствует собравшихся, воздаст хвалу Аллаху, испрашивает благословения над пророком Мухаммадом, его семейству, сподвижникам и царствующему государю, наставляет их в благочестии. При этом хатиб находится на минбаре (или любом возвышенном месте), говорит стоя, опираясь на посох (в России вместо сабли употреблялся посох, означавший, что ислам в стране распространялся не мечом, а без принуждения). После этого читается вторая хутба или вторая часть одной и той же хутбы, в которой снова упоминаются прозвучавшие ранее имена с добавлением новых, а также царствующий государь, которому испрашивается милость Аллаха и мир. В заключение хутбы прилагаются краткие нравоучительские наставления, в которых обыкновенно наставник убеждает избегать грехов, напоминает о смерти, о тяжести адских мучений и о сладостях рая, писал в начале XX в. Я.Д.Коблов.

В праздник и по особому случаю хутбу произносили после общей молитвы, от пятничной она отличается лишь в некоторых частностях: когда угрожает бедствие, в хутбу вводятся многократные такбиры и истигфар — мольба о прощении. Текст хутбы варьировался за счет подбора молитв, коранических цитат и увещаний.

Во второй половине XVIII — XIX в. в европейской части России и Сибири хутба читалась на арабском языке. У мулл имелись рукописные сборники текстов проповедей на арабском языке.

Согласно утверждению Шакирзяна Халиди, автора книги «Гуляма тарихы» (1907 г.), мулла второй махалли при пороховом заводе в Казани Ахмедзян Муэминов одним из первых начал читать хутбы на татарском языке, о чем писали национальные газеты (второй приход был учрежден в 1898 г.). Возможно, в определенной степени на действия муллы повлияло обращение оренбургского муфтия к имамам городских махаллей в августе 1898 г. за №5253. Резюмируя падение нравов мусульман в городской среде, председатель Духовного собрания подчеркивал, что «невежество, зачерствелость, беспечная леность, отсутствие желания заняться работой, ремеслом и искусством», приведшие к «пагубным последствиям»: чрезмерной бедности, вероломству, пьянству, распутству, бесчестной торговле и другим негативным явлениям в жизни уммы, являются «близкими предвестниками окончательного падения религии, национальности, торговли и промышленности». М.Султанов призывал имамов читать своим прихожанам наставления (вагаз) если не каждую пятницу, то в две пятницы один раз «на чистом, легком и для каждого слушателя понятном языке из стихов Корана и хадисов». В своих выступлениях духовенство должно было обращать внимание «на соответствие проповедей требованиям времени и обстоятельствам, не перемешивая иностранные (персидские и арабские) слова, представляющиеся для слушателей непонятными, избегая иносказательных и двусмысленных речей, недоступных уму слушателей или могущих вызвать у них гнев и раздражение, и не предъявляя к ним таких требований, в выполнении коих нельзя будет на них надеяться». В этой связи показательно его предупреждение о том, что не способные оказать должное воздействие на прихожан и испортившие дело будут признаны недостойными носить духовное звание имама-хатиба. Председатель ОМДС предложил муллам прислать несколько образцов текстов проповедей, которые, в случае соответствия их требованиям времени и нуждам правоверных, следовало отпечатать отдельной книгой поучений и разослать малоспособным чтецам. В конце обращения муфтий выразил надежду, что приходские имамы приложат усердие к выполнению его «желаний прогресса».

Однако прежде чем приступить к исполнению фетвы оренбургского муфтия татарские улемы провели обсуждение, рационалистическое и правовое обоснование нововведения. В частности, А.Буби (1906 г.) писал, что хутбы пророка Мухаммада и четырех халифов состояли из хвалы, прославления и проповеди. Хутба имеет значение проповеди (вагаз) и наставления. Хутба — это «передача людям, собирающимся раз в неделю, духа ислама и национальности, обучение вещам, полезным в этом и загробном мире». Чтение хутбы для татар, не знающих арабского языка, проповедь и наставление с непонятным смыслом являются богослужением, не достигшим своей цели. З.Камали (1907 г.) также, основываясь на суре «Ибрагим» (аят 4), отмечал, что в Коране извещается, что он был послан каждому пророку на его родном языке. Именно с этой точки зрения он рассматривает чтение пророком Мухаммадом хутбы на арабском языке. В результате большинство джадидистов пришли к мысли о том, что хвала и молитва должны быть на арабском языке, а остальное — на татарском.

В 1909 г. в Казани в издательстве «Уртак» была издана книга Габдуллы Буби «Правильно ли читать проповедь на татарском языке». Он писал: если человек отрицает правильность ведения проповеди на татарском языке, он должен подтвердить это Кораном, сунной, иджмой и киясом (это четыре принципа в исламе, при подтверждении которых та или иная вещь может считаться правильной и приниматься как канон). Цель проповеди заключается в том, чтобы собравшиеся прониклись духом национальности, научились тем вещам, которые принесут им пользу в будущей и вечной жизни. Татарское население в большинстве своем не понимает арабского языка, при этом даже многие имамы «не разумеют смысла», хотя каждую неделю произносят одно и то же. Если люди не понимают, о чем идет речь, разве можно считать это проповедью?

Злободневный вопрос стал предметом полемики между традиционалистами, ратующими за хутбу на языке Корана (журнал «Дин ва магишат»), и джадидистами (газета «Кояш» и др.). Думается, предписания оренбургского муфтия носили для приходского духовенст-

ва рекомендательный характер. К тому же религиозное управление не имело возможности контролировать деятельность многочисленного духовенства. В начале XX в. каждый хатиб по своему усмотрению решал данный вопрос.

Изменение ситуации происходило постепенно, по мере смены поколения в причте, после кончины имамов или учреждения новых махаллей. Как правило, после хутбы на арабском языке стали произносить проповедь на родном языке прихожан. К 1911 г. во многих местностях Волго-Уралья хутбы читались на родном языке прихожан (обсуждение проблемы хутбы продолжалось до 1916 г.).

Этому в немалой степени способствовала публикация духовными лицами в начале XX в. текстов своих поучений. Первым опубликовал хутбу на татарском языке имам Галимджан Баруди (1906 г.). Молодой имам Бадрутдин Алпарави в 1907 г. издал в Оренбурге брошюру «Примеры хутб», в которую включил 13 пятничных хутб, одну — на Рамазан-байрам, одну — на Курбан-байрам и две — на никах (обряд бракосочетания).

В 1908 г. умма ознакомилась с книгой Габдрахмана Ниязи Нурмухаммадзада ал-Хаджитархани «Комга вѣ гаетлѣрдѣ укыла торган вѣгазылѣр» (Хутбы и поучения, читающиеся в пятницу и в Аид), в 1911 г. появилась книжка имама мечети Омска Нияза Сулеймани «Тѣрки хотѣлѣр» (Хутба на тюрки), в типографии братьев Каримовых в Казани была издана в 1910 г. брошюрка «Комга хотѣлѣре» (Пятничные хутбы), в 1912 г. — книга «Вѣгазылѣр» (Почтения) Габдуллы Сѣлѣймани и др.. В 1913 г. в журнале «Шура» Джалил Аширов опубликовал статью «Десять советов читающим доклад», изложив основные принципы, которыми должны были руководствоваться выступающие. Главные их положения заключались в напоминании выступающему азов риторики.

Символично, что в своем труде «Теория литературы» (1913 г.) Г. Баттал выделил хутбу как самостоятельный литературный жанр, соответствующий риторической речи. Помимо этого в статьях, посвященных проблемам теории литературы, были определены требования к хутбе, и авторы констатировали, что хутба является наиболее распространенной формой литературного творчества у татар рассматриваемого периода.

В условиях отсутствия государственности, национальной периодической печати ислам как философская, идеологическая, правовая система имел огромное воздействие на мировоззрение и менталитет полиэтнического мусульманского населения страны. Важная роль ислама в истории татарского и других тюркских народов (что ярко проявилось в его интеграционной, регулятивной, коммуникативной, гносеологической функциях, в удовлетворении религиозных и духовных потребностей людей) сложилась благодаря многогранной деятельности мусульманских духовных лиц.

Приходское духовенство имело право рассматривать и решать по правилам своей веры духовные дела прихожан: о порядке богослужения, об исправлении духовных «треб», о заключении и расторжении браков, о неповиновении детей родителям и супружеской неверности, о спорах по завещаниям и при разделе наследства. Их решения имели юридическую силу и признавались государством.

Как известно, с 1829 г. обязанностью приходских духовных лиц стало ведение метрических книг. Метрические документы выполняли функцию юридических документов о сословном происхождении человека, служили для определения имущественных прав наследников, их рода и потомства. Муллы обязаны были своевременно фиксировать даты рождения, смерти, бракосочетаний и разводы прихожан. Ежегодно второй экземпляр метрической книги представлялся в архив ОМДС. Не только небрежность заполнения метрических книг, но и важность их как юридических актов вынуждали религиозное учреждение неоднократно посредством циркулярных указов разъяснять необходимость их правильного заполнения и своевременной отсылки одного экземпляра в Уфу.

Здесь необходимо особо подчеркнуть право мусульманских духовных лиц «самостоятельного увещевания» и «наложения мер духовного покаяния и исправления». Значимую роль в юридическом статусе духовного лица по гражданским делам играла его примирительная функция, которую во многом обеспечивал его авторитет среди мусульман. Кроме

вышеперечисленных функций, в духовно-назидательном плане служебные обязанности приходских духовных лиц состояли: «а) в представительстве во время богослужения в мечети; б) в преподавании прихожанам необходимых религиозных познаний; в) в постоянном неустанном произношении прихожанам проповедей о необходимости мира и согласия между всеми мусульманами, произнося таковые проповеди в самых благородных и мягких выражениях; г) в умении ценить религиозное родство мусульман и общечеловеческие права и дорожить ими, равно и в умении склонять к тому же массу населения».

Вопросы ремонта, реконструкции действующего или строительства нового храма, мектеба или медресе обычно инициировались местным духовенством, и разговор о богоугодных делах велся, как правило, в мечети до или после намаза, а также во время меджлиса. Духовенство было лишено права участия на сельском сходе, где обсуждались финансовые вопросы, расходы общины по уплате налогов и другие «мирские» проблемы.

В 1890 г. муфтий М.Султанов поручил ахунам провести ревизию состояния кладбищ, обязав отгородить кладбища забором; в случае отсутствия «каменных или лесных строительных материалов», хотя бы «окопать кладбища широкими и глубокими рвами, чтоб туда не мог проникнуть скот». Убеждение жителей в необходимости богоугодных расходов осуществлялось духовенством в мечетях.

Основные проблемы, инициируемые духовенством, четко обозначены в наставлении председателя Духовного собрания М.-С.Баязитова от 1 сентября 1915 г. Оренбургский муфтий рекомендовал сделать мечети местом поклонения и службы, домами просвещения для прихожан, где они могли бы приобретать познания и слушать наставления. В обязательном порядке имамы должны были, со ссылками на шариат и Коран, внушить умме необходимость:

- исправного содержания мечетей, мектебов и медресе;
- обеспечения чистоты, порядка и ограждения кладбищ и могил;
- превращения мектебов и медресе в настоящие дома просвещения и отравления религиозных обрядов подрастающим поколением;
- постоянного напоминания дозволенных и запрещенных шариатом деяний;
- исполнения пяти заповедей ислама;
- соблюдения чистоты и опрятности, как черт верующего человека;
- оказания друг другу всесторонней помощи как словом, так и трудом и имуществом;
- отрешения от лени и приучения к труду, усердию и трудолюбию;
- занятий промыслами и ремеслами;
- почитания и повиновения детей своим родителям;
- избрания имамами лиц, могущих стать образцом и примером доброты;
- уважения, почитания и материального обеспечения духовенства с тем, чтобы оно не находилось в нужде и не отвлекалось от своих обязанностей изысканием средств на стороне;
- оказания всевозможной помощи детям, женам и родителям военнослужащих, находившихся в действующей армии, а также сиротам и вдовам, доставляя им пропитание и совершая за души погибших в войне за Отечество молитвы;
- совершения «горящих молитв о здравии и благополучии российского государя и всего царствующего дома»;
- постоянного и искреннего моления в мечетях «о величии и достоинстве Родины нашей — России», о даровании нашим воинам победы над врагами;
- внушения «наставительными проповедями» к верному служению императору и о любви родине — России.

До конца XVIII в. самоуправление крестьян производилось по нормам обычного права, которое существовало как устная традиция. В 1797 г. казенное ведомство, в 1798 г. удельная администрация составили уставы, регламентирующие общественное устройство в селениях, учредили волости. С этого времени государство стало использовать крестьянскую общину как административно-податную единицу, не вмешиваясь в ее внутреннюю жизнь.

В результате реализации реформы П.Д.Киселева в государственной деревне в 1838 — 1840 гг. крестьянская община впервые была признана «сельским обществом» и самоуправляющейся административно-хозяйственной единицей. Высшим органом по делам общественным был провозглашен сход, а по делам государственным — «сельское начальство». Теперь на сходе присутствовали не все хозяева, а лишь сельское начальство и по два представителя от каждых 10 дворов. Все старшие домохозяева приглашались лишь на переделы земли. Каждое сельское общество должно было включать по 300 — 500 дворов. Поскольку число таких крупных селений не превышало 1%, сельские общества объединяли жителей нескольких селений, расположенных на расстоянии не более 16 км. Для соблюдения последнего требования сельские общества учреждались и при «малой численности» жителей. В результате реформы выросла численность составных (сложных) сельских обществ, а простых общин, локализующихся в одном селении, уменьшилась. Они потеряли право юридического лица. В действительности во многих местах сохранялись удельные поселенческие общины, и крестьяне составных (сложных) сельских обществ сами договаривались о разделении полномочий. Этот порядок, после некоторых уточнений, в 1863 г. был распространен на удельную деревню.

Согласно законодательству, сельские сходы устраивались три раза в год по инициативе сельского старосты и по четко определенной повестке обсуждаемых вопросов (кроме собраний по отправлению рекрутской/воинской повинности и раз в три года по выборам в органы самоуправления). Исключения из правила допускались по уважительным причинам и непременно с разрешения местной администрации. С дозволения общины и администрации в поселениях на постоянное или временное жительство устраивались представители других крестьянских общин и сословий (купцы, мещане, разночинцы и др.), которые, как и мусульманские духовные лица, не имели права участия в сельском сходе — законодательном органе крестьянского самоуправления. Таким образом, по закону не предусматривалась возможность проведения публичных собраний для других категорий сельского населения.

С развитием капиталистических отношений происходили определенные изменения в составе жителей селений. Абсолютное большинство сельского населения представляло податное сословие, занимающееся земледельческим производством. С дозволения общины и администрации в поселениях на постоянное или временное жительство устраивались представители других крестьянских общин, сословий (мещане, разночинцы и др.). Особенно много таких лиц проживало в поселениях, где располагались волостные управления, в торговых, промысловых и промышленных центрах округа.

В свете либеральных преобразований в 1880 г. при М.Т.Лорис-Меликове правительство серьезно обсуждало реформирование местного самоуправления. Образованная в 1881 г. правительственная комиссия выработала проект бессословного местного самоуправления, согласно которому крестьяне должны были быть освобождены от административной опеки. Сельское общество должно было объединять всех (без различия сословий) жителей поселения, которые получали одинаковое право участия в местном самоуправлении. За поземельной крестьянской общиной сохранялись исключительно хозяйственные функции.

В таком случае волость перестала бы быть самоуправляемой единицей, становясь лишь территориальным подразделением уезда для земских административно-хозяйственных целей во главе с «волосителем», назначаемым уездным земским собранием из числа местных жителей. Данный проект, так и не получивший дальнейшего продвижения, важен для нас в плане иллюстрации общественного устройства сельской местности.

В регулировании общественной жизни поселения по закону принимали участие члены крестьянской поземельной общины, выбиравшие на три года из своей среды старосту. В сложных общинах практиковался выбор главы сельского самоуправления, подчиненного (читай: крестьянской поземельной общиной) старосте. По закону не предусматривалось специальное разделение членов поселения по этноконфессиональному признаку. Однако

это не исключало принадлежность жителей одного поселения к различным крестьянским общинам, если так сложилось исторически.

Проведение общественных собраний, сходов по сословиям регулировалось соответствующими законами о сословных общественных управлениях. Тем самым были точно определены и установлены порядок и ответственные за проведение этих мероприятий лица. Закон лишал подданных возможности проведения несанкционированных сходов.

В реальности в общественной жизни селения в той или иной степени принимали участие и не члены общины: мусульманское духовенство, и прежде всего лица, тесно связанные с общиной и ее членами по торгово-хозяйственным делам, но лишенные права присутствия на сельском сходе — законодательном органе поселения.

Эту функцию в действительности выполняло религиозное собрание взрослой мужской части поселения, отличавшееся демократическим устройством. Если право участия и голоса на сельском сходе имели главы семейств или уполномоченные от них лица — один представитель от каждой семьи, то здесь в обсуждении проблем принимали участие все пришедшие на общественную молитву прихожане с одинаковым правом. Это во-первых. В частности, современник (середина XIX в.) относительно роли мечети в общественной жизни национальной деревни отмечал: «...дом... около которого мы остановились, выходил как раз к площадке около мечети, тут было место татарского вече, и призывный крик муэззина к полуденной молитве заменял вечерней колокол. Мусульмане, вышедшие из мечети, человек до тридцати, стояли около крылечка, некоторые сидели на ступеньках и тихо о чем-то беседовали. День был холодный, пасмурный, солнца из-за темных туч не было видно. Площадь около мечети была довольно пространственной».

Во-вторых, в обсуждение «мирских» проблем вовлекались все богомолцы, в том числе не являвшиеся членами местного органа самоуправления, потому что приход объединял жителей поселения или округа по конфессиональному принципу. В состав махалли официально входили российские подданные, постоянные жители одного или нескольких селений, независимо от их политико-социального положения (кроме бухарцев и иностранцев) и этнического происхождения, в действительности также и временно проживающие единоверцы. Лица или члены семей, переселившиеся и проживающие в селении по временным паспортам, посещали мечеть, обучали детей в местной школе и в религиозно-административном плане продолжали подчиняться приходу родного селения, в метрическую книгу которого записывались новорожденные, умершие, факты бракосочетания и разводов. Их участие в финансировании причта обуславливалось, помимо материального положения, сложившимися традициями и степенью услуг, оказываемых духовенством этим семействам (посещение мечети, обучение детей в местной школе, личные взаимоотношения с имамом и др.).

В духовно-административном плане мусульманский приход в значительной степени представлял собой модель общины, которую хотело учредить для сельских поселений правительство при М.Т.Лорисе-Меликове.

В городах, где значительную часть временных жителей составляли крестьяне, а постоянных — представители различных сословных групп, было еще сложнее проводить какие-либо собрания. Длительное время, фактически до конца XIX — начала XX в., т.е. до появления благотворительных или культурно-просветительских общественных организаций, именно мечети выступали монопольными центрами общественно-культурной жизни этноконфессиональной общины в поликультурной среде. Таковыми (что во многом было связано с личностью имама-хатиба) мечети оставались и после появления различных общественных организаций. Например, в период «выборной кампании» в IV Государственную думу, в Караван-Сарайской мечети Оренбурга под видом общественной молитвы происходило тайное собрание мусульман города.

В инокультурной среде мечети выполняли функцию места встречи, общения и обмена информацией представителей тюркских народов мусульманского вероисповедания. Каждый приехавший в поселение мусульманин, будь он российский подданный или иностран-

нец, прибывший в поселение, оказывался в мечети в привычной, родной среде, что имело огромное значение на начальном этапе приспособления к новому месту обитания. Человек чувствовал себя членом единой уммы и, как правило, пользовался связями и протекцией единоверцев.

На религиозных собраниях взрослого мужского населения в мечети или вне ее пределов происходил обмен информацией или обсуждение и не связанных с духовными делами проблем. Такое очень часто происходило в период экстремальных ситуаций. Во время конфликтов с местной администрацией, крестьянских волнений или распространения слухов о предстоящем крещении мусульман мечети превращались в места проведения малых сельских сходов, на которых вырабатывалась тактика поведения, принимались решения. Эти суждения находили развитие или логическое завершение в несанкционированных или официальных сельских сходах.

Если приход состоял из двух и более селений, то деревенские сходы становились малыми сходами, а в большой сход превращался пятничный намаз. В частности, в период волнений в связи с проведением Первой всеобщей переписи населения 1897 г. во многих селениях Казанского уезда в мечетях озвучивались «письма и рекламы».

Большое значение в организационной деятельности мечети имело отношение к происходящему событию духовного лица. Выступление приходских духовных лиц на стороне крестьян вносило организующее начало в действия жителей, укрепляло их уверенность в своих действиях, в целом консолидировало общину. Если же отношение муллы не совпадало с мнением большинства, то духовное лицо оставалось не у дел, нередко становясь объектом, которому посылались угрозы со стороны прихожан. Однако это не означало, что в мечети не обсуждались общественные дела.

Особенно ярко консолидация духовенства и прихожан проявилась в петиционных кампаниях второй половины XIX в. с целью добиться отмены царского указа от 24 ноября 1870 г. о передаче мектебов и медресе в ведение Министерства народного просвещения, закона от 16 июля 1888 г. о введении русского образовательного ценза для мусульманских духовных лиц, об отмене Первой всеобщей переписи населения 1897 г. и др..

С точки зрения самодержавной власти, главной обязанностью мусульманских духовных лиц являлось воспитание прихожан в верноподданническом духе к российскому престолу. Согласно присылаемому из Санкт-Петербурга списку знаменательных дат, составленному синодом, в мечетях округа ОМДС совершались «возношения в здравии и благоденствии Государя Императора и Августейшего его дома». В заключение хутбы на арабском языке мулла на татарском языке перечислял всех членов царской фамилии по форме, присланной оренбургским муфтием. Таким путем достигался повсеместный «охват» мусульманского населения в плане доведения до сознания народных масс идеологических установок самодержавия.

Таким действенным путем — используя имя Аллаха, уважительное отношение к российскому престолу и покорность властям, — в сознании уммы закреплялась идея о «белом царе» — заботливом попечителе ислама и мусульман России. Игнорирование этой обязанности наказывалось, как правило, лишением должности. Например, Духовное собрание своим постановлением от 23 августа 1893 г. навсегда удалило от должности муллу д.Казанчи Бигинеево Мамадышского уезда Казанской губернии Гарифуллу Залялетдинова за отказ совершать во время богослужения «установленную молитву о здравии Государя императора и Высочайших особ». Отобранное свидетельство было передано уездным полицейским управлением в губернское правление для уничтожения. В 1913 г. за совершение молитв в мечети без упоминания имени российского государя, за турецкого пашу лишился должности имам д.Нижний Ошлан Мамадышского уезда Кашаф Хайруллин; за несовершение в мектебе богослужения по случаю 300-летия дома Романовых, несмотря на просьбы прихожан, мулла мечети №8 г.Астрахани Абдрахман Исмагилов. Одним из аргументов по поводу снятия с должности имама 3-й мечети г.Актюбинска Акмолинской об-

ласти явилось доказательство в проповедях превосходства власти муллы над властью правительства.

В годы Первой российской революции ОМДС стало индифферентно относиться к подобным правонарушениям хатибов. Когда в 1906 г. Казанское губернское правление сообщило на основании жалобы крестьянина д.Нижний Балтай Тетюшского уезда о несовершении местным муллой молитвы за российского государя и императорский дом, а затем совершении ритуала без названия имен, а лишь сказав слово «падишах» (государь), религиозное управление оставило жалобу без последствий, мотивируя свое решение отсутствием сведений о том, в какие дни имам не читал молитвы. Идентичным образом муфтием М.Султановым была разрешена 1 февраля 1907 г. и жалоба, поступившая от прокурора Уфимского окружного суда и подписанная башкиром д.Ново-Янгузиной на приходского муллу Закирова.

Таким образом, духовные лица на минбаре имели «трибуну» для воздействия на прихожан, формирования их гражданской позиции. Основная масса духовенства неукоснительно выполняла предписания верховной власти, свято соблюдая «Клятву», произнесенную перед назначением на духовную должность.

При обнаружении отступления от установленных правил власти немедленно избавлялись от политически неблагонадежных лиц. В 1908 г. мулла д.Новое Узеево Чистопольского уезда Казанской губернии Серазетдин Курамшин убеждал в мечети прихожан не отдавать сыновей в солдаты русскому царю, а в случае войны русских с турками — идти против российского государя.

Вновь назначенный оренбургский муфтий Гадессалым Габдрахимов издал в 1826 г. распоряжение о совершении по пятницам и другим праздничным дням намаза во славу императора Николая I, адресовав текст восхваления ахунам для распространения среди приходских мулл.

Знарок татарской городской жизни, Карл Фукс во второй четверти XIX в. отмечал: «В пятницу, в полдень... после этого (джума-намаза. — *И.З.*) мулла идет на кафедру и читает хутбу; по окончании хутбы мулла читает молитву за русского Государя, августейшую Его фамилию и за воинство; а после молитвы сходит с кафедры и становится на свое место пред михраб». В пятничном молитвенном воззвании муллы обходились без упоминания имени российского государя — общей фразой: «Помоги, Господи, тому, кто помогает вере». Такая «традиция» была распространена практически повсеместно.

В конце XIX в. в округе ОМДС в пятницу не было обязательным совершение в мечети общественных молитв во здравие российского монарха. Между тем многие имамы с усердием совершали такой ритуал, что приводило к жалобам со стороны недоброжелателей на тех из них, кто игнорировал данную традицию.

Особо торжественно отмечались дни коронации российского императора, о чем духовенство заранее предупреждалось ОМДС. Торжество сводилось к религиозному ритуалу — совершению общественной молитвы и произношению духовным лицом хутбы. Порой по инициативе имама могло происходить и некоторое отступление от традиции. Например, 1 июня 1896 г., в день коронации Николая Александровича и Александры Федоровны, имам д.Зимни Сингульской волости Янutorского уезда Галиамин Мухамметгалиев совместно с прихожанами организовал праздник, заколов корову и трех баранов, накормив бедных, и в заключение мероприятия прочитал молитву о здравии российского монарха и его семьи.

Хатиб Сальзегутовского прихода Златоустовского уезда Уфимской губернии Абдулгалим Абдулгалимов, в духовно-административном попечении которого находились жители деревень Сальзегутово, Тюнкулово и Сабанаево, рапортом от 3 марта 1883 г. сообщил министру внутренних дел о проведенном 2 марта пятничном общественном намазе, после которого он обратился к народу, прочитав установленную молитву и поздравив всех присутствующих с днем торжественного вступления императора Александра Александровича на российский престол. Приложенный к рапорту текст его поучения (с грамматическими

ошибками) дает в целом представление о содержании подобных поучений. Торжественное событие, как писал имам, прихожане праздновали два дня.

С подачи уфимского губернатора и министра внутренних дел рапорт муллы Абдулгалима Абдулгалимова удостоился 11 февраля 1884 г. благодарности Александра III, которая в установленном порядке была опубликована в «Правительственном вестнике». Спустя год, в апреле 1885 г., имам А.Абдулгалимов вновь представил министру рапорт о произнесении им 1 марта молитвы за царствующий дом. На этот раз обращение муллы было оставлено без ответа.

В связи с началом русско-японской войны муфтий М.Султанов обратился к мусульманскому духовенству с призывом к пожертвованиям на военные нужды государства и распространил в приходах специальные книжки для сбора денежных средств. В Казани с 20 по 26 февраля 1904 г. в мечетях прошла благотворительная акция, в результате которой муллами было собрано 1180 руб. 51 коп. Прихожане мечети № 10 пожертвовали двадцать две рубашки, одни кальсоны и 13 1/2 аршина бязи, мечети № 1 — одну рубашку, мечети № 5 — четыре рубашки.

В детском приюте имени Юнусовых в Казани 3 января 1904 г. в присутствии директора, вероучителя и учителя-смотрителя прошло богослужение о даровании победы российской армии в войне с Японией.

В 1912 г. состоящая при великом князе Михаиле Александровиче Комиссия по увековечению памяти воинских чинов, погибших в русско-японской войне, вышла с инициативой об установлении поминальной доски в честь увековечения памяти участников военных действий «за веру, царя и Отечество живот свой положивших в войне с Японией в 1904 — 1905 годах». Муфтий М.Султанов предложил заменить крест полумесяцем со звездой и рекомендовал поместить надпись на поминальной доске на родном языке прихожан, что получило одобрение министра. Таким образом, мечети наряду с христианскими церквями становились местом скорби и памяти о погибших за Отечество односельчан мусульманских приходов.

С 1744 г. в православных храмах оглашались царские манифесты и указы. Таким способом правительство компенсировало недостаток чиновничьего аппарата, оперативно знакомило население с общественно-политическими новостями в храме Божьем, упреждая тем самым распространение различных нежелательных слухов, чреватых порой народными волнениями. В условиях неграмотности основной массы населения это был практически единственный способ распространения информации государственной важности среди российских подданных.

В сельской местности «высочайшие» манифесты, новые законы, царские указы и другие повеления по распоряжению станowych приставов и земского суда оглашались по окончании церковной службы при церквях, на мирских сходах, на всех торговых площадях заштатных городов, посадов, местечек и крупных селений. Таким же путем объявлялись постановления и предписания губернского начальства. Получаемые земским судом из духовных консисторий предписания с текстом законодательных актов рассылались местными властями по благочинным округам. Аналогично поступала местная администрация и в отношении мусульман.

После организации в 1788 г. специального правительственного учреждения — ОМДС, призванного контролировать духовенство в европейской части России и Сибири, стал законодательно оформляться правовой статус мусульманских духовных лиц, а в отношении уммы стала использоваться действующая модель взаимоотношений власти с титульным населением империи. В условиях незнания населением национальной деревни русского языка и грамоты и отсутствия среди чиновников лиц, владеющих тюркскими языками, через религиозное учреждение правительственные распоряжения и предписания на татарском языке доводились до каждого духовного лица. Поскольку во «внутренней» России абсолютное большинство административных и полицейских должностей губернского и уездного уровня было занято лицами, исповедующими православие, существовала реаль-

ная проблема доведения до населения информации через лиц, вызывающих доверие. Даже перевод текста не становился решением проблемы. Его нужно было доступно объяснить местному населению. Привлеченные к исполнению данной миссии мечети играли роль административных помещений, а муллы выступали в качестве «национальных кадров» власти.

Верховная власть и местная администрация устами священнослужителей доводили до сведения российских подданных в культовых зданиях свои наиболее важные указы и предписания. Например, в мечетях умма ознакомилась с Манифестом от 17 октября 1905 г. на татарском языке, который сопровождался пожеланием оренбургского муфтия воздержаться от революционных действий.

В некоторых случаях власти использовали ОМДС для убеждения уммы в необходимости точно исполнять возложенные на нее законом обязанности. Уклонение от рекрутского набора и членовредительство среди татарских крестьян оренбургским гражданским губернатором О.Л.Лебу в 1836 г. были оценены как «противошариатское и противоправительственное деяние», ОМДС было рекомендовано «стараться внушить населению и утвердить магометан в мысли, что долг каждого верноподданного — служить своему истинному, природному государю императору верно и нелицемерно и всеми зависящими от него способами стараться к пользе службы его императорского величества, ревниво оберегая интересы государства от посягательства врагов». Муфтий Габдессалам Габдрахимов предписал имамам «при каждом удобном случае и возможно чаще прочитывать это наставление прихожанам и внушать, что каждый правоверный мусульманин обязан повиноваться властям и законам, противозаконных деяний не творить, быть покорным судьбе, во всем терпеливым и уповать на всемилостивейшего Аллаха и, не боясь превратностей судьбы, с охотой и готовностью идти на службу государства и для избежания рекрутского набора никаким образом к членовредительству не прибегать, помня, что членовредительство есть одно из величайших грехов, навлекающих гнев и кару Божию, как видно из книги «Хадими».

В пореформенный период, в связи с реализацией курса по подчинению мусульманских школ МНП, установлению контроля над содержанием образования и принудительных мер по распространению русского начального образования, среди мусульман систематически распространялись слухи о намерении правительства лишить их этноконфессиональной идентичности и о нависшей угрозе над их религиозной автономностью. Так, в 1894 г. ОМДС вызвалось успокоить умму по поводу слухов об ожидающемся крещении мусульман, напомнив им о благосклонном отношении самодержавия к мусульманам и разрешении мусульманам «без стеснения» исполнять религиозные обряды и строить мечети.

Получив в начале 1910 г. оперативную информацию об издании турецким шейх-уль-исламом фетвы к мусульманам мира с приглашением к пожертвованиям на усиление флота Османского государства, МВД (постановление №2464 от 15 марта 1910 г.) предложило ОМДС принять меры к недопущению ее распространения среди российских подданных. Религиозное управление 2 апреля 1910 г. предписало ахунам и имамам воздержаться от оглашения указанной фетвы в богослужебных зданиях и от распространения ее среди прихожан. Тем не менее некоторые муллы участвовали в сборе средств, за что были сняты с духовных должностей, а некоторые высланы на несколько лет «с местожительства».

В особую группу можно выделить санитарно-эпидемиологические разъяснения правительства, оглашаемые в мечетях и волостных правлениях. Как правило, они касались повседневной жизни мусульман, тесно переплетенной с нормами шариата. Меры профилактики эпидемических болезней игнорировали традиционный погребальный обряд мусульман. Именно духовное лицо, производившее обряд погребения, могло в доверительной форме и доступно объяснить прихожанам временность непопулярных мер предосторожности, направленных на защиту жизни прихожан. В начале весны 1891 г. муллам Уфимской губернии был направлен указ о содействии «в скорейшей прививке детей своих прихожан от оспы». В 1892 г. по предложению уфимского губернатора ОМДС (постановле-

ние № 3956 от 2 сентября) распространило татарский перевод «Временных правил об умерших от холеры магометан» среди имамов губернии, включив его в «Сборник циркулярных и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания» изданий 1903 г. и 1905 г., сделав достоянием уммы. В этих же книжках были помещены переводы «Правил погребения умерших от чумы».

В ряде случаев правительство принимало специальные обращения к мусульманам. По разным причинам, в том числе из-за эпидемий, в отдельные годы отменялось паломничество российских мусульман или, в целях обеспечения санитарно-эпидемиологической безопасности, определялся новый маршрут в Мекку.

На основании телеграммы председателя противочумной комиссии принца А.П.Ольденбургского о появлении в Джедде чумы муфтий М. Султанов постановлением от 1 июня 1897 г. предписал «разъяснять и внушать прихожанам везде, где имамы сочтут удобным: в мечетях, в медресах и других местах о необходимости борьбы против распространения эпидемии и о скорейшем уведомлении властей при фактах обнаружения заболевших среди единоверцев». В 1901 г. ОМДС сообщило о новых правилах по предупреждению и мерах борьбы с чумой в отношении возвращающихся в Россию паломников в карантинных учреждениях.

В храмах производился сбор средств на нужды других махаллей, представители которых обращались за содействием. В начале XX в. приходы стали практиковать сбор пожертвований на возведение мечети в пределах уезда, губернии или даже страны. Особо следует отметить сбор средств на постройку мечети в Санкт-Петербурге.

Помимо этого, в исламских храмах, с дозволения властей, производились сборы средств на сооружение мечетей в соседних селениях, в случае установления ящика для пожертвований его содержимое предназначалось на нужды местной мечети или школы.

В 1903 г. в мечети д.Буби Сарапульского уезда Вятской губернии по инициативе мутаваллия Ахметзяна Нигматуллина был установлен железный сундук для сбора пожертвований на нужды храма. До имама Габдуллы Нигматуллина доходили «слова осуждения» от некоторых односельчан, что «мечеть превратили в церковь», однако никто открыто не выступил. Даже слом сундука подвыпившим татарин, нанятым противостоящей группировкой, не остановил мутаваллия, решившегося на этот шаг по возвращении из хаджа, во время которого он ознакомился с жизнедеятельностью исламских институтов в мусульманских странах.

Вскоре прихожане свыклись с нововведением, и из ящика ежегодно на нужды мечети извлекали по 150 — 200 руб. По утверждению Г.Нигматуллина, это был первый случай сбора в округе пожертвований таким путем на постоянной основе.

В 1916 г. с разрешения министра внутренних дел в мечети г.Ирбит Пермской губернии и в лавках торговцев Шагабутдиновых и Бикмуллина были установлены кружки для сбора пожертвований в пользу городской мечети и мектеба.

Наряду с христианскими церквями, мечети в конце XIX в. стали вовлекаться правительственными и общественными учреждениями в финансирование различных социальных проектов. Борьба с последствиями неурожая хлебов 1891 г., охватившего значительные регионы России, превратилась в проблему государственной важности. С целью уменьшения потерь людских ресурсов, обеспечения трудового населения продукцией на зимний период, а также минимальным запасом зерна и тягловой силы к весне, правительство реализовало несколько результативных благотворительных акций. Огромную помощь властям оказывали земские учреждения и состоятельная часть общества. Кампании по сбору пожертвований начали производиться различными конфессиями. Для обеспечения централизованного контроля за поступающими средствами и оказания эффективного содействия в их использовании был учрежден Особый комитет под председательством наследника цесаревича.

С учетом многочисленных обращений приходского духовенства и мусульман об оказании материальной помощи пострадавшим от неурожая хлебов муфтий М.Султанов 24 де-

кабря 1891 г. объявил о разрешении правительства на сбор пожертвований среди мусульман через «высших духовных лиц и благонадежных мулл», с обязательством через каждые три месяца переводить собранные средства на счет Особого комитета. По итогам первого квартала 1892 г., на счет комитета поступило 2275 руб. К 15 мая того же года уммой был собран еще 1901 руб..

В связи с землетрясением, произошедшим в конце 1902 г. в Оше, Маргелане и Андижане, среди мусульман г.Петропавловска был произведен сбор денег с перечислением пожертвований пострадавшим единоверцам.

В 1904 г., в период войны России с Японией, ОМДС организовало сбор добровольных пожертвований в пользу раненых и больных воинов. Согласно циркуляру МВД губернаторам от 17 марта 1904 г. за № 484 о порядке направления денежных пожертвований, 53 889 руб. 10 коп. из собранных и находящихся в распоряжении ОМДС 57 914 руб. 13 коп. было перечислено по назначению. Оставшиеся средства муфтий М.Султанов использовал, несмотря на рекомендации центральных властей, по собственному усмотрению: выделил в качестве единовременного пособия 10 бывшим солдатам-мусульманам, а также духовным лицам, что объясняется стесненностью в свободных средствах религиозного управления.

В 1907—1908 гг. католики, протестанты, евреи и мусульмане участвовали в своих храмах в акции по сбору пожертвований в пользу пострадавших в русско-японской войне солдат и их семей. К 16 декабря 1908 г. на счет правления Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям от мусульман внутренней России поступило 767 руб.78 коп..

До объявления циркулярного предписания министра внутренних дел от 5 декабря 1912 г. губернаторам «о запрете сбора средств среди мусульман» в пользу Красного Полумесяца, локализовавшего сбор пожертвований в помещениях турецких консульств в России, имам мечети г.Иркутска собрал, с дозволения местной администрации, по именному подписному листу средства на сумму 3256 руб..

С началом Первой мировой войны появилось обращение оренбургского муфтия к умме с призывом защитить Отечество. Вступление в войну Турции вызвало появление новой фетвы (11 ноября 1914 г.),— правительство явно опасалось неоднозначного восприятия мусульманами этого события. Между тем активность мусульман по сбору пожертвований деньгами и натурой достигла апогея в первые месяцы войны с Германией. В частности, в Тобольской губернии, где татарское население не отличалось материальной обеспеченностью, после пятничной полуденной молитвы в мечети юрт Соисканских Тоги было собрано в пользу раненых 25 руб., в юрте Игеевском Мухаммедали Сафаралиев пожертвовал корову, проживающий в Тобольске татарин Ченбаев — 200 руб. и т.д..

Вскоре сбор пожертвований стал более «разнообразным» и приобрел определенную системность. По инициативе учрежденной в 1914 г. в Петрограде при содействии правительства общественной организации — Временного мусульманского комитета по оказанию помощи воинам и их семьям, оренбургский муфтий 5 апреля 1915 г. разрешил приходскому духовенству проводить в мечетях в одну из пятниц сбор средств на осуществляемые комитетом цели.

Циркуляром за № 45 от 16 августа 1914 г. муфтий М.Султанов объявил о начале благотворительной акции в пользу общества Красного Креста.

По завершении в феврале 1915 г. тарелочного сбора в православных церквях в пользу семей солдат, находившихся в действующей армии, председатель ОМДС объявил о проведении аналогичного мероприятия в две пятницы июня и июля среди мусульман Уфимской губернии с последующим направлением финансовых документов в Духовное собрание. 30 сентября 1915 г. последовало аналогичное предложение имамам Оренбургской губернии. (Тогда по всей империи при участии духовенства различных конфессий производился особый сбор в пользу беженцев под названием «Ковш зерна нового хлеба».)

Администрация Уфимской губернии, где более половины населения составляли мусульмане, часто вовлекала ОМДС к участию в различных благотворительных акциях. Так,

по ее указанию накануне размещения в губернии около 100 тыс. русских беженцев с прифронтовых территорий муфтий М.-С.Баязитов (29 сентября 1915 г.) обратился к имамам с призывом об оказании переселенцам содействия в устройстве на новом месте, «не различая вероисповедания».

Как явствует из российского законодательства, мечети предназначались исключительно для совершения общественного богомолья. В действительности же культовое здание исполняло множество функций.

Мечети возводились как приходские, постройка молитвенного здания специально для учащихся медресе запрещалась. Имамы и мутавалли старались возводить их рядом со зданием школы или учебно-хозяйственным комплексом, или, наоборот, учебные заведения строились рядом с действующей мечетью. Как известно, шакирды занимали свою нишу в религиозном быте поселения. Существование же мечети рядом с учебным заведением способствовало экономии времени для посещения общественного собрания и положительно сказывалось на проблеме учебных площадей заведения.

В городских условиях, вследствие острого дефицита жилых помещений и дороговизны их аренды, двухэтажные мечети изначально строились как многофункциональные. На нижнем этаже располагались помещения начальной школы, хозяйственных нужд, комнаты для духовенства и др.. «Лишние» площади использовались как хозяйственные помещения. Мутавалли могли превратить их в складские помещения для хранения товара. Городские мечети охранялись специальным сторожем; малочисленной исламской общине было выгодно хранение здесь инвентаря для погребения умерших — не было необходимости строить для этого специальное сооружение на кладбище и заботиться о его сохранности.

Верхний этаж отводился под молельный зал, первый этаж — под хозяйственные помещения, или под национальную школу, или под лавки. Практически это становилось нормой во вновь построенных мечетях в начале XX в. Так, согласно плану двухэтажной мечети в Ростове-на-Дону (1907 г.), на нижнем этаже храма предполагалось разместить школу, на верхнем — молитвенный зал.

Иногда здесь имело место обучение мальчиков не только основам ислама, но и русскому языку. Так, в 1909 г. по решению мутавалли — купца Ш.Л. Хакимова — в соборной мечети г.Бугульмы Самарской губернии была размещена русско-татарская школа. Тем самым община освобождалась от значительных затрат на приобретение земельного участка, строительство и содержание здания или аренды помещения и др. В экономически слабых общинах случалось и обратное: в начале XX в. (не позднее 1913 г.) в г.Якутске действовала русско-татарская школа, здание которой одновременно служило местом совершения общественной молитвы, где службу проводил Янгуразов, утвержденный в 1904 г. муллой. В малочисленных городских общинах пятничное богослужение обычно проходило в одной из комнат квартиры или дома имама.

В сельской местности наблюдалась иная картина. Основная масса одноэтажных мечетей строилась для малочисленных общин без лишних отапливаемых помещений. Молитвенные залы предназначались для однополой (мужской) взрослой аудитории. Законом не определялось точное месторасположение мектеба и медресе, кроме «существования их при мечети». Национальные школы имели собственные здания или располагались в доме муллы (девочек обучала абыстай — жена имама).

Для того чтобы мечети стали местом совершения общественной молитвы, требовалось добросовестное отношение мутавалли, попечителя или членов попечительства к своим обязанностям по содержанию культового здания (обеспечение отопительным материалом и освещением, отсутствие которых делало невозможным совершение ритуала в зимний период и в вечернее время), как и представителя духовенства. Последний, помимо руководства намазом, фактически заведовал зданием: ключи мечети находились у него.

Совершение общественного богослужения — одна из главных обязанностей правоверного мусульманина. Посещение мечети в пятницу воспринималось жителями как важней-

ший показатель религиозности, набожности прихожанина. В городской среде праздничные пятничные и годовые богослужения становились олицетворением единения мусульман.

Культовые здания занимали видное место в общественно-культурной жизни общины. В проведении мероприятий праздничного дня, пятницы в мусульманском селении мечети отводилась особая роль, откладывались неотложные дела, на общественное богослужение в соборную мечеть приходило все взрослое мужское население.

Религиозное собрание выполняло важную социальную и коммуникативную функции: здесь правоверные обменивались новостями, решались насущные проблемы этноконфессиональной общины, здесь происходило общение муллы с прихожанами, которое затем продолжалось во время исполнения духовных «треб» в домашних условиях. В начале XX в., по мере появления благотворительных и культурно-просветительских организаций, решение некоторых проблем перешло в компетенцию новых общественных учреждений.

Кроме указанных основных функций, мечети, наряду с храмами других конфессий, становились местом ознакомления с различными постановлениями правительства, местной администрации, органов земского и городского самоуправления, которые имам оглашал, как правило, на родном языке прихожан. Мечети играли важную роль и в закреплении в общественном сознании уммы почитания русского самодержавия в лице императора.

В XIX — начале XX вв. такие функции, как разъяснение противохолерных и противочумных правил, убеждение мусульман сделать соответствующие прививки, оказание помощи земским учреждениям и полиции в реализации санитарно-эпидемиологических мероприятий, правительство возложило на духовенство, которое на родном языке прихожан зачитывало в мечетях предписания администрации, доказывая с помощью аятов из Корана правомерность непопулярных временных мер.

Таким образом, место мусульманского богослужебного здания в повседневной культуре мусульман европейской части России и Сибири в конце XVIII — начале XX в. определялось в целом усиливающимся влиянием религии на повседневную жизнь сельского общества, в которой ключевая роль отводилась общественной молитве. Религиозное общественное учреждение в большинстве татарских селений являлось объектом попечения членов прихода, центром религиозной и социальной жизни этноконфессиональной общины.

В городах и рабочих поселках храмы являлись местом молитвенного собрания представителей различных этнических и социальных групп населения. В инокультурной среде это обстоятельство превращало мечети в духовный консолидирующий центр различных этнических и социальных групп мусульман.

4. Публичные собрания и общественный намаз

Согласно исламскому вероучению, молитва мусульманина или общественное богослужение могли совершаться практически везде: под открытым небом или в любом помещении. Место богослужения, в отличие от правил ряда конфессий, у мусульман не требует никаких наружных или специальных приспособлений и оформления.

Право общественного богослужения включает в себе две формы: частного культа и общественного культа. Первая подразумевает право личности собирать у себя дома членов семьи, домашних-единоверцев, и приглашать духовное лицо для отправления совместного богослужения или поручать руководство молитвой кому-либо из присутствующих; вторая — право единоверцев образовать религиозное общество и организовать публичное богослужение. Если домашнее богослужение считалось внутренним делом семьи, то проведение культового обряда за пределами частного здания, хозяйства — общественное богослужение становилось публичным событием и адекватно оценивалось государством.

Публичные религиозные собрания происходили: 1) в специальных молитвенных зданиях; 2) в помещениях, не предназначенных специально для богослужебных целей; 3) на открытом воздухе.

В условиях умеренно континентального климата на природно-географическом пространстве европейской части России и Сибири общественная молитва на открытом воздухе осуществлялась в солнечные дни весенне-осеннего периода. В другие времена года, в экстремальных погодных условиях общественная молитва вне помещения совершалась, как правило, в праздники Фитр (по окончании месяца рамазан) и Аид (Курбан-байрам) как единовременный акт в случаях, когда молитвенное здание не вмещало пришедших на общественную молитву правоверных.

Для совершения богослужения в специально построенном здании не требовалось особого разрешения властей, поскольку прихожане получали такое право с момента его открытия в установленном законом порядке. Руководство ритуальным действием священнослужителя (официально утвержденного на духовной должности светской властью на основании информации полиции о его благонадежности в нравственном и политическом отношении и имеющего свидетельство Оренбургского магометанского духовного собрания «о знании основ ислама», подписавшегося под клятвенным обещанием, идентичным таковому вступающего на чиновничью должность лица) признавалось гарантией того, что публичное мероприятие будет иметь религиозно-нравственное содержание.

Существенным недостатком российского законодательства являлась невозможность проведения четкого разграничения между понятиями «частное домашнее богомоление», совершаемое по усмотрению присутствующих, и «публичное богослужение», подлежащее полицейскому надзору. Одним из главных признаков домашнего культового ритуала считалось совершение его в частном доме, не приспособленном для собраний помещении и участие в действии исключительно таких лиц, которые могут быть причислены к составу семьи или входящих в тесный домашний круг общения. Здесь главным критерием становилось личное знакомство главы семьи с гостями или присутствующими.

Другие молитвенные собрания, пусть даже устраиваемые в частных помещениях, но с участием людей, не известных организатору собрания, или в специально построенных молитвенных домах, или на открытом воздухе признавались публичными собраниями.

Административное устройство волостей и селений в уездах в предреформенный период было сведено к крестьянским органам самоуправления, которые размещались на определенной территории и пользовались земельными угодьями. Границы крестьянских земельных общин становились границами волостей, уездов, полицейских и земских участков. Данная система была заимствована из системы управления государственной деревней, где была задействована следующая модель: сельское общество — волость — округ — палата государственных имуществ (губерния). Ведомственное территориальное управление существовало у лашман, удельных крестьян и других категорий сельского податного и военно-служилого населения.

Получалось, что общественные публичные собрания в волостях и селениях регулировались исключительно правилами для органов крестьянского самоуправления. Скажем, кроме собраний по отправлению рекрутской повинности и раз в три года по выборам в орган самоуправления, сельский сход имел право собираться три раза в год обязательно по инициативе сельского старосты и по четко определенной повестке обсуждаемых вопросов. Отступления от установленного правила допускались в чрезвычайных случаях с разрешения местной администрации. Аналогичные правила существовали для волостного схода.

В предреформенный период на уездном и губернском уровнях действовали дворянские сословные органы, в составе которых, в силу своей малочисленности, мусульмане были представлены «весьма бледно». По «Рекрутскому уставу» 1832 г. для мусульман Казанской, Пензенской и других волго-уральских губерний организовывались отдельные рекрутские участки. Для принятия присяги рекрутами и новобранцами в участки приглаша-

лись духовные лица. Новые веяния в общественную жизнь волостей и уездов внесли выборы в земские собрания (с 1867 г.) раз в три года.

Согласно закону, проведение в сельской местности других публичных собраний не предусматривалось. Признавалось возможным проведение собраний при участии сельского старосты для составления общественного приговора о выборе или снятии с должности духовных лиц, о постройке, ремонте или реконструкции мечети, в которых принимали участие главы семейств с правом голоса независимо от их сословной принадлежности. Таким образом, кроме сельского схода и общественного богослужения в храмах, другие публичные собрания для сельского населения не были предусмотрены.

Наиболее популярными народными праздниками являлись Сабантуй и Джиен. Сабантуй и нормы шариата в целом мирно уживались, взаимно дополняя друг друга, чему способствовали следующие факторы. Сабантуй — праздник весны — был долгожданным общественным событием в сельском обществе, проводился он в течение одного дня, как правило, за две недели до начала весенних полевых работ. Днем его проведения обычно выбиралась пятница. Праздник обычно начинался после полуденного намаза, выступая в качестве продолжения религиозного праздника с новым содержанием.

Академик И.Лепехин в 1770 г. отмечал, что в башкирских селениях после национальной борьбы на празднике сабан «все жители сходятся в мечеть на молитву и просят у Бога урожая хлеба, после чего общее бывает пиршество».

К. Фукс, присутствовавший на Сабантуе в Казани в 1830-е гг., констатировал, что старики, прибывшие на праздник, если их много, в момент захождения солнца рядом с майданом совершали вечерний общественный намаз.

В большинстве своем Сабантуй ограничивался спортивными состязаниями: национальной борьбой, скачками на лошадях, бегом. На майдан в качестве участников соревнований и зрителей собирались исключительно мужчины. Женщины наблюдали за состязаниями издалека.

Отношение имамов к празднику носило индивидуальный характер. Например, в середине XIX в. в одной из станиц ногайцев-казачков Оренбургской губернии мулла определял день праздника, а в другой — станице оренбургских татар-казачков — напротив, Сабантуй проходил без участия муллы, поскольку служитель культа относился к мероприятию неблагоприятно, инициатива проведения праздника принадлежала станичной молодежи.

В 1914 г. современник так описал начало праздника в д.Султанмурат: «...часов в 11 один из приехавших на сход мулл вышел на майдан и зачитал суры Корана, после чего туда вышли борцы, и начались состязания по курэшу».

Отношение к народным праздникам прогрессивных духовных лиц емко выразил теолог, редактор журнала «Шура» Ризаэтдин Фахретдин — по поводу вопроса, как относится ислам к празднику Науруз: «Даты и время проведения религиозных праздников устанавливает Шариат, и менять или изменять даты их проведения ни у кого нет права. Однако Шариат не имеет права решать, проводить светские праздники или нет, оставлять их или переносить на другой срок. Это должен решать сам народ. Если проведение праздника не связано с совершением запретного, то в его проведении нет никакого вреда.... Самая вредная вещь — когда религию предков путают с обычаем, а обычай отождествляют с верой».

Православная церковь относилась к Сабантуе и Джиену как к пропаганде ислама, и в 1830 — 1840-е гг. Вятская духовная консистория сумела временно отменить празднование Сабантуя.

В 1830 г. синод уведомил императора Николая I об участии в Сабантуе «отпавших» от православия крещеных татар, а также удмуртов, намекая на желательность применения репрессивных мер на правительственном уровне. Однако российский государь запретил вмешиваться в проведение праздника, чтобы «не возмущать мусульман».

В поликультурной среде Сабантуй имел свои особенности. Так, в Пороховой и Адмиралтейской рабочих слободах Казани в середине XIX в. праздник проводился в воскресенье, в день отдыха трудового люда. Для жителей Ново- и Старо-Татарских слобод, где

занимались своим «делом», праздник не ограничивался одним днем: в первой четверти XIX в. он проводился от пятницы до пятницы — целую неделю (по свидетельству К.Фукса, состязания собирали до 6 тыс. татар), в начале XX в. — несколько дней, один из которых приходился на пятницу. Следующей особенностью следует назвать участие в праздничном мероприятии русских чиновников и полиции в качестве блюстителей порядка и горожан, для которых Сабантуй превращался в праздничное мероприятие поликонфессионального городского сообщества. Таким образом, в поселениях со значительной татарской общиной Сабантуй становился заметным в общественной жизни города событием.

Естественно, в городской среде истинное предназначение праздника Сабана терялось, в то же время он возмещал татарам традиционную праздничную форму общения, полностью повторяя основные элементы Сабантуя и дополняя его некоторыми новыми, связанными со спецификой городской жизни (больше музыки, веселья, бойкая торговля продуктами питания, проведение новых состязаний, например, гонок на велосипедах и др.). Городской Сабантуй начала XX в. выгодно отличался от деревенского присутствием женщин-мусульманок. В городах национальный праздник проводился под патронажем татарской буржуазии, в начале XX в. его проведение полностью перешло в компетенцию мусульманских благотворительных или просветительно-культурных обществ, в Казани заметную роль на этом поприще сыграл «Восточный клуб».

Употребление мусульманами спиртных напитков и появление на празднике нетрезвых единоверцев являлись главной причиной негативного отношения духовенства к празднику. По этому поводу газета «Кояш» в 1915 г. писала: «В одно время казанские улемы (ученые-богословы) были против национального праздника, потому что на нем фигурировали спиртные напитки и музыка. Их старания не остались без последствий. Когда умерли старые «баи» (хозяева), интересовавшиеся старинными обычаями и преданиями, Сабантуй перешел в руки незначительных людей и потому измельчал и перестал привлекать к себе внимание более значительных людей Казани».

В день весеннего равноденствия в аулах Астраханской, Тюменской, Омской губерний мусульмане проводили праздник «Ымһл». В каждом регионе он имел свои особенности. Помимо гостевания, проводились катания на подводах (у сибирских татар), состязания (у астраханских татар).

Джиен — календарный праздник татар Среднего Поволжья — проводился в период с конца весенне-полевых работ до начала сенокоса. Этнографы выделяют различные схемы его проведения. Классическим является проведение праздника деревнями одного круга, когда селения в определенной очередности принимали гостей из соседних деревень, и в течение 3 — 5 дней устраивались торжества с приемом гостей, молодежные гулянья и вечерние игры. Вероятно, единственный раз молодежь получала возможность открытого общения. В этот период общественные богослужения удачно сочетались с праздничными мероприятиями.

В конце XIX в. в селениях Мамадышского уезда Казанской губернии в день приезда гостей численность единоверцев на пятничной молитве в мечети оставляла желать лучшего: большинство домохозяев были заняты праздничными хлопотами. В ряде местностей джиен приурочивали к ярмаркам, в этот период также справлялись свадьбы и др..

По мере ухудшения экономического положения российского крестьянства, народный праздник вызывал противодействие не только со стороны консервативного духовенства, но и предпринимательской элиты. В 1861 г., по ходатайству приходского духовенства, губернское правление приняло постановление «О прекращении в Казанской губернии праздника «Джиен», поддержанное Оренбургским магометанским духовным собранием. Татарских купцов смущали неоправданно большие затраты крестьян, порой отдающих последние средства на угощение гостей и праздничные мероприятия в угоду традиции, что в конечном счете негативно сказывалось на благосостоянии хозяйств. Оренбургский муфтий (4 июня 1884 г. за № 1505) поддержал инициативу начальства Казанской губернии об упразднении праздника Джиен как мероприятия, «вредного в нравственном отношении и

разорительного в благосостоянии крестьян, особенно при неурожаях». Вторую неудачную попытку в 1886 г. под тем же предлогом предприняли казанские купцы А.Я.Сайдашев и М.И.Галиев. По данным Р.Г.Кашафутдинова, преследование праздника продолжалось до 1905 — 1907 гг.. Неудачная борьба местной администрации Казанской губернии с Джие-ном во многом была обусловлена отсутствием мер наказания «против народного праздника».

Согласно российскому законодательству, публичными проявлениями религиозности признавались: 1) совершение крестных ходов и публичных процессий с ношением икон и пением на улицах и площадях; 2) употребление вне частных домов и молитвенных зданий церковного облачения, монашеского и священного одеяния; 3) открытое приглашение к богослужению и молитве (колокольный звон, молитва-призыв муэдзина и др.). Запрещалось совершение крестных ходов и публичных процессий на улицах старообрядцами и «отпавшими» от православия сектантами.

Несанкционированные (без уведомления и разрешения местной полиции) молитвенные собрания вне специально отведенных для этого богослужебных зданий по закону запрещались.

Относительно неправославных религиозных процессий в действовавшем законодательстве содержались только указания о порядке совершения крестных ходов, погребальных процессий и паломничеств католиками в западных губерниях, а также в Царстве Польском. О каждом таком случае местную полицию уведомляло духовное лицо, сообщая о времени и месте предполагаемой процессии. В остальных же местностях империи предварительное заявление местной власти о месте и времени совершения похоронного шествия, крестного хода и других религиозных процессий, устраиваемых лицами, принадлежащими к неправославным конфессиям, требовалось только в городах. По мнению МВД (1907 г.), в будущем заявления о проведении религиозных процессий должны были исходить не от духовенства, а от их организаторов.

Показательно, что похоронная процессия мусульман не входила в список публичного проявления религиозности. Между тем, когда прощались со знатным членом общины или города, богатым мусульманином или общественным деятелем, похоронная процессия превращалась в заметное для поселения явление. Так, известного в Санкт-Петербурге ахуна Атауллу Баязитова в последний путь 23 апреля 1911 г. проводило около 2 тыс. мусульман. В событие, консолидировавшее городскую умму, превратились похороны татарского поэта Габдуллы Тукая, состоявшиеся в Казани 4 апреля 1913 г. После того как тело поэта вынесли из Клячкинской больницы, процессия направилась на Екатерининскую улицу, где на площади Юнусова в ожидании стояли 5 — 6 тыс. человек. Именно на этой площади происходило похоронное богомолье при похоронах известных в городе мусульман. После совершения молитвы похоронная процессия направилась на мусульманское кладбище за Ново-Татарской слободой.

Эволюция ислама как религии шла в направлении постепенного ограничения прав женщин. В средние века женщины вместе с мужчинами присутствовали по пятницам на общественной молитве в мечетях. Для них были особые места. В 1221 г. в Самарканде, по свидетельству китайского путешественника, в мечети по пятницам наряду с мужчинами шли женщины. Даже богословы видели в стремлении лишить женщин права общественной молитвы недопустимое новшество. Тем не менее оно везде одержало верх.

В XIX в. современники констатировали, что «женщины у татар не имеют права ходить в мечеть, а также молиться публично. Они совершают намаз у себя в комнате и не иначе как со сложенными на груди руками, но никак не преклоняясь головою к земле».

В XIX — начале XX вв. в ряде селений Среднего Поволжья установился порядок, согласно которому женщины в пятницу собирались в доме муллы, где супруга имама — абыстай читала Коран или какие-либо другие религиозные книги, что заменяло им пятничное богослужение. В дом муллы, к его супруге, женщины селения собирались также на «кадер кичъсе» (ночь предопределения, ночь Аль-Кадр).

В действительности женщины не нуждались в посещении мечети. По этому поводу весьма авторитетно высказался в первой четверти XIX в. Карл Фукс: «В то время когда мужчины отправляют богослужение в мечетях, женщины молятся дома. Пять раз у татар совершается в мечетях молитва, и в эти часы, где бы ни была татарка, в гостях за чаем, за завтраком, в лесу, в поле, в незнакомом ей доме, она, ни на что не смотря, все оставляет, ищет удобное место и совершает свою молитву с таким усердием, что никакой шум не может отвлечь ее от молитвы и заставить оглянуться назад».

Видимо, не без участия духовного управления мусульман, в 1915 г. в Уфе на заседании видных улемов города обсуждался вопрос о свободном посещении женщинами мечети.

После оживленных прений собравшиеся пришли к следующему мнению: 1) женщины могут посещать мечети, если к тому нет никаких препятствий; 2) руки и лица женщин и девушек, как части тела, относящиеся к разряду, не подлежащих закрытию, могут оставаться открытыми в присутствии мужчин; 3) женщины и девушки могут общаться с мужчинами, вступать с ними в разговор и т.д. Татарские газеты довели до сведения уммы постановление духовенства. Однако когда в 1916 г. Марьям бинт Тимерпулат (из Акчуриных) после хаджа с группой женщин инициировала совершение намаза в мечети, споры возгорелись вновь. Г.Баруди поддержал Марьям ханым, отмечая отсутствие религиозных препятствий для совершения общественного богослужения.

Реформы в этой области задерживались по ряду причин. Во-первых, организация быта в татарской и башкирской семье была такова, что на плечи женщин ложились основные хлопоты по воспитанию детей, ведению хозяйства. Совершению намаза девочек учили в семье и у абыстай, у которой они постигали основы ислама и грамоты. К тому же особой необходимости посещения мечети не было. Существовали иные формы общения мусульманок.

Во-вторых, проблема непосредственно касалась расширения прав женщин, имела ярко выраженную гендерную окраску, должна была быть решена как на уровне семьи, так и на уровне прихода, что могло состояться исключительно при содействии духовенства. На первый взгляд кажется, что наиболее удобным временем для посещения женщинами мечети была пятница. Между тем, когда мужчины уходили на пятничный намаз, женщины трудились над созданием праздничной атмосферы в доме.

В-третьих, к моменту постановки вопроса в таком ракурсе — обсуждение возможности посещения мусульманками мечети — в стране существовала разветвленная сеть исламских богослужебных зданий, абсолютное большинство которых располагалось в сельской местности, население которой отличалось приверженностью к патриархальным традициям. В консервативной среде нововведение пробивало себе дорогу с большим трудом.

В-четвертых, в сельской местности храмы были рассчитаны на локальную общину, предназначались исключительно для молящихся мужчин и, как правило, были одноэтажными с одним входом в здание. В двухзальных храмах михраб и минбар располагались в большем из помещений, куда можно было пройти только через малый зал. Создание условий для женщин предполагало дополнительное помещение для моления, смежное с мужским залом, или устройство второго этажа, а также специальной женской комнаты для омоений. Таким образом, реализация идеи об участии мусульманок в общественной молитве была тесно связана с финансовыми затратами по реконструкции богослужебного здания и полностью зависела от позиции мужчин и духовного лица прихода.

В начале XX в. посещение мечети мусульманками превратилось в один из важнейших признаков равноправия между женщинами и мужчинами, выражения обновления ислама, отказа от таклида. Именно затруднения, связанные с планировкой мечети, из-за которой невозможна была совместная общественная молитва разнополых правоверных, кажется, вынуждали имама г. Чистополя в 1917 г. проводить для женщин отдельную проповедь и богослужение.

Лишь весной и летом 1917 г. мечети открыли двери для женщин. Однако муллы и мусульмане неоднозначно реагировали на появление женщин в молитвенных помещениях. Их, в частности, изгоняли из мечети в Уфе.

По нашим сведениям, впервые специальные хоры с отдельным входом для женщин были предусмотрены на втором этаже открывшейся в 1913 г. в Санкт-Петербурге соборной мечети.

Общественная религиозная активность мусульман достигала апогея в период годовых праздников Фитр и Аид. Первому предшествовал пост Рамазан. Вот как описывал современник отражение этого события зимой 1893 г. (с 27 января по 26 февраля) в культуре мусульман Малмыжского уезда Вятской губернии: «В это время в татарских деревнях царит необыкновенное оживление. Наголодавшись и измучившись жаждою в течение долгого дня, татары тотчас после вечернего намаза садятся всей семьей за стол и утоляют свой разгулявшийся аппетит, затем подается самовар, за которым и проводят чуть ли не целую ночь, собираясь целыми компаниями. Тут поют песни, раздаются бесконечные рассказы и смех. Во всех избах горят огоньки, везде царит ночное оживление, не свойственное деревням, населенным жителями других национальностей. А тем временем в мечетях до поздней ночи молятся особенно усердные и богомольные старики; в освещенные окна видны силуэты клонящихся степенных фигур ...».

Ритуал годовых праздников был единым, заключался он в проведении коллективной утренней молитвы (Гает намазы), в которой принимало участие все мужское население, в том числе мальчики. Как правило, идущие в мечеть собирались группами и громко нараппев произносили «такбир» — формулу возвеличивания Аллаха. Когда позволяли погодные условия, богослужения нередко проходили под открытым небом, недалеко от кладбищ; в непогоду — в мечетях. Жители поздравляли друг друга с праздником, затем шли на кладбище, где каждый совершал намаз возле могил своих близких. Тем временем женщины готовили дома праздничное угощение. К завтраку приступали после возвращения мужчин. В праздничные дни (каждый годовой праздник длился три дня) с поздравлениями обходили дома родственников, соседей, по мере возможности каждый старался созвать гостей. В Курбан-байрам после праздничного богослужения во дворах в присутствии духовного лица совершалось жертвоприношение, как правило, это был баран. Мясом жертвенного животного угощали гостей, часть раздавали бедным.

Размах религиозных праздников во многом зависел от численности общины, ее экономического благосостояния, урожая хлебов, состояния торговли и других факторов. К примеру, так описывал современник в 1860-е гг. праздничную культуру крупной и богатой мусульманской общины Семипалатинска, имеющей 8 мечетей. В этот период город представлял собой «самую веселую, самую пеструю, самую оживленную картину; ташкентцы, татары и киргизы разгуливают по улицам в дорогих шелковых халатах; женщины в парчовых, канфовых и шелковых платьях с золотыми на груди вышивками и жемчугом (татарки по обычаю набеленные и нарумяненные, с насурмленными бровями). Разъезжают они по гостям, к родным и знакомым. Молодежь же и даже мальчики лет 10 — 12 скачут на конях с дорогими седлами по улицам во весь карьер. В домах идет угощение. В комнате на дорогих бухарских и ташкентских коврах ставят столики вышиною с /2 аршина с пилавом, казой («казы» — конские колбасы), жареною бараниной, баурсаком (легкое крупитчатое тесто, варенное в масле). Продают и пряники, сливочное масло, мед, фрукты и азиатские сласти. Пьют чай и кумыс (а ныне от непрерывного общения с русскими появляются и вина). Бывает и «байга» (скачки) с призами, состоящими из сукна, плису, ситцев, платков. Расстояние берется до 30 верст от Семипалатинска, а скачут мальчики по 12 — 14 лет. Мета ставится обыкновенно на степном выезде из города. Вообще семипалатинские татары и ташкентцы — народ трудолюбивый, деятельный, показывающий добрый образец нашим русским».

В конце XIX — начале XX в. в столице и других городах России городские органы самоуправления в дни Курбан-байрам разрешали убой баранов не только на бойне, но и во дворах мусульман.

Оренбургское магометанское духовное собрание, со своей стороны, старалось погасить ежегодно происходящие споры прихожан и духовенства по поводу вступления в уразу, исполнения праздничных богомолений — Гайды Фитр (Ураза гаеде) и Гайды Курбан (Корбан гаеде) в разное время. В циркуляре религиозного управления от 23 апреля 1884 г. за №1151 было предупреждение о необходимости предварительного согласования своих действий между собой и применения в отношении к виновным мер «по всей строгости закона».

В 1908 г. татарский поэт Г.Тукай написал стихотворение «Сегодня праздник», в котором сумел мастерски передать праздничное состояние души правоверных по случаю праздника «Курбан-байрам»:

«Бар кыһеллелек бьтен дьняда, бар ямь бьген.
Нһрсһдһн бу? — Мин белһм: бһйрһм бьген, бһйрһм бьген!
Бер мькаддһс хис белһн җһрбер кеше хһйран бьген;
Уйный сазым да минем бһйрһм кьен, бһйрһм бьген!
Арттыра, кьрдем, кояш гадһттһгедһн балкуын;
Ул киенгһндер, дидем: бһйрһм бьген, бһйрһм бьген!
Хис итеп җһр кирдһ бертльрле хуш ис аһкуын:
Ислемай сьрткһн икһн дьня! дидем: бһйрһм бьген!
Бер телһнчене кочаклашкан кьреп бер бай белһн:
Кьһле нечкһргһн! дидем: бһйрһм бьген, бһйрһм бьген!
Яр башыннан тыһладым мин бер суныһ дулкыннарын:
Сьйлһшһлр Һзара: бһйрһм бьген, бһйрһм бьген!
Тыһладым Һкрен генһ искһндһ бһйрһм кьн килен;
Ансы да сьйли тагын: бһйрһм бьген, бһйрһм бьген!.

Стремится весть быстрее, быстрее: сегодня праздник, праздник!
Откуда радость у людей? Сегодня праздник, праздник!
Сегодня каждый окрылен каким-то светлым чувством.
Мой саз играет веселей: сегодня праздник, праздник!
Смотрю на солнце: хорошо! Наряд надело новый,
И ярче свет его лучей: сегодня праздник, праздник!
Вдыхаю дивный аромат,— мир сделался моложе,
Благоуханнее, свежей: сегодня праздник, праздник!
Богатый обнял бедняка. Подумал я невольно:
Расчувствовался богатым, — сегодня праздник, праздник!
Стою на берегу реки, воде внимаю шумной,
Она волнуется сильнее: сегодня праздник, праздник!
И ветер праздничного дня мне тихо-тихо шепчет:
Тревоги прежние развеи: сегодня праздник, праздник!.

Помимо статуса общественного религиозного ритуала, в сельской местности установление минарета мечети приобретало характер большого торжества всей округи. По свидетельству Галимджана Баруди, в конце XIX – начале XX в. на установку минарета и полумесяца богослужебного здания в селение съезжалось население всей волости; за действиями мастеров наблюдали и мужчины, и женщины. Совершалось праздничное богослужение, раздавали милостыню; молодые невесты завязывали на полумесяце минарета полотенца; молодцы, соревнуясь, поднимались по минарету и доставали подарки. Праздничная атмосфера царила повсюду.

В городских этноконфессиональных общинах каждый этап строительства культового здания, т.е. закладка фундамента, установление над минаретом полумесяца, открытие мечети, становился крупным публичным мероприятием для общины, важнейшим фактором консолидации уммы и сопровождался общественным богослужением и сбором пожертвований.

Торжественная закладка и открытие мечети, как правило, приурочивались к пятнице, и событие происходило при стечении практически всех мусульман поселения и даже при участии имамов из соседних городов. Исключениями стало, пожалуй, торжественное открытие Караван-Сарайской мечети в Оренбурге и мечети в Санкт-Петербурге (в честь 300-летия правления династии Романовых).

С появлением на арене общественно-культурной жизни мусульман благотворительных и просветительно-культурных обществ наблюдается тесное переплетение светских и религиозных мероприятий. Как правило, духовные лица принимали в этих мероприятиях самое деятельное участие. Иногда наблюдалась автономность в действиях некоторых национальных общественных организаций.

По закону правом проведения молитвенных собраний по случаю годовых праздников пользовались прежде всего следующие категории частных и юридических лиц: приходское духовенство зарегистрированной религиозной общины и мусульманские благотворительные общества, уставами которых предусматривалась организация подобных мероприятий. Например, в начале XX в. «светские» мероприятия Мусульманского благотворительного общества Санкт-Петербурга по случаю Курбан-байрама проводились в помещении общества, вмещающем около 150 человек; на этих мероприятиях петербуржцы и гости — состоятельные мусульмане — делали пожертвования в кассу благотворительной организации.

С 1907 г. члены общества стали ежегодно арендовать помещение и проводить общественное богослужение по случаю Рамазана и Курбан-байрама, приглашая при этом на роль руководителя мероприятия общественного муллу Лутфуллу Исхакова, преподавателя родного языка новометодной школы. Проповедь на праздничных богослужениях читал известный теолог Муса Бигиев. В 1913 г. для проведения с 19 июля по 23 августа общественных молитв по случаю Рамазана благотворительное общество арендовало помещение по адресу: Демидовский переулок, дом 4. Попытки отдельных лиц и духовенства, обращающихся к властям с прошениями остановить религиозные мероприятия Мусульманского благотворительного общества, успеха не имели. Совершение общественных богослужений признавалось прерогативой официально утвержденных духовных лиц.

Со ссылкой на свободу вероисповедания в империи, общественное богослужение в дни годовых религиозных праздников могла официально проводить и незарегистрированная община, группа мусульман, в том числе временно проживающих. В городах проживали лица, имеющие свидетельство ОМДС о присуждении духовного звания, что облегчало разрешение вопроса с руководителем молитвы. Ежегодно по Морскому и Военному министерствам утверждались дни религиозных праздников, в которые военнотружашие-мусульмане могли быть освобождены от службы. Это обстоятельство также способствовало и облегчало получение разрешения на проведение религиозного собрания в арендованном помещении, на котором в качестве блюстителя порядка присутствовал полицейский чиновник.

В 1909 г. по поводу устроенной в Москве, с дозволения администрации, пастором Фетлером беседы на религиозные темы местный градоначальник высказал суждение, что «разрешение общественных молений сектантов обуславливается наличием зарегистрированной общины». ДДДИИ по этому поводу заявил, что «совершение публичных богослужений не находится в зависимости от зарегистрированной общины». В отношении регулирования религиозных прав сектантов местная власть обязана была руководствоваться циркуляром МВД от 12 января 1909 г. за № 242, согласно которому проведение публичных богомолений ограничивалось указанием «сектантами помещения, в котором будет про-

исходить молитвенное собрание». Этот документ наглядно иллюстрирует новую практику, имевшую место в империи в начале XX в., которая в полной мере распространялась и на мусульман.

Таким образом, в дни годовых исламских праздников не имеющие зарегистрированных приходов этноконфессиональные общины пользовались правом проведения религиозных собраний в установленном законом порядке, арендуя различные публичные помещения, вмещающие значительную группу верующих. В отношении имеющих официально назначенного муллу общин проведение аналогичных мероприятий могла нарушить жалоба официального духовного лица.

В законодательстве не нашло прямого отражения регулирование способов призыва верующих к богослужению. Лишь на основании неопубликованного «высочайше» утвержденного 28 декабря 1820 г. Положения Комитета Министров министру внутренних дел было предоставлено право рассмотрения в каждом отдельном случае возможности «заведения колоколов в христианских церквях». Этим правом силовое ведомство пользовалось в Санкт-Петербурге и Москве. В начале XX в. оно стало анахронизмом. С молчаливого согласия властей разрешался созыв муэдзином мусульман к молитве, хотя в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий» об этом не сказано ни слова.

Во избежание недоразумений и в целях наиболее широкой реализации начал свободы вероисповедания для «инородцев» Министерство внутренних дел в 1907 г. посчитало необходимым возвести в закон принцип полной свободы для открытого призыва к молитве всеми способами, требуемыми культовым ритуалом всех признаваемых в империи иностранных и иноверных вероучений. Поскольку духовные лица этих конфессий считались должностными лицами и пользовались особыми, присвоенными их званию правами, они обладали правом совершения церковных обрядов «в полной мере». Окончательный вариант предложенного Министерством внутренних дел проекта имел следующую редакцию: «Употребление колокольного звона и иных способов призыва молящихся, а также повсеместное ношение духовными лицами церковного облачения и монашеского и духовного одеяний, соответственно правилам их вероучения, допускается всем признанным законом исповеданиям, а из допущенных в законном порядке вероучений тем, коим право это предоставлено специальным законом». Виновный в устройстве религиозной процессии или паломничества без предварительного заявления в местную полицию, когда «такое заявление требуется законом, или употребление колокольного звона» или иных способов публичного призыва верующих к молитве, а также ношение монашеского и духовного одеяний без разрешения властей должны были наказываться штрафом в размере не свыше 300 руб..

В 1907 г. впервые центральная власть предприняла попытку унификации терминологии богослужебных зданий. Например, «частными домашними молитвенными собраниями» должны были признаваться собрания, «устраиваемые в частных домах, хотя бы и в особо приспособленных к тому помещениях (часовни, молельни и т.п.) и на которые собирается определенное число молящихся, лично известных хозяину помещения. Такие собрания, если хозяин и участвующие в них лица принадлежат к какому-то из признанных или допущенных в законном порядке вероучений, допускается свободно устраивать без заявления и испрошения разрешения правительственной власти. Всякие иные молитвенные собрания, устраиваемые хотя бы и в частных домах, но доступные для неопределенного количества лиц или хотя бы определенного, но лично неизвестных хозяину помещения, или в помещениях, специально предназначенных для общественных собраний, или отдаваемых для этой цели в наем, или же в публичных молитвенных зданиях, а также под открытым небом, признаются собраниями публичными».

Употребление колокольного звона и других способов призыва молящихся, а также повсеместное ношение духовными лицами церковного облачения и монашеского и духовного одеяний дозволялись всем «признанным законом исповеданиям». В этот список вошли и мусульманские духовные лица, хотя Кораном для духовенства не было предусмотрено ка-

кое-либо одеяние. Одевание мусульманского духовенства сформировалось согласно сунне и на основе традиций арабов.

Непременными атрибутами имама являлись чалма и халат (чапан). Никаких препятствий для их ношения российские законы не предусматривали, потому что отсутствовало какое-либо упоминание о них в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий». Духовное облачение выступало непременным атрибутом при совершении общественного богослужения, духовных «треб» в домах единоверцев. Имамы надевали его также в случае приглашения в общественные и правительственные учреждения для исполнения обязанностей духовного лица, а также на различные публичные мероприятия.

В результате общественно-политической активности народных масс и в связи с участвовавшими разного рода общественно-политическими мероприятиями, в том числе несанкционированными властью, кульминацией которых явилась Первая российская революция 1905 — 1907 гг., появился закон от 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях», призванный регламентировать проведение в стране общественных мероприятий. Совершение публичного богослужения вне мечети или на открытом воздухе фактически подпадало под действие нового закона.

Согласно закону от 4 марта 1906 г., к числу непубличных были отнесены и все собрания, в которых участвуют «одни члены законно существующего общества или союза». Хотя в законе было четко прописано «о нераспространении его положений на религиозные и молитвенные собрания», по мнению чиновников МВД, возникла угроза признания домашними всех духовных собраний.

МВД в 1907 г. сочло желательным приспособить закон к специфическим условиям совершения богослужения путем уточнения или изменения отдельных положений закона от 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях», хотя в нем определенно говорилось о нераспространении его положений на религиозные, молитвенные собрания.

Рассмотрим закон «О временных правилах о публичных собраниях»:

Непубличные богослужения проводятся свободно, без заявления и разрешения власти

Собрания под открытым небом (ст.2) должны происходить, как и ранее, исключительно с разрешения местной администрации. В учебных заведениях «могли быть устраиваемы лишь собрания, предусмотренные в уставе учебного заведения или изданных о них правилах».

Устроитель собрания обязан был письменно заявить начальнику местной полиции не позднее чем за трое суток до открытия собрания, а если время и место его проведения предполагалось огласить общественности, то не позднее чем за трое суток до объявления об этом. В случае если собрание созывалось не на месте постоянного пребывания начальника полиции, то заявление подавалось не позднее чем за 7 суток до открытия мероприятия (п.5). В заявлении указывались день, час, место проведения мероприятия, а также имя, отчество и местожительство его организатора (п.6). О запрещении проведения собрания с указанием причины отказа организаторы извещались за сутки до его открытия или оглашения для всеобщего сведения. Если же оно созывалось на месте постоянного пребывания представителя власти, то ответ давался за двое суток (п.7).

Относительно участия в мероприятии, состоящие на военной и военно-морской службе подчинялись действию «высочайшего» повеления от 16 декабря 1905 г. (п.9). Губернатору или начальнику местной полиции предоставлялось право «назначения должностного лица для присутствия в публичном собрании» (п.10). Организатор мероприятия был обязан устранять всякие противозаконные проявления и немедленно принимать меры к восстановлению порядка, а при неуспешности их — распорядиться о закрытии собрания (п.12). Должностному лицу также предоставлялось право наведения порядка, а в случае неуспешности предпринятых действий — его закрытия (п.13).

Публичное собрание, состоявшееся без предварительного заявления или вопреки воспрещению властей, закрывалось полицией (п.14). По объявлении о закрытии собрания участники обязаны были разойтись (п.15). Жалобы на распоряжения должностных лиц по

воспрещению или закрытию публичных собраний вносились в установленном законом порядке (п.18).

Назидания МВД в плане применения закона от 4 марта 1907 г. и организации молитвенных собраний были изложены в проекте «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужения и богомолений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий» от 20 февраля 1907 г., представленном в Государственную думу. Это прежде всего запрещение устройства публичных собраний в закрытых помещениях на расстоянии полуверсты, под открытым небом — на расстоянии 2 верст от места пребывания российского государя или заседаний Государственного совета и Государственной думы. Силовое ведомство при этом учло, что религиозные общественные службы в помещениях происходят при не очень большом скоплении народа и вряд ли могут представлять опасность в политическом и «полицейском отношении». Запрет мог нежелательным образом отразиться на исправлении духовных «треб» населения, вынуждая его посещать другие храмы, расположенные на значительном отдалении от места жительства. Тем не менее для предупреждения возможного устройства религиозных собраний в закрытых помещениях на вышеперечисленных расстояниях от местонахождения императора, Государственного совета и Государственной думы было признано целесообразным «допущение их с разрешения местной полиции». Причем для религиозных собраний в культовых зданиях разрешение давалось раз и навсегда. Это означало возможность совершения общественного богослужения в обход данного ограничения. (К слову сказать в Санкт-Петербурге молитвенное помещение 2-го прихода столицы находилось в квартире ахуна А.Баязитова, расположенной в 300 м от Зимнего дворца (ул.Мойка, 22).

Второе отступление от «Временных правил» (ст.4) предполагало снятие запрета на устройство религиозных собраний в гостиницах, ресторанах, общественных столовых, кухмистерских и трактирах и других общественных местах. С учетом того, что общественные богослужения по случаю годовых религиозных праздников, особенно у нехристиан, происходят именно в подобных заведениях, не нанося при этом какого-либо ущерба общественному спокойствию, было сочтено уместным воздержаться от применения данной статьи по отношению к религиозным обрядам.

Следующее ограничение «Временных правил» от 4 марта 1906 г. (ст.8) касалось недопущения на собрания вооруженных лиц, за исключением тех, которым ношение оружия разрешено законом, и воспитанников низших и средних учебных заведений без разрешения на то учебного начальства и вообще малолетних. Признав первую часть ограничения заслуживающим внимания, МВД признало возможным допущение на богослужение, проходящее под контролем светской власти, молодежи, для которой наставления в вере и благочестии являются «особенно нужными и полезными».

В связи с новыми правилами теряла свою актуальность статья 48(6) «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», согласно которой виновный в допущении без разрешения начальства в своем доме или ином помещении публичного или общественного богослужения евреев, для совершения которого в надлежащем месте по закону требуется разрешение администрации, подвергался денежному штрафу в размере не свыше 300 руб.. Теперь он должен был быть заменен едиными для инославных и иноверных вероисповеданий наказаниями, предусмотренными во «Временных правилах». Виновный в устройстве или открытии публичного собрания без надлежащего заявления или заведомо не разрешенного или запрещенного собрания, а также организаторы, председательствующий и должностные лица, виновные в неисполнении своих обязанностей, наказывались (если не подлежали более строгому наказанию) арестом на срок не свыше трех месяцев или денежным взысканием не свыше 300 руб. Эта же мера наказания распространялась на лиц, не имеющих права на ношение оружия и явившихся на собрание вооруженными, и на лиц, которые продолжали мероприятие после официального объявления о его закрытии (ст.19, а, б). Виновный в участии в общественном мероприятии, заведомо созванном без надлежащего заявления или запрещенном, а также лица, участвовавшие хотя и на законном ос-

новании, но во время мероприятия своими действиями или речами вызвавшие закрытие собрания, подвергаются аресту на срок не свыше одного месяца или денежному взысканию в размере не свыше 100 руб. (ст.20).

При рассмотрении вопроса о возможности разрешения отдельным лицам домашних молелен Министерство внутренних дел в 1907 г. исходило из того, что по закону все лица должны пользоваться одинаковыми правами в осуществлении своей веры, следовательно, сохранение преимущества в пользу отдельных лиц не соответствовало бы началам вероисповедания. Если люди предпочитают молиться дома, то им должно быть предоставлено право устройства частных молитвенных зданий и домашних молитвенных помещений для совершения домашнего богослужения. К домашним помещениям, «приспосабливаемым для богомоления», не могли быть предъявляемы правила «Устава строительного». Указывалось лишь на необходимость их соответствия техническим требованиям частных построек. Разрешения властей на устройство домашней молельни в таких случаях, по мнению Министерства внутренних дел, не требуется, потому власть в этом не заинтересована. Единственным условием выступало получение разрешения духовного начальства для тех исповеданий, «у которых существует иерархический строй». Для мусульман это означало бы получение полной свободы в учреждении домашней молельни. Поскольку устройство часовни не могло существенным образом затрагивать интересы местной религиозной общины, не требовалось и ее согласия, столь необходимого при возведении публичного здания. Однако проект Министерства внутренних дел «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и богомолений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных зданий» от 20 февраля 1907 г. не получил законодательного оформления, хотя некоторые его положения в отношении мусульман применялись на практике.

Таким образом, сельские общества при наличии зарегистрированного прихода в плане проведения молитвенных собраний выступали самодостаточными организациями, прежде всего потому, что их проведение не было обусловлено необходимостью получения особого разрешения от полиции. Жители поликонфессиональных селений в целом толерантно относились к религиозным и иным публичным собраниям своих односельчан. Годовые религиозные праздники становились важнейшими общественно-культурными мероприятиями уммы.

Законодательство регламентировало общественные собрания лишь в городской местности. В поликультурном городском пространстве постоянно возникали прецеденты, которые не учитывались в законодательстве. В большинстве случаев, особенно если проблема непосредственно не пересекалась с деятельностью православной церкви, Министерство внутренних дел в либеральном духе разрешало вопросы, заполняя своими предписаниями правовой вакуум.

В начале XX в. закон «О временных правилах о публичных собраниях» практически стал руководством при рассмотрении ходатайств о проведении молитвенных собраний представителями всех признаваемых в России религий, в том числе ислама. Общественное богослужение в «специально предназначенных к тому зданиях и помещениях» совершалось без уведомления властей. Все остальные общественные намазы, а также частные домашние молитвенные собрания (если хозяин помещения, а также участвующие лица не принадлежат к какому-либо из признанных или допущенных в законном порядке вероучений), регулировались законом от 4 марта 1906 г.

В большинстве городов такие мероприятия проводили благотворительные общества совместно с приходскими духовными лицами, являвшимися активными членами и лидерами этих общественных организаций. По случаю годовых религиозных праздников нередко устраивались различные благотворительные собрания, в рамках которых исполнялись культовые обряды. Годовые религиозные публичные мероприятия, олицетворяющие собой важнейшее проявление «свободы вероисповедания» и статуса ислама в государстве,

мусульманской религиозной общины в поликонфессиональном городском сообществе, находили понимание у царской администрации.

Глава IV

АРХИТЕКТУРА ИСЛАМСКИХ МОЛИТВЕННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

1. Типовое и образцовое проектирование

Типовой проект для Сибири

Внутриполитический курс правительства по регулированию исламского культового зодчества выступает неотъемлемой частью изучения государственно-религиозных отношений в России Нового времени. В то же время данное явление правомерно рассматривать как продолжение политики образцового проектирования общественных зданий, широко осуществлявшейся в конце XVIII — первой половине XIX вв., особенно если учесть, что культовое образцовое проектирование первоначально касалось технической стороны вопроса. Следующим аспектом вопроса следует указать факт утраты уммой округа ОМДС средневековых традиций исламского монументального культового зодчества в градостроительной среде.

Выполняя внешнеполитические задачи, направленные на замену номинального протектората над Малым и Средним казахскими жузами на глубокую их интеграцию в Россию, присоединение Старшего жуза и вывод его из-под влияния Китая, проникновение в Среднюю Азию, правительству на окраинах приходилось одновременно заниматься строительством казенных мечетей.

Моделью для распространения ислама был взят ислам в Среднем Поволжье, носителями которого выступали татары-мусульмане, лояльные к самодержавию российские подданные. Близость языка, единство религии, схожесть культуры татар и казахов делали привлекательными традиции российской уммы для «кочевого ислама». Екатерина II писала о необходимости устройства школ по подобию татарских. 11 июля 1782 г. императрица подписала именной указ об отпуске из казначейства 20 тыс. руб. в течение четырех лет, начиная с 1783 г., на постройку мечетей на границах Уфимского наместничества и Тобольской губернии в местах, выбранных местным начальством. Было решено возвести мечети в следующих крепостях Оренбургской и Сибирской линий: в Оренбурге, Верхнеуральске, Троицке и Петропавловске.

После ознакомления с рисунком каменного исламского храма Екатерина II 8 июля 1782 г. дала добро «типовому проекту для Сибири».

Утвержденный проект мечети представляет собой одноэтажное квадратное (6х6 саж.) в свой основе каменное сооружение с купольной крышей. Михраб не пристроен к зданию, а образован за счет закладки кирпичом обоих углов противоположной к входу стены прямоугольными выступами, поддерживающими потолок. Помимо них, потолок упирается на две квадратные в своей основе колонны, расположенные в глубине зала, в 2 саженьях от входа. Фланкирующие вход два трехъярусных минарета придают зданию симметричность. Первый ярус минаретов представляет квадратную основу. От него идет длинный круглый ствол с посаженным на него другим, более коротким и меньшего диаметра, стволом, на который установлен конус с полумесяцем. Высота второго яруса минаретов примерно на уровне высоты купола. На рисунке есть уточнение, что «высота минарета с куполом — 10 саженьей». Культовое здание высокое. Вход в минареты автономный, с фасада.

Согласно «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г., в каждом внешнем округе возводились, помимо зданий для приказа и членов администрации, больничного помещения, казармы для казаков (в случае необходимости), «молитвенный дом с жилищем для духовенства» (ст.124). На каждое из перечисленных зданий составлялись план и смета с указанием источника финансирования, которые утверждало «высшее начальство». Думается,

для ускорения и облегчения постройки вышеперечисленных объектов в степи были разработаны типовые проекты зданий, в том числе «молитвенного дома».

«Образцовый проект» татарской мечети 1829 года

В первой половине XIX в. регулярный план и образцовое проектирование были превращены в главное орудие осуществляемой правительством градостроительной политики. Стремление государства жестко регламентировать возведение не только общественных, но и частных зданий во многом было обусловлено объективными причинами и объяснялось главным образом уровнем экономического, общественного и культурного развития аграрной крепостнической страны и градостроительной ситуацией на Западе, служившей для самодержавной власти идеалом и бесспорным образцом в данной сфере. «В провинции, где не было профессионалов-архитекторов, церкви строились местными подрядчиками по заказу прихожан по более или менее определенным образцам; однако это уже не было народное зодчество в строгом смысле этого слова, когда медленно складывавшийся тип церкви совершенствовался в рамках деятельности строительной артели или региональной школы, — от здания к зданию, сохраняя, как правило, гармонию целого и деталей. Влияние столичной архитектуры, опосредованное случайными образцами-изображениями, приводило к появлению «самостоятельной» архитектуры, иногда прелестной по своей наивности, иногда грубо нарушающей элементарные правила зодчества культуры».

Православное монументальное культовое зодчество, существенно обновленное под воздействием петровских преобразований, в новой ситуации, когда облик провинциальных городов стали определять улицы, сформированные, как правило, из типовых двухэтажных каменных общественных и частных зданий, должно было достойно вписаться в местный ландшафт. В 1824 г. был издан альбом «Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей», составленный известными представителями петербургской архитектурной школы — А.А.Михайловым, И.И.Шарлеманом, занимавшими чиновничьи должности. Альбом содержал 20 проектов храмов и один проект колокольни, составленных в лучших традициях классицизма.

Модернизация России, либерализация внутриполитического курса самодержавия не означали ослабления попечения верховной власти о государственной религии. Идея «Москва — третий Рим» оставалась привлекательной и актуальной для правительства. Во второй половине 1820-х — 1830-е гг. государственная идея Петра I трансформировалась в государственно-народную идею, концентрированно выраженную в теории «официальной народности». Ее материальным выражением становится государственная политика, направленная на распространение «русского стиля» в храмовом строительстве. После официального утверждения теории «официальной народности» попечение об институтах православной церкви резко усилилось.

Если появление альбома было связано с необходимостью успешного решения технических и архитектурных задач, то во второй четверти XIX в. культовое зодчество приобрело для верховной власти глубокое идеологическое и сакральное значение.

В 1826 г. к Николаю I обратились члены Синода с просьбой разрешить строительство храмов «на подобие церквей допетровской эпохи» и получили монаршее одобрение. Возвращение «византийско-русского стиля» в православное культовое зодчество ассоциировалось с закреплением в общественном сознании российских подданных доктрины «идеальной монархии». Данный политический вопрос контролировался императором лично. По мнению специалистов истории архитектуры, «русский стиль» в культовом зодчестве возникает как местная разновидность общеевропейского движения за возрождение средневекового наследия. Кстати говоря, в 1835 г. Синод недвусмысленно разъяснил идеологический смысл переориентации: архитектура должна служить «громогласным памятником попечений об утверждении в России праотеческого православия». Это еще не означало ограничения свободы строителей православных церквей.

В 1838 г. архитектор К.Тон издал альбом с рисунками образцовых храмов (планы и фасады 11 церквей, колокольни, двух иконостасов и часовни). Следует особо подчеркнуть, что, за исключением двух проектов сравнительно небольших церквей, в качестве образцов предлагались уже возведенные или принятые к строительству культовые сооружения.

В 1841 г. русский стиль в храмостроительстве приобрел характер обязательности. Императором Николаем I было предписано, чтобы при составлении проектов «православных церквей преимущественно и по возможности был вкус древнего Византийского Зодчества». Спустя шесть лет, в 1844 г., вышел второй альбом К.Тона — по сути обновленный вариант первого издания, дополненного, по желанию Синода, чертежами небольших каменных и деревянных храмов, потребность в которых была особенно велика. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. уже без участия К.Тона издавались новые альбомы образцовых чертежей, призванные обеспечить прихожан проектами храмов и ускорить процесс их утверждения. Чертежи, дополненные составленными губернскими архитекторами образцовыми сметаами, должны были упростить и ускорить процесс утверждения проектов. Благодаря этому из бюрократической процедуры исключалась одна инстанция — не требовалось отправлять проект на утверждение Синоду, ограничивались визой руководства епархии.

В 1857 г. епархии и губернские правления получили «Атлас планов и фасадов деревянных приходских церквей на 250, 300, 350, 400, 450, 500 и 750 человек» и «Атлас фасадов, планов и профилей каменных и деревянных храмов, иконостасов и часовен», последний из которых подобрал проекты и довольно значительных сооружений. Позднее были изданы альбомы проектов церквей для строительства в поселениях удельного ведомства и Министерства государственных имуществ, специальные альбомы и проекты церквей для Сибири и западных губерний. В этих изданиях, как правило, помещались одни и те же чертежи храмов.

Во второй половине XIX в. выработались сферы влияния образцового культового зодчества: к чертежам И.Тона прибегали при строительстве больших монастырских или городских храмов. В конце столетия все чаще крупные соборные церкви стали возводиться по индивидуальным проектам. Строительство по образцовым планам велось в селах бывшего удельного ведомства и Министерства государственных имуществ, в западной части Европейской России и в Сибири, районах прокладки железных дорог в местностях, активно осваиваемых переселенцами.

В XIX в. как во всем мире, так и в России постепенно установилась жесткая закономерность в выборе стиля храма для двух основных конфессий западного христианства — католические костелы проектировались в готическом, а протестантские кирхи — в романском стиле. Она в целом совпала с курсом правительства, направленного на выделение в мультикультовом городском ландшафте православных соборов и церквей по своим размерам, силуэту и архитектурным особенностям. Однако в отношении христиан и иудаистов самодержавие не стало навязывать образцовое проектирование их богослужебных зданий.

По несколько иному сценарию развивались государственно-исламские отношения в области культового зодчества. В период «гонимого ислама» архитектура мусульманских культовых зданий в Поволжье и Сибири приняла характер народного зодчества, имевшего свои особенности развития. Архитектура мечетей как общественно-религиозных зданий в той или иной степени подпадала под сферу государственного контроля. В первой половине XVIII в. нами выявлен лишь один случай попытки русских властей корректировать облик мечетей. В Приуралье в 1704 г. правительство потребовало от местных мусульман, чтобы богослужебные здания строились по образцу христианских церквей, а религиозные обряды были приближены к православным: при совершении ритуала наряду с муллой должен был присутствовать и поп. За посещение мечети с верующих стали требовать уплаты специального налога. Восстание башкир и татар 1704 — 1711 гг. сыграло решающую роль в отмене этих дискриминационных нововведений царизма.

До Николая I мусульмане по своему усмотрению возводили богослужебные здания, согласуя вопрос с ведомственной администрацией и ОМДС. Поводом к установлению контроля над исламским культовым зодчеством послужило донесение пензенского губернатора (1828 г.) о том, что в татарских селениях Саранского уезда мечети сооружаются «посреди улиц самопроизвольно и безобразно и что число их умножается большею частью без всякой нужды, и более по научению татар, ищущих звания мулл и имамов». Действительно, до введения в российской деревне градостроительных норм татарские поселения выделялись отсутствием «четкой планировки». Особенностью старинных татарских деревень исследователи признают тесноту «постройки основной площади поселения и кучевое расположение усадеб. В связи с этим улицы и особенно переулки были узкими, искривленными, с резкими, неожиданными поворотами и тупиками. Среди этой путаницы выделялась главная улица и главный переулок, по которым проходили основные дороги поселка. Хотя они и были нередко искривлены не менее других, все же имели выход за околицу, тогда как по другим выехать не всегда было возможно». Могло даже показаться, что в поселениях мусульман не действуют общероссийские планировочные правила. Дело в том, что с 1817 г. стало нормой возведение каменных православных храмов в селах на площади или на открытой местности в радиусе 20 саженей. По сравнению с русскими селами, местоположение общественных зданий в татарских деревнях правомерно назвать «беспорядочным», а здания мечетей небольших размеров, рассчитанных на малочисленных прихожан, — невзрачными, простыми и мало чем отличающимися от обычных жилых домов. Они располагались, как правило, на берегу ближайшей реки. Фактически взяв за образец модель культового ландшафта русского села, пензенский губернатор просил утвердить единообразный план, «по коему могла бы производиться постройка в приличном виде», приложив составленный губернским архитектором план и фасад «типовой мечети» для утверждения. На чертеже мечеть была подменена зданием небольшой церкви с абсидой и колокольней, завершающейся полумесяцем. Автор явно не имел опыта составления эскиза мусульманского богослужебного здания, поэтому в Министерстве внутренних дел его проект был забракован.

К запросу министра внутренних дел о правилах постройки мечетей главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий Д.И.Блудов подошел концептуально. Было очевидно, что аналогичная ситуация с планировкой селения и внешним видом мечетей наблюдалась повсеместно. Возможно, под впечатлением альбома «Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей» (1824 г.), им был задуман проект, благодаря вариантивности носивший рекомендательный характер. Это усматривается в обращении статс-секретаря Д.Н.Блудова к оренбургскому военному губернатору от 6 июля 1828 г.: «...считаю, что всего удобнее будет сочинить и дать начальству, от которого зависит позволение строительства мечетей, планы и фасады, разного оных рода так, чтобы общества магометан могли избирать из сих планов и фасадов по своему желанию, но потом уже не отступали в строении от избранных ими».

Одновременно Д.Н.Блудов обязал ОМДС представить «сколько можно полное и подробное описание» мечетей: на сколько «родов» и на какие именно делятся мечети; что считается «во внутреннем расположении и в наружном виде существенным и необходимым для богослужения и что составляет одни удобства и украшения, зависящие от произвола строителей». Помимо этого, религиозное управление должно было обратиться к своему непосредственному руководству — губернатору Оренбургского края — о назначении архитектора или сведущего в архитектуре чиновника, который под наблюдением сотрудников ОМДС «сочинил бы планы и фасады для каждого рода мечетей в трех рисунках».

Как явствует из документа, речь шла об утверждении трех вариантов чертежей мечетей: 1) простых, без каких-либо излишеств, — «только для необходимого помещения»; 2) «с удобствами и украшениями умеренными»; 3) «с богатыми украшениями». Именно эта последняя рекомендация, кажется, ввела в замешательство оренбургского муфтия.

Д.Н.Блудов явно рассуждал христианскими категориями. Именно поэтому в своем рапорте муфтий Габдессалам Габдерахимов признался оренбургскому генерал-губернатору Эссену в том, что «встречает затруднения в исполнении предписания», так как «не имеет у себя точных сведений, какими могут быть богатые, простые и средние мечети».

Заметим, что председатель ОМДС ни словом не обмолвился о пятивременных (простых) и джами-мечетях, потому что они в архитектурном плане не имели какого-либо различия, а в предписании из столицы говорилось о непривычных критериях. Тем не менее у оренбургского муфтия появился план решения поставленной Д.Н.Блудовым задачи. Поскольку в религиозном учреждении отсутствовали какие-либо чертежи культовых зданий, он обратился с просьбой к оренбургскому военному губернатору о предоставлении планов «богатых, средних и простых» мечетей. Примечательно, что Габдессалам Габдерахимов указал на существование «богатых» мечетей в трех местностях: в Казани, Оренбурге и Ситовской слободе. Муфтий ходатайствовал о предоставлении разных планов всех трех вариантов мечетей в Оренбургской и Казанской губерниях.

Мы не располагаем точными сведениями о том, что помешало исполнить поручение Д.Н.Блудова. Скорее всего в архиве губернской администрации такие планы отсутствовали по причине не выработанной к тому времени практики утверждения чертежей мечетей местной властью.

Трудно обвинять ОМДС в игнорировании предписания столичной администрации. Духовное собрание являлось учреждением, предложения которого для местной администрации не носили обязательный характер.

В рапорте Д.Н.Блудова министру внутренних дел не отразились ответы муфтия и оренбургского генерал-губернатора на его поручение. Видимо, они не были представлены. Статс-секретарь заявил о возможности распространения на мусульман указа от 13 декабря 1817 г. о возведении церквей на площадях: «По магометанским правилам мечети должны строиться посреди селений, в местах, со всех сторон открытых».

Отказавшись от первоначального замысла, Д.Н.Блудов ограничился исполнением предписания министра об утверждении «единообразного плана», по которому можно будет осуществлять постройку мечетей «в приличном виде». «Что касается назначения единообразных планов и фасадов для мечетей,— писал Д.Н.Блудов,— то хотя не имеет в виду особенного закона, который бы обязывал магометан строить мечети по планам и фасадам, от правительства данным, но не находит в сем затруднения потому: 1) что строение мечетей, как зданий публичных, в отношении к наружному виду здания сего рода подходит под общие правила; и 2) что сами Магометане просили иногда у правительства и принимали данные от онаго планы и фасады для построения мечетей».

В результате Строительному комитету МВД было поручено, «приняв в соображение имеющиеся чертежи, составить общий для оных образцовый план и фасад». Исполнение поручения было возложено на служащего в данном ведомстве архитектора А.И.Мельникова. Им был составлен «Образцовый план и фасад на постройку татарских мечетей в Пензенской губернии».

При представлении на рассмотрение и утверждение данного «образцового проекта» министр внутренних дел спрашивал у российского государя его мнение относительно возможности распространения «для соблюдения повсеместно в сих строениях должного приличия и единообразия» в качестве руководства не только в Пензенской губернии, «но и во всех других губерниях, где состоят магометанские селения и где будет предстоять надобность в построении оных на правилах вышеизложенного, применяясь в размере, соответственно действующей надобности, по местному усмотрению». 17 января 1829 г. статс-секретарь Муравьев уведомил МВД об утверждении представленного чертежа «как общий образцовый для мечетей России».

Таким образом, утверждение данного чертежа как обязательного для всей уммы произошло с подачи ведомства, ответственного в империи за планировку и строительство общественных зданий. Его руководство подошло к проблеме комплексно с точки зрения ре-

шения планировочных, технических и архитектурных задач, но однобоко в плане предварительного согласования вопроса с религиозным управлением мусульман. С учетом примерно одинаковых природно-климатических условий в европейской части России и Западной Сибири архитекторы-чиновники сочли уместным распространить чертеж мечети на всю российскую умму.

Так, указом от 31 мая 1829 г. сделалось обязательным строительство мечетей по единому образцовому проекту на площадях или на расстоянии не менее 10 саженей от ближайших сельских строений. Нововведение преследовало благородную цель — обезопасить культовое здание от пожаров, что было весьма актуально для сельских поселений, особенно татарских и башкирских, в которых усадьбы располагались кучно.

В «Уставе строительном» 1836 г. ближайшее расстояние от возводимой мечети указано не менее 10 саженей. Под статьей имелась ссылка на указ от 31 мая 1829 г., в котором сообщалось, что «для построения мечетей всегда лучше назначать места на площадях, а где площадей нет, там производить оные на расстоянии не менее 10 сажень от строений». В последующих редакциях данной статьи «Устава строительного» была учтена рекомендация Управления духовных дел иностранных исповеданий о возможности распространения на мусульманские селения указа от 13 декабря 1817 г. о возведении христианских церквей, благодаря чему расстояние от строящихся сельских мечетей до ближайших строений увеличилось в два раза.

Указ от 31 мая 1829 г. был отпечатан в ста экземплярах и разослан руководству 19 губерний с компактным расселением мусульман. Помимо этого, «образцовый проект» был помещен в первой книге «Журнала Министерства внутренних дел» за 1829 г. и стал достоянием общественности.

Напрашивается правовая оценка действий самодержавной власти по утверждению проекта образцовой мечети 1829 г., более чем на 10 лет опередившего практику обязательного строительства православных храмов по образцовым чертежам.

Нововведение явилось одной из мер правительства Николая I по регулированию жизнедеятельности исламских институтов.

На сегодняшний день существует различная оценка образцового проекта 1829 г. По мнению Н.Х.Халитова, чертеж игнорировал правила татарского культового зодчества и уничтожал главную характерную особенность мечетей: сочетание массивного объема и высокого, стройного минарета. «Набиравший силу бюрократический молох российского классицизма,— пишет ученый,— стремительно проглатывал остатки самостоятельного мышления в зодчестве, остановив мертвящий взгляд на «басурманском» виде мечети, стремясь поставить ее по ранжиру в общий строй со всеми строениями, что нашло свое воплощение в «образцовом» проекте 1829 г.».

Иное мнение у Е.И.Кириченко: «Мечети представляют собой молитвенные дома и служат местом совершения молитвы по правилам мусульманского обряда, которые приписывают снимать обувь при входе, становиться на колени и молиться обратившись лицом в сторону Мекки. Принятый в Передней и Средней Азии тип мечети с открытым двором не мог получить распространения в климатических условиях России. Здесь уже к началу XVIII века сложился иной тип — в виде прямоугольного здания с главным минаретом над ним. Поэтому образцовый проект, хоть и возрождал особенности российских мечетей и опирался на древний прототип, внешне мало похож на распространенные в татарской культовой архитектуре прямоугольные мечети со стройными минаретами на кровле».

«По замыслу Мельникова, к основному восьмиугольному объему здания примыкают, с одной стороны, сени, с другой стороны — михраб. Строение имеет минарет призматической формы, обнесенный простой решеткой. Окна и двери с килевидными завершениями подчеркнуты рельефным валиком. Крайне простая архитектура небольшой мечети рассчитана на сооружение из дерева в городе и селе»,— пишет П.И.Тубли.

Для архитектора А.И.Мельникова данное поручение явилось новым и незнакомым делом. Как отмечает М.П.Тубли, перед тем как приступить к работе, зодчий изучил особен-

ности исламского богослужения и национальные традиции. В период русского господства были уничтожены практически все каменные мечети средневековых татарских ханств, кроме Крымского, не говоря уже о «джамиях» в городах, выделявшихся своими размерами и изысканным оформлением. Исключение составляла часть архитектурного ансамбля Ханской мечети в г.Касимове Рязанской губернии. От возведенной здесь мечети, согласно легенде, в 1467 г. казанским царевичем Касыймом, кому был передан в правление г.Городец-Мещерский, сохранился только построенный из неискусно тесанных камней высокий круглый широкий минарет. Двухэтажное культовое каменное здание мечети татарами было построено вместо кирпичной обветшалой мечети на основе высочайшего повеления от 1768 г.. Лишение мусульман в период «гонимого ислама» права постройки каменных культовых зданий и отсутствие среди них профессиональных зодчих привело к свертыванию навыков и традиций их возведения. В рассматриваемый период в империи отсутствовали какие-либо пособия и научные труды по исламской монументальной архитектуре, даже рисунки действовавших в селениях и городах мечетей. Они могли быть исключительно в коллекциях путешественников, рисовавших ради собственного интереса, или в заграничных альбомах.

Правда, проекты татарских мечетей встречаются в русском зодчестве еще в начале XVIII в. у И.Тоскана. Затем в начале XIX в. Л.Руска создал две красивые композиции павильонного типа. Но строительство таких мечетей в средней полосе России не производилось. В этой связи заслуживает внимания деятельность казанского губернского архитектора А.Шмидта, производившего в 1827 г. обмер сохранившихся монументальных памятников в Великом Булгаре периода Золотой Орды и собравшего их в альбом «Чертежи развалин древних Булгар, снятые с натуры архитектором А.Шмидтом в 1827 г.».

Ответ на вопрос о прототипе образцовой мечети лежит на поверхности. В царском указе от 31 мая 1829 г. было заявлено о разработке образцового проекта, «руководствуясь правилами от местного начальства, при сем случае сообщенным, и соображаясь с прежними чертежами». Эта информация, на наш взгляд, прямо говорит об источнике образцового проекта мечети.

В рассматриваемый период в архиве Главного управления путей сообщения и публичных зданий действительно хранилось несколько проектов мечетей — памятников государственного культового зодчества. Иных не могло быть, потому что доселе составление планов не находилось в компетенции правительства.

Постройка мечетей за казенный счет производилась в рамках правил, установленных для казенных общественных зданий: помимо фасада и плана составлялась смета расходов. В распоряжении А.И.Мельникова оказались по крайней мере следующие планы, которые по сей день хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге: 1) мечети, построенной в Оренбурге за счет казенных средств в 1803 — 1805 гг. по указу Александра I от 6 мая 1802 г.; 2) запланированной к возведению третьей мечети Оренбурга (1820 г.); 3) мечети зодчего А.М.Скородумова (1824 г.), построенной правительством в Омске и очень похожей на православный собор; 4) Нижегородской ярмарочной мечети (1827 г.).

Перечисленные нами культовые здания — кирпично-каменные. Мечеть Омска выделялась массивными размерами и уже по данному критерию не подходила для возведения в сельской местности. А.И. Мельникова, несомненно, заинтересовал проект Нижегородской ярмарочной мечети. Проект А.И.Мельникова — восьмиугольное культовое здание без стройного высокого минарета — «списан» с чертежей Нижегородской ярмарочной мечети, а не наоборот, или с восьмиугольной мечети с низкой крышей, завершающейся большим куполом Куббат ас-Сахра (VII в.) в Иерусалиме, чем объясняется ее резкая контрастность с привычной планировкой и обликом татарской мечети.

История государственно-исламских отношений в России Нового времени выработала негласное правило, которого правительство старалось придерживаться постоянно: воздерживаться от каких-либо нововведений в религиозной области в период нахождения импе-

рии в состоянии войны, особенно с мусульманским государством. Недоверие к мусульманам и возможность возникновения непредсказуемой ситуации, которая могла неблагоприятно отразиться на общественной обстановке, выработали данную традицию. Между тем в 1828 — 1829 гг. Россия воевала с Османским государством. Издание «образцового проекта» 1829 г. не вписывается в указанную нами модель поведения верховной власти. Видимо, чиновники искренне полагали, что нововведение, учитывающее средневековые традиции исламского культового зодчества, окажет мусульманам полезную услугу: облегчит сооружение в техническом отношении безопасного культового здания, отпадет необходимость составления плана и фасада, что уменьшит расходы прихода, и др. В «Журнале Министерства внутренних дел» появление «образцового проекта» 1829 г. прокомментировано следующим образом: «...в то самое время, когда грозные силы Российского монарха разили полчища могущественнейшего Владыки магометанского, державная рука Его утверждала созидание молитвенных домов для мирных магометан, обитателей великой Его империи». Следует также отметить, что «образцовый проект» 1829 г. был издан в период интенсивного внедрения правительственных регламентаций во многих областях жизнедеятельности российских подданных.

Проект стал обязательным для округа Таврического магометанского духовного правления (Таврическая губерния и Северо-Западный край).

Настойчивые действия местных чиновников в этой области стали причиной недовольства сельских обществ, выразившегося в жалобах в религиозно-административный орган в Уфе.

Необходимо подчеркнуть еще один важный момент. Образцовое проектирование православных культовых зданий выдерживало важнейший принцип зодчества. Практически по всем предлагаемым образцовым чертежам возводились храмы, что позволяло учесть на практике отдельные погрешности и делать проекты в буквальном смысле слова образцовыми по надежности, прочности, дешевизне, художественному оформлению и другим параметрам. Экспериментальный же проект А.И.Мельникова для татарских сельских обществ Пензенской губернии стал обязательным для европейской части России и Сибири.

Исследователи православных культовых монументальных памятников, анализируя чертежи образцовых деревянных церквей первой половины XIX в., отмечали, что «понимание народного культового зодчества давалось архитекторам, получившим академическое образование, труднее всего. На всех образцовых проектах деревянных церквей лежит печать каменного зодчества»³. «образцовый проект» А.И.Мельникова не учитывал одну из главных особенностей постройки сельской мечети: наиболее простую и дешевую форму жилых помещений в средней полосе России представляли деревянные прямоугольные культовые здания.

Как видно из рисунка «образцового проекта» 1829 г., восьмигранное зальное помещение (каждая стена — 7,75 аршина) имело с двух противоположных сторон двери в зал и перпендикулярно к ним, также по двум сторонам, — двухугольные срубные соединения (5,5 г 7,75 аршина). Получалось двенадцатиугольное помещение. Причем нужно было рубить косые углы. Потолок (высота — не менее 9 аршин) образцовой исламской молельни должен был держаться на 8 стойках, расположенных в двух саженьях от восьмигранной стены. Общая площадь культового здания без сеней по периметру составляла 318,38 кв.аршина, а объем — не менее 1446,4 куб.м. Общая высота сооружения с полумесяцем равнялась 25 аршинам.

«Образцовый проект» обязывал строить единообразную молельню без учета численности и реальных потребностей общины — не была учтена людность сельских поселений в первой трети XIX в. Конструкция с высоким потолком была невыгодна как по значительности затрат на стройматериалы, оплате труда строителей, так и по расходам на отопление большого зала. Эти новшества в конечном счете отражались на стоимости образцовой мечети.

Форма четырех окон мечети также несла в себе «печать» каменного зодчества: они были не прямоугольной формы, верхняя часть имела очертания шатра.

Местные зодчие «модернизировали» образцовый проект с учетом местных природно-климатических условий. В частности, вместо трех дверей традиционно оставляли одну. Как видно из проекта 1829 г., на крыше с низким углом, требующей в зимний период систематического очищения от снега, и с невысоким минаретом устраивалась площадка для призыва к молитве. Тем самым образцовые традиции высоких исламских культовых зданий с высокими минаретами сводились на нет. Народные мастера строили крышу под острым углом, предохраняя культовое здание от опасности слома крыши под тяжестью снега.

Составленный чертеж мечети стал для А.И.Мельникова первым и, кажется, последним опытом обращения к исламскому культовому зодчеству. Это принципиальный момент, когда мы ищем ответ о причинах недостатков проекта 1829 г.

Указ 1829 г. предполагал единую планировочную структуру сельских поселений. Новое правило подразумевало единый подход к устройству планировки в селениях богослужебных зданий с учетом их пожарной безопасности и значимости как публичных, общественных зданий для религиозной общины.

Таким образом, идея установления в рамках «свободы вероисповедания» мусульман правительственного технического контроля за составлением технической документации мечетей и их постройкой, характерного для православных храмов, должна была стать проявлением государственного попечения, обеспечивающего долгосрочность постройки и безопасность молящихся. В силу ряда обстоятельств, прежде всего из-за отсутствия в системе центральных учреждений компетентного органа власти, последовательно занимающегося «мусульманским вопросом», и отсутствия системного подхода к разрешению на законодательном уровне проблем по регулированию религиозно-обрядовых сторон жизнедеятельности общин, благородная идея была реализована в извращенном виде. Как было рассмотрено, вопрос был разрешен архитектором-чиновником и российским государем — людьми, максимально использующими административный ресурс в улучшении всех сторон жизни общества, убежденными в правоте своих поступков.

Выработка и введение единых нормативов в области храмостроительства для всех конфессий произошло на определенном этапе развития строительного дела в России — в первой половине XIX в. В этом отношении губернские власти прежде всего интересовали пожарная безопасность, грамотное техническое решение, облик культового здания и рельефное выделение богослужебных зданий каждого вероисповедания на поликультурной мозаике евразийской империи. Распространение на мечети в 1829 г. единых строительных требований, предъявляемых к публичным зданиям, в целом сыграло позитивное значение. В основе требования соблюдения определенного расстояния до ближайших зданий лежали противопожарные цели и нормативы планировки населенных пунктов, они были едины и для культовых зданий христиан.

«Образцовые чертежи» мечетей 1843 г.

Летом 1843 г. ОМДС представило в МВД рапорт, в котором излагались основные затруднения реализации «образцового проекта» 1829 г. По мнению Духовного собрания, «не всегда возможно строить деревянные мечети по недостатку средств». Думается, рапорт стал выражением коллективного мнения приходов. Во избежание дальнейших затруднений и «могущих произойти между магометанами неудовольствий», религиозное управление просило издать «новые планы с фасадами в простейшем виде, сообразно обычаю магометан, числу прихожан и их строению, а именно: вместо крестообразного здания, какое означено на образцовом плане, предоставить строить мечети из двух и трех комнат в ряд, с особыми позади здания местом для муллы (михраб) и на переди с крытым крыльцом, а наверху здания минаретою, для провозглашения азана». Оренбургский генерал-губернатор В.А.Перовский нашел просьбу религиозного управления заслуживающей уважения.

В качестве рекомендуемых образцов оренбургский муфтий Габдулвахит Сулейманов представил рисунки двух пятивременных и двух соборных джами-мечетей — прямоугольных культовых зданий с четырехскатными крышами с установленным в центре восьмигранным в основании минаретом. Каждая из молелен имеет два зала («фарыз» и «сюннят») и сени (кроме одного случая).

Рассмотрим основные параметры представленных муфтием рисунков, условно пронумеровав их пятивременными №1 и №2 и соборными №1 и №2 мечетями. Пятивременная мечеть №1 имела параметры 7 г 3,5 саж. (15 г 7,46 м), по боковым стенам было вырублено пять окон (по три в «фарыз»-зале, по одному в «сюннят»-зале и сенях; помимо них, на южной и северной стенах, соответственно, с обеих сторон михраба и входных дверей по одному окну. Высота крыши здания достигала 3,5 саж. (7,46 м), высота минарета — 9,56 саж. (20 м). Размеры сеней и «сюннят»-зала имеют одинаковую площадь (3,5 г 4,2 саж.). Пятивременная мечеть №2 также была рассчитана на малочисленную махаллю (приход) и представляла собой шестиугольный сруб размером 6,2 г 3,1 саж. (13,2 г 6,6 м), состоявший из двух комнат: «фарыз»-зал был в 2 раза больше, чем «сюннят»-зал, вместо сеней была устроена прихожая. Высота крыши достигала 2,1 саж. (4,5 м), высота минарета — 7 саж. (15 м).

Соборная мечеть №1 имела размер 8 г 3,5 саж. (17 г 7,5 м.), высота ее минарета — 7,3 саж. (15,6 м); по обеим стенам молельни было вырублено по семь окон: в «фарыз-зале» — 4, «сюннят» зале — 2 и в сенях — 1. Помимо них, по обеим сторонам михраба и входных дверей имелось по одному окну. Соборная мечеть № 2 выделялась своими относительно большими размерами — 10 г 6 саж. (21,3 г 12,8 м); высота крыши достигала 5,7 м, высота минарета — 10,2 саж. (21,7 м). «Фарыз»-зал имел в длину 8, «сюннят»-зал — почти 3,5 саж., остальная часть здания была отведена под сени. Если в ранее рассмотренных культовых зданиях для отопления предусматривалась одна печка, то в данном случае — две.

Другим отличительным элементом соборных мечетей представляется шпиль минарета желтого цвета с полумесяцем: у мечети № 1 его длина составляла 0,9 саж. (почти 2 м), № 2 — 1,8 саж. (3,8 м). «Джами» выделялись также красивыми узорами оконных наличников.

Несомненно, рисунки ОМДС выступают как улучшенный вариант действовавших мечетей Волго-Уральского региона, выделявшихся в большинстве своем среда крестьянских усадеб дощатой или листовой железной крышей, минаретом, более высокими стенами и размерами. Часть молелен не имела минаретов и выглядела как обычный жилой дом. В данном случае налицо стремление религиозного управления выделить культовое здание из общей застройки.

Присланные из МВД 10 августа 1843 г. материалы были восприняты II отделением департамента рассмотрения проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий без особого восторга. На каждом из четырех листов начальник отделения Е. Паскин 2 октября записал одно и то же заключение: «...рассмотрев этот проект, на техническом основании параграфа 21 Высочайше утвержденного 1842 г. Положения о Департаменте, отделение признало необходимым для большей правильности и благовидности оный переделать». Вскоре МВД получило «вновь составленный проект на двух листах» с уведомлением, что решено «для большей правильности и благовидности переделать оные, как изображенные на прилагаемых при сем листах. При переделке проекта приняты были в соображение как представленные чертежи, так и все вышеизложенные требования Магометанского Духовного Соборания». Следовательно, сотрудниками департамента были составлены новые проекты, получившие «высочайшее» утверждение по представлению главноуправляющего публичных зданий и путей сообщения графа П.А.Клейнмихеля 18 ноября 1843 г. (спустя три недели после отправления их на согласование в МВД).

С легкой руки составителей «Свода законов Российской империи» новые планы и фасады стали именоваться «образцовыми чертежами 1844 г.». Видимо, на датировку нало-

жило отпечаток время направления чертежной документации в губернские и областные правления.

«Образцовые мечети» выгодно отличаются от планов и фасадов, рекомендованных ОМДС, своим обликом и изысканностью. Это закономерно: авторами являются архитекторы-профессионалы и проекты составлялись в рамках утвердившегося в первой трети XIX в. правила, согласно которому стиль храма приравнивался к символу принадлежности его к определенной конфессии, реализовавшемуся на основе арабской средневековой архитектурной традиции. Главным композиционным элементом в них является купол, выделяющий богослужебные здания среди частных и общественных построек, храмов других конфессий и доминирующий над устроенными в углах зданий стилизованными башенками-минаретами, не предназначенными для произношения азана. Если учесть, что в этот период мечети строились на открытой местности в радиусе 20 саженей, то мечети, действительно, должны были стать доминантой в планировочном пространстве округа поселения.

«Образцовые планы» 1843 г. были рассчитаны для молитвенных собраний малочисленной махалли. Планировочно они представляют прямоугольные двухзальные помещения. Малая комната использовалась как сени, большая предназначалась для общественного богослужения. Лишь одна из пятивременных мечетей изображалась без михраба.

Высота минаретов (и купола) по углам южной стены у одной из пятивременной мечети составляла 4,3 саж., у другой: флангирующие у входа 4,7 саж., по углам противоположной стены — 3,7 саж.. Одна из джамии-мечетей также украшена миниатюрными минаретами с северного торца на уровне купола (4,7 саж.), с южного торца — несколько ниже (3,7 саж.).

К северному торцу другой джамии-мечети примыкает минарет (высота к куполу имеет соотношение 1,3: 1 или 6,5 саж.: 5 саж.), сквозь основание которого устроен вход в молельный зал. В зальном помещении имелось семь окон: три по боковым стенам, одно — на михрабе. Доктор архитектуры Н.Х.Халитов видит в данном «образцовом чертеже» 1843 г. «средневековую Волго-Камскую купольную джамии» и считает, что он в значительной степени сблизил «художественно-образные качества татарской мечети и русской церковной архитектуры классического направления».

Таблица № 6

Размеры проектов мечетей, представленных ОМДС и «высочайше» утвержденных 19 ноября 1843 г.

Нетрудно заметить, что особой разницы в размерах «образцовых» пятивременных и джамии-мечетей не существует: для первых — по 12 и 23 кв. саж., для вторых — 12 и 28,6 кв. саж. Между тем ОМДС предлагало иные нормативы: для пятивременных мечетей — 19,2 и 24,2 кв. саж., а для джамии — 28 и 60 кв. саж. Помимо численности прихода, ОМДС учитывало специфику мусульманского обряда: на полуденный пятничный намаз приходило практически все мусульманское население махалли, тогда как исполнение молитвы в пятивременной мечети являлось делом лиц преклонного возраста, отошедших от активной хозяйственной деятельности, и мужчин, не обремененных сельскохозяйственными и иными повседневными заботами. Столичные чиновники-архитекторы же исходили главным образом из определенного законодательством единого для возведения пятивременной и соборной мечетей норматива численности мусульманского прихода (не менее 200 ревизских душ муж.п.). Принимая во внимание издержки проекта 1829 г., зодчие пошли на уменьшение размеров мечетей, рекомендуемых религиозным управлением.

«Образцовые чертежи» предназначались для сельской местности, где жилые и хозяйственные постройки возводились из дешевого и имевшегося в средней полосе России в достаточном количестве лесного строительного материала. Видимо, поэтому обязательным стало их возведение из дерева.

Нельзя не заметить явного контраста между законом от 18 ноября 1843 г. и официальной установкой на христианское храмовое строительство. Известно, что в 1800 г. верховная власть вообще запретила строить деревянные православные церкви. Согласно указу от

14 декабря 1817 г., в «инославных» приходах, как и в православных, должны были строиться каменные храмы. Христиане, не имеющие возможности возводить каменные богослужебные заведения, обязаны были приписываться к ближайшим приходам. Начиная с 1819 г. деревянные культовые здания разрешалось иметь в колониях и малых селениях лютеран, где любое строительство было сопряжено с большими трудностями, поэтому церковь возводилась с учетом финансовых возможностей прихожан. Несоответствие нового закона реалиям российской провинции и его неисполнимость были устранены в 1835 г. царским указом об отмене всех ограничений в возведении деревянных храмов. Предписание приобрело форму предложения, зафиксированного в статье 109 «Устава строительного», определившей строительство каменных православных церквей в «общее правило». С этого времени деревянные церкви разрешалось строить только в случае отсутствия на местности каменных строительных материалов, или при отсутствии у прихожан средств на возведение каменных зданий, или по усмотрению православного ведомства (ст.110). Эти же правила были распространены на «терпимые» в России другие христианские религии (ст.148).

В рассматриваемый период общественные здания в городах строились, как правило, из камня или кирпича. Следовательно, «образцовые чертежи» не соответствовали предъявляемым градостроительным требованиям.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные источники позволяют констатировать, что бюрократический стиль работы местных органов власти усиливал недовольство уммы. Особенно возмущались прихожане тогда, когда администрация не позволяла исправлять, ремонтировать старые, обветшалые мечети, требуя, чтобы их перестроили по образцу одного из «высочайше» утвержденных чертежей. На основании таких жалоб Департамент уделов Министерства императорского двора 24 мая 1861 г. возбудил вопрос о строительстве мечетей не только по образцовым, но и по другим чертежам, какие будут признаны прихожанами удобными. Для наглядности в качестве примера было представлено шесть чертежей мечетей, выстроенных в татарских селениях Симбирской губернии, и их сметная документация. Вскоре МВД получило новое послание Департамента уделов, где сообщалось о новом инциденте между мусульманами и администрацией Симбирской губернии: мулла д.Большой Салман, получив разрешение властей на исправление мечети, выстроил силами прихожан новую мечеть не по «образцовому чертежу». За свой проступок в июне 1861 г. имам, с предписанием перестроить за свой счет молельню, был оштрафован на сумму 26 руб. серебром. Руководитель Департамента уделов генерал от инфантерии М.Н.Муравьев просил освободить духовное лицо от наказания.

Главное управление путей сообщения и публичных зданий, куда МВД послало запрос, поддержало инициативу Удельного ведомства, признав несправедливым принуждение мусульман возводить культовые здания только по «образцовым чертежам». Было заявлено, что, поскольку мечети строятся за счет частных средств, будет вполне правомерно и справедливо, если прихожане сами начнут определять расходы, размеры и внешний вид молельни. Главное управление выдвинуло такую схему: «образцовые чертежи» должны служить только для «руководства вообще», или их приводить в исполнение в точности только тогда, когда в местности нет специалистов или лиц, умеющих составлять проект. Фактически речь шла о распространении на мусульман европейской части России и Сибири действующей модели взаимоотношений между православными приходами и губернскими строительными и дорожными комиссиями. Первые имели возможность выбирать понравившийся и соразмерный с их финансовыми возможностями и потребностями проект храма из специальных изданий или предложить свой вариант. Впредь взаимоотношения между мусульманами и властью должны были строиться на «общих правилах гражданской архитектуры», что распространялось и на все признаваемые в империи христианские конфессии. Только возведение мечетей за счет казны должно было производиться по чертежам, предварительно одобренным в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий.

Данный проект, прежде чем войти в законную силу, прошел в установленном порядке все инстанции. Получив добро от Второго отделения об изменении статьи 264 «Устава строительного», доклад министра внутренних дел П.А.Валуева удостоился 8 июня 1862 г. одобрения императора Александра II. Речь шла о дополнении ее следующим предложением: «Сельские мечети могут быть возводимы и по другим планам и фасадам, но с тем, чтобы оные были каждый раз утверждаемы местными строительными и дорожными комиссиями, а в случае особенной важности предоставляемы были на утверждение Главного управления путей сообщения и публичных зданий».

Законопроект был критически воспринят в Департаменте государственной экономии Государственного совета, который 12 ноября того же года принял постановление о целесообразности распространения этого правила и на городскую местность и вернул документ на доработку, предложив министру П.А.Валуеву обсудить высказанное предложение с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий. 30 ноября новая редакция проекта закона уже была представлена на повторное рассмотрение Государственного совета.

Согласно закону от 17 декабря 1862 г. «О дозволении строить мечети не по одним «высочайше» утвержденным образцовым планам и фасадам, но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными», мусульмане наконец избавились от образцового проектирования и получили возможность по своему усмотрению строить богослужebные здания. Если строительство предполагалось не по «высочайше» утвержденным чертежам 1843 г., то каждый раз план утверждался строительной и дорожной комиссией (с 1864 г. — Строительным комитетом) губернского правления, а в случае особой важности сооружения документы представлялись на согласование в МВД.

Исследователи истории российской архитектуры констатируют, что «в период, закончившейся смертью Екатерины II, государство практически единолично определяло развитие культуры. В царствование Александра I и Николая I государство сохраняет руководящую роль в развитии архитектуры. Со времени царствования Александра II, с ростом самосознания народа и свободы личности, инициатива и роль реального творца культуры, экономики, социальных благ переходит к общественным институтам и художникам, индивидуально или в сотрудничестве с другими совершающим свое служение. Роль государственной власти становится все более координирующей». Эволюция исламского культового зодчества в целом вписывается в эту схему развития российской архитектуры.

Одним из важных итогов периода образцового исламского культового зодчества явилось ограничение функции мечети только совершением общественной молитвы. «Образцовые проекты» были одноэтажными. В двухэтажных богослужebных зданиях на верхнем этаже располагался молитвенный зал, на первом этаже (в одноэтажной мечети в полуподвальном помещении) — конфессиональная школа, или библиотека, или другие подсобные, хозяйственные комнаты. В одноэтажных мечетях училище и библиотека оказались вне молельни. Тем самым ограничивались возможности мечети как многофункционального общественного здания. Здесь проявилось влияние традиции христианского храмового строительства, согласно которой богослужebное здание имеет сакральное значение.

Было бы неверно только политикой образцового проектирования объяснять возведение отдельных зданий учебных заведений или локализацию учебного процесса в хозяйстве духовного лица. В пореформенный период, после отмены архитектурно-стилевых ограничений, прежняя традиция строительства двухэтажных мечетей имела продолжение главным образом в городской местности. Устойчивость данного явления объясняется несколькими причинами. В законодательстве не был определен ни статус, ни строительные-технические правила возведения мектебов и медресе, все ограничивалось констатацией их устройства «при мечети». Это во-первых. Во-вторых, молельни предназначались для совершения общественного богослужения, что означало возможность проведения в них исключительно молитвенных собраний.

Нельзя не отметить большую разницу между «образцовыми проектами» богослужбных православных и исламских зданий. Первые выгодно отличались своей многовариантностью и апробированностью. Наряду с олицетворением идеи «официальной народности» эти чертежи, авторами которых стали талантливые российские архитекторы, способствовали повышению эстетического вкуса в христианском культовом зодчестве, позволяли высоко держать планку зодчим, предлагали самые разнообразные по размерам, облику и формам строения, снижали их себестоимость и в конечном счете облегчали их прохождение по бюрократическим инстанциям. Более того, прихожане и священнослужители могли выставить и свои варианты проектов. Очевидно, что православные приходы, благодаря содействию верховной власти, получили возможность выбирать удобный себе вариант из предлагаемых «образцовых проектов», а во второй половине XIX в. — строить по индивидуальным планам.

Для мусульман внутренней России, утративших традиции исламского монументального зодчества и профессиональные кадры, существование пакета чертежей было объективно востребовано. По мере усиления урбанизационных процессов и формирования новых исламских анклавов в городах, промышленных центрах и поселениях местная администрация впервые сталкивалась с мусульманской общиной. В растерянном положении оказались и губернские, и городские архитекторы, воспитанники западноевропейской архитектурной школы. Поэтому в «образцовых планах», учитывающих традиции возведения средневековых исламских культовых зданий, в России существовала объективная потребность.

Однако в данном случае получилось как в поговорке: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Стремление самодержавия содействовать умме в возрождении средневековых традиций, деформированных во второй половине XVI — XVIII вв., оказалось иллюзией. Бюрократическо-канцелярский подход к исламской культовой архитектуре привел к нежелательным последствиям. Только с 1844 г. наметилось взаимопонимание, сотрудничество в этой области между властью и уммой: учет правительством предложений мусульман, изложенных в ходатайстве оренбургского муфтия. Однако сохранилась прежняя модель взаимоотношений: правительство диктовало и контролировало, а подданные подчинялись и исполняли. Главным недостатком «образцовых проектов» 1843 г. стала их обязательность.

Приметой либерального внутриполитического курса правительства Александра II в области гражданского строительства стало предоставление в 1858 г. заказчикам и архитекторам свободы действий. Мусульмане также получили возможность по своему усмотрению проектировать богослужбные здания.

Реализация идеи о техническом контроле за возведением и реконструкцией публичных зданий в отношении мечетей была осуществлена в два приема: введением «образцового проектирования» и предоставлением в 1862 г. прихожанам возможности самим выбирать фасад и план богослужбного здания. С этого времени следует вести отсчет установления цивилизованных государственно-церковных отношений в исламском культовом зодчестве.

Реакция уммы на «образцовые чертежи» через каждые 14 и 18 лет учитывалась правительством и разрешалась в желаемом для мусульман русле. В жалобах речь шла прежде всего о технических неудобствах, и вопрос не был непосредственно связан с религиозным гнетом. Важно также подчеркнуть, что реализация политики образцового проектирования не стала поводом для распространения различных слухов о намерении правительства крестить мусульман. Очевидно, махалли воспринимали «образцовое проектирование» как чисто технический вопрос, наряду с другими мерами власти в этой области.

В этой связи следует заметить, что по исламу богослужбное здание не требует специального архитектурного оформления. Главным критерием является создание надлежащих условий для общественного богослужения. Наконец, существенную роль сыграл благожелательный подход ряда губернских строительных комиссий, учитывающих принципиальные моменты традиционного культового зодчества в Волго-Уралье и Западной Сибири.

При составлении архитектурных проектов и планировке мечетей учитывалась однополость молящихся. Одноэтажные образцовые проекты не предусматривали какие-либо хозяйственные помещения, не говоря об училищах.

Политика образцового проектирования мечетей, происходившая в период становления отечественной архитектуры, органов технического надзора, являлась попыткой правительственного попечения над исламским культовым зодчеством. Заказанные МВД столичным архитекторам «образцовые проекты» мечетей 1829 и 1843 гг. являются плодом творческой мысли представителей школы русской архитектуры. В силу придания им официального статуса, они призваны были сыграть ведущую роль при определении стиля и внешнего вида богослужебных зданий мусульман европейской части России и Сибири. Необходимо указать несколько обстоятельств, сыгравших, на наш взгляд, решающую роль в стремлении избежать слепого копирования «образцовых проектов», придерживаясь при этом их знаковых архитектурных элементов. Как было нами рассмотрено, все четыре образцовых проекта мечетей 1843 г. были разработаны специально для сельской местности. Авторы, по-видимому, не ставили целью создание проектов, существенно отличающихся друг от друга.

Эта особенность образцовых проектов невольно наталкивает на мысль о том, что и в данном случае (как в 1829 г.) для архитекторов сохранила приоритет мысль о возведении их в отдельном населенном пункте, что, при отсутствии других культовых зданий в местности, выделяло здание из разноликой массы деревенских построек. Следует особо подчеркнуть, что перед разработчиками была поставлена задача создания относительно дешевого небольшого культового здания из дерева, что наглядно проявилось в однотипности образцовых проектов. Иначе говоря, с архитектурной точки зрения, хотя образцовые проекты 1843 г. и вобрали в себя главные тенденции развития архитектуры той эпохи, тем не менее требовали существенной доработки в плане согласования их с градостроительными нормами и традициями.

2. Государственный технический надзор и попечение в сфере исламского культового строительства и реставрации

Официальное признание ислама как одной из «терпимых религий» в России потребовало создания нормативной правовой базы для функционирования ее институтов. Указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. был направлен на установление цивилизованных государственно-церковных отношений. Поэтому, с одной стороны, мусульманское культовое зодчество в европейской части России и Сибири невозможно вычленировать из общей тенденции, направленной на создание толерантного правового поля для функционирования исламских институтов; с другой стороны, его необходимо рассматривать в контексте формирования строительно-технической нормативной базы поликонфессионального храмового строительства и органов полицейско-технического надзора в империи.

Основы формирования отечественных органов технического надзора и строительных дел были заложены в начале XVIII в., в период строительства северной столицы, контроль над которым стало осуществлять дворцовое ведомство Санкт-Петербурга.

В 1762 г. с целью переустройства городов была образована Комиссия о каменном строении Петербурга и Москвы (1763 — 1796 гг.), в которой разрабатывались планы 416 российских городов. В 1757 — 1764 гг. была открыта Академия художеств, ставшая кузницей национальных кадров. В 1809 г. создан Корпус инженеров путей сообщения, и при нем институт.

Наблюдение за государственным строительством и «обеспечение строений и гидравлических работ» было поручено созданному в 1816 г. А.А.Бетанкуром Комитету строений и гидравлических работ, одним из крупнейших творений которого стал ансамбль Нижегородской ярмарки.

Отношение к облику города как олицетворению государственной мощи и величия сохранилось и в XIX в. Оно было общепринятым и выходило за рамки официальной идеологии. Эту точку зрения призван был пропагандировать и реализовывать на практике учрежденный в 1806 г. строительный комитет Министерства внутренних дел, приступивший к своим обязанностям после завершения русско-французской войны. Вскоре при губернской администрации появились его структурные подразделения, курировавшие строительное дело в регионе.

На основании царского указа от 3 мая 1816 г. все проектируемые постройки, как частные, так и общественные, в Санкт-Петербурге возводились на основании высочайшего разрешения.

В связи с интенсивным расширением столицы и в интересах ускорения делопроизводства утверждение фасадов частных зданий со временем перешло в компетенцию соответствующих местных учреждений. Личному рассмотрению и утверждению императором подлежало лишь незначительное количество частных и общественных зданий, к числу которых относились и богослужebные учреждения.

К культовым сооружениям относились прежде всего как к публичным зданиям для совершения богослужения группой лиц и архитектурным сооружениям, определявшим своим внешним видом облик населенного пункта. В этой связи перечислим некоторые нововведения, имевшие непосредственное отношение к культовому зодчеству, возведению публичных зданий. Стало нормой приложение к фасадам планов местоположения здания (1828 г.), было заявлено о личной ответственности архитектора за качество строительных лесов, закладку фундамента, выкладку сводов (1831 г.); с 1831 г. во всех архитектурных чертежах для масштабности требовалось изображать человеческую фигуру, а подтвержденные чертежи стали храниться в губернской чертежной особо, с 1840 г. к фасадам стали прилагать продольные и поперечные разрезы зданий. В 1838 г. было издано Урочное положение.

В 1834 г. был учрежден Временный статистический комитет, занимавшийся, в числе прочих проблем, вопросами градостроительства и утверждением генеральных планов городов. В 1839 г. руководство градостроительством, а также гражданским и дорожным строительством перешло в ведение Главного управления путей сообщения и публичных зданий, возникшего посредством слияния строительного комитета МВД и Главного управления путей сообщения. Рабочим органом нового учреждения стала Комиссия проектов и смет, составлявшая предварительное мнение, которое затем обсуждалось на совете Главного управления путей сообщения, выносившего решение. Если проект не требовал доработки, комиссия представляла проектные материалы и сметную документацию на утверждение императору Николаю I.

В условиях отсутствия полных правил губернские правления сами вынуждены были заниматься законодательством с учетом законодательных актов и сложившегося порядка рассмотрения таких дел. Прежде всего для себя, а также для ведомственных администраций и местной полиции они вводили «свои правила» делопроизводства. Тем самым, с учетом накопленного опыта в этой области, губернские правления заполняли недостающие пункты в правилах возведения мечетей. В этой связи показательно постановление Казанского губернского правления от 2 декабря 1844 г., появившееся после получения из столицы образцовых проектов мечетей 1843 г. Обществам, желающим ходатайствовать о постройке мечетей, на основании статьи 223 «Устава строительного» первоначально предписывалось автономно получить разрешение от ОМДС, которое должно было довести свое заключение до сведения просителей через местную полицию.

В случае получения из Уфы согласия община должна была действовать по следующим правилам: а) составить «на законном основании приговор» с обязательством о «приличном содержании мечети» и засвидетельствовать его подписью местного волостного головы и волостного правления; б) составить план, фасад и смету предполагаемого к возведению храма «через архитектора или другого лица, знакомого со строительным искусст-

вом»; в) составить описание площади, где предполагались строительные работы. Затем вся эта документация с приложением отзыва Духовного собрания, с прошением от имени местного муллы представлялась на рассмотрение палаты государственных имуществ (это ведомственный административный орган мусульманского сельского податного населения в Казанской губернии), которая с соответствующим заключением, составленным после сличения имеющихся в ведомстве сведений, направляла эти материалы в губернское правление.

Служащие губернского коллегияльного органа должны были удостовериться, во-первых, в точном соблюдении порядка сбора и составления необходимых документов; во-вторых, выяснить, не противоречит ли желание мусульманского общества действующему законодательству; в-третьих, «не сопряжено ли удовлетворение этого требования с вредом для православного населения»; в-четвертых, существует ли действительная надобность в постройке мечети в точном соответствии с указом от 23 августа 1756 г. и статьей 382 тома 2 «Свода законов Российской империи». Если по какому-либо пункту губернское правление «найдет удовлетворение ходатайства неудобным», то об этом уведомлялась палата государственных имуществ. При отсутствии несоответствий план, фасад и смета передавались в губернскую строительную комиссию для сличения с образцовыми чертежами мечетей.

После утверждения технической документации губернское правление извещало мусульманскую общину о своем разрешении через местную полицию, а также уведомляло палату государственных имуществ. В случае отрицательного вердикта строительной комиссии план и фасад возвращались в палату для передачи по принадлежности. Циркуляром казанского военного губернатора от 28 января 1845 г. за № 506 эти правила были доведены до сведения местных органов полиции, ведомства государственных имуществ и губернской строительной комиссии.

Строго соблюдая данный порядок, соответствовавший духу того времени — времени расцвета чиновничьего аппарата правительства Николая I, Казанское губернское правление стало давать отказ поступившим прошениям в случае нарушения хотя бы одного из пунктов объявленных правил.

До 1864 г. архитектурными и строительными делами в регионах ведали губернские строительные и дорожные комиссии, являвшиеся местными органами Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Функции органов власти и чиновников, курировавших строительное дело в империи, были детально расписаны в «Уставе строительном».

Высочайше утвержденным распоряжением Государственного совета от 29 октября 1864 г. о преобразовании гражданской строительной и дорожной части они были упразднены, созданы строительные отделения губернских правлений, находившиеся в ведении Министерства внутренних дел и непосредственно подчиненные губернатору. Штатное расписание нового органа, на который возлагались строительно-полицейские функции, состояло из губернского и младшего инженеров, губернского и младшего архитекторов и секретаря. По «Городовому положению» 1870 г. утверждение планов и фасадов частных строений перешло в компетенцию городских архитекторов, подчиненных городской управе. Таким образом, вопросы возведения храмов сосредоточились в руках силового министерства, что означало концентрацию в этом ведомстве практически всех дел, касающихся возведения мечетей.

Ко вновь созданному органу перешли функции контроля и проведения экспертизы проектов и смет церковей различных конфессий и предоставления их со своим заключением на окончательное решение губернатора. При необходимости строительно-сметная документация могла быть представлена на рассмотрение ближайшего округа путей сообщения. В случае сложности постройки или значительности суммы, необходимой на возведение модели, или по другим причинам губернаторы могли доставлять проекты и сметы в МВД, которое их или утверждало, или представляло на экспертизу в Министерство путей сообщения и затем уже выносило свое окончательное решение.

Важным событием стала разработка и последовавшее за этим утверждение строительного устава, оформившего нормы строительного законодательства, вобравшего в себя основные достижения в этой области в первой трети XIX в. Первая редакция устава появилась в 1832 г. в «Своде законов Российской империи». В ходе последующей доработки его издания последовательно дополнялись и совершенствовались.

Несомненно, желание регламентировать культовое зодчество в целом отвечало бюрократическому духу, культивировавшемуся в правительственных учреждениях времени правления Александра I и Николая I. Именно тогда значение регулярного плана и образцового проектирования усилилось: появились «образцовые проекты» публичных, казенных зданий, усадеб и домов государственных крестьян; с 1830 г. они были распространены на сельские поселения, например, в целях благоустройства сельских поселений.

Другой характерной чертой нового курса стало распространение в общеимперском масштабе норм возведения православных храмов на мечети, что впервые было зарегистрировано в царском указе от 31 мая 1829 г., — сделалось обязательным строительство в деревнях мечетей на открытой местности. Нововведение преследовало благородную цель — желание обезопасить культовое здание от пожаров, что было весьма актуально для сельских поселений, особенно татарских и башкирских, в которых усадьбы располагались кучно.

В данном законодательном акте первоначально сообщается, что «для построения мечетей всегда лучше назначать места на площадях, а где площадей нет, там производить оные на расстоянии не менее 10 сажень от строений». Довольно спонтанно изложенный указ завершается фразой: «Хотя высочайший указ 13 декабря 1817 года относится к христианским церквям, но он может быть распространен также на мечети, которые по самим магометанским правилам должны строиться посреди селений, в местах со всех сторон открытых». Первоначально в законах за основу было взято расстояние в 10 саженей. В частности, в «Уставе строительном» издания 1836 г. указано означенное расстояние в 10 саженей.

В последующих изданиях «Свода законов Российской империи» была принята во внимание последняя фраза закона от 31 мая 1829 г., благодаря чему расстояние от строящихся исламских культовых зданий до ближайших строений увеличилось в два раза, составив 20 саженей.

Исследование российского законодательства XIX в. относительно порядка строительства культовых сооружений мусульман европейской части России и Сибири позволяет говорить о приоритетности сельской местности. И это не случайно.

В конце XVIII — первой половине XIX вв., времени становления царского законодательства по регламентации деятельности институтов ислама, абсолютное большинство мусульман по социально-правовому положению было приписано к сельскому податному или военно-служилому сословию. Данная особенность наглядно отражается в формулировках конкретных статей «Устава строительного».

Таким образом, общие моменты возведения и жизнедеятельности исламских богослужебных заведений и аналогичных культовых зданий признаваемых в России конфессий в строительно-техническом отношении заключались в следующем: 1) строительство производилось с разрешения светского и духовного начальства; 2) культовые здания возводились исключительно по утвержденному соответствующими строительно-техническими органами власти плану и фасаду; 3) официально отсутствовали какие-либо разграничения в размерах и объемах этой категории публичных зданий.

С 1829 г., со времени введения образцового проектирования, чертежи всех предполагаемых к возведению мечетей стали утверждаться профессиональными строителями-чиновниками; возведение деревянных богослужебных зданий производилось под наблюдением полиции, а каменных — под контролем нанимаемых техников, имеющих специальное образование. Разрешение на открытие каменных мечетей давал специально прикомандированный техник, представитель строительного отделения, деревянных — местный чин полиции.

В чем заключалась миссия по регулированию образцового культового зодчества органа центральной власти, обязанного курировать «архитектурно-строительное дело публичных зданий»? Его обязанности сводились к контролю за исполнением местными органами высочайше утвержденных «образцовых проектов». Только в 1857 г. главноуправляющий Комитетом путей сообщения и публичных зданий получил «высочайшее» дозволение на «незначительное отступление от высочайше утвержденных планов», ставшее первым шагом по выработке либерального правительственного курса в этой области. В 1858 г. появился наконец царский указ, освобождающий частных застройщиков от необходимости следования утвержденным фасадам.

При рассмотрении ходатайств о постройке мечетей Оренбургское магометанское духовное собрание всегда выносило единое постановление: о составлении плана, фасада и сметы на постройку мечети и представлении их в губернскую администрацию «для сличения с Высочайше утвержденными на сей случай чертежами и утверждения в законном порядке».

Несмотря на обязательность «образцовых проектов», мусульмане сохраняли возможность строительства каменных мечетей, прежде всего в городах, в случае утверждения чертежа будущей мечети российским государем.

В силу небольших размеров богослужебных зданий, со второй половины XIX в. Строительно-технический комитет МВД крайне редко рассматривал и утверждал проекты мечетей. Основным предметом обсуждения в этот период стало определение открытого пространства вокруг молельни в городском квартале.

Требуемое законом представление планов и фасадов в строительное отделение не должно было непременно предшествовать разрешению постройки, а напротив, разрешение должно быть дано при условии выполнения требований «Устава строительного».

Наиболее полно и всесторонне были разработаны строительно-технические вопросы функционирования культовых зданий государственной религии, что в условиях отсутствия каких-либо указаний относительно других религий означало возможность использования губернской властью ряда этих положений и в отношении мечетей.

В условиях отсутствия среди мусульман профессиональных технических кадров практически все каменные исламские культовые здания проектировались русскими зодчими, возводились русскими строителями-подрядчиками и под надзором русского техника. Поэтому правомерно утверждать о наличии единой технологии возведения религиозных общественных зданий. Свертывание (со второй половины XVI в.) традиций национального каменного зодчества не оставляло другой альтернативы. Еще К.Фукс обратил внимание на факт привлечения татарами Казани для строительства своих домов и ремонта мечетей русских мастеров.

Характерным моментом в дальнейшем совершенствовании правил исламского культового зодчества следует признать не их утверждение на законодательном уровне с последующим внесением в «Свод законов Российской империи», а регулирование предписаниями МВД, в руках которого сосредоточились бразды правления и контроля над строительством мечетей. В частности, первое пояснение относительно расстояния между ближайшими городскими постройками и возводимой мечетью относится к 1865 г. В циркуляре МВД № 2487 по этому поводу говорилось об избрании для возведения культовых зданий иностранных исповеданий мест, имеющих «некоторый простор». Такое расплывчатое определение губернской администрацией трактовалось по-разному. Православные церкви в городах должны были находиться от соседней межи на расстоянии 20 или, по крайней мере, 10 саженей. Причем «мирские застройки» и дома священнослужителей могли находиться и рядом с храмом. По разъяснению хозяйственного департамента МВД от 12 июля 1886 г. за № 4990, «для той или другой церкви по самому свойству» никакие «мирские» застройки не могли находиться ближе 5 саженей от действующей православной церкви.

Как указывалось выше, в российском законодательстве регламентировался лишь начальный этап жизнедеятельности молельни. Поскольку перестройка, реконструкция зда-

ния означали изменение его плана и фасада, логически вытекало, что разрешение должно даваться также светской властью. В предреформенный период, как показывают архивные документы, эти вопросы находились в компетенции чиновников ведомственных органов: начальников кантонов, Удельного ведомства, Военного министерства, Министерства финансов, затем, с 1838 г., Министерства государственных имуществ и др. с последующим согласованием в губернском правлении и в ОМДС. Получаемые от мусульманских общин приговоры на ремонт богослужебного здания религиозное управление со своим заключением посылало на их окончательное разрешение.

Введенный в империи порядок ремонта христианских церквей вскоре стал нормой и для мечетей. В 1856 г. стремление Духовного собрания самостоятельно дозволить ремонт молельни в приходе д.Явильдино и д.Максютово Оренбургской губернии натолкнулось на протест местного губернского прокурора. Религиозный орган постановил уведомить местного кантонного начальника о разрешении на производство ремонтных работ. Если же ее здание совершенно ветхое, то рекомендовалось обратиться в губернское правление за разрешением на возведение новой мечети по «высочайше» утвержденному плану и фасаду. Духовное собрание опротестовало решение губернского прокурора в сенат и, благодаря поддержке министра юстиции, выиграло дело (указ сената от 7 сентября 1856 г.). Действия религиозного управления и постановление сената основывались на обновленных правилах постройки, перестройки и починки христианских храмов, изложенных в царских указах от 17 октября 1852 г. и 7 марта 1856 г., согласно которым прихожанам разрешалось ремонтировать культовые здания без участия гражданских властей, по своему усмотрению, при условии разрешения духовного начальства и соблюдения технических норм. Так был восполнен пробел в законодательстве относительно порядка ремонта исламских богослужебных зданий, и ОМДС самостоятельно стало рассматривать ходатайства приходов о производстве ремонта мечетей, одновременно уведомляя о своем постановлении не только просителей, но и уездное полицейское управление, призванное контролировать производство ремонтных работ.

В 1864 г. было издано циркулярное предписание МВД № 99 от 26 мая, направленное на усиление пожарной безопасности общественных зданий: главные двери храмов всех конфессий должны были отворяться наружу. Переделка дверей действующих мечетей была неоднозначно воспринята мусульманами.

МВД (циркуляр № 6147 от 11 января 1885 г.) расценило случаи утверждения строительными отделениями планов мечетей до окончательного решения вопроса в губернском правлении как содействие незаконному возведению мечетей, подчеркнув тем самым первичность общественно-политического аспекта мусульманского культового зодчества в империи.

В 1890 г. в Техническо-строительном комитете МВД началась ревизия «Устава строительного». Специально для этого была создана «Подкомиссия для рассмотрения строительного устава», которая должна была завершить работу осенью 1891 г.. В части церковно-строительного законодательства культовых зданий новая редакция устава была составлена сотрудником комитета В.Ладогой, положившим 21 августа 1890 г. проект на стол председателя Техническо-строительного комитета профессора архитектуры Э.И.Жибера.

В «объяснительной записке» автор представил свое видение концепции церковного строительства в Российской империи. Он считал нарушением «общего плана и задач» Строительного устава сохранение в нем «принципиальных» требований, «вытекающих из политических соображений и государственных потребностей». В.Ладога задался целью строго разграничить политический аспект церковного строительства, с одной стороны, и требования строительного искусства и внешнего благоустройства — с другой, сохранив в «Уставе строительном» только строительные нормативы, в том числе в вопросах расстояния между мечетями, синагогами и христианскими культовыми зданиями. Именно из-за специфики церковно-государственных отношений в России, по мнению автора, одни и те

же законоположения повторялись и в «Уставе строительном», и в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий».

Следует отметить, что идея о разграничении политического и технического аспекта исламского культового зодчества еще в 1830-х гг. была реализована М.М.Сперанским при составлении «Свода законов Российской империи». Разработчики «Устава строительного» — чиновники Главного управления путей сообщения и публичных зданий — рассматривали его как свод постановлений, регулирующих строительные-технические вопросы. Поэтому в томе XII «Свода законов Российской империи» изданий 1832 и 1836 гг. были проигнорированы общественно-политические моменты, впоследствии внесенные в «Устав строительный» издания 1857 г.: о численности прихода, о запрете возведения мечетей в случае опасности соблазна для христиан и новокрещеных татар к переходу в ислам. В первом издании «Устава строительного» все сводилось к единственному положению о том, что мечети возводятся с разрешения «начальства губернского, после удостоверения в необходимости сего построения, а равно о достаточности средств для приличного их содержания».

По мнению В.Ладоги, «принципиальные вопросы», регулирующие отношения русской церкви с другими конфессиями, желательно поместить в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий», а при необходимости сделать в нем соответствующие ссылки на конкретные статьи «Устава строительного». Тем самым фактически был поставлен вопрос об одновременном обновлении содержания «Устава духовных дел иностранных исповеданий», что не входило в компетенцию Техническо-строительного комитета МВД.

Любопытно, что, «по соображениям политического свойства», в проекте В.Ладоги был изменен порядок расположения статей о постройках «иноверческих» церквей, а именно: сначала были помещены статьи, относящиеся к постройке мечетей, затем уже синагог, а не наоборот, как в существующем законодательстве.

В 1892 г. в распоряжении Строительно-технического комитета имелся проект главы III новой редакции устава «О построении церквей и других богослужебных и молитвенных зданий — христианских и нехристианских иностранных исповеданий». В нем впервые появился общий раздел («Положения общие») для «инославных» и нехристианских богослужебных зданий. Ряд его существенных недостатков объяснялся сохранением прежней редакции «Устава духовных дел иностранных исповеданий», — предложения архитекторов о внесении изменений «повисли в воздухе». В такой ситуации «изъятые» из «Устава строительного» «принципиальные» статьи по церковному строительному делу привели бы к существенному пробелу в законодательстве. Раздел проекта устава «О построении молитвенных зданий нехристианских исповеданий» ограничивался двумя статьями, весьма расплывчато декларирующими порядок строительства мечетей. К одной из статей имелось примечание, что при рассмотрении проекты на постройку мечетей, синагог и молитвенных школ для евреев «должны удостоверяться в соблюдении устава духовных дел иностранных исповеданий о расстояниях, обязательных между христианскими храмами и нехристианскими богослужебными и молитвенными зданиями».

Если учесть, что в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий» имелась только одна статья (1388 г.), где сообщалось, что «строение мечетей допускается не иначе как по правилам Устава строительного и с обеспечением их содержания», то трудно не согласиться с мнением новой «Подкомиссии», созданной для рассмотрения раздела III правил «Устава строительного» и признавшей в 1903 г. его правила о возведении исламских храмов «совершенно неудовлетворительными».

Подкомиссия являлась структурным подразделением образованной в 1901 г. «Комиссии по пересмотру правил Устава строительного», в которую вошел ряд ведомств. ДДИИ представлял начальник 2-го отделения И.М.Платонников, которому в 1903 г. была поручена разработка нового проекта по части церковно-строительных вопросов «Устава строительного». И.М.Платонников действовал, зная, что в ближайшее время не произойдут какие-либо изменения в «Уставе духовных дел иностранных исповеданий».

Отвергнув предложенный Техническо-строительным комитетом МВД проект 1892 г., он стремился системно и максимально подробно по статьям расписать церковно-строительное дело в Российской империи.

Новая редакция проекта И.М.Платонникова (1903 г.) представляет большой интерес, ибо позволяет определить отношение центральной власти к «исламскому вопросу». В нем сохранены существующие общие для «инославных» и нехристианских храмов положения относительно строительных работ, которые не допускались без предварительного ходатайства, представления необходимых документов и утверждения органами власти. В третьем разделе «О построении богослужебных и молитвенных зданий иноверных исповеданий» по части мечетей были сохранены существующие законоположения, изменилась только их нумерация. Были изъяты статьи 157 (Об обязанности Таврического губернского начальства при строительстве мечетей близ христианских церквей предварительно согласовать вопрос с епархиальным архиереем) и 156 (о разрешении строительства мечетей только в случае, «если от ее построения не может произойти соблазна для живущих вместе с мусульманами христиан и новокрещеных татар»). Однако последняя аннулированная статья удачно компенсировалась обновленной редакцией статьи 154, куда было включено высочайшее повеление от 10 октября 1885 г. В проекте (статья 154) говорилось: «Построение новых мечетей разрешается по ходатайствам магометанских обществ губернским начальством, которое, после предварительного удовлетворения таковых ходатайств, обязано удостовериться посредством сношения с местным магометанским духовным начальством, в ведении коего состоят упомянутые общества, в необходимости построения сих мечетей, и с православным епархиальным начальством о неимении препятствий к позволению таковой постройки».

Следует отметить, что в проекте 1903 г. явно обозначился «еврейский вопрос». Синагоги могли быть построены не ближе 150 саженей (если на другой улице, то не ближе 75 саженей) не только от православных церквей, но и часовен, кладбищ. В «объяснительной записке» к документу сообщается об ужесточении правил по требованию начальников губерний.

Разработчики нового проекта не сочли необходимым ввести дифференциальный подход к регулированию возведения исламских культовых зданий в городских и сельских поселениях, сохранив существующий порядок.

Как отмечалось выше, в 1905 г. разработка вопросов об устройстве быта мусульман была возложена правительством на Особое вневедомственное совещание под председательством генерал-адъютанта А.П.Игнатьева. Сановник В.П.Череванский, изучив архив своего ведомства, в частности предлагал при возведении мечетей в сельской местности отказаться от правил «Устава строительного» и ограничиться требованием, относящимся к постройке «обывательских домов». Это мнение следует признать разумным: оно освобождало властные инстанции и прихожан от ненужного бумаготворчества, способствуя тем самым облегчению и уменьшению хлопот и расходов мусульман по возведению небольших деревянных богослужебных зданий.

Предложение В.П.Череванского, как и множество других позитивных идей по регулированию «мусульманского вопроса» в области межконфессиональных отношений, после спада революции 1905 — 1907 гг. оказалось невостребованным самодержавием.

Символично, что в 1907 г., рассуждая о роли правительственного контроля за состоянием культовых зданий христианских конфессий, министр внутренних дел П.А.Столыпин писал: «Государство в отношении инославного церковностроительства заинтересовано только в наблюдении за вновь создаваемыми инославными храмами с точки зрения соответствия их действительным интересам инославного населения. Существовавшие, но разрушенные временем или случайными обстоятельствами здания в указанных отношениях не могут служить предметом попечения, а потому особый правительственный контроль за восстановлением богослужебных зданий в прежних размерах является совершенно бес-

цельным стеснением религиозного чувства иноверцев». Это наблюдение в полной мере можно распространить и на мусульман.

В проекте «О разрешении совершения инославных и иноверных богослужений и сооружений, устройства, возобновления и починки инославных и иноверных молитвенных домов» МВД от 20 февраля 1907 г., представленном в Государственную думу, было заложено два нововведения. Согласно первому, непременным условием постройки «публичных богослужебных молитвенных зданий и помещений и их перестройки, предполагавшей расширение зданий, предусматривалось «соблюдение технических условий», в том числе проведение реставрационных работ монументальных памятников старины по предварительному соглашению с Императорской археологической комиссией и после — с Академией художеств. Согласно второму, «перестройка, возобновление и ремонт» молитвенных зданий и помещений, не связанные с увеличением их размера, производятся без особого разрешения гражданской власти, но с соблюдением вышеназванных технических требований и условий.

Данный проект устанавливал общие правила для всех признанных в России религий и вероисповеданий. Таким образом, в царской России Нового времени технические нормативы возведения исламских культовых зданий рассматривали мечети как общественные сооружения, где публично совершались религиозные обряды.

Царский указ от 19 апреля 1903 г. о сокращении числа дел, относящихся к императорской власти, поставил на повестку дня вопрос об изъятии из ведения российского государя вопросов по архитектурно-строительной части. В своем представлении от 20 февраля 1907 г. МВД признало необходимой отмену правила о предоставлении на рассмотрение императора планов и фасадов христианских церквей и молитвенных домов (примеч. к ст.145 «Устава строительного»), синагог и еврейских молитвенных школ (примеч. к ст.151) и мечетей (примеч. к ст.159) в Санкт-Петербурге. В связи с несоблюдением на практике положения о необходимости строительства церквей из камня предлагалось также упразднить статью 148 «Устава строительного». Однако эти предложения были положены под сукно.

Особое совещание по мусульманским делам, созданное в 1914 г., высказалось за сохранение действующих положений «Устава строительного».

Составной частью правительственной политики имперского периода в области зодчества выступает охрана памятников истории и культуры, в число которых входили и средневековые мусульманские богослужебные здания.

В отношении историко-культурных памятников мусульман правительственная политика сформировалась и приобрела системный характер в последней четверти XVIII в. в отдельно взятом регионе как результат присоединения в 1783 г. к России Крымского ханства. (Данный международный пакт был признан Турцией лишь в 1792 г.) Новая власть гарантировала сохранность, без изменений, исламских институтов бывшего Крымского государства, в число которых попадала знаковая фигура бывшей общественно-политической жизни — ханский дворец в Бахчисарае. Администрация старалась в надлежащем порядке содержать дворец, осиротевший после ссылки последнего хана в Воронеж, что являлось выражением уважительного отношения к коренному населению и проявлением заботы о местной достопримечательности. Г.А.Потемкин приказал восстановить дворец по случаю путешествия императрицы Екатерины II. На окраине правительство пошло в этой сфере на «опережение» ситуации во внутренних губерниях.

Ханский дворец представлял собой средневековый комплекс административно-хозяйственных и культовых сооружений. Помимо ханской резиденции, различных служебных помещений, где располагались правительственные учреждения, прислуга, наложницы, охрана и др., здесь находились ханские усыпальницы, а также три мечети. Первая, придворная джами-мечеть с устремленными ввысь двумя минаретами, была возведена в 1740 г. Селямат-Гирей ханом и отремонтирована Крым-Гирей ханом в 1762 г. Недалеко от нее имелаась другая, Зеленая мечеть, построенная Крым-Гиреем в честь любимой наложницы Марии Потоцкой, названной Дилярой-бикяч.

Согласно сведениям В.Х.Кондараки, после трехдневного проживания Екатерины II во дворце (май 1787 г.), принимавшей татарских мурз и беев, местные жители прекратили здесь молитвенные собрания, и храм был превращен в теке — местожительство посвятивших себя служению Аллаху. В третьей по счету небольшой дворовой мечети ханы молились в ненастную погоду и по ночам в период поста.

В последней четверти XVIII в. и в XIX в. во дворце производились реставрационные работы, но вели их неумело, поэтому общий стиль дворца и характер внутренней росписи подвергались сильному искажению. Одна из первых реконструкций бахчисарайской ханской мечети была осуществлена в 1810 г..

Реставрация средневековых памятников производилась, как правило, накануне посещения дворца российскими государями, например, Александром I в 1818 г. К слову сказать, южный берег Крыма, в том числе Бахчисарай, являлись излюбленным местом отдыха высочайших особ, что также предполагало внимание местной администрации к состоянию комплекса. Поэтому, хотя в пореформенный период ханский дворец утратил «политический налет», тем не менее государство заботилось о наследии крымских татар: в 1880-е гг. при усыпальницах ханов и членов их семей состояли два охранника с двумя привратниками, получавшими ежегодное жалованье в 144 руб..

В конце 1819 г. было принято решение о командировании в Крым за счет «экономических сумм» Российской Академии наук для изучения проблемы сохранения древних памятников академика Келера и одного архитектора, совершивших поездку в 1821 г..

В 1822 г. в Комитете Министров был заслушан доклад министра духовных дел и народного просвещения относительно результатов поездки академика Келера и архитектора Паскаля в Крым. Учеными был представлен список памятников для реставрации, среди которых значились мечеть в Евпатории, мавзолей в Эски-Орте, укрепления Беланлавы, Манкупа, Судана, бани в Феодосии, которые рекомендовались для учреждения «Музея для сохранения древних мраморов», а также мечеть в Феодосии, обращенная в римско-католическую церковь, крепость и мечеть в Эски-Сарае. Для проведения охранно-спасательных мероприятий была названа сумма — 41 100 руб. и еще 3 тыс. руб. — для руководства работами (архитектор Паскаль). Однако было утверждено предложение министра внутренних дел, получившее 22 июня высочайшее одобрение, о приоритетности сохранения греческих и генуэзских памятников, а не «турецких и татарских», для которых было выделено единовременно 10 тыс. руб. Для ремонта же мечети в Евпатории, требующей значительных капиталовложений, рекомендовалось запросить необходимую сумму у таврического муфтия, для внутренней отделки мечети в Эски-Сарае — произвести сбор пожертвований среди местных жителей. Поддержание эски-юртовских мавзолеев было возложено на местного губернатора без выделения каких-либо государственных средств.

В 1825 г. была продлена командировка в Крым академика Кюгельхена для изготовления рисунков для описания древностей Тавриды.

Следует отметить, что во второй четверти XIX в. во внутренних губерниях наблюдалось индифферентное отношение властей к памятникам старины, независимо от их конфессиональной принадлежности. Скажем, в 1807 г., в связи с «производственной необходимостью», были разобраны руины ханского дворца в Казанском кремле, хотя критерием определения «древности» памятников считались эпоха Петра I и более раннее время.

В общеимперском масштабе разработка и реализация государственной политики по сохранению, изучению и реставрации исторических памятников начались по инициативе российского государя Николая I. 1826 год стал точкой отсчета нового курса. Государство сфокусировало внимание на средневековых крепостях.

Попечение о памятниках старины было отнесено в обязанность губернских и областных администраций. Новый закон предполагал выявление и инвентаризацию памятников истории и культуры, вызвал к жизни активное изучение русской средневековой архитектуры, выработку мер по возрождению русского стиля православных культовых зданий. В Казанской губернии в целях описания местных исторических памятников губернский ар-

хитектор А.Шмидт в 1827 г. снял планы укреплений и сохранившихся зданий Булгарского городища, сопроводив чертежи рисунками. В 1722 г. Петр I посетил останки золотоордынского города и распорядился о мерах сохранения каменных построек, сборе и переводе эпитафий надмогильных плит с булгарскими и армянскими надписями, приказал охранять руины как исторический памятник. При посещении Петром I здесь различных памятников было около 1 тыс.; из 44 остатков зданий в 1769 г. И.Лепехин застал в прежнем их виде всего 7 палат, 4 башни, 2 «столба». Дело в том, что с целью прекращения поклонения местных мусульман древним останкам здесь был учрежден православный монастырь, в 1732 г. выстроена Успенская церковь. По указанию казанского архиепископа Луки Конашевича, объявившего «крестовый поход» против мусульман, были сломаны или переустроены многие сооружения. О действиях архиерея, проигнорировавшего указания Петра I о сохранении древностей, Екатерина II с возмущением писала Н.И.Панину после посещения городища в 1767 г..

Вскоре выяснилось отсутствие в регионах правительственного органа, способного компетентно заниматься выявлением, изучением и составлением необходимой технической документации по реставрации памятников. С учреждением в середине 1830-х гг. губернских статистических комитетов были созданы предпосылки для формирования исследовательской сети по всей России. Огромный вклад в проведение краеведческих, историко-этнографических, археологических изысканий и реставрационных работ в регионах внесли различные научные общества, которых за период с 1759 г. по 1917 г. действовало свыше 70. Научные принципы реставрации мусульманских памятников разрабатывались организованным в 1846 г. Русским обществом археологии, ставшим головным научным экспертным органом для оценки поступающих проектов. В условиях дефицита специалистов члены общества нередко сами разрабатывали чертежную документацию подлежащих реставрации объектов, что становилось основой для составления сметы ремонтно-восстановительных работ. Затем материалы поступали на рассмотрение Строительно-технического комитета МВД, где принималось решение о судьбе проекта.

Наряду с другими древностями, правительство признавало средневековые мусульманские сооружения памятниками истории. Во внутренних губерниях мечети татарского периода практически не сохранились. Как указывалось выше, с 1829 г. перестройка и ремонт действующих исламских культовых зданий в европейской части России и Сибири допускались губернской и областной администрациями и ОМДС. При этом строительные подразделения обращали внимание лишь на техническую сторону проекта, без учета древности сооружения и реставрационной специфики. Поскольку мечети являлись собственностью махалли или находились на попечении мутаваллиев, ремонтно-восстановительные работы производились за счет самих мусульман; этот аспект считался внутренним делом уммы. Государство же оказывало материальное содействие действующим православным храмам.

В Булгарском городище Большой минарет бывшей джамии-мечети рухнул в 1841 г. Такая же участь ожидала и Малый минарет, однако в начале 40-х гг. нашелся состоятельный татарин, который произвел за свой счет ремонт башни. Благодаря обращению участников прошедшего в 1877 г. в Казани Четвертого археологического съезда к российскому государю бесхозные остатки древнего городища были переданы в ведение организованного в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Его обращение за финансовой поддержкой в Русское археологическое общество (13 мая 1881 г.) не решило проблему ввиду отсутствия у последнего средств на реставрацию. Тем не менее в середине 1880-х гг. Обществу археологии, истории и этнографии удалось произвести частичный ремонт булгарских развалин. Охранно-восстановительные работы в Булгарском городище производились нерегулярно, что объяснялось ограниченностью выделяемых средств, благодаря усилиям и неустанной деятельности активистов и руководителей данного общества.

Во внутренней России, по нашим сведениям, лишь мавзолеи касимовских ханов (руководителей марионеточного средневекового татарского ханства), как исторические памятники, удостоились реставрации за казенный счет. Первоначально Рязанское губернское правление обратилось (11 нояб. 1883 г.) с просьбой о выделении средств на восстановление обветшалых мавзолеев в Русское археологическое общество, которое рекомендовало подать рапорт в Строительно-технический комитет МВД. Наконец царским указом от 26 мая 1887 г. было объявлено об ассигновании 1803 руб. 15 коп. «на исправление древних магометанских памятников Шах-Али-Хана и Авгана-Мухаммет-Султана» в Касимове, с возложением на городское общество «заботы в будущем о сохранности зданий».

В конце XIX в. местная администрация забила тревогу в связи с плачевным состоянием памятников в Бахчисарае. По «высочайшим» докладам министра внутренних дел на ремонт одного из мавзолеев дворца было выделено из вакуфных средств упраздненных мечетей в 1892 г. 1 тыс. руб., на ремонтно-охранительные работы мечети и второго мавзолея в 1893 г. — 9335 руб.. Из этого же источника, как правило, до 900 руб., выделялось на ремонт древних действующих мечетей. В 1910 г. губернатор запросил у Общего департамента МВД на капитальный ремонт сооружений бывшего ханского дворца 22685 руб. 64 коп. В этот период технические данные дворцового комплекса находились в Археологической комиссии.

Когда угроза разрушения крыши под боковой галереей мечети дворца стала реальностью, администрация решила вновь привлечь на богоугодное дело вакуфы упраздненных мечетей Таврической губернии: из указанного источника в начале 1913 г. было получено 632 руб. 70 коп., руководство ремонтными работами было поручено академику архитектуры П.П.Покрышкину. В том же году было выделено еще 900 руб. для покрытия куполов черепицей, выкладки из камня перемычек одной из усыпальниц, устройства двери и задвижки мавзолея Мемет-Гирея по образцу «старых татарских».

Акцентируя внимание государственных мужей на приезде летом 1913 г. на южный берег Крыма высочайших особ и длительности процедуры получения средств в законодательном порядке, таврический губернатор граф Апраксин внес предложение о выделении оставшейся суммы (22 052 руб. 94 коп.) запрошенного в 1910 г. государственного кредита (с учетом уже полученных 632 руб. 70 коп.) из вакуфного капитала упраздненных мечетей. Другое его предложение, сделанное чуть позднее, вновь сводилось к получению из того же источника 2987 руб. 07 коп. (на ремонт мавзолеев крымских ханов и членов их семей, памятника на могиле Шейха Фена и тюрбы Марии Потоцкой). Свои предложения он аргументировал тем, что: 1) дворец является «историческим татарским памятником древности», почитаемым всеми мусульманами Крыма; 2) бывшие крымские ханы внесли существенный вклад в формирование вакуфов мечетей.

Высочайше утвержденный 30 сентября 1913 г. доклад министра внутренних дел о выделении из вакуфного капитала упраздненных мечетей 22 тыс. руб. на ремонт сооружений бахчисарайского дворца означал принципиальную позицию правительства — его отказ финансировать исламские памятники старины за счет переложения расходов на внутренние ресурсы уммы.

В пореформенный период Россия присоединила к себе Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. Среднеазиатские средневековые монументальные памятники, разрушающиеся под воздействием времени и природно-климатических факторов, стали российской собственностью. Большую работу по изучению шедевров мировой культуры и разъяснению необходимости их сохранения для будущих поколений в конце XIX в. проводили российские востоковеды и архитекторы. Организованные ими научные экспедиции в Среднюю Азию и публикации имели огромное познавательное значение и в плане ознакомления российского общества с наследием мусульманской цивилизации.

После завоевания Туркестана новые власти с должным почтением относились к мусульманским культовым зданиям, содействовали их научному изучению, что явилось составной частью внутривосточного курса по приобщению региона со сплошным

мусульманским населением к общеимперским порядкам. Более того, в 1870 г. за казенный счет был отремонтирован комплекс «Гур-Эмир» в Самарканде. В 1880-х гг. Александр III выделил средства на ремонт мечети «Хазрет-султан» в г.Туркестане, мечети «Ходжа-Ахрар» в Ташкенте.

Члены Русской археологической комиссии, озабоченные разрушением памятников в Туркестане, разработали планы их реставрации (проекты академиков С.М. Дудина и П.П.Покрышкина). Однако их обращение в начале XX в. по поводу ремонта за казенный счет мечети Ахмета Ясави в г.Туркестане не нашло поддержки у военного ведомства. Ученые с горечью констатировали, что разрушается самое видное из сооружений эпохи Тамерлана — соборная мечеть Биби-Ханым (постройка начала XV в.), считая ее уже не подлежащей восстановлению. Тем самым иносказательно было заявлено о бездействии властей. В 1912 г. Археологическая комиссия также составила список памятников истории и культуры, сохранение которых должно было подлежать государственному контролю. Помимо мечети Ахмета Ясави, в этот перечень были включены сооружения, главным образом сосредоточенные в Самарканде: мавзолей Гур-Эмир (конец XIV в. — первая пол. XV в.), где похоронен Тамерлан, Улугбек и другие представители знати; комплекс Шахи-Зинда (XIV — XV вв.), состоящий из нескольких мечетей; здания ансамбля Регистан: мечеть Тилля-Кари (1646 — 1660 гг.), медресе Улугбека (1420 г.) и Шир-Дар (1619 — 1630 гг.), а также мечеть в Аннау и мавзолей Султана Санджара (40-е гг. XII в.) в Мевре.

По мнению членов Археологической комиссии, для производства охранно-спасательных работ под контролем ученых надлежало ежегодно выделять из сметы Военного ведомства по 10 тыс. руб.. Признавая ремонт древних мечетей в Туркестане по сути поддержкой ислама, противоречащей генеральной линии правительства, и в то же время учитывая мировое значение сооружений эпохи Тамерлана, начальник Генерального штаба Минкевич высказался в 1912 г. за передачу памятников старины в ведение Археологической комиссии с выделением запрошенной суммы. Однако начавшаяся первая мировая война негативно сказалась на проведении реставрационных работ.

В XIX — начале XX вв. современники, в том числе мусульмане, признавали башню Сююмбеки в Казанском кремле памятником татарского периода, называя ее минаретом ханской мечети. Сооружение являлось объектом религиозного поклонения мусульман. Обеспокоенная креном башни, татарская община образовала летом 1907 г. комиссию в составе купцов С.С.Галикеева, С.М.Аитова, З.К.Апанаева, И.Г.Утямышева, которой был поручен сбор пожертвований (до 7 тыс. руб.). В силу ограниченности собранных средств в 1913 — 1915 гг. удалось произвести лишь часть предполагавшихся ремонтно-охранительных работ: вокруг первого яруса башни был установлен металлический пояс для восприятия распорных усилий главного свода башни.

Дифференцированное отношение властей к историческим памятникам сформировалось под воздействием существующих в империи общественно-политических стереотипов, поэтому вплоть до 1917 г. приоритетным оставались восстановление и сохранение древних памятников титульного народа.

Таким образом, «просвещенная монархия» Екатерины II сформировала принципы толерантных государственно-исламских отношений. Со времени официального разрешения легального существования мусульманских богослужебных зданий в Поволжье и Сибири — со второй половины XVIII в. до 1829 г. включительно правительство не обращало внимание на внешний облик мечетей. В области каменного зодчества проявилось сотрудничество русских архитекторов с мусульманами.

Регламентация архитектурно-технических аспектов исламского культового строительства произошла во второй четверти XIX в., когда государство стало формировать губернские и окружные институты строительно-технического надзора, в градостроительстве процветало «типовое строительство» и проявился личный интерес императора Николая I к возрождению «русско-византийского» стиля в православном храмовом строительстве. Наряду с христианскими церквями исламские культовые здания призваны были выступить

доминантами в поселении и выделяться своим архитектурным обликом. Культивировавшийся в этот период бюрократический стиль работы правительственного аппарата, при отсутствии в России специалистов по исламскому культовому зодчеству, привел к высочайшему утверждению крайне ограниченного числа «образцовых проектов», имевших обязательный характер для уммы в 1829 — 1862 гг.

С 1829 г. на мечети были распространены единые строительно-технические критерии возведения публичных зданий: чертежи всех предполагаемых к возведению храмов утверждались профессиональными строителями-чиновниками, строительство деревянных богослужебных учреждений производилось под наблюдением полиции, а каменных зданий — нанимаемых техников, имеющих специальное образование. В 1860-е гг. произошло сосредоточение в руках МВД практически всех аспектов исламского культового строительства.

Поскольку губернские административно-полицейские органы обязаны были наблюдать, чтобы проекты зданий и сооружений «удовлетворяли правилам архитектуры и строительного искусства», теоретически «образцовые проекты» культовых зданий должны были «охранять» их фасады от «вмешательства» градостроительных норм.

Либеральный внутриполитический курс начала 1860-х гг. ознаменовал отмену многих образцовых проектов казенных общественных и частных зданий, в том числе в исламском культовом зодчестве. Мусульмане, как и российские подданные других вероисповеданий, получили возможность проектировать богослужебные здания по своему усмотрению.

Издержки российского законодательства в отношении регламентации отдельных аспектов исламского культового зодчества восполнялись правилами, предусмотренными для храмов других конфессий.

Выявленные нами в законодательных актах и делопроизводственной документации предписания, направленные на уточнение технических аспектов исламского храмового строительства, распространялись на все регионы расселения мусульман. Пробел в законоположениях в плане управления окраинами компенсировался правилами, установленными для мусульман внутренней России.

С последней четверти XVIII в. правительство принимало меры по сохранению комплекса ханского дворца в Бахчисарае, что явилось проявлением цивилизованных государственно-исламских отношений. В конце XIX в. на эти нужды стали привлекаться внутренние ресурсы уммы — средства вакуфов упраздненных мечетей Таврической губернии. В конце XIX — начале XX в. другим важным направлением в этой области стало изучение российскими научными обществами средневековых мусульманских памятников в Средней Азии и других регионах.

Во внутренних российских губерниях ко времени формирования государственного курса по охране исторических памятников во второй четверти XIX в. сохранилось весьма ограниченное число средневековых мусульманских культовых зданий. При ремонте и реконструкции древних культовых сооружений умма исходила из прагматических соображений и ставила во главу угла потребительские интересы, без учета реставрационного аспекта. Прогрессивная часть российского общества стала воспринимать и пропагандировать исламские памятники старины как общее наследие поликонфессиональной России, подлежащее государственному попечению и реставрации.

3. Архитектурный облик мечетей в сельской местности

Для выяснения степени воздействия на эволюцию исламского культового зодчества Нового времени правительственного «попечения» необходимо рассмотреть характерные черты сельских и городских мечетей средневековья. Каменные и деревянные мечети с минаретом на крыше представляли собой прямоугольное в плане одно-двухэтажное здание, перекрытое двухскатной крышей. «Восьмигранный (иногда цилиндрический каменный) минарет, завершенный высоким пирамидальным (или коническим) шатром, без обходной

галереи азанчи, располагался в центре крыши над капитальной стеной, разделявшей здание на храмовую и вестибюльные зоны, либо у северной оконечности конька крыши, над входом в здание. Здание функционально делилось на складскую зону или медресе на первом этаже (если она была двухэтажной), вестибюльную в северной части здания (сени, вестибюль, гардероб), храмовую в южной части (храмовый зал, михраб и минарет)... Такая композиция уникальна в мусульманском культовом зодчестве и конструктивно базировалась на архитектуре местного жилого дома, приспособленного для культовых потребностей».

Специалист по архитектурной культуре Казанского Поволжья Г.Н.Айдарова-Волкова признала в зарисовке художника А.Бара развалин каменной мечети в одном из селений Казанской губернии, опубликованной в журнале «Нива» (1879, № 45), контуры богослужебного здания ханского периода. «Мечеть имела высокий минарет, расположенный на углу двухэтажного кубического объема, крытого сфирической крышей. Стены были выложены с использованием и естественного камня, и кирпича. Высокий цилиндр служил основанием для стройного восьмерика со следами консольской галереи для азана, выше идет еще один восьмерик со своей площадкой для азана и на нем уже изящный четверик, покрытый невысоким четырехскатным шатром».

По мнению исследователей исламских культовых сооружений Среднего Поволжья, до середины XVIII в. мечети имели невысокий минарет — храм практически не был виден за пределами деревни. Действительно, в условиях религиозного преследования не выделявшееся из общей застройки поселения богослужебное здание было наиболее предпочтительным в конспиративном плане. Тип такой мечети XVIII в. описан Георги (1775 г.): «Молебные храмины в деревнях походят на самые худые хижины, у которых вместо башен сделаны перилы, и с сего места скликнет пономарь мирян на молитву».

В сельской местности доминировала однокамерная мечеть с минаретом типа квартальной мечети как один из распространенных в Средней Азии, Закавказье вариантов богослужебного здания, приспособленного к природно-климатическим условиям средней полосы. Если в южных странах со стороны входа обычно находится айван для тени, то в Волго-Уралье и Сибири эту функцию исполняли сени, защищающие от непогоды. Именно поэтому в средней полосе здание мечети ориентировано не поперек Кыйблы, как в южных мечетях, а вдоль, чтобы изолировать молящихся от входа.

Наиболее древней из мусульманских культовых зданий Волго-Уралья признана мечеть д. Старо-Тушкирово Балтачевского района Республики Башкортостан (середина XVIII в.), ставшая объектом исследования специалистов. Это прямоугольный одноэтажный сруб на высоком подклете, сложенный из прямоугольного бруса, с высокой двухскатной крышей; до реконструкции в 1891 г. мечеть не имела минаретов. Михраб расположен под крышей сруба. Минареты (два) и прируб сеней с северного фасада сделаны в конце XIX в..

В последней четверти XVIII в. современники отмечали «обширность и чистоту» татарских мечетей. До первой трети XIX в. прихожане вполне самостоятельно определяли архитектурный облик мечети. Технические и противопожарные аспекты строительства также находились в их компетенции. Народные умельцы-плотники строили добротные мечети, потому что технология возведения деревянной мечети мало чем отличалась от строительства жилого дома.

Весьма показательно, что до установления технического контроля за постройкой исламских богослужебных зданий каменные мечети в татарских деревнях проектировались русскими зодчими-профессионалами, в творчестве которых нашли отражение градостроительные требования и архитектурный стиль эпохи. Чертежи составлялись по установленным правилам проектировки каменных зданий. Так, построенная в 1777 г. на средства купца Баязита бин Усмана аль-Кышкари двухэтажная каменная мечеть была возведена в традициях средневековой архитектуры с использованием стилизованных форм барокко, а аналогичное богослужебное здание с минаретом на крыше в д.Мачкара Казанского уезда и губернии (меценат — купец Г.Г.Утямышев) — в стиле «петербургского» барокко с чертами

классицизма (1791 г.). В первой половине XIX в. сельские каменные мечети строились в стиле классицизма, в конце XIX — начале XX в. — «кирпичной» эклектики.

Как отмечалось выше, во второй половине XVIII — первой трети XIX в. исламские монументальные культовые здания имели строительно-техническую документацию. Поскольку основная масса мусульман проживала в сельской местности, закон от 31 мая 1829 г. имел для уммы всеобщий характер и стал новшеством, затрагивающим планировку строений вокруг молельни.

Под воздействием ряда факторов внедрение закона от 31 мая 1829 г. на местах носило постепенный характер. В 1839 — 1866 гг. составление плана и фасада мечетей для жителей государственной деревни было облегчено за счет привлечения гражданского инженера губернской палаты государственных имуществ.

В 1827 г. Департамент уделов впервые взял под свою ответственность вопросы храмо-строительства. В отношении церквей было введено следующее правило: по вопросам постройки или перестройки существующих церквей крестьяне собирали «мирской сход» своего прихода. В общественном приговоре должна быть определена сумма, назначаемая на дело, ее раскладка по душам, а также срок сбора средств. Затем состоящий при управлении уделов архитектор составлял, исходя из заявленной суммы, проект церкви, который через контору поступал к епархиальному архиерею: он утверждал план и фасад. С изданием образцовых планов православных храмов нагрузка на архитектора Удельного ведомства уменьшилась.

В 1839 г., Департаменту уделов было положено иметь при каждой конторе архитектора, на которого было возложено техническое обеспечение нужд сельских обществ по данному предмету. Такое попечение характерно и для техников Военного министерства, курировавших планировку и постройку деревень. Согласно «Положению о башкирах» от 14 мая 1863 г. в Управлении башкирами сохранялась должность архитектора, в обязанность которого входило рассмотрение строительных смет на устройство новых и ремонт существующих общественных зданий. Ремонт зданий производился через него или состоящих в его распоряжении кондукторов по предварительно составленным сметам, которые проверялись инженерным округом или губернскими строительными и дорожными комиссиями.

В некоторых губерниях при переустройстве и реконструкции мечети, предполагавших расширение помещений культового здания, некоторые ведомственные администрации обходились без образцовых проектов. В каждой губернии существовали свои порядки, выработанные «обычным правом». В 1861 г., например, Самарская палата государственных имуществ, со ссылкой на желание сельского общества д.Абдуллово Ставропольского уезда о перестройке мечети с переименованием в соборную, поручила инженеру составить план и фасад «по желанию крестьян», без учета образцовых проектов 1843 г.

Ко времени введения техническо-полицейского контроля в значительной части сельских поселений действовали молитвенные дома. Мечеть, возведенная на высоком каменном фундаменте и имеющая крышу, покрытую тесом или листовым железом, с сухим воздухом в помещении (в отличие от крестьянских изб, здесь не занимались приготовлением пищи) служила молитвенным домом не одному поколению прихожан. Возведенная в конце XVIII — начале XIX вв. деревянная мечеть при своевременном ремонте имела все шансы благополучно пережить период «образцового проектирования».

Реализация закона об образцовом проектировании 1829 г. пришлась на промежуток между VII (1815 — 1825 гг.) и VIII (1833 — 1835 гг.) ревизиями, сведения которых служили основанием для подсчета душ муж.п. для учреждения новых приходов.

Можно с уверенностью констатировать, что в первое десятилетие образцовое мечетестроительство коснулось весьма незначительного числа мусульманских общин. По образцовым планам мечети предстояло возводить прежде всего вновь учреждаемым приходам и сельским обществам, имевшим обветшалые культовые здания или потерявшим молельни вследствие пожаров. С каждым годом, по мере обветшания деревянных культовых зданий,

сельские общества сталкивались с необходимостью постройки мечети по образцовому проекту.

Проект 1829 г. имел обязательный характер в округах Оренбургского и Таврического (Таврическая и западные губернии) религиозных управлений. Известно, что по чертежу 1829 г. были возведены мечети в д.Ключище Сергачского уезда Нижегородской губернии (1844 г.) и д.Тирся Вятской губернии, в селениях Симбирской губернии, д.Старокапаново Оренбургской губернии и др. В этой связи привлекает внимание деятельность руководства Оренбургской губернии, прилагавшего в 1830-е гг. к постановлению чертеж «образцовой» мечети и взыскивавшего с прихожан за каждый экземпляр по 10 руб..

Экспериментальный план 1829 г. предполагал «совершенствование и доводку» здания мастерами-строителями. Материалы, полученные в ходе исследования одной из мечетей этой серии в Приуралье архитектором Б.Калимуллин, представляют большой научный интерес в плане выяснения степени трансформации или приспособления образцового проекта к местным условиям.

В 1854 г. в д.Ново-Муслюмово Уфимской губернии была построена новая мечеть, идентичная сгоревшей, возведенная по образцовому плану 1829 г. Ее здание покоится на толстых сваях из лиственницы, поставленных по углам. Пространство между ними заполнено каменными стенами из местного плитняка. Пол мечети приподнят от уровня земли на 1,5 м. Подклет использовался как хозяйственно-складское помещение. Мастера отошли от правильной восьмигранной формы большого зала, сложенного из тонких сосновых бревен в углах с косой врубкой без остатка, придав ему продолговатую форму за счет увеличения углов трех восточных и западных стен. К зданию с южной стороны примыкает сруб михраба на консолях, начинающихся от земли на высоте 1 м. С севера пристроен небольшой прямоугольный молитвенный зал. На фасадах основного объема, ближе к михрабу, прорублены большие окна, обрамленные простыми наличниками. Восьмигранник имеет в западной и восточной стенах по два окна и по одному окну по боковым стенам малого зала. Несомненно, сруб малого зала поставлен после отмены «образцового» проекта 1829 г. Вероятно, первоначально на его месте располагалась дощатая прихожая, которая затем оказалась перед входом в малый зал (размерами 3 г 4 м). Внутри прихожей устроена деревянная лестница. Отсюда по приставленной лестнице поднимались на чердак, оттуда — в минарет. Тесовая крыша восьмигранного молитвенного зала, замененная в 1910 г., многоскатная. Над остальной частью здания она двухскатная. Во второй половине XIX в. над восьмигранником был устроен высокий минарет.

Архитектор Б. Калимуллин аналогию данной структурной композиции увидел в передвижных юртах — жилищах кочевых и полукочевых башкир, представлявших в плане круг. По нашему мнению, «происхождение» богослужебного здания является следствием политики образцового проектирования.

Несомненно, природно-климатические условия средней полосы влияли на облик «образцовых» мечетей. Низкий угол многоскатной крыши, покрытой тесом, предполагал быстрый ее износ под воздействием дождя и снега. Масса снега в весенний период могла деформировать крышу и даже создать опасность для жизни людей. Мастера-плотники исправляли «изъяны» «образцовой» крыши с учетом местных природно-климатических условий. Высокая крыша повлекла за собой изменение конфигурации и высоты минарета.

Трудно согласиться с мнением Е.И.Кириченко о том, что «образцовое проектирование» не получило широкого распространения в «татарском Поволжье» главным образом из-за необходимости возводить культовое здание, подобно православной церкви, в центре площади, что противоречило местным традициям.

Факт малочисленности образцовых мечетей 1829 г. в селениях еще не является основанием для такого заключения. Они в большинстве своем не сохранились вследствие обветшания и замены их новыми культовыми сооружениями. Первое десятилетие правления Николая I вошло в историю как период тотального внедрения «диктатуры закона» и начала кодификации законов. Сельское податное население могло избежать нововведения

только путем ремонта обветшалых мечетей, или воздерживаясь от их постройки, или обновляя ветхое здание по договоренности с местной администрацией. Другой альтернативы не было.

По традиции в исламском культовом зодчестве использовался прямоугольный сруб: главной причиной непринятия формы образцового проекта 1829 г. являлось неудобство возведения 12-угольного сруба, противоречащего народному культовому зодчеству. Восьмигранный силуэт молельни с низким минаретом не вписывался в традиционные пропорции здания и его ствола.

Каждая сторона восьмигранника имела в длину 2,5 сажени (без михраба и вестибюля), что в итоге делало огромным, по меркам второй трети XIX в., культовое здание, значительно превосходящим потребности локальной общины и требующим значительных расходов на постройку и отопление. Следование «образцовому» плану, как было рассмотрено на примере Оренбургской губернии, предполагало возведение идентичного по размерам храма.

В 1842 г. оренбургский муфтий Габдулвахит Сулейманов уведомил МВД о затруднениях, возникающих при строительстве мечетей по образцовому плану 1829 г. Он констатировал, что постройка деревянных зданий по этому чертежу не всегда возможна.

Появление «образцовых проектов» 1843 г. позволило вернуться к прямоугольной планировке и самостоятельному определению размеров молитвенных домов в рамках предлагаемых четырех планов.

Как известно, в 1775 г. Екатерина II ввела единую систему управления ясачными крестьянами: хозяйственные дела были переданы казенной палате, полицейская власть в уездах сосредоточилась в нижних земских расправах, в губернии — в верхних уездных расправах. Эта структура просуществовала до 1837 г. Затем, после учреждения губернских палат государственных имуществ, казенные селения были разделены на округа. Начальник округа непосредственно претворял в жизнь начинания министра П.Д.Киселева. До появления закона от 18 января 1866 г., согласно которому государственные крестьяне 36 губерний европейской части России перешли в ведение «общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений», определенных «Положением» от 19 февраля 1861 г., полицейский контроль осуществлялся уездным земским судом, подчиненным губернатору. Нарушения в области исламского культового строительства курировал земский суд, хотя вопросы не решались без согласования с ведомственной администрацией. Аналогичная ситуация в 1802 — 1863 гг. наблюдалась в Удельном ведомстве.

Сосредоточение в 1839 — 1866 гг. всей полноты власти в руках Министерства государственных имуществ, особенно на начальном этапе его деятельности, стало причиной установления натянутых отношений с силовым министерством. Планировка поселений государственных крестьян, в том числе бесплатное составление проектно-сметной документации зданий храмов всех вероисповеданий, в рамках своих должностных обязанностей, производили инженеры губернских палат.

Губернские палаты государственных имуществ и конторы Департамента уделов выступали посредниками между губернскими правлениями и мусульманскими сельскими обществами не только при предоставлении сведений о численности прихода, фактически они представляли ходатайство религиозной общины о постройке новой мечети, высказываясь о необходимости или нецелесообразности возведения мечети. Мнение местной администрации имело решающее значение при окончательном решении вопроса.

«Комплексное попечение» Министерства государственных имуществ пошло на пользу крестьянам-мусульманам. Именно в этот период, в условиях отсутствия контроля со стороны духовной власти, было возведено множество «незаконных» мечетей в малочисленных и поликонфессиональных селениях. До 1866 г. губернская администрация вела делопроизводство через ведомство, стремившееся строить свои отношения на паритетных началах. Аналогичная картина наблюдалась в селениях Башкирско-мещеряцкого войска.

Анализ архивных материалов позволил выявить любопытные сведения относительно реализации «образцового» проектирования. Комиссия строительного дела и публичных зданий, не загружая центральную власть такими мелкими вопросами, как план и фасад мечети сельского поселения, в отличие от проектов, предназначенных для постройки в городах, не представляла их на высочайшее утверждение.

Можно смело говорить, что, поскольку в сельской местности в основном строились деревянные мечети, «образцовые» проекты распространялись на них, а не на каменно-кирпичные. Так, комиссия 6 апреля 1840 г., рассмотрев проект каменной четырехугольной двухэтажной мечети с фасадом в классическом стиле, предназначенной для постройки в д. Богатые Сабы Казанского уезда (меценат — купец Абдрашит Абдулкаримович Юнусов), одобрила его без всяких исправлений и замечаний.

Тактику комиссии в отношении выработки «золотой середины» в отношении представленных на утверждение далеко не идентичных с «образцовыми» чертежами проектов можно проиллюстрировать на примере утверждения плана и фасада деревянной мечети в Больше-Сардыкской волости Казанского уезда. В 1846 г. религиозная община, объединявшая крестьян д. Мульма и Красный, представила строительно-сметную документацию, составленную гражданским инженером В. Пленом. К плану и фасаду мечети, возводимой вместо сгоревшего в 1841 г. храма, прилагалось описание места ее постройки (размерами 50 п 55 саженей). Пятистенная деревянная мечеть (сметная стоимость — 938 руб. 22 коп.) с минаретом на двухскатной крыше должна была иметь по 7 окон по боковым стенам и по одному окну слева и справа от михраба и входной двери (южная и северная стороны).

В декабре 1846 г. губернское правление направило чертеж на экспертизу в строительную комиссию, которая, в свою очередь, поручила помощнику губернского архитектора Жайворонкову выяснить, составлен ли «план и фасад мечети сообразно нормальным чертежам, высочайше утвержденным 28 ноября 1843 г.». Налицо подмена терминологии. Своим предписанием губернские чиновники «ставят знак равенства» между четырьмя «образцовыми» рисунками мечетей и «нормальными чертежами», предназначенными для возведения частных и казенных зданий в городах, которых архитекторы придерживались лишь «в целом».

Строительная комиссия 18 января 1847 г. утвердила «переделанный» помощником губернского архитектора фасад мечети, признав его «в искусственном отношении правильным и сообразным» с высочайше утвержденными чертежами. Это был тот самый компромисс, который учитывал и традиции народного деревянного зодчества, и требования закона.

Министерство государственных имуществ в целом было настроено на увеличение численности храмов всех конфессий, усматривая в них важное средство нравственного воспитания своих подопечных и идеологического воздействия на них. О желании построить новый храм крестьянская община сообщала своему «ведомственному начальству». Казанская губернская палата государственных имуществ, рассмотрев общественный приговор, сообщала сельскому обществу о правилах, предшествующих постройке: 1) получение разрешения в Оренбургском магометанском духовном собрании; 2) составление плана, фасада, сметы на постройку мечети, описание места (размер, наличие или отсутствие построек), где она будет возводиться. (В случае выявления затруднений с формированием открытого пространства вокруг будущей мечети община или доверенное лицо обязывались снести постройки с этой территории.) Впоследствии, претворяя в жизнь постановление губернского правления, уездный земский суд осуществлял контроль за постройкой мечети, а также за обеспечением открытого пространства вокруг нее.

Порядок делопроизводства при утверждении плана мечети можно рассмотреть на примере Самарской губернии. План и фасад будущей мечети в д. Новой Надыровой просителю — уволенному со службы зауряд-сотнику Кутлукадыку Надырову, решившему возвести мечеть за свой счет, были выданы Бугульминским земским судом «в самом меньшем размере», с тем чтобы он, вследствие ограниченности средств, мог выстроить ее вместо

сгоревшей мечети (1855 г.). Затем проект был направлен для согласования в местную палату государственных имуществ и только затем — в губернскую строительную и дорожную комиссию для утверждения. В результате 28 декабря 1855 г. был утвержден план (составленный помощником архитектора Волоцким) небольшого размера мечети традиционной архитектуры: с двухскатной крышей вместо купола и минаретом посередине крыши, который был признан «составленным правильно».

Когда (в 1859 г.) мусульмане д.Шугурово 23-го башкирского кантона Бугульминского уезда ходатайствовали о возведении новой мечети небольшого размера вместо сгоревшей в 1855 г., исполняющий обязанности командующего Башкирским войском запросил у Самарского губернского правления образцовые чертежи 1843 г.

Представленный проект не удовлетворил мусульман по двум критериям. Во-первых, им прислали план пятивременной мечети, а они намеревались возвести соборную мечеть. Во-вторых, они заявили, что не в состоянии построить здание таких размеров (наименьшая из образцовых пятивременных мечетей имела параметры 6,3х3,1 сажени). Мусульмане запросили проект соборной мечети меньшего размера, аналогичный плану новой мечети д. Новое Надырово, размеры которой их вполне удовлетворяли. Военному руководству Башкирского войска были высланы два чертежа: копия плана мечети д.Новое Надырово и вновь рассмотренный план на постройку мечети в д.Шугурово.

В ряде губерний в период «образцового» исламского культового зодчества (1829 — 1862 гг.) незаконное возведение мечетей традиционной архитектуры преследовалось и наказывалось в уголовном порядке. Так, Инсарский уездный земский суд Пензенской губернии в 1833 г. обвинил муллу д.Щербаковка Якуба Давыдова в постройке новой мечети не по высочайше утвержденному фасаду. В 1862 г. мулла д.Большой Салман ведомства Сызранской удельной конторы (Симбирская губерния), получив разрешение на исправление мечети, выстроил «за свой счет с пособием от крестьян» новую мечеть, проигнорировав чертеж 1844 г., за что был оштрафован уездным судом на сумму 26 руб. серебром с обязательством перестроить мечеть за свой счет.

Недовольство сельских мусульманских общин по поводу требований губернской администрации было удовлетворено законом от 17 декабря 1862 г. «О дозволении строить мечети не по одним «высочайше» утвержденным образцовым планам и фасадам, но и по другим, какие прихожанами будут признаны удобными», в котором четко зафиксированы главные причины изменения законодательства: «Сооружение мечетей по упомянутым чертежам обходится дорого и не для всех магометанских селений доступно. Между тем губернские начальства не дозволяют исправлять рисунки старые, требуя, чтобы они были перестроены по утвержденным рисункам... ввиду облегчения магометанских обществ в исполнении религиозных обязанностей просим об... разрешении строить мечети не по одним утвержденным чертежам, но и по другим, какие будут признаны удобными».

При возбуждении ходатайства по данному вопросу в 1861 г. Департамент уделов представил на рассмотрение МВД шесть чертежей одноэтажных деревянных мечетей с минаретом на двухскатной крыше из Симбирской губернии (деревни Новые Тимурсыны, Мещеряки, Старые Студенцы, Татарская Бездна, Новое Иркеево, Татарские Увыи). Каждый обыватель мог увидеть и оценить разницу между образцовыми проектами 1843 г. и фасадами предполагаемых к постройке исламских культовых зданий. Закон от 17 декабря 1862 г. существенно облегчил приходам и зодчим задачу строительства удобного и недорогого деревянного культового здания.

Согласно авторитетному мнению специалистов по истории исламской культовой архитектуры, у различных этнических групп татар (казанских, касимовских татар, мишарей) существовали специфические особенности как в архитектуре, так и в декоративном убранстве мечетей. Думается, 30-летний период образцового проектирования существенно не повлиял на региональную специфику мечетестроительства в европейской части России и Сибири.

Тем не менее внутривластный курс самодержавия в области исламского культового зодчества наложил определенный отпечаток на архитектуру сельских мечетей. В частности, появление надвходного торцевого минарета и второго минарета на крыше сельских мечетей или куполов специалисты объясняют влиянием объемно-планировочного облика городских мечетей, возведенных на основе проектов образцовых мечетей 1843 г. Новое поколение прихожан уже воспринимало их как «свои» молельни. Сохранились сведения второй половины XIX — начала XX вв. о возведении религиозными общинами мечетей по добровольному волеизъявлению согласно планам 1843 г. В 1876 г. так поступили жители деревень Ронгазар Тамаково и Танметеево Мензелинского уезда, Уфимского уезда и губернии, в 1910 г. — вновь образованная 4-я махалля д. Татарский Толкиш Чистопольского уезда Казанской губернии.

На «образцовых проектах» 1829 г. и 1843 г. мечети были изображены как каменные оштукатуренные богослужебные здания. Распространение техники соединения в углах бревен врубкой без остатка («в лапу») мы объясняем прямым влиянием каменного зодчества. Видимо, это же обстоятельство явилось одной из причин обшивки деревянных культовых зданий. Как известно, образцовые проекты гражданских зданий второй половины XVIII — начала XIX вв. предусматривали обшивку или оштукатуривание и покраску стен. Специально для этих целей было налажено промышленное производство дешевых красок. По мнению Н.Х.Халитова, именно это обстоятельство сыграло существенную роль в формировании татарской полихромии, которая в тот период оперировала следующими основными цветами: охрой или светло-коричневым, голубым или синим, белым, зеленым с незначительными вкраплениями красного. Примерно такой же выбор цветов был у русского барокко. Во второй половине XIX — начале XX в. выработалась традиция употребления в татарском монументальном искусстве и городской и сельской местности охры (цвет глиняной штукатурки), белого (известь, мел), зеленого и голубого цветов в различных сочетаниях.

Как было отмечено выше, со второй трети XIX вв. исламские культовые здания возводились только по утвержденным планам. Открытие вновь построенной мечети производилось с разрешения местной полиции, что предполагало проверку соблюдения всех требований закона. В начале XX в., как правило, составлялся протокол осмотра храма становым приставом, в котором фиксировалось несколько моментов: возведение мечети согласно утвержденному строительно-техническому подразделением губернского правления плану и фасаду, наличие открытого пространства и соблюдение предписаний, указанных в постановлении строительного отделения (например, о дополнительном укреплении деревянных частей минарета железными скобами или болтами). После получения нового постановления строительного отделения о разрешении открыть построенную мечеть происходило торжественное открытие храма.

В 1891 г. уральский купец хаджи Мухамеджан Каланов вызвался соорудить в д. Новая Казанка Астраханской губернии каменную мечеть; жители деревни также изъявили желание сделать пожертвования. План мечети был утвержден, и ее возведение началось без консультаций с техником.

Когда постройка была наполовину готова, приехавший осуществить надзор техник-инженер нашел ее опасной, негодной для использования и приостановил работы. «Теперь остается переменить план и строиться по средствам», — вздыхали жители.

Какая мера наказания применялась при постройке без плана и фасада официально разрешенной к возведению мечети? Такое сооружение признавалось незаконным, печатывалось до утверждения чертежей и обеспечения жителями вокруг него необходимого открытого пространства.

В определении размера штрафа все зависело от позиции чиновников судебного ведомства. За перестройку мечети «с основания» вместо разрешенного ремонта Мензелинский уездный суд Уфимской губернии 20 сентября 1874 г. оштрафовал жителей д. Актамыш на 200 руб..

Судьба еще одной «незаконной» мечети прослеживается на примере истории постройки молитвенного дома 4-й махалли д. Верхнее Терешко Саратовской губернии, зарегистрированной в 1914 г. Мусульмане начали строительство с устного разрешения уездного исправника и на основании расписки земского страхового агента в том, что все частные постройки, мешавшие ее сооружению, убраны, а сама мечеть в пожарном отношении опасности не представляет. Думается, представитель земства имел в виду прежде всего соблюдение расстояния между постройками, установленного для сельской местности в целях пожарной безопасности.

Радость мусульман была омрачена действиями станового пристава, опечатавшего в 1915 г. готовую к открытию мечеть. Постановлением Саратовского окружного суда от 23 января 1915 г. доверенные общины Умар Мустафин, Хуснетдин Ахмеров и Риза Рахметуллин за «самостоятельную инициативу» подверглись штрафу «каждый по 5 руб.».

15 апреля 1916 г. строительное отделение затребовало чертеж построенной мечети. В своем прошении (3 мая 1916 г.) министру внутренних дел крестьянин Хуснетдин Ахмеров просил выслать архитектора из Саратова для составления акта о техническом состоянии мечети. Он также указывал на отсутствие у односельчан средств на переселение трех домов с хозяйственными постройками, попавших в радиус 20-саженного открытого пространства вокруг молельни (требовалось не менее 1 тыс. руб.— *И.З.*)

Чиновники ДДДИИ, понимая нелепость ситуации, предложили саратовскому губернатору (22 июня 1916 г.) рассмотреть возможность открытия мечети в исключительном порядке, в обход «общих правил». «Без представления плана, из которого можно было усмотреть, что мечеть построена в архитектурном плане правильно и не представляет никакой опасности ни в техническом, ни в пожарном отношении, находится на законном расстоянии от соседских строений, я не нахожу возможным совершать в ней богомоление», — ответил начальник губернии. Падение самодержавия ускорило решение вопроса: 2 мая 1917 г. саратовскому комиссару Временного правительства было предложено, в виде исключения, направить в д. Верхнее Терешко своего представителя для осмотра мечети и, «в случае удовлетворительности ее технического состояния», открыть ее для богослужения.

Ограждение территории вокруг мечети практиковалось еще до появления правила о постройке храмов на площадях или открытом пространстве. При многочисленности мусульман в праздничные дни двор становился мечетью под открытым небом. Открытое пространство вокруг мечети, как правило, имело прямоугольную форму, что было связано с планом поселения, где каждому жителю под усадьбу выделялся прямоугольный земельный участок. Заборы возводились самые разные. В частности, в ряде селений Приуралья мечеть обносилась глухими заборами из камня или из толстых досок, горизонтально уложенных в пазы деревянных столбов, или иным способом. Ворота для въезда во двор устраивались с южной или восточной стороны. Глухие заборы имели не только практическое, но и архитектурное значение. «Забор на расстоянии читался как широкий стаболат мечети. Благодаря этому создавалось впечатление о постепенном развитии архитектурной композиции от земли к забору, от него — к стенам здания и выше к минарету. Обратный взгляд, скользя с острия минарета вниз, постепенно завершался закономерным переходом от здания к забору и от него к земле».

Во второй трети XIX — начале XX вв. существовали сельские мечети двух композиций: с минаретом на крыше, с минаретом над входом. Архитектура исламских монументальных каменных памятников в городах оказывала существенное влияние на трансформацию внешнего вида сельских деревянных мечетей. Например, в 1879 г. в волостном центре — д. Большой Менгер Казанской губернии с 266 усадьбами — функционировали три мечети, минареты которых достигали в высоту 25 — 27 м. В некоторых селениях, например в деревнях Старо-Турышево и Богдан Уфимской губернии, мечети имели по два минарета. Однако эти явления не приобрели тотального распространения вследствие консервативности традиций народного зодчества, изолированности селений в географическом плане от инокультурной среды и моноконфессионального состава жителей.

Рост дворности поселения не привел к увеличению размеров храмов вследствие реорганизации действующего прихода после выделения его из состава новой махаллы. В начале XX в., не без усилий и старания духовенства, в Поволжье, Приуралье и Сибири выработалась традиция на каждые 50 — 80 дворов иметь отдельную мечеть. Правда, непререкаемый авторитет духовного лица порой позволял избежать раздела общины. В таких селениях путем реконструкции культовое здание расширялось. В целом естественный прирост населения и увеличение дворности сельских поселений на рубеже XIX — XX вв. сопровождалось не увеличением размеров мечетей, а появлением новых махаллей.

Возведение новых мечетей осуществлялось в условиях ухудшения материального благосостояния российской деревни, уменьшения земельных наделов, роста задолженности по налогам и ссудам и других негативных социально-экономических явлений, происходивших в аграрном секторе.

Практическое значение при устройстве места, площадки для провозглашения азана (призыва к молитве) имел нижний ярус минарета, верхний ярус нес композиционную нагрузку. Винтовая (маршевая) лестница вела к световому фонарю муэдзина. Техническая безопасность имела для общественного здания принципиальное значение. При очень небольшом нижнем диаметре и значительной высоте возникала проблема обеспечения жесткости минарета, принимавшего большую ветровую нагрузку. Невысокий восьмигранный минарет с широким нижним диаметром был наиболее предпочтительным в плане устойчивости, передвижения в его стволе (чем уже ствол, тем круче была лестница). Малочисленная махалля позволяла обходиться относительно невысокой площадкой для провозглашения азана.

На исламское культовое зодчество оказал свое влияние и период образцового проектирования 1829 — 1862 гг., в чертежах которого высота минаретов была сильно уменьшена.

Когда правительство установило контроль над планами и фасадами, техники-чиновники стали выдвигать на первый план технические параметры, в том числе безопасность и удобность провозглашения азана.

Начиная с пореформенного периода, светская власть практически не вмешивалась в оформление внешнего облика мечети. Ее прежде всего интересовали технические параметры строительной конструкции публичного здания: наличие каменного фундамента, расстояние между половыми и потолочными балками, частота стропильных связей, наличие тепловой изоляции в полах и потолках и др. Полицейско-технический надзор предполагал установку минарета «для прочности основания на поперечной стене здания». В зависимости от численности комнат определялось месторасположение минарета на крыше. Его основание опиралось на балки, положенные поперек стен мечети и укрепленные между собой. Невысокий минарет мог быть установлен практически на любой части крыши.

Высокие стволы минаретов деревянных молелен были наиболее уязвимыми элементами конструкции. Сильный ветер или другое природное бедствие становились причиной их слома. Так, в д.Ашит Казанской губернии в 1860 — 1870-е гг. дважды падал минарет мечети. Причинами этого могли быть и технические просчеты плотников, неверно рассчитавших центр тяжести высокого минарета, отсутствие опыта, а также ветхость сооружения.

Высота ствола минарета могла быть уменьшена в целях придания прочности сооружению. Противопожарная безопасность предполагала постройку храма на площади или открытом пространстве в радиусе 20 сажен от ближайших строений, соблюдение определенного расстояния между дымовой трубой и минаретом, чтобы покрытый тесом ствол минарета в ветреную погоду не стал объектом возгорания из-за остатков горючих материалов, расстояние между печкой и стеной (с целью максимально эффективного использования зала печь ставилась у стены или в углу), покрытие крыши не соломой, а предпочтительным в противопожарном отношении тесом или листовым железом и др. В татарских и башкирских селениях минарет культового здания, независимо от его высоты, выделялся по причине отсутствия в поселении деревьев. Усилия земских учреждений пореформенно-

го периода по принудительной посадке саженцев особо не изменили облик мусульманских селений. Пожары случались вследствие удара молнии в минарет божьего дома, что провоцировало различные слухи и толкования. Обществу приходилось выделять средства на постройку нового культового здания или искать мецената на стороне. В делах строительных отделений встречаются сделанные карандашом исправления, уменьшающие высоту минарета. Причиной таких корректировок становились имеющиеся изъяны в технической прочности конструкции.

Выше отмечалось, что план и фасад как деревянных, так и кирпичных мечетей были несложными для исполнения.

До первой трети XIX в. деревянные мечети возводились в сельской местности без плана и фасада. В дореформенный период сельское податное и иррегулярное сословия получали бесплатную помощь в составлении их проектно-сметной документации от ведомственных техников.

Требуется уточнить ряд моментов, связанных с проектированием деревянной мечети во второй половине XIX — начале XX вв. Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что факт предоставления вместе с приговором проекта будущей мечети означал наличие у общества сруба под молельню или желание ускорить рассмотрение дела. Именно отсутствием сруба, определявшего параметры храма, на момент подачи прошения мы склонны объяснять запаздывание технической документации.

Проект мечети можно было заказать частному лицу без представления общественного приговора. Высота минарета, этажность и размеры, высота здания, число окон, обшивка тесом и другие параметры определялись в соответствии с численностью махалли, природно-климатическими условиями, местными традициями, финансовыми возможностями и вкусами заказчика. Для утверждения мечети в строительном подразделении губернского правления требовались прошение доверенного лица и документ (общественный приговор), удостоверяющий легитимность его прав.

Строительные отделения редко возвращали представленные им на рассмотрение проекты. Это случалось, как правило, из-за неумения проектировщика правильно составить чертеж или незнания им технических норм строительства. Плотники таких промахов не допускали.

Чертежников проектов условно можно разделить на следующие группы: чиновники строительного отделения, губернские и городские архитекторы, т.е. лица, имеющие профессиональное архитектурное образование. Обращение к ним означало определенную протекцию при рассмотрении вопроса в строительном отделении и его быстрое разрешение. В отдельную группу можно выделить сотрудников уездных земских управ, занимавшихся землемерными работами, планировкой, перепланировкой поселений, жилых и нежилых строений, частных и общественных зданий. Третью группу представляли «частные составители планов», в основном русские умельцы-чертежники. В конце XIX — начале XX в. в Казанской губернии широкую популярность среди татар получил на этом поприще Абдулла Мансуров, который практически всегда, в отличие от большинства проектировщиков, подписывался под своими рисунками. Проектировщик превратил свою подпись в «визитную карточку» представляемой им проектной документации, не вызывавшей нареканий со стороны строительного отделения. Он проектировал и деревянные, и каменные культовые здания.

Тесное знакомство с купцом А.Хусаиновым, на средства которого было возведено множество мечетей, видимо, сыграло не последнюю роль в обеспечении Мансурова надежным источником существования. Показательно, что кроме плана, фасада, среза каждого этажа культового здания, он рисовал и план крыши мечети. Такой же стиль был характерен и для А. Апанаева, также проектировщика из татар.

У сотрудников строительного подразделения губернского правления выработались определенные критерии строительства мечетей в регионах компактного расселения мусульман. Несложность составления плана деревянной мечети, небольшая сумма гонора за

рали, вероятно, свою роль в том, что заказы сельских обществ чаще всего выполнялись не ведущими архитекторами губернии, а техниками губернских правлений. К примеру, на составлении проектов мечетей в начале XX в. в Казанской губернии специализировались Ф.Блинков, Г.Евдокимов, техник Александров.

Переговоры с чертежниками вело доверенное лицо общины, или мутавалли, или сам меценат, доводивший до сведения исполнителя проекта основные требования относительно размера, планировки и облика мечети.

Губернские администрации по-разному решали вопрос об использовании одного и того же чертежа для постройки другой мечети. В одних случаях такие прошения получали добро, в иных — отказ. Например, строительный комитет Казанского губернского правления запретил постройку нового храма по чертежам (1910 г.) молитвенного дома в д.Нижняя Ошма, сгоревшего в 1914 г., и потребовал новый план и фасад. Часть общества д. Дубьязы, решив в 1906 г. все административные вопросы, в течение нескольких лет не могла построить вторую мечеть. Когда в 1911 г. об этом стало известно строительному отделению, последнее постановило об изъятии ее плана и фасада.

Анализ проектной документации позволяет выявить ряд характерных причин, из-за которых губернские власти возвращали план на доработку. Во-первых, игнорирование элементарных правил составления чертежей в фасаде, плане и разрезе, не позволяющее иметь общее представление о сооружении. Во-вторых, явные просчеты в техническом плане, создающие угрозу жизни молящихся. Например, в 1907 г. строительное отделение Казанского губернского правления воздержалось от утверждения чертежа мечети, предполагавшейся к постройке в д.Сатышево Мамадышского уезда: план не соответствовал фасаду, коренные трубы в печах показаны очень тонкими, не указана конструкция минарета, слишком тонкими нарисованы стропила. В 1912 г. такая же участь постигла проектную документацию жителей д.Корсабаш того же уезда (отсутствовали основание здания, конструкция устройства минарета, лестницы, ведущие на площадку минарета).

Утвержденный план нередко сопровождали предписания архитекторов о необходимости особо укреплять при строительстве деревянные части минарета железом, что впоследствии специально проверяла полиция.

Иногда одновременно с представлением документов на утверждение властям общество или меценат начинали строительство, желая завершить работы в течение строительного сезона. «Пока придет разрешение, у нас мечеть будет готова к открытию» — примерно так объясняли они свои действия во время расследования дела. В случае выявления полицией незаконности возведения храма строительство замораживалось, а виновный (доверенное лицо) привлекался к ответственности. Иногда действия строителей оставались незамеченными полицией. Очень часто существование нелегальных мечетей раскрывалось при ходатайствах малочисленных общин (начало XX в.) по поводу образования самостоятельной махалли.

«При кажущемся однообразии деревянных мечетей среди них нет одинаковых», — утверждают специалисты-архитекторы. Народные мастера, придерживаясь сложившейся в регионе модели мечети, вносили какие-то новые элементы в оформление здания, добиваясь выразительности. Поэтому каждая мечеть имела собственные архитектурно-художественные формы. По сведениям Н.Х.Халитова, проекты мечетей (вторая половина XIX — начало XX вв.) практически никогда не совпадали с реально выстроенными зданиями. Этот вывод, по сути, означает номинальность плана для плотников, а также отсутствие в нем острой необходимости.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Среднем Поволжье выделялись своей архитектурой три основных типа срубных мечетей: 1) наиболее распространенным была большая одноэтажная двухзальная мечеть с разнообразными по своим пропорциям минаретами на крыше; 2) небольшая одноэтажная мечеть с молитвенным залом в два окна, михрабом, сенями, крытым или открытым крыльцом и минаретом на крыше; 3) простей-

ший тип мечети или молельного дома без михраба и минарета, с приставной лестницей или люком на крыше.

В качестве основных причин небольших размеров и неприглядного внешнего вида последней можно назвать незаконную постройку мечетей в селениях возвратившихся в ислам крещеных татар, малочисленность сельских общин и пятивременный статус мечети. В дневниковых записях миссионера Е.Малова сохранилось описание (1892 г.) «бедной и ветхой» мечети д.Улуяз Мамадышского уезда Казанской губернии: «Она без минарета с худою крышею и полом; на одну сторону она несколько покосилась. Это просто худая, полуразвалившаяся, можно сказать, избенка. Муэzzин Сагид взлезает по лестнице до крыши мечети и с верхней ступеньки лестницы кричит азан... С правой стороны мечети на окне стояла банка с бальзамином, или «гулькна», любимым цветком татар. Минбар, или кафедра, в правом среднем углу несколько не возвышался от полу, а только был огорожен перилами. На передней стене красовалась картина, изображающая город Мекку. К этой стене была прикреплена полка, на которой лежал алкоран. В мечети три окошка. Вот и все украшение мечети».

Такой тип культового сооружения, как временное помещение до возведения новой мечети вместо сгоревшей, часто использовался сельским обществом. В экстренных случаях под мечеть отводился один из домов состоятельных прихожан или строилось специальное здание, которое после возведения мечети переквалифицировалось под жилое или хозяйственное помещение.

Общественное богослужение у кочевавших башкир и в XIX в. нередко проводилось в жилище муллы.

Строительство специальных культовых зданий в башкирских поселениях началось на рубеже XVII — XVIII вв., когда башкиры стали переходить к оседлости. В поселениях башкир стены мечетей, как правило, оставались необшитыми. Иногда в целях предотвращения порчи древесины сруб обмазывали глиной и производили побелку. Как и в Среднем Поволжье, абсолютное большинство сельских мечетей в Башкирии имело двухскатную крышу. Надстройки храмов в виде купола осуществлялись только в крупных селениях.

Во второй половине XIX в. современник следующим образом описывал сельскую мечеть одного из поселений Малмыжского уезда Вятской губернии: «Внутренность татарских мечетей ничем не отличается от обыкновенного дома. Это по преимуществу большое деревянное одноэтажное продолговатое здание длиною в 10 — 11 сажен с очень высоко от земли поднятыми окнами, с одним входом. В передней стене, лишенной окон, делается небольшой выступ наподобие алтарей в православных храмах. Над передней частью здания на крыше ставится башня с окнами, называемая «азан» (минарет.— *И.З.*), откуда созывают народ на молитву. Внутреннего убранства мечети никакого не имеют. Громадная высокая комната без всяких украшений, часто даже с нештукатуреными бревенчатыми стенами и потолком и некрашеным полом,— вот внутренний вид мусульманской молельни. С потолка спускаются люстры, зажигаемые во время вечерней службы. В переднем выступе, или «михрабе», обращенном всегда на юг, устраивается возвышение для муллы, чтоб его было лучше видно и слышно молящимся. Иногда эту возвышенность не делают и пол в михрабе стелют вровень с остальным. Никаких изображений внутри татарских мечетей нет. Только в углу стоит кафедра для произношения проповедей по пятницам».

Сельские соборные мечети, как правило, отличались от пятивременных своими относительно большими размерами. Так, соборные мечети д.Большая Ока Красноуфимского уезда имели следующие размеры (наружные). Первая мечеть: длина — 20 м, ширина — 7 м, высота помещения — 5 м, высота минарета — 14 м; вторая мечеть: длина — 18,6 м, ширина — 7,2 м, высота помещения — 4,2 м, высота минарета — 14 м; третья мечеть (построена не позднее 1870 г.): длина — 15,3 м, ширина — 7,1 м, высота помещения — 5 м, высота минарета — около 9 м; четвертая мечеть (построена в 1907 г.): длина — 16,3 м, ширина — 7,3 м, высота помещения — 4,9 м, высота минарета — 14 м. Во всех минаретах имелось по

8 окон. Затем шли комнаты — по три (в 1-м и 2-м) или по две (в 3-м) комнаты. В д. Старый Чечкаб Казанской губернии мечеть, возведенная в 1899 г., имела размеры 4 г 4,5 сажени, а предполагаемая в 1914 г. к постройке вторая молельня — 4 г 7 сажений.

В некоторых случаях план составлялся де-факто на существующий молитвенный дом.

После издания властями постановления, разрешающего открыть мечеть, она становилась доступной для жителей не сразу, а только после утверждения ее плана в строительном отделении, засвидетельствования местной полицией и техниками наличия определенного законодательством открытого пространства вокруг храма и «добротного состояния здания» (при необходимости рекомендовались ремонт или переустройство).

Рядом с сельской мечетью, как правило, не возводились помещения для омовений («тахаратхана»). Еще И.Георги в последней трети XVIII в. отмечал, что «миряне моются сперва дома, а потом идут на молитву в обыкновенном одеянии».

Подавляющее большинство исламских культовых зданий в деревнях Волго-Уралья возводилось из дерева, служившего основным материалом для возведения жилых и хозяйственных построек. Согласно данным экономических примечаний к Генеральному межеванию, в начале XIX в. в Оренбургской губернии действовало 4 каменных и 1258 деревянных мечетей; к 1850 г. их число выросло до 1932, в том числе 7 каменных молитвенных домов. Поэтому преобладание деревянных построек во второй половине XIX — начале XX вв. в отделившейся от нее Уфимской губернии представляется вполне закономерным явлением. С 1897 по 1912 гг. численность деревянных мечетей в Оренбургской губернии выросла с 506 до 534 (на 6%), каменных — с 19 до 30 (на 58%). В 1885 г. в Вятской губернии из числа действовавших 135 мечетей только 5 были каменными (4%). Для Саратовской губернии характерна аналогичная ситуация: в 1896 г. в уездах из 148 сельских мечетей только 2 были построены из кирпича. В Казанской губернии в 1898 г. абсолютное большинство сельских молитвенных домов были из сруба (821, или 98,5%), к 1913 г. их численность выросла до 976 (97,9%).

Наличие поблизости леса и его дешевизна играли важную роль при постройке основного числа мечетей. Мусульмане, следуя установке шариата на недопущение излишеств, ограничивались недорогим, удобным для богослужения зданием. В то же время заметное отличие богослужебного здания от основной массы крестьянских домов (размерами, крышей, покрытой тесом или железом, обшивкой и оригинальной покраской) свидетельствует о серьезном внимании к мечетям прихожан.

В середине XIX в. в поселениях башкир, расположенных в оренбургских и поволжских степях, глина и дерн являлись основным строительным материалом, дома имели земляное покрытие. Поэтому закономерным представляется существование мечетей с дерновым покрытием или земляными (саманными) стенами. У башкир-вотчинников строительного материала, при наличии лесных угодий, всегда было в избытке и бесплатно. Для припущенников недостаток башкирского леса означал возможность приобретения строительного материала по не очень дорогим ценам.

Стремление Министерства государственных имуществ воспитывать своих подопечных в религиозно-нравственном духе выразился в указе 16 июня 1852 г. о бесплатном отпуске леса из казенных дач на постройку православных и «иноверческих» церквей с разрешения министра. Однако этот указ не вошел в «Свод законов Российской империи» издания 1857 г., что наводит на мысль о его единовременном характере. До середины 1870-х гг. крестьяне бывшей государственной деревни в Поволжье без серьезных издержек для хозяйства на своих дачах заготавливали лес, необходимый для общественных нужд.

По закону от 13 июля 1873 г. «О правилах, о лесах, отведенных в надел бывшим государственным крестьянам и с них лесном налоге» бывшие государственные крестьяне Среднего Поволжья потеряли лучшую часть леса. Лесные угодья, предоставленные «инородцам», «были наиболее плохого и качества и почти сплошь состояли из кустарника и небольших лесосек».

По правилам «Положения об устройстве крестьян в имениях государевых, дворцовых и удельных» от 23 июня 1863 г., принадлежавшие удельному ведомству леса в состав крестьянских наделов не включались. Для того чтобы крестьяне имели возможность получать нужный для хозяйственных нужд материал, сельским обществам предлагалось получать лесные участки на ближайших землях удельного ведомства «в пользование за особую плату». Указывался следующий механизм его реализации: лесные участки отводились сроком до 48 лет за годовичную плату, установленную на весь срок контракта; воспользоваться лесом население могло только с отводимых ежегодно лесосек, и при этом крестьяне обязаны были охранять предоставленные им дачи от самовольных порубок и пожаров.

До 1860-х гг. все категории сельских мусульман имели доступ к дешевому лесному материалу. После унификации правового положения различных категорий сельского податного населения и мусульман в иррегулярных войсках в наиболее выгодном в плане обеспечения лесным строительным материалом положении оказались башкиры-вотчинники и проживающие совместно с ними мусульмане-припущенники. Живущие по соседству с ними крестьяне различных категорий также имели возможность недорого приобрести лес у башкир.

При определении размера богослужебного здания предполагаемые расходы на отопление являлись сдерживающим фактором. В случае отсутствия дров молитвенные собрания в зимний период в мечети прерывались.

Возведение главным образом деревянных мечетей и малочисленность кирпично-каменных объясняются не только доступностью, относительной дешевизной леса, но и исчезновением (или отсутствием) у мусульман различных этнических групп в период русского владычества традиций каменного зодчества, а также дороговизной работ и трудоемкостью изготовления кирпича. Между тем небольшие по численности артели местных плотников с одинаковым успехом строили и жилые дома, и богослужебные здания.

В вопросах мечетестроительства мусульманам был присущ прагматизм. Можно с уверенностью сказать, что принадлежность плотников или подрядчика к другой конфессии не становилась непреодолимым препятствием. На первый план выходили стоимость производимых работ и мастерство строителей. Вследствие отсутствия каменщиков из числа единоверцев их подрядчиками становились немусульмане. По сведениям Ш.Марджани, известный в Казанской губернии Габдулла бай из д.Мачкара, который умер в 1832 г. в возрасте 100 лет и, по преданию, построил около 150 сельских мечетей, запугивая русских рабочих в д.Кукморе епископом, «привлекал их на строительство мечетей и каменных зданий». В данном случае возведению деревянного мусульманского богослужебного здания строителями православного исповедания Габдулла бай придавал особое значение. Русскими плотниками, в частности, была возведена мечеть в д.Айбулак современного Янаульского района Башкортостана.

Возведение мечети в целом вписывалось в этапы постройки срубного дома. С поставкой сруба заканчивался первый этап. Затем, после заготовки материала, исходя из финансовых возможностей, подыскивался подрядчик, и начинался второй этап: сруб ставился на каменный фундамент и под крышу. Работы производились в весенне-осенний сезон, до начала холодов. До зимы решался вопрос и с отоплением храма.

Возведение мечети, как правило, происходило при непосредственном участии местного населения: коллективная помощь была необходима при поднятии и установке верхнего яруса минарета. Мероприятие приурочивалось к пятничному дню и проводилось в праздничной атмосфере при стечении практически всех жителей деревни. Торжественное открытие мечети, непременно в пятницу или другой мусульманский праздник, становилось важным общественным событием для жителей поселения и соседних деревень. Мечеть становилась предметом гордости селян.

В то время под мечеть могло быть приобретено какое-либо помещение, которое затем приспособлялось под культовое здание. В данном вопросе прагматичность и толерантность нередко становились союзниками. Скажем, в 1845 г. крестьяне д.Чутеево Казанской

губернии приобрели на 400 руб. ассигнаций здание старого православного молитвенного дома в с.Кошлауч и устроили в нем мечеть. Это известие было болезненно воспринято руководством местной консистории.

Дефицит леса, означавший завоз строительного материала со стороны, отражался на размерах, прочности и долговечности не только крестьянских усадеб, но и культовых зданий. В 1881 г. в крестьянских владениях Казанской губернии лес занимал 9,8%, Самарской — 4,7%, Симбирской — всего 2,9%.

Каменные мечети, как правило, возводились людьми состоятельными, заинтересованными в том, чтобы пожертвованный на богоугодное дело капитал и спустя столетия служил единоверцам. В некоторых случаях причиной возведения новой мечети из кирпича или камня становился опустошительный пожар. По свидетельству Ш.Марджани, каменные богослужебные заведения в 1841 г. в д.Богатые Сабы, в 1872 г. в д.Мачкара Казанского уезда и губернии были возведены татарскими купцами на месте сгоревших. Такая тенденция прослеживалась и в последующем: в 1898 г. Казанским губернским правлением был утвержден план кирпичной одноэтажной мечети для д.Нижняя Ошма (меценат — купец А.Г.Хусаинов), в 1909 г. — д.Усали Мамадышского уезда, в 1899 г. — д.Казылино Казанского уезда и др.. Естественно, для этого требовались значительные средства, чем и объясняется локальность данного явления. В большинстве случаев сгоревшие мечети заменялись деревянными зданиями.

В источниках XIX в. встречаются сведения о «разваливающихся» мечетях. Обветшалые здания приобретали неприглядный вид, имели покосившиеся стены и развалившиеся минареты.

Решение о закрытии мечети вследствие ее «чрезмерной ветхости и угрозы жизни молящихся» принимала местная полиция или духовные власти. По закону такой вердикт могли вынести только техники, а полиция выступала исполнителем. В 1861 г., например, чистопольский окружной начальник уведомил духовное руководство о плачевном состоянии ветхой мечети в д.Новое Кадеево, «грозящей падением», и необходимости ее запечатать. Духовное собрание обратилось в Казанское губернское правление за экспертным заключением. Спустя 10 лет, в 1871 г., губернские чиновники подтвердили донесение местной полиции.

Махалля в своем представлении о разрешении на ремонт молельни, как правило, указывала предполагавшиеся виды работ: ремонт крыши, минарета, частичная замена бревен стены и др. В дореформенный период чиновники различных ведомств — начальники кантонов, Удельного ведомства и палаты государственных имуществ — подтверждали эти сведения. При отсутствии в приговоре подобной информации Духовное собрание запрашивало сведения у местной полиции. Перечисление поврежденных частей культового здания было совсем не лишним, исходя из этого определялся характер строительно-ремонтных работ: частичный, капитальный ремонт или перестройка здания. В пореформенный период разрешение на ремонт давалось духовной властью, на реконструкцию — светским начальством после согласования вопроса с религиозным учреждением.

Религиозное управление внимательно разбирало приговоры о ремонте ветхих мечетей. В 1862 г., к примеру, оно запретило «поправку» разрушавшейся мечети д. Сеитово Красноярского уезда Оренбургской губернии, предписав мулле Султану Давлетбаеву и прихожанам (300 ревизских душ муж.п.) выстроить новую мечеть. В 1893 г. сельское общество д.Бишаул Унгаровой в своем приговоре указало на плохое состояние крыши и стен, но просило лишь о замене крыши. Духовное правление, наведя справки через Уфимское уездное полицейское управление, предписало не ограничиваться только ремонтом крыши, а «заменить и гнилые бревна стены».

Светские власти не только отвечали за строительство исламских культовых зданий, но и формально контролировали их жизнедеятельность. Полиция должна была следить за тем, чтобы здания соответствовали противопожарным и санитарным нормам. В случаях разрушения минаретов выяснялись причины, о чем получало сообщение светская власть.

Например, в 1866 г. на одном из заседаний Уфимского губернского правления рассматривались причины падения минарета мечети в башкирской деревне.

Таким образом, устройство мечети в поселении зависело от множества факторов (в целом оно носило конкретно-исторический характер). Размер, планировка, оформление и устройство здания, выбор строительного материала зависели прежде всего от финансовых возможностей крестьянской общины или мецената, благосостояния прихожан.

С середины XVIII в. контроль за возведением мечетей превратился в важнейший элемент внутривластного курса самодержавия в отношении мусульман. Введение «образцового» проектирования 1829 г. привело к установлению архитектурно-строительного контроля за мечетестроительством в Таврическом и Оренбургском округах. В Российской империи правительственное «строительно-техническое попечение» за исламскими институтами в округе Оренбургского магометанского духовного собрания было сфокусировано на мечетестроительстве и не затрагивало конфессиональную школу.

В условиях российской действительности образцовый план мечети 1829 г., выработанный для «улучшения» архитектуры исламских культовых зданий, оказался невостребованным. Он имел обязательный, принудительный характер и предполагал унификацию исламского культового зодчества без учета численности прихожан, традиций народного зодчества, местных природно-климатических условий, поэтому справедливо вызывал недовольство мусульман. Введенные в 1843 г. по ходатайству ОМДС четыре образцовых проекта мечетей были основаны на традициях культового монументального искусства арабских стран. Закон 12 декабря 1862 г. явился шагом, направленным на расширение прав мусульман; на умму были распространены единые требования по техническому контролю за составленными проектами богослужебных зданий.

Проецирование проектно-технических требований возведения каменного культового здания на сельскую мечеть (в абсолютном большинстве деревянные мечети европейской части России и Сибири по технологии строительства и планировке практически не отличались от жилого дома) стало излишним иотягчающим компонентом «заботы» правительства о сельских культовых зданиях.

Относительно короткий период «образцового проектирования» в целом не успел нарушить генеральную линию традиционного культового зодчества, сохранив ее региональные особенности. Новыми поколениями мусульман образцовые мечети воспринимались как «свои», что и обусловило их частичное применение в последующие годы.

Техническо-полицейский контроль в последующем сводился к обеспечению долговечности (каменный фундамент) противопожарной и технической безопасности общественного здания, предназначенного для совершения большой группой лиц религиозного обряда. Духовное собрание, используя административные ресурсы, уделяло серьезное внимание поддержанию «приличного вида» действующих мечетей.

С момента постройки мечети, как и культовые здания других конфессий, получали статус неприкосновенности и поступали под государственную опеку, которая главным образом сводилась к полицейскому контролю. Даже незначительный ремонт культового здания (скажем, замена одной доски на крыше) по закону был возможен только после согласования вопроса с религиозным управлением в Уфе и местной полицией. Покрытие крыши листовым железом или другим долговечным материалом было выгодно не только в техническом плане; в этом случае община избегала контактов с правительственными органами и лишних расходов. Порой бюрократическая волокита оборачивалась тем, что махалля, воздерживаясь от замены отдельных обветшалых частей культового здания, «поджидала» износа других конструкций, чтобы, получив один раз официальное разрешение, отремонтировать все требующие обновления элементы конструкции. В результате ремонтные работы начинались после существенного износа молитвенного здания. В этом, видимо, заключалась одна из причин неприглядного вида деревянных молитвенных домов.

В вопросах ремонта или реконструкции доверенным лицом прихода (в случаях отсутствия мутаваллия или попечителя), как правило, становилось приходское духовенство. Хотя по законодательству четко не прослеживается участие полиции в разрешении строительно-технических вопросов, в действительности же именно на нее возлагалось соблюдение установленных законом правил, проведение экспертизы технического состояния деревянных мечетей, составление протокола осмотра возведенного (или ветхого, или требующего ремонта) здания, измерение открытого пространства вокруг мечети и т.д., а также пресечение незаконных действий мусульман по судебному постановлению и др.

Архивные материалы свидетельствуют о номинальности для строителей планов деревянных мечетей, которые возводились по технологии строительства деревянных жилых домов. Строительные отделения находили в утверждаемых планах некоторые изъяны: в частности, отсутствие указания о необходимости укрепления минарета или устройства печи. В целом можно констатировать, что для сельских религиозных общин все аспекты регулирования деревянного мечетестроительства, связанные с составлением плана и фасада, являлись лишними, требующими дополнительных финансовых затрат и времени мероприятиями.

4. Мусульманские культовые здания в градостроительной ситуации

Город — это пространство, где родился ислам как единство культурной целостности. Арабскому слову *мадина* (город) семантически соответствует слово *маданийат* (культура) и *тамаддун* (цивилизация). В основе этих однокоренных слов лежит трехбуквенный корень *МаДаНа* со значениями строить, окультуривать.

Распространение ислама в России в средние века было тесно связано с городским культурным пространством. Волжская Булгария, появившаяся на политической карте мира как раннее феодальное государство Восточной Европы, с момента официального принятия ислама в 922 г. современниками именовалась «страной городов». В Джучиевом Улусе (Золотой Орде), где ислам в 1313 г. был признан государственной религией, города динамично развивались как центры торговли, ремесел, исламской культуры. Эти традиции были продолжены в средневековых татарских государственных образованиях.

Новый этап в истории татарского народа и исламской культуры связан с потерей национальной государственности во второй половине XVI в., когда произошла деформация исламских институтов, разрушение системы мусульманского образования. Для новой администрации города выполняли прежде всего функции военно-административного центра, что привело к выселению татар в сельскую местность, на почтительное расстояние от крепостей. В результате ислам стал религией сельского общества.

Участие татар в налаживании торговых отношений с Востоком в середине XVIII — первой половине XIX вв. отчетливо отразилось на динамике численности мусульман при крепостях казахско-российского пограничья. На юго-восточной окраине наряду со среднеазиатскими торговцами они выступали ключевым гражданским градообразующим элементом. Одновременно возникали исламские анклавы в ряде городов в Поволжье и Приуралье.

Интенсивное развитие городской культуры в конце XVIII — XIX вв. означало возрождение исламского культового монументального строительства. В соответствии с градостроительными требованиями планы мечетей, как публичных зданий, составлялись архитекторами и утверждались соответствующими инстанциями. К разработке проектов мечетей были привлечены зодчие-профессионалы, сыгравшие ведущую роль в дальнейшей трансформации стиля мусульманских культовых зданий. «Профессиональный подход к архитектуре татар вновь проявился уже во второй половине XVIII в., когда в ее формировании принимали активное участие русские архитекторы, неизбежно вносившие в местное зодчество черты русско-европейского влияния».

Следует отметить, что с трансформацией градостроительной концепции губернских и уездных городов Российской империи, происходившей под влиянием западноевропейского стиля, в значительной мере изменилась и функция культовых зданий как композицион-

ных центров поселений при возрастающей роли уличного пространства. Тем не менее при этом устойчиво сохранялась особая роль внутриквартального пространства, традиционно считавшегося средоточием бытовой и общественной жизни татар.

В период «гонимого ислама» архитектура мусульманских культовых зданий приняла характер народного зодчества, развитие которого имело свои особенности.

Первые официально разрешенные властями каменные мечети возводились в Касимове (1768) и в Казани (1771).

По единому мнению специалистов архитектуры, в облике возведенных в конце XVIII — первой четверти XIX вв. каменных мечетей Казани воплощены традиции средневековья. Их отличительными чертами следует назвать двухэтажность и устройство минарета на двухскатной крыше. Фасад мечетей был оформлен в доминировавшем в этот период русско-европейском стиле. Для Юнусовской мечети (Марджани) характерно «барокковое оформление фасадов и интерьеров»; облик Апапаневской мечети (1770-е гг.) воплотил в себе «своеобразное сочетание элементов русского провинциального барокко и татарского декоративного искусства»; строительство «Иске таш» мечети (1802 г., реконструкция — в 1830 — 1840-е гг.) велось «с использованием в архитектурном оформлении форм классицизма»; мечеть №11 (1805 г.) построена в классическом стиле, во внешнем оформлении Голубой мечети (1810 — 1815 гг.) также использованы «элементы классического стиля».

Древний стиль татарских мечетей воплотила в себе каменная мечеть (№ 6) слободы Каргала близ Оренбурга, возведенной татарскими предпринимателями из Казанского уезда в середине XVIII в. (Прямоугольное каменное здание «на высоком цокольном этаже с высокой вальмовой крышей и оштукатуренными стенами». Восьмигранный минарет в начале XX в. располагался на крыше по оси с некоторым сдвигом к входу).

Определенную роль в формировании облика городских храмов сыграла и политика в области культового зодчества правительства Екатерины II. В конце XVIII — начале XX в. получили распространение в Оренбургском крае каменные купольные здания с главным входом, флакированным двумя высокими цилиндрическими минаретами, исламские монументальные сооружения, возведенные во второй половине 1780-х гг. по «типовому проекту» для казахов в Оренбургском крае: при Меновом дворе в Оренбурге, Троицке, Петропавловске. Проезжая через Яик (Уральск), академик Паллас зафиксировал одну из таких мечетей в Татарской слободе. В 1790 г. появилось еще одно богослужebное здание с двумя минаретами. В 1795 г. аналогичная мечеть была заложена в Сеитовом посаде. Эта традиция не прервалась в последующие десятилетия: например, Третья соборная мечеть Уфы также имела два минарета (начало XX в.).

Источники позволяют выделить некоторые обстоятельства, заставлявшие архитекторов отступать от «образцовых проектов». Во-первых, теоретически можно говорить о невозможности использования проекта 1829 г. в одном населенном пункте дважды. В первой половине XIX в. в силу малой дворности деревень норматив вновь учреждаемой махалли от 200 до 300 ревизских душ муж.п. предполагал постройку в населенном пункте лишь одной мечети. Сам факт утверждения «образцового проекта» 1829 г. в единичном экземпляре также говорит об этом. Появившаяся в городе первая мечеть, сооруженная по «образцовому чертежу», действительно несла бы на себе черты индивидуальности стиля культового здания. Следующая мечеть должна была уже выгодно отличаться от предыдущей своим неповторимым силуэтом. Успешное решение этой задачи являлось вопросом чести для архитектора. К тому же существовала практика «отхода» от «типовых» проектов при возведении фасадов частных или казенных зданий.

Во-вторых, с точки зрения архитектурного пространства города, формируемого комплексом застройки (зон), сети площадей (улиц) и других заметных ориентиров, посреди окруженного застройками общественного пространства ставилась церковь, занимавшая «островное» положение в квартале. Это правило распространялось на культовые здания всех признаваемых в империи конфессий. Между тем «психологические установки, определяемые деятельностью, в которую вовлечен воспринимающий субъект, его культурным

статусом, эмоциональным состоянием, оказывают решительное влияние на оценку произведения и формирование его образа в сознании. На восприятие форм влияет и оценка человеком общественного назначения здания или ансамбля». В городах запрещалось возведение двухэтажных деревянных построек. Таким образом, «образцовые» одноэтажные мечети без высокого минарета не отвечали общепринятым нормам градостроительства, согласно которым культовые здания резко выделялись в общей массе частных построек, олицетворяя собой доминанту квартала или округа.

В-третьих, «образцовые проекты» предполагали возведение деревянных богослужебных зданий, что не всегда было приемлемо по градостроительным нормам, зафиксированным генеральными планами городов, или нормам противопожарной безопасности. Генеральный план определял не только перспективу роста, но и во многом строительный материал общественных зданий и жилых домов, формирующих «лицо» улиц и кварталов. Строительный материал, в свою очередь, также играл весомую роль в формировании объема и фасада будущей мечети.

В случае «попадания» участка для возведения мечети в местность, где постройка деревянных зданий была запрещена, образцовые проекты входили в противоречие с «высочайше» утвержденным планом города. Поэтому единственным выходом из создавшейся ситуации становилось внесение изменений в проект. Утверждение или согласование с Главным управлением путей сообщения и публичных зданий являлось прерогативой губернской строительной комиссии. Видимо, поэтому большинство мечетей, идентичных «образцовому» чертежу, возводилось в уездных или заштатных городах, основную часть которых составляли одноэтажные деревянные постройки.

В-четвертых, проекты образцовых одноэтажных мечетей 1843 г., рассчитанные на малочисленные сельские общины, из-за небольших размеров не всегда соответствовали потребностям городских махаллей.

По нашим сведениям, на основе «образцового проекта» 1829 г. и традиций русского классицизма российскими архитекторами творчески были осмыслены проекты и по ним построены мечеть в г. Оса Пермской губернии, Караван-Сарайская мечеть в Оренбурге (архитектор А.Н.Брюллов, 1836 г.), подверглась реконструкции Ханская мечеть в Касимове (1835 г.). В 1836 г. в г. Илецкая Защита Оренбургской губернии для рабочих-мусульман, занятых на солевом промысле, была возведена каменная мечеть, на Ижевском оружейном заводе возведен идентичный образцовому проекту храм (1846 г.).

Малочисленность таких мечетей явилась следствием ряда причин: 1) В конце XVIII — первой четверти XIX в. значительная часть городских общин уже обзавелась богослужебными зданиями, которые в целом удовлетворяли религиозно-обрядовые потребности прихожан. 2) Срок действия образцового проекта 1829 г. оказался недолгим — 14 лет. 3) С учетом того, что проект, предназначенный для сельской местности, делал уместной постановку вопроса о проблематичности «вписания» облика храма в городской ландшафт, всегда имелась, в случае поддержки со стороны губернской администрации, возможность получить высочайшее разрешение на возведение молельни по несколько отличающемуся от образцового чертежа проекту. По крайней мере такой вариант, с учетом существования подобной практики в 1844 — 1862 гг., правомерно распространить и на время действия «образцового проекта» 1829 г. 4) Община могла воздержаться от строительства мечети, предпочитая пользоваться каким-либо временным помещением для совершения общественного богослужения, или ограничиться ее капитальным ремонтом. В силу разительного отличия образцового проекта 1829 г. от фасадов зданий городских мечетей конца XVIII — первой четверти XIX вв., выполненных в стиле русского классицизма, без специфических декоративных особенностей местного искусства, уместно говорить об использовании этого проекта главным образом этноконфессиональными общинами, существующими в экстремальных условиях: оказавшимися без мечети вследствие пожара или решившими зарегистрировать свой приход.

Поскольку в образцовых чертежах 1843 г. имелось по два варианта проектов деревянных соборных и пятивременных мечетей, Строительная комиссия Оренбургской области предоставляла выбор одного из них не общине, а Главному управлению путей сообщения и публичных зданий. Например, таким путем решился в 1858 г. вопрос с обликом деревянной соборной мечети в г. Усть-Каменогорске, возвести которую вызвался местный 3-й гильдии купец Исмагил Музафаров.

Именно из-за принципиальной позиции строительных комиссий на местах «ряд попыток обыграть образцовый проект средствами русского классицизма кончился неудачей».

Культовым памятником «переходного периода» между двумя «образцовыми планами» деревянных мечетей 1829 и 1843 гг. является Сеннобазарная мечеть в Казани. Архитектором А.К. Ломаном мечеть проектировалась за счет реконструкции существовавших торговых лавок, предназначенных в дар учреждаемому братьями Исхаком и Ибрагимом Юнусовыми татарскому детскому приюту. Такое «врастание» в градостроительную ситуацию также противоречило образцовому проектированию. Поэтому принятое строительной и дорожной комиссией решение по данному ходатайству было вполне предсказуемым: с учетом просьбы филантропа позволить постройку лавок, обязав И. Юнусова, что «буде какое последует в рисунке изменение, то исполнить оное в точности без всякого прикосновения».

Рассмотрению в верхах просьбы потомственного почетного гражданина был обеспечен «режим наибольшего благоприятствования»: в Главное управление путей сообщения и публичных зданий был представлен единый план реконструкции родовых лавок Юнусовых и постройки мечети. Лавки и будущая молельня как бы «срослись» и составляли единое целое. Проект был утвержден на основании «всеподданнейшего» доклада руководства Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

Думается, в этот период «высочайшее» рассмотрение строительно-технической документации мечетей носило неформальный характер. Император, культивировавший образцовое проектирование православных церквей в «русском стиле», проявлял интерес к представляемым чертежам. Во время посещения Казани в 1836 г. в цепкой памяти Николая I, несомненно, отложилась архитектурно-композиционная схема татарских мечетей. К тому же 18 ноября 1843 г. российский государь утвердил новые «образцовые планы» исламских культовых зданий, обязательных для мусульманских общин в европейской части России и Сибири.

В начале марта 1845 г. в Казани был получен из столицы 1 экземпляр рисунка мечети, который после копирования был передан просителю.

«Высочайше» утвержденный регулярный план Казани относительно места застройки района Сенного базара требовал возведения каменных сооружений. Между тем в образцовых планах 1843 г. были нарисованы деревянные мечети, предназначенные для сельских обществ. Таким образом, можно уверенно предположить, что Главное управление ограничилось минимальным вмешательством в совершенствование проекта А.К. Ломана, представив документы на рассмотрение российскому государю.

Архитектура базарной мечети вызывает у специалистов неоднозначную оценку. В частности, Н.Х. Халитов пишет, что «несмотря на ряд бесспорных достоинств, здание Базарной мечети нельзя отнести к числу творческих удач архитектора. Громоздкие объемы здания, подчеркнута пирамидальной композиции, архитектурно никак не увязаны с минаретом, который не соответствует ему ни массой, ни по высоте, ни по художественному образу. Не спасают положения и орнаменты на фасадах, немасштабные по отношению к тонкому стрелу минарета. Рассчитанная лишь на ракурсный обзор с севера, мечеть выглядит достаточно нелепо с большого расстояния с западной и восточной сторон». По мнению Г.Н. Айдаровой, «постановка вынесенного вперед минарета создает не только необычный эффект, но и тонкую режиссуру пространственных соотношений. Он деликатно отгораживает шумную базарную площадь от молитвенного зала...».

Попробуем дать свою трактовку по «расшифровке» формирования архитектурных особенностей базарной мечети, разительно отличающейся от существовавших к этому времени исламских культовых зданий Казани.

Как видно из фасада здания, храм состоит из нескольких частей. Прежде всего это увенчанное куполом двухэтажное здание, где на верхней половине размещался овальный в плане молитвенный зал, выделенный монументальными аркадами. Купол поставлен на высоких восточной и западной стенах. В разрезе четко видно, что по периметру здание представляет сильно вытянутый в направлении кыйблы восьмиугольник. Две удлиненные стороны восьмиугольника представляют западную и восточную стены здания. Молельня выделяется из ранее возведенных мечетей отсутствием прямоугольных углов. Эта особенность задумки зодчего логично вытекает из образцового проекта 1829 г., имеющего в своем основании восьмиугольник с прямоугольными выступами (сени и михраб). Зодчий разработал его модернизированный вариант исходя из площади земельного участка и расположенных здесь каменных лавок. Еще один элемент, «перекочевавший» из чертежа 1829 г., — это наличие нескольких входных дверей.

По «образцовому проекту» 1829 г. восьмигранное зальное помещение (каждая сторона — 7,75 аршина, или 5,5 м) имело с южного и северного торцов двухугольные соединения (5,5 г 7,75 аршина, или 3,9 г 5,5 м), формируя двенадцатиугольное помещение. Высота потолка составляла не менее 9 аршин, или 6,4 м, высота стен — 12,5 аршина, или 8,9 м. Высота культового здания с минаретом равнялась 25 аршинам, или 17,80 м. Именно этим обстоятельством объясняются большие объемы мечети, превратившие культовое здание в доминанту градостроительного ландшафта, сформированного тогда в основном одноэтажными зданиями.

С учетом проделанной работы и сохраняя некоторые технические решения первого плана, зодчим был составлен второй проект, стилизованный под полученные новые «образцовые проекты», присланные в начале 1844 г. взамен прежнего. Закладка фундамента потребовала значительных финансовых затрат: купцы Юнусовы настояли на постройке здания на имеющемся фундаменте. Поэтому мечеть имеет планировку вытянутого восьмиугольника, хотя по «образцовым чертежам» 1843 г. должна была иметь прямоугольную форму. Крыши всех культовых зданий по проектам 1843 г. должны были стать куполовидными, что являлось одним из знаковых элементов их архитектурной композиции.

В связи с этим возникла проблема устройства минарета на другом месте (согласно плану 1829 г., многогранный толстый и невысокий минарет должен был располагаться в центре восьмискатной крыши, построенной под низким углом). Установка миниатюрных минаретов по углам здания не выше купола не решала главной функции минарета — сооружения высотной площадки, места созыва муэдзином на общественную молитву правоверных.

Архитектор А.К.Ломан нашел единственный оптимальный выход, ухватившись за один из образцовых проектов, где на основании минарета располагался вход в здание. Он в целом совпадал с его чертежом, рассмотренным администрацией в августе 1844 г. Буквально на красной линии улицы зодчий поставил трехъярусный минарет, на нижнем восьмиугольном ярусе которого располагался вход в молельню; из него вырастал ствол, завершавшийся конусообразным шпилем с полумесяцем.

Неудачную, на первый взгляд, установку купола на высокой крыше следует признать весьма продуманным и оригинальным архитектурным решением зодчего. Дело в том, что по образцовым проектам 1843 г. высота минарета не должна была резко отличаться от уровня высоты купола: их соотношение должно было быть 1,2 : 1. Двухэтажная мечеть позволила архитектору «законным» образом нарастить минарет. Теперь мечеть с сенями и минарет оставалось лишь соединить крытым коридором.

У базарной мечети отсутствует михраб (вместо него проем двери), хотя в трех из четырех «образцовых проектов» 1843 г., в том числе в выбранном архитектором варианте, михраб зафиксирован. Постройка традиционного михраба — выступа на высоте двухэтажного

здания нарушила бы цельность архитектурной задумки зодчего. Возможно, со временем, в пореформенный период, в южной стене к двери мог быть пристроен михраб (об этом, в частности, пишет Н.Х.Халитов), однако слабый фундамент, требующий специального укрепления, видимо, привел к быстрому разрушению постройки.

Возведение двухэтажной мечети с высоким наземным минаретом, «отталкиваясь» от одного из «образцовых проектов» 1843 г., стало композиционным новшеством. Разительное отличие базарной мечети от «образцовых» планов заключалось по крайней мере в трех моментах: 1) Вместо одноэтажной мечети было возведено двухэтажное богослужebное здание. 2) Минарет сохранил значение традиционно важного элемента культового сооружения. 3) Вместо небольшой деревянной мечети по градостроительным нормам было построено значительных размеров кирпично-каменное здание.

Базарная мечеть стала первым опытом культового зодчества после классического периода в Казани. «Фасады мечети отразили эклектический характер российской архитектуры середины XIX в. с ее не определившимися декоративными формами после отказа от классицизма. В декоре фасадов, выполненных в характере российской архитектуры «нового вкуса», присутствовали отдельные детали, придававшие им местный колорит. Здание было ярко раскрашено. На светло-сером фоне стен выделялись цветные орнаментальные узоры и наличники, стены лавок были окрашены в сочетания серого, красного и черного цветов». Полихромия мечети, контрастное сочетание цветов резко выделяли объемное здание на фоне почерневших деревянных и однотонных каменных зданий, издали привлекали внимание.

Местные власти стремились к тому, чтобы здание, предназначенное для общественного богослужения, обязательно соответствовало установленному облику мечети. Как известно, в исламе отсутствуют догматические нормы относительно строгого планирования и облика здания. В 1850 г. ДДДИИ разрешил татарской общине уездного города Тетюши Казанской губернии (145 мещан, купцов и 60 временно проживающих крестьян) «постройку мечети с устройством самостоятельного прихода». На этой основе доверенный мусульман купец 3-й гильдии Хамит Усмеев попытался получить разрешение на возведение «частного дома» для общественных намазов до постройки мечети, строительство которой откладывалось из-за недостатка средств, но получил отказ. Губернское правление предпосало построить деревянную мечеть согласно утвержденному плану. В то же время губернское правление рекомендовало общине «предварительно составить план, фасад и смету», которые для сличения должны были быть представлены в строительную и дорожную комиссию, что и было реализовано в 1854 г. Оказалось, что большой зал — 7 г 2,5 саж., малый зал — 2 г 2 саж. вполне удовлетворяли потребности общины из 232 душ муж.п. (447 душ обоего пола). Высота минарета и купола составляла, соответственно, 9 и 6 сажень.

Анализ плана мечети г.Чистополя (1859 г.) позволяет утверждать о наличии учета администрации численности прихода. (В 1865 г. в Чистопольской этноконфессиональной общине насчитывалось 900 душ муж.п. (1865 душ обоего пола). Большой зал мечети имел размеры 8 г 4,5 саж., а малый зал — 2 г 4,5 саж. Соответственно, имелись различия в высоте минарета и купола: 10 и 7 сажень. Поэтому проект чистопольской мечети был утвержден со следующим замечанием: «находя оный в частности в общем виде удовлетворительным и цели своей соответствующей». Таким образом, губернские архитекторы проектировали минареты примерно в 1,4 раза выше, чем высота купола мечети.

В отношении возводимых казенных зданий государство не требовало точного воспроизведения типовых проектов в натуре. Типовые проекты казенных зданий играли скорее роль заданий на проектирование типичных построек в конкретных местностях. Эти проекты содержали сведения о необходимом минимуме помещений в каждом из типов зданий, рекомендовали рациональные системы проектирования планов и желательные композиции фасадов. В процессе проектирования и строительства зданий на местах в их объем могли быть внесены изменения». Эту характеристику С.С.Ожегова об особенностях об-

разцового строительства казенных зданий, по всей видимости, резонно распространить на применение «образцовых проектов» 1843 г. в каменном исламском зодчестве в Казанской губернии благодаря «высочайше» утвержденному в 1845 г. проекту Сеннобазарной мечети.

В рассматриваемый период наметилась четко выраженная тенденция возведения в городах мечетей на основании «высочайше» утвержденных по индивидуальным планам проектов, в целом учитывающих основные черты «образцовых проектов» 1843 г.

Обратимся к фактам. Так, в 1849 г. приезжавшие на торги на Ирбитскую ярмарку мусульмане обратились к пермскому губернатору Н.Н.Огареву с просьбой о возведении в городе мечети «наподобие в Нижегородской ярмарке». С подачи губернатора 18 января 1850 г. был высочайше утвержден план культового здания. По распоряжению министра внутренних дел Главным управлением путей сообщения и публичных зданий были составлены индивидуальные проекты мечетей для татарских общин Семипалатинска (1855 г.) и Петропавловска (1855 г. и 1857 г.), изъявивших желание возвести новые молельни. Персидская каменная мечеть в Астрахани (1859 г.) с миниатюрными башенками, не превышающими в высоту купол, была «списана» с «образцового» рисунка 1843 г.

В планировочную композицию «образцовых» молелен была заложена монофункциональность культового здания как места совершения богослужебного ритуала. Таким образом, причина отказа от предыдущих композиционных схем и перехода к одноэтажной мечети в городах объясняется довольно просто: образцовые проекты 1829 г. и 1843 г. были разработаны специально для сельских поселений. Поскольку этажность мечети являлась одним из главных архитектурных «столбов», на чем держалась вся композиция культового здания, проектировщики, как правило, неукоснительно соблюдали это предписание «образцовых» планов.

Разделение по полу молящихся в мечети было архитектурно и планировочно оформлено. Одноэтажные образцовые проекты не предусматривали какие-либо хозяйственные помещения, не говоря уже об училище. В то же время не следует объяснять только «типовыми» планами возведение училищ отдельно от молелен.

С ростом численности мусульманской общины недостаток в площадях нередко разрешался в ходе реконструкции культового здания путем возведения дополнительных помещений.

С 1863 г. архитектор и заказчик могли самостоятельно формировать внешний облик богослужебного здания. Однако практика обращения к образцовым эскизам 1843 г. оказалась устойчивой.

Объясняя данное явление, можно, правда, с некоторой долей условности, провести аналогию с постройкой частных домов. Создание проекта с чистого листа требовало значительных усилий и фантазии, а архитектурные идеи образцовых проектов помогали автору заработать искомые деньги «малой кровью». Такая ситуация, по нашему мнению, была характерна и в отношении строительства мечетей.

Как указывалось выше, авторами «образцовых проектов» являлись столичные архитекторы, имевшие представление о наиболее известных мечетях исламского мира. Наконец, нельзя обойти вниманием и психологический момент. За период «образцового проектирования» выросло новое поколение мусульман, воспринимавшее мечети как неотъемлемую часть общественного и повседневного быта родного селения. Мигранты из деревни в облике переработанных проектов узнавали знакомые силуэты. «С этого времени в российских городах можно было наблюдать появление большого числа самых разнообразных по архитектуре мечетей, среди которых подавляющее большинство вновь составили здания с минаретами на крыше и с торцовым расположением минаретов, композицией, дававшей возможность эффектно обыграть средствами эклектической архитектуры контраст между купольным зданием и вертикалью минарета».

В инокультурной среде архитектура и размеры храма стали главными элементами самодентификации городских этноконфессиональных общин: «Во второй половине XIX —

начале XX вв. архитектурно-пространственная организация и архитектурно-декоративная система оформления усадеб и жилых домов татар... стали восприниматься как национальные, присущие мусульманам, и воспроизводиться в татарских слободах городов...».

Городская среда, имевшая свои архитектурно-художественные традиции, выгодно отличалась от сельской местности масштабностью постройки. Во второй половине XIX в. двухэтажные постройки определяли внешний облик центральных улиц губернских и главных улиц уездных и заштатных российских городов. Большие и помпезные православные соборные храмы, построенные в центральной части города, несли глубокую архитектурно-композиционную и религиозно-смысловую нагрузку. «Поддерживаемая государством и непосредственно каждым из императоров, начиная от Николая I и кончая Николаем II, политика возрождения национального и православного облика российских городов с помощью храмового строительства в русском стиле принадлежит к числу самых ярких и характерных выражений градостроительства середины XIX — начала XX века».

Важным фактором, способствовавшим сближению облика христианских храмов и мечетей, стал архитектурный стиль эпохи. Архитектурное оформление мечетей запечатлело синтез барокко, русского классицизма и местных декоративных традиций. Поэтому специалисты легко выделяют общие черты, скажем, мечетей Казани с памятниками русской архитектуры города.

Красивая и величественная мечеть с высоким минаретом не только становилась сакральным символом ислама и заметным в слободе сооружением, но и по внешнему оформлению конкурировала с монументальными культовыми памятниками других конфессий. «Само слово «манара» (место разжигания огня, маяк) происходит от трехбуквенного корня Н—В—Р со значением свет. Свет и огонь (нур ва нар) — неотъемлемые атрибуты-понятия универсальной идеи минарета не только как заметного иконографического признака архитектуры мечети, но и минарета как самостоятельного, отдельного от мечети сооружения и понятия». Культовое здание всегда отличалось своеобразным орнаментом, что связано как с исламскими традициями, так и стремлением заказчика сделать его максимально изящным в художественном отношении, что считалось проявлением уважительного и трепетного отношения к исламу.

В 1863 — 1917 гг. хозяином положения в определении архитектурно-градостроительных норм исламских культовых зданий выступал зодчий. Кроме него, приоритетное значение в определении размера здания и высоты минарета имели, на наш взгляд, следующие факторы. Возведение мечети для мусульман было обусловлено финансовыми вопросами. Хотя городские мечети именовались соборными — джами, на самом деле они возводились для конкретной общины и строились как приходские мечети, для ограниченного числа прихожан.

XIX век стал важным периодом ускоренного проникновения в татарское общество урбанизационных процессов, следствием чего явилось формирование и усиление мусульманских общин во многих промышленных и торговых центрах России. Уроженцы сельской местности стремились создать на новом месте обитания привычную религиозно-бытовую атмосферу, возродить национальные традиции, что наглядно проявлялось в архитектуре возводимых ими деревянных мечетей. Не соответствовало бы действительности и предположение, что на заказчиков мечетей в городах не имели влияния приоритетные нормы возведения их в деревнях в XVII — XVIII вв. Городские мечети, благодаря профессиональным качествам исполнителей и их творческому подходу, приобрели современный облик.

Заказчиками проекта выступали, как правило, меценаты или духовенство прихода. Во время предварительного обсуждения вопроса или эскиза проекта они в той или иной степени опирались на свою визуальную память или иллюстрации мечетей Средней Азии, Турции, Аравии, образцы исламских молелен, запечатленные в памяти на пути в хадж, во время обучения или нахождения за границей по торговым делам.

Финансовый потенциал татарской предпринимательской элиты позволял приглашать на разработку проекта мечети лучших зодчих края. Ими, как правило, являлись губернские или городские архитекторы. Иногда имели место исключения. Так, каменная мечеть в Семипалатинске была построена в 1850-е гг. по оригинальному плану столичного архитектора, в подражание «образцовым проектам» 1843 г..

Местные архитекторы в течение жизни проектировали не один десяток православных храмов и других общественных зданий. Заказ же на разработку чертежной документации каменной мечети становился событием в архитектурной практике зодчего. Учитывая пожелания заказчика, он опирался на свой опыт, которым, по сути, нередко и восполнялся пробел в его знаниях в области исламского культового зодчества.

Проекты создавались по договоренности между заказчиком и конкретным исполнителем, как правило, без какого-либо конкурса. Во-первых, проведение конкурса означало дополнительные затраты. Во-вторых, надо полагать, выбор исполнителя проекта производился по рекомендации надежного и компетентного человека или, еще проще, им становился городской или губернский архитектор.

Согласно «Городовому положению» 1870 г., строительство частных домов являлось прерогативой городской управы. Разрешение на постройку мечети, предполагавшее выявление места ее возведения, оставалось в распоряжении губернской администрации.

Следует отметить, что именно проектная деятельность приносила архитекторам наибольший доход. В 1865 г. содержание губернского архитектора составляло 475 руб., помощника архитектора — 350 руб. В пореформенный период за проект здания платили 1—1,5% от его сметной стоимости. Образование земских учреждений и начало их деятельности по организации социально-бытовой инфраструктуры в уездах ознаменовалось строительством зданий различных общественных, хозяйственных и культурно-просветительских учреждений. Появился большой спрос на услуги техников и архитекторов.

Мир архитекторов был тесен. Каких-либо ограничений, запрещающих чиновникам-архитекторам по найму выполнять проектно-сметные работы, не существовало. Исполнение заказов, поступивших от мусульман, приносило дополнительный доход в бюджет их семьи; таким образом, имелся материальный стимул для исполнения проекта в лучшем виде. К тому же именно в проектной деятельности наиболее ярко реализовывался творческий и профессиональный потенциал зодчего. Утверждение Л.М.Муртазиной о том, что «во второй половине XIX в. в Казани не было частнопрактикующих архитекторов в чистом виде, практически все архитекторы являлись чиновниками или служащими органов самоуправления, и для получения частных заказов общепринято было использование служебного положения», правомерно распространить на все города России, кроме, пожалуй, Санкт-Петербурга и Москвы. Татары в городах, как правило, занимались мелочной торговлей, ремеслом или трудились в сфере обслуживания городского хозяйства.

В районах компактного расселения мусульман, в Волго-Уралье, бывали и исключения. Об одном таком факте — о возведении в 1802 г. каменной мечети №6 г.Казани крестьянином д.Мачкара — сообщает Ш.Марджани. При выборе подрядчика решающее значение имели финансовая сторона вопроса и мастерство строителей, а не вероисповедание исполнителей.

Иногда по единому проекту одни и те же нанятые строители возводили несколько молелен в различных местностях. Так, Н.Х.Халитов установил совпадение планировки и идентичные декоративные мотивы мечети Тулуя в г.Уральске (вторая половина XIX в.) и Султановской мечети Казани (городской архитектор Амкиев, построена в 1868 г.), а мечеть в г.Чите возведена в подражание Бурнаевской мечети в Казани.

Уникальным источником для освещения предварительного, «согласительного», этапа разработки проекта храма являются опубликованные в 1907 г. Санкт-Петербургским обществом архитекторов по поручению комитета в журнале «Зодчий» требования конкурса по составлению эскизного проекта здания соборной мечети. Они важны прежде всего в плане определения основных строительно-технических требований к мечетям, возводи-

мым в европейской части России и Сибири, что особенно значимо при отсутствии других подобных сведений.

На основе этой публикации можно произвести реконструкцию комплекса вопросов, которые должны были учесть и найти консенсус заказчик и исполнитель. Прежде всего решался вопрос о месте постройки будущей мечети. Земельный участок для будущей мечети, недешево обходившийся прихожанам по городскому земельному кадастру, как правило, за счет приобретения под снос строений, должен был быть максимально эффективно использован. От видения перспектив приобретенного земельного участка зависел план будущих строений. Несомненно, при этом учитывалось разрешенное властями расстояние до ближайшего здания. На него накладывалось требование установления михраба в направлении Мекки. Таким образом, заказчик, с учетом периметра мечети и рекомендации исполнителя, лично определял месторасположение здания. Очевидно, при этом должно было приниматься во внимание местоположение приобретенного земельного участка в квартале или на улице.

Основной целью возведения мечети являлось создание условий для совершения общественной молитвы прихожан. Фактически речь шла о просторном помещении для молящихся. Стиль мечети, строительный материал, покрытие пола, отопление здания, высота минарета, другие имеющиеся в здании второстепенные помещения (место для одежды и обуви, их вместимость), размеры и число дверей и окон и др. — все это должно было быть подчинено успешному исполнению главной функции и служить удобству отправления религиозных потребностей мусульман по принципу «мечеть — для молящихся». Естественно, заказчики имели представление о максимальной вместимости помещений. Поэтому, конечно же, в соглашении между заказчиком и исполнителем важное значение имели площадь, высота потолка молитвенного зала, способы его освещения и отопления.

Следующим по значимости вопросом для обеих сторон являлись число и размер комнат (залов), высота минарета(ов) мечети. Как сакральная, наиболее эффективная для внешнего восприятия часть богослужебного здания, минарет должен был располагаться на виду всего города. Немаловажным элементом архитектуры, оказывающим большое влияние на внешний вид, размеры и стиль молельни, считалась форма крыши (скатаобразная крыша, купол и др.). Стиль культового здания также предварительно обсуждался.

Для представления полной картины внутреннего и внешнего оформления каменной мечети заказчик мог затребовать чертежи, по которым будут производиться строительные работы. Далее наступала очередь выбора строительного материала и облицовки здания. Непременным условием при этом являлось требование отсутствия на стенах изображений живых существ.

Во второй половине XIX — начале XX в. крупные мусульманские общины Казани, Оренбурга, Уфы, Астрахани стремились возводить высокие минареты. Это явление специалисты склонны объяснять архитектурным оформлением их сакральной значимости, что, безусловно, происходило под влиянием традиций христианского храмового строительства, стремлением крупной и экономически сильной общины архитектурно обозначить на городском мультикультовом ландшафте свое молитвенное здание, чтобы оно подобающим образом выглядело на фоне христианских церквей. Достойна внимания мысль Г.Н.Айдаровой-Волковой о том, что заказчик иногда сознательно шел на использование в архитектуре элементов имперского стиля, который придавал облику мечетей черты храмовости.

К концу XIX в. декоративное оформление мечетей становится богаче, оно включает широкий набор элементов архитектурного убранства монументальных культовых зданий мусульманского мира. Наиболее концентрированно оно выражено в архитектурных особенностях Азимовской мечети в Казани (1887 — 1890 гг.).

Данное явление позволяет уверенно говорить о повышении требований заказчика — татарской промышленной и торговой элиты к религиозно-общественным зданиям мусульман. Этому способствовало глубокое осознание себя неотъемлемой частью исламского

мира, увиденное во время паломничества в Мекку, совершаемого обычно через Одессу и Османское государство, общение с представителями исламской цивилизации, обучение татар в религиозных учебных заведениях мусульманских государств, в целом укрепление культурных и экономических связей со странами исламской цивилизации.

Несомненно, купец Шагиахмет Азимов, хорошо представляя творческий потенциал и возможности российских архитекторов, нашел специалиста «со стороны», имя которого остается неизвестным истории. Это решение купца-мецената полностью оправдало себя: он подарил жителям Старо-Татарской слободы мечеть, являющуюся одним из красивейших образцов монументального культового здания ислама в Российской империи, обессмертив тем самым и свое имя. Творческий гений автора проекта удачно воплотил в своем детище традиции возведения мечетей в Турции, Индии, удачно дополнив и обогатив их элементами национального татарского искусства. Благодаря этому «впервые в архитектуре мечетей российского периода взяты за основу в качестве культурного образца не стилевые системы русско-европейской христианской архитектуры (барокко, классицизм), а стилевые образцы мусульманского Востока», был модернизирован и создан «облик современной для того времени культовой татарской культуры».

Каменные мечети с минаретом на крыше, базировавшимся на многокамерной планировке, получили распространение в городской архитектуре за пределами Волго-Камского региона. Очевидно, уроженцы сельских регионов Среднего Поволжья, переселившиеся на окраину, заказывали проект, основанный на композиции традиционной мечети родного селения. Яркими образцами их служат мечети №2 и №3 в Каргалах, Уральске, мечеть Абдулгарея в г.Казалинске (Казахстан).

Известный специалист по мусульманским монументальным памятникам региона Н.Х.Халитов выделяет несколько групп мечетей. Первую группу представляют мечети, образ которых строится на противопоставлении статического горизонтального объема здания (однозальное помещение) и стройного минарета. Среди них выделяются в подгруппы мечети, базирующиеся на народной архитектуре (прямоугольные помещения с вальмовой крышей, с минаретом по оси северного фасада), и мечети, использующие образные и декоративные средства русского романтизма и эклектики. Это мечеть Бурнаева (1872 г.), Казакова, (1874 г.), Султановская мечеть (1868 г.), Азимова (1887 г.) в Казани, мечети №3 и №4 в Уфе, мечеть Тулуя в Уральске (вторая половина XIX в.), мечеть №5 (1885 г.) Оренбурга и мечеть в Петропавловске (начало XX в.). Причем привлекают внимание мечети, вобравшие в себя самобытность местных традиций: мечеть на Татарской улице в Саратове (до 1904 г.), отразившая в своей архитектуре формы немецкой культовой традиции, мечеть в Бугульме Самарской губернии (1900 г.), где отчетливо преобладают формы русской эклектики, мечеть Хаджи Назар в Казалинске, минарет которой имел характерные казахские формы.

Вторая группа мечетей имеет ту же композицию, что и первая группа культовых зданий. В них над молельным залом размещается барабан, увенчанный шатром или маковкой и повторяющий верхний ярус. Планировочно они относятся к однозальному типу, но с увеличением площади с антресольными галереями и колонным залом: мечеть №2 в Адмиралтейской слободе (Бишбалте) Казани (1898 г.), мечеть в Москве (1904 г.), мечеть в Кустанае.

В третьей группе мечетей наблюдается прямое использование идеи образцовых мечетей 1843 г. Она представлена зданием купольного типа с примыкающей к нему вертикально стройной башней. Планировка зданий могла быть как однокамерной, так и двухкамерной; в образе и внешних формах этой группы культовых зданий обычно отражались мотивы и традиции народного зодчества. Это мечети в Павлодаре, №3 в Семипалатинске, Архангельске (начало XX в.), Благовещенске, Иркутске, №9 в Астрахани, в Зайсане Тюменского округа и др.. Некоторые из них были уничтожены пожаром. В частности, в 1868 г. малочисленная мусульманская община г.Бугуруслана получила разрешение на постройку мечети по «образцовому проекту» 1843 г. ; здание мечети сгорело в 1881 г.. Возведен-

ная с учетом «образцового чертежа» 1843 г. деревянная мечеть в г.Томске сгорела в 1898 г..

Широкое применение в оформлении общественных зданий, в том числе мечетей, самых разных стилевых направлений российской архитектуры — барокко, классицизма, различных направлений эклектики, модерна — разнообразило облик исламских культовых зданий.

По сведениям начала XX в., в губернских городах даже слабые в экономическом плане общины стремились строить каменные молельни. На такую позицию мусульман влияли градостроительные требования, желание обзавестись долговременным, в противопожарном плане безопасным зданием, экономические возможности мутавалли и другие причины. В целом, исходя из материала постройки здания, можно в определенной степени рассуждать об экономических возможностях и потенциале этноконфессиональной общины. (Безусловно, необходимо знать также конкретную историю постройки мечети.)

Деревянные мечети в городах возводились прежде всего во вновь учреждаемых махаллях, со временем они заменялись каменными зданиями, или в рабочих слободах, где проживал трудовой люд. В уездных городах преобладала тенденция строительства деревянных мечетей.

На облик не сохранившихся зданий городских деревянных мечетей специалисты исламской культовой архитектуры уверенно проецируют планировку, композицию и конструкцию сельских мечетей второй половины XVIII—XIX вв. Срубные одно-двухэтажные здания покрывались высокой двухскатной крышей, а минарет конструктивно крепился к стропилам и балкам перекрытия. «Планировка мечетей осуществлялась по известной нам стандартной схеме «сени — вестибюль — алтарная часть». Из сеней вел ход в складской подклет, а также лестница на чердак, где по специальной дорожке можно было пройти к минарету, на верхнюю площадку которого вела винтовая лестница».

Несомненно, градостроительные нормативы оказывали влияние на этажность и размеры деревянных мечетей. В дореформенный период деревянные жилые здания (с печью) запрещалось строить более чем в 12 саженей в длину и до 1868 г. не позволялось возведение двухэтажных деревянных домов.

В 1908 г. в городах Оренбургской губернии насчитывалось 17 каменных и 5 деревянных мечетей: в Оренбурге — 7 каменных, Орске — 1 каменная и 3 деревянные, в Троицке — 6 каменных, в Челябинске — 1 каменная, в Илецкой защите — 2 каменные, в Верхнеуральске — 2 деревянные. В 1911 г. в административном центре Саратовской губернии, уездных городах Кузнецке и Царицыне мусульмане на общественный намаз ходили в каменную мечеть, в Вольске и Хвалынске — в деревянную молельню. В начале XX в. (1913 г.) в Казанской губернии достопримечательностью уездных городов Мамадыш, Спасск, Тетюши являлись исламские деревянные культовые здания, в Чистополе — деревянная и каменная мечети, в губернском городе — 12 каменных и 5 деревянных молелен.

Период «образцового проектирования» (1829 — 1862 гг.) предусматривал соблюдение определенных «клише» в объемно-планировочной композиции мечети. Образцовые проекты, рассчитанные для сельской местности, сильно проигрывали на фоне развернувшегося строительства помпезных и величественных монументальных православных соборов и церквей по проектам архитектора К.Тона. В российской градостроительной концепции и до этого размерам и месторасположению православных храмов придавался идеологический смысл, резкое выделение соборов в городском мультикультовом ландшафте придавало явлению политический оттенок.

Как правило, лишь в случаях нарушения требований пожарной безопасности или санитарных норм чиновники вносили исправления в проекты мечетей. Например, при утверждении плана и фасада будущей 4-й мечети в г.Уфе (2 марта 1906 г.) были высказаны замечания: у печей, ввиду значительной высоты здания, должны быть коренные трубы; деревянное здание должно иметь еще один запасной выход; проектируемые хоры, в предуп-

реждение опасности в техническом и пожарном отношениях, были признаны недопустимыми к постройке.

Могла ли духовная власть непосредственно влиять на размеры и внешний вид городского мусульманского культового здания? В этой связи невольно вспоминается предание XIX в. о том, что минарет мечети, возведенный царевичем Касыймом в 1467 г., был выше и потому сломан по приказу царя Петра Великого, который, проезжая через Касимов, принял мечеть за православный храм и перекрестился на минарет мечети. Когда ему сообщили о досадной ошибке, царь велел разгромить мечеть из пушки.

Верх минарета был уже разрушен, но просьбы татар убедили Петра I оставить единственный в местности молитвенный дом.

Другой случай легендарного характера, широкоизвестный среди татар Казанской губернии во второй половине XIX в., записал Каюм Насыри. Он связан с возведением первых двух каменных мечетей Казани (конец 1760-х гг.). «Когда дело дошло до возведения минарета, городские власти, обеспокоенные его высотой, написали Екатерине II: «Ты хоть и дала мусульманам разрешение на строительство мечетей, но они строят очень высоко». Царица ответила на это так: «Я определила им место на земле, а в небе они вольны подниматься по своему усмотрению, потому что небо не входит в мои владения».

Духовные власти крайне редко выражали свои претензии относительно плана и фасада предполагаемых к постройке мечетей. Как свидетельствуют архивные документы, губернские власти представляли на рассмотрение духовной консистории весь пакет документов, поступивших от мусульман: приговор общества о желании построить мечеть, ходатайство уполномоченного, приговор о предоставлении уполномоченному права обращаться от имени общины к властям по указанным в документе вопросам и другие материалы.

Для возбуждения ходатайства о возведении мечети в городе приход должен был прежде всего обозначить место ее постройки, что предполагало приобретение земельного участка. Если же при рассмотрении ходатайств из деревень губернские правления, не обращая особого внимания на расстояние между мечетью и ближайшими постройками, в конце текста своего постановления ограничивались припиской, чтобы мечеть строилась на открытой местности, установленной законом, то вопрос в данном случае становился важной частью обсуждения в губернском правлении.

В большинстве случаев прагматичные горожане начинали разработку проектно-строительной документации только после того, как получали разрешение на возведение мечети, основными условиями для получения которого являлись наличие установленной законом численности душ муж.п., правильность составления приговора, отсутствие соблазна от будущей мечети для христиан и новокрещеных, в определении которого значительную роль играло и место расположения будущего исламского богослужебного здания. Поскольку проектирование культовых зданий производилось не бесплатно, заказчики стремились действовать наверняка, чтобы эти расходы были не напрасными. Поэтому планы и фасады будущих мечетей представлялись на утверждение позже, после получения от властей принципиального согласия на возведение молельни и приобретения под него земельного участка. Второй причиной следует указать экономическую слабость этноконфессиональных общин, члены которых, как правило, после регистрации прихода поручали духовному пастырю организационные вопросы по возведению мечети. В случае отсутствия в представленных документах чертежей руководство епархии лишалось возможности обсуждения облика будущей мечети. После регистрации исламской общины возведение молельни локализовалось в строительно-технический вопрос.

В христианском вероучении место совершения культового обряда имеет сакральное значение. В городской среде размеры и архитектура храма олицетворяли господствующее положение русской церкви в империи. Как свидетельствуют источники, главные претензии властей касались высоты минарета — архитектурного символа существования в посе-

лении исламского анклава, возводимого для выполнения ритуала азан — пятикратного призыва в день муэдзином правоверных к общественному намазу.

Протесты духовных властей сводились к трем моментам. Во-первых, в поликультурной среде, независимо от размеров богослужебного здания, минарет становился главным символом городского ландшафта, если учесть, что часть православных храмов имела колокольные. Важно подчеркнуть, что до начала индустриализации приметой ландшафта российских городов выступала монополия православных культовых зданий. По мере усиления урбанизационных процессов и формирования нерусских этнических общин в городах храмы стали выражением поликонфессиональной сущности Российской империи. Во-вторых, отсутствие минарета как бы снимало с повестки дня необходимость ежедневного пятикратного провозглашения призыва к молитве или локализовало его звучание в ближайшей округе. Возведение минарета имело принципиальное значение для уммы, выступавшей в качестве ключевого элемента, подтверждающего полноценность конфессии на мультикультурном ландшафте поселения. «Мечеть без минарета, что птица без полета» — гласит татарская пословица. В-третьих, известное влияние на облик мечетей оказывали отсутствие в законодательстве положения о минимальном расстоянии между исламским и православным богослужебными зданиями и принципиальная позиция духовной власти «добиваться отдаленности мечетей от центра поселения и церквей», что будет рассмотрено нами отдельно.

«Нестандартные» случаи отмечались в «александровскую эпоху», отличавшуюся толерантностью правительственного внутривластного курса. Москва испокон веков считалась оплотом православия и хранительницей державных и духовных традиций Руси. Такая государственная миссия первопрестольной создавала преграды жизнедеятельности исламской общины в «сердце» России. В 1805 г. оренбургский муфтий Мухаммеджан Хусаинов лично обратился к московскому военному губернатору А.А.Беклемишеву с ходатайством о возведении каменной мечети в Татарской слободе (12 домов, 57 душ муж.п. и 45 душ жен.п.), объясняя ее необходимость многочисленностью приезжающих мусульман (ежегодно от 250 до 300 торговцев и гостей). Указание московского митрополита Платона на возможные «неудовольствия и соблазны» для коренных горожан в случае возведения исламского богослужебного здания сорвало его реализацию. Известно, что в 1811 г. мусульмане (225 татар и 35 турок) составляли всего лишь 0,09% москвичей (275 тыс. человек).

В 1816 г., когда проживающими в Татарской слободе мусульманами было подано «высочайшее» ходатайство о дозволении устроить мечеть, министр духовных дел А.Голицын остался недоволен инициативой купцов из числа татар и бухарцев, рекомендовал московскому генерал-губернатору А.П.Тормасову половинчатый вариант разрешения «мусульманского вопроса»: лучше «приискать в Москве какой-нибудь казенный дом» для совершения исламской молитвы.

Было предписано провести расследование «о существовании в Москве доселе мечети». Однако и после получения сведений о давней, задолго до пожара 1812 г., традиции исламского общественного богослужения в Москве и выяснения незыблемости намерений татарской общины граф А.П.Тормасов (2 марта 1817 г.) предложил купцам приобрести в Татарской слободе частный дом, «но с тем, чтоб дом сей, будучи обыденного вида с прочими обывательскими домами, не имел снаружи ни малейшего признака мечети». Уполномоченный общины московский купец М.Абдуллов заявил, что им неудобно отправлять богослужение в частных домах, они желают устроить мечеть «на подобие существующих в Казани» и в других местностях.

На основании жалобы причта Замоскворецкой церкви великомученика Никиты новый московский генерал-губернатор князь А.Голицын 28 сентября 1823 г. предписал уведомить мусульман о том, чтобы азан в Татарской слободе не производился. Одновременно в качестве компенсации на запрет купцу «из бухарцев» Назарбаю Хашалову разрешалось производить богослужение, не называя помещение молитвенного собрания мечетью.

Любопытно, хотя согласно «Уставу строительному» строительное отделение губернского правления имело право самостоятельно утверждать план реконструкции (расширения) мечети (автор — архитектор Певницкий), о поступлении чертежной документации московской мечети чиновники-архитекторы предварительно уведомили генерал-губернатора. Только после перестройки молельного дома в 1882 г. и возведения минарета и купола богослужебное здание приобрело традиционный облик исламского культового здания.

Этнические общины, возводившие мечети для своих махаллей, которые по своей численности были в несколько раз меньше православного прихода, как правило, не давали властям повода придирается к размеру богослужебных зданий. Таким образом, можно констатировать: если бы мусульмане вздумали построить джамии-мечеть внушительных размеров, то она обязательно должна была быть меньше и в архитектурном отношении менее эффектной, чем главное культовое здание административного центра. Это негласное правило должны были иметь в виду зодчие (исключение — соборная мечеть в Санкт-Петербурге и ряд богослужебных городских мечетей, возведенных за казенный счет «в угоду достижения политических целей»). В этом заключалась суть государственно-исламских отношений, бытующих в городах европейской части России и Сибири Нового времени в области архитектуры.

Данная особенность мультикультового ландшафта российского города четко прослеживается в записях современников. В частности, прибывшая в декабре 1882 г. из Петербурга для работы в местной земской больнице А.И.Веретенникова так запечатлела ландшафт уездного города Стерлитамака (Уфимская губерния): «За одним концом города я видела минарет мечети, а на площади с неизбежным рядом лавок, загроможденной возами по случаю базарного дня, находилась церковь и большое желтое двухэтажное здание присутственных мест; словом, все обстояло так, как быть должно в уездном захолустье».

Отсутствие чертежной документации в некоторых случаях не становилось преградой для выдвижения ряда условий относительно облика будущей молельни, свои действия мусульмане объясняли стремлением «не испортить» городской ландшафт символом исламского монументального культового искусства и необходимостью защиты своей паствы. Скажем, в посаде Мелекес Ставропольского уезда Самарской губернии в 1886 г. намерение мусульман построить мечеть в центре поселения (на ул. Большой) между двумя церквями на расстоянии от первой в 65, второй — 78 саженей было приостановлено «с рекомендацией избрать место на окраине посада». В 1897 г., прежде чем дать справку об отсутствии соблазна постройки новой мечети, предполагавшейся к возведению на расстоянии 175 саженей от храма Александра Невского, от Никольского храма — в 230 саженей, духовная консистория потребовала от губернского правления копию городского плана и проект мечети, «дабы можно было судить: от возведения этого здания не может ли производиться впечатления невыгодного для христианства — господствующего в государстве вероисповедания, если мечеть с минаретом окажется величественнее храмов православных». В действительности же рассчитанная на локальную общину двухэтажная мечеть оказалась весьма скромным сооружением.

Данная традиция сохранилась и в начале XX в. В 1904 г., рассмотрев ходатайство татарской общины г.Архангельска, местный архиерей выдвинул несколько условий, а именно: чтобы мечеть находилась подальше от православных церквей и центра города и была построена «без минарета и других каких-либо внешних признаков, за исключением при ней алтаря и купола с луною». На этом основании администрация отказала мусульманам в удовлетворении их просьбы.

При повторном ходатайстве татары, со ссылкой на образцовые чертежи 1843 г., указали на наличие на одной из них минарета. Прошение вновь поступило епископу Архангельскому и Холмогорскому на «заключение».

Архиерей твердо стоял на своем, напомнив губернскому правлению, что «согласие его на постройку мечети в указанной для того местности было обусловлено отсутствием при мечети минарета и других внешних признаков, ввиду сравнительной близости названных

местностей к православным храмам и к центру города. На высочайше утвержденных в 1844 г. (1843 г.— *И.З.*) чертежах соборные и пятивременные мечети показаны как с минаретами, так и без них, и, следовательно, этими чертежами отнюдь не устанавливается исключительный тип мечети, именно с минаретами, а наоборот, предусматривается, на равных основаниях, и тип мечетей без минаретов. На этот раз гражданская власть неформально подошла к «мусульманскому вопросу»: губернатор обратился за советом в столицу и получил добро на удовлетворение ходатайства татарской общины. Тем не менее предусмотрительные мусульмане за основу плана своей мечети взяли «образцовый чертеж» 1843 г. Возведенный рядом с мечетью толстый ствол минарета примерно на уровне купола резко обрывался.

Чтобы «не оскорблять чувства православных», многие годы над помещением моленной для военнотатарских мусульман в Кронштадте не ставили минарета. Лишь 18 февраля 1905 г., с разрешения главного командира порта адмирала Макарова при стечении всей мужской части татарской общины, был возведен «небольшой минарет с полумесяцем». После Первой российской революции в правительственных кругах наметилось усиление исламофобских настроений. ДДДИИ стал придавать значение размерам мечетей в тех городах, в которых доселе исламских монументальных зданий не было. В 1910 г., когда мусульмане Кронштадта обратились с просьбой о разрешении провести сбор пожертвований по всей России на постройку мечети вместимостью 900 молящихся на сумму 75 тыс. руб., власти воспользовались своим правом на определение целесообразности новой моленной, заявив, что размеры исламского культового здания будут значительно превышать потребности существующей гражданской общины, и порекомендовав пересмотреть его сметную стоимость (значит, и его размеры). Примечательно, что «взвешенное решение» было принято после проверки инцидента с выездом на место представителя МВД, подтвердившего доминирование в мультикультурном ландшафте Кронштадта христианских символов (отсутствие вблизи будущей мечети православных храмов и расположение «в недалеком расстоянии ближе к въезду в город с пристани» лютеранской церкви с «значительных размеров колокольной») и доминирующее положение построенного в центре города «величественного военно-морского собора».

Выявленные нами факты вмешательства властей в разработку фасада будущего культового здания представляют исключение из общей тенденции согласованных действий заказчика и проектировщика. Главную роль в определении «объема и размера мечети» играли потребности и возможности махалли, из которых исходил зодчий при архитектурном оформлении, соблюдая определенную пропорцию между минаретом и зданием.

В Новое время «символом и критерием масштабности мечети на улицах города стала высота ее минарета».

Еще до введения в 1829 г. правила об открытом пространстве вокруг мечети, богослужебные здания возводились в некотором отдалении от других строений. В данном случае на них распространялись градостроительные нормы, учитывающие противопожарную безопасность, влияли также и объемно-пространственные особенности улицы. По свидетельству Ш.Марджани, первая официально разрешенная каменная мечеть Казани (1767 — 1770 гг.) была построена на земельном участке, освободившемся после переселения четырех домохозяев.

Нередко игнорирование имперским законодательством возможности возведения мечетей в городах становилось причиной различных неурядиц, способствовало осложнению отношений между общиной и местной властью.

Какой позиции придерживалось Духовное собрание? В связи с жалобой имама г.Царева на захват места, принадлежащего мечети, купцом Ахтямовым и мещанином Аминевым (община хотела построить новую мечеть на месте старой), в 1863 г. Духовное собрание запросило сведения о расстоянии от мечети до ближайших строений, принадлежащих Ахметову и Аминеву. Оказалось, что их постройки расположены в 6,5 сажени. Религиоз-

ное управление сочло благоразумным воздержаться от вынесения каких-либо решений и передало дело на рассмотрение Астраханского губернского правления.

Пробел в законодательстве способствовал различной трактовке «Устава строительного» губернскими строительно-техническими органами. Во второй половине XIX в., рассматривая апелляции мусульман, сенат считал, что на исламские богослужебные здания распространяются нормативы постройки православных церквей. В Самарской губернии практиковался именно такой подход: в 1898 г. местная администрация согласилась на передачу общине г.Бузулука дворового места (17х30 саженей) с полукаменным двухэтажным домом (6х30 саженей) с флигелем и другими надворными постройками, принадлежавшего временному 2-й гильдии купцу Гильману Гимранову, под богослужебное здание.

Градоначальник Ростова-на-Дону также в 1897 г. высказался за единые требования для храмов различных конфессий (10 саженей).

В Оренбургском крае, наоборот, власти требовали неукоснительного соблюдения 20-саженного расстояния. В частности, в 1877 г. сенат отменил постановление Оренбургского губернского правления о запрете возведения каменной мечети № 4 в Троицке на том основании, что избранное под молельню место не соответствует требованию статьи 265 «Устава строительного». Было заявлено о действии этого правила в сельской местности и о невозможности его применения в городском поселении. В 1857 г. в г.Верхнеуральске под строительство было выделено пять усадебных земельных участков общей площадью 2400 кв. саженей. Ряд нюансов строительства мечети в городе выявляет история строительства мечети купцом Ахметом Хусаиновым в Оренбурге.

В 1890 г. городская управа отказала купцу в просьбе на возведение молельни на купленном им месте в начале Гостинодворской улицы, мотивируя свой отказ запретом согласно «Уставу строительному» возведения мечетей на дворовых участках. В марте 1891 г. А.Хусаинов подал прошение, представив чертеж и план участка, о разрешении на возведение мечети на Чернореченской площади. И на этот раз управа отказала, ссылаясь на ряд обстоятельств, в числе которых значилось отсутствие поблизости домов мусульман. Отказ управы был утвержден городской думой («за» — 23 голоса, «против» — 12), которая компенсировала свои действия решением об удовлетворении ранее отказанного ею же ходатайства А.Хусаинова о возведении мечети на Гостинодворской улице путем изменения плана города, на что требовалось разрешение министра внутренних дел. После согласования вопроса в 1892 г. в столице мечеть была возведена с соблюдением минимального расстояния в 12 саженей от ближайшей постройки.

Сенатские указы, принятые по конкретному случаю, не всегда имели постоянную силу. В конце XIX в. администрация Уфимской губернии в качестве одной из причин невозможности возведения Третьей соборной мечети (каменной) в Уфе указала отсутствие «20-саженного открытого пространства». Мещанин Гильман Абдулкаримов в своем прошении от 17 декабря 1897 г. обратил внимание министра внутренних дел на правомерность распространения правил для православных церквей на мечети, поскольку законодательство регулировало месторасположение мечетей только в деревнях. Думается, здесь не обошлось без квалифицированной помощи юриста. Г.Абдулкаримов подчеркивал, что мечети и церкви «состоят из собрания верующих, то и имеют одно между собой значение». Он потерпел неудачу: МВД отказало ему, указав, что разрешение на возведение мечети дает губернское правление. Вопрос был положительно разрешен в 1900 г..

Несмотря на это, в 1901 г. по случаю безвозмездной передачи Адиатуллой Абдулхаликовым местной татарской общине г.Бирска дворового места и дома по ул.Набережной под устройство мечети, уфимский губернатор констатировал несоответствие этого участка (18 г 32 сажени) требованиям статьи 265 «Устава строительного». Министр счел уместным уведомить губернатора, что данная статья относится лишь к сельским мечетям, а не городским. Очевидно, что у сотрудников МВД к этому времени сложилось собственное мнение относительно расстояния вокруг городских мечетей, а также месторасположения мечети. Думается, это была принципиальная позиция чиновников Уфимского губернского

правления. Архивные материалы свидетельствуют о том, что и в последующие годы полиция проверяла соответствие пространства вокруг мечети установленному для сельских молелен нормативу. В частности, сведения об этом были зафиксированы при рассмотрении ходатайства мусульман г. Уфы о сооружении 4-го культового здания (27 марта 1905 г.), 4-й мечети за рекой Стерля в г. Стерлитамаке (15 ноября 1904 г.). Причем полиции предписывалось наблюдать за тем, чтобы постройка была произведена точно по чертежу и с соблюдением открытого пространства, установленного законом. В случае согласия с постановлением губернского правления, распространяющим на городскую застройку сельский норматив, мечеть возводилась на открытом пространстве в 20 саженей. Это означало лишние затраты, связанные с приобретением соседних участков, или даже могло привести к пересмотру общиной места постройки. «Перелом» во мнении сотрудников Уфимского правления произошел лишь при рассмотрении в 1907 г. проектной документации будущей мечети в Мензелинске, ближайшие строения от которой должны были находиться в 7,5 саженях.

При выделении участка и утверждении места застройки мечети Нижнего Новгорода губернская администрация и городская дума придерживались указания «Устава строительного» о необходимости открытого пространства вокруг нее в радиусе 20 саженей. Лишь с разрешения МВД в 1910 г. местные власти выдали строительный билет «Комитету по постройке магометанской мечети», предполагавший возведение храма в 12 саженях от жилых домов.

Существует и «обратная сторона» вопроса о 20-саженном открытом пространстве. С 1870 г. городские органы самоуправления получили право на безвозмездное выделение пустующих участков нехристианским общинам под церковное строительство. В таких случаях «сельский норматив» превращался в своеобразную льготу для общины. Махалля под предлогом постройки при мечети мектеба старалась получить максимально большой земельный участок. Например, Уфимская городская управа безвозмездно выделила под постройку 4-й городской мечети 1250 кв. саженей.

В предреформенный период и в Казанской губернии данное правило свято соблюдалось. К примеру, татарская община г. Чистополя, в 1854 г. через своего доверенного — 3-й гильдии купца Мияссара Мавлютова возбудившая ходатайство о постройке на месте сгоревшей новой мечети, столкнулась с проблемой обеспечения вокруг нее открытого пространства. Поскольку в результате пожара 12 мая сгорела практически вся слобода, был вызван землемер, составивший план ее месторасположения. Губернское правление запросило у губернского землемера план местности, мнение городской думы и городничего. На основе представленного плана этноконфессиональной общине в 1855 г. было рекомендовано приобрести соседние земельные участки мещан Рафикова и Арасланова.

В конце XIX в. действовали уже другие критерии. В 1898 г. с «благословения» строительного отделения ближайшие от возводимой в Адмиралтейской слободе Казани деревянной мечети постройки оказались в 10 саженях от нее. Казанские архитекторы-чиновники, рассудив, что «закон допускает существование мирских построек на расстоянии 5 саженей даже по отношению к православным церквям», утвердили в 1900 г. план мечети и место ее расположения в уездном городе Спасске (расстояние от ближайших строений — 5,5 и 5,7 сажени). Однако решение строительного отделения все же не позволило татарам реализовать свою вожаделенную мечту. Такой подход стал нормой в строительном отделении Казанского губернского правления.

Было бы неверно обвинять в предвзятости губернских архитекторов, впервые сталкивающихся с возведением мечети, искавших и не находивших ответа на интересующий их вопрос в «Уставе строительном». Распространению «норм возведения христианских храмов» на мечети, вероятно, мешали и разный статус государственной православной церкви и ислама в Российской империи и менталитет русских архитекторов-чиновников. Правильная оценка таких нестандартных ситуаций предполагает комплексное изучение каждой из них. Поэтому ограничимся рассмотрением истории возведения татарской общиной

(до 500 душ муж.п.) мечети в Перми. Первоначально основное препятствие имело место со стороны строительного отделения губернского правления, отказавшего (12 декабря 1897 г.) в ходатайстве вследствие близости расположения будущей мечети от соседней межи (2 и 4 сажени).

Тогда поверенный общины купец Зиганша Ибетуллин (видимо, наняв юриста) в своем прошении в МВД представил обстоятельный анализ российского законодательства о возведении в империи храмов различных конфессий. Обратив внимание министра И.Л.Горемыкина на отсутствие в «Уставе строительном» статей о постройке мечетей в городах, в прошении выносилось заключение: согласно буквальному смыслу приведенных в законе статей их правомерно использовать только в сельском поселении. По сведениям Зиганши Ибетуллина, во многих городах расстояние между мечетью и постройками составляет столько, сколько положено для застройки в городских условиях каменных зданий. Поэтому он предлагал министру воспользоваться сложившейся практикой.

Повторное рассмотрение ходатайства мусульман Перми (17 мая 1900 г.) завершилось формированием у местных архитекторов и техников «нового подхода». Поскольку вопрос о возведении мусульманских культовых зданий не был оговорен в законодательстве, строительное отделение высказалось за расстояние в 10 саженей, т.е. столько, сколько предусмотрено законом для православных церквей. Однако воздержавшиеся от принятия самостоятельного решения губернские чиновники представили дело на заключение Техническо-строительного комитета МВД. Столичные архитекторы, в свою очередь, обратились за консультацией в ДДДИИ, который (8 декабря 1898 г. за № 6210) назвал дело затруднительным «для ясного ответа», признав его чисто техническим вопросом. В результате последовало дозволение на устройство мечети на расстоянии не ближе 10 саженей от соседних строений. В 1903 г. пермский губернатор спрашивал разрешение на открытие мечети, ближайшее здание от которой оказалось в 8,5 саженей.

В Казанской губернии разрешение на возведение на территории мечети ограды, любого строения (хозяйственное помещение, сторожка и др.), план местности и чертежи также утверждались губернским правлением. Огражденная территория становилась местом проведения общественного намаза, как правило, в дни религиозных праздников, когда мусульмане не помещались в мечети. Поэтому некоторые мечети расширяли свою территорию за счет приобретения земельного участка. В 1864 г. на уступленном имамом Халиуллой Хамитовым участке по заключенному с купцом Мустакимовым условию были разрешены пристрой к двухэтажному зданию Голубой (№ 4) мечети в Казани и возведение каменной ограды вокруг нее (ул.Мещанская). В 1873 г. городская управа Москвы разрешила соорудить каменную ограду вокруг мечети согласно чертежу, под присмотром архитектора.

В 1880 г. на территории московской мечети располагались деревянное одноэтажное нежилое и жилое здания (ближе к мечети, возведенный после 1871 г., дом сторожа), колодец, отсутствовавший в плане 1871 г..

Размеры приобретенной или безвозмездно выделенной под мечеть земли оказывали влияние на материал, из которого надлежало строить культовое здание. В целях противопожарной безопасности деревянные общественные здания должны были возводиться на расстоянии не менее 10 саженей от деревянных обывательских домов. Этому условия можно было избежать лишь в случае постройки каменной мечети. В 1912 г., вследствие выделения городской управой 150 кв. саженей «из пустопорожного места», татарской общине Ярославля пришлось отказаться от первоначального плана «построить более дешевую деревянную мечеть» и возвести в 1913 г. кирпичное здание.

Потребность в достаточном помещении для общественных молитв в пятницу и другие праздничные дни, статус молельни (мечеть «джамии») уже выделяли их своими размерами и отличали от жилых построек. Культовое здание всегда отличалось своеобразным орнаментом, что связано как с исламскими традициями, так и стремлением заказчика максимально сделать его изящным в художественном отношении. По мере увеличения числен-

ности мусульманской общины недостаток в площадях нередко разрешался в ходе реконструкции культового здания путем возведения дополнительных помещений.

Архитектура религиозных общественных зданий воспринималась татарами как важный элемент национальной культуры. Здания мечетей являлись неотъемлемой частью архитектурного ансамбля улицы или квартала или даже становились их «визитной карточкой». Размеры и оформление молельни, строительный материал, смета расходов непосредственно зависели от финансовых возможностей заказчика. Татарские промышленники и купцы заботились прежде всего о благоустройстве мечети и медресе своего прихода, что в значительной степени подтверждается продолжением в XIX в. строительства деревянных мечетей в бедных приходах.

Таким образом, в исламском культовом зодчестве городского пространства второй половины XVIII — начала XX вв. выделяются три этапа. На первом этапе (до 1830 г.) русские зодчие индивидуально, творчески и вполне самостоятельно (согласуя принципиальные, с точки зрения шариата, вопросы с заказчиком) проектировали исламские культовые здания. Тем не менее все сооруженные здания запечатлели в своем облике доминирующие в градостроительной концепции России того периода архитектурные стили. Второй этап охватывает 1830 — 1862 гг. В это время между заказчиком и исполнителем «встали» образцовые проекты деревянных мечетей: одного 1829 г. (1829 — 1843 гг.) и четырех 1843 г. (1844 — 1862 гг.). В городской местности, вследствие творческого осмысления местными архитекторами, «образцовые проекты» положили начало архитектуре современных мусульманских культовых зданий, органически включающихся в план города и вобравших в себя современные тенденции развития архитектурной мысли. Их утверждение, в зависимости от степени отличия от «образцовых», производилось строительной комиссией или представлялось на «высочайшее» утверждение. Соблюдение законности в период «образцового проектирования» зависело от сотрудников строительной и дорожной губернской администрации, имевших автономный статус. С 1863 г. заказчик и исполнитель по своему усмотрению, в рамках строительных норм, решали все технические вопросы возведения храма.

Культовые здания, вплоть до падения царизма, оставались одним из значимых символов городского ландшафта. Возведение мечетей в империи осуществлялось в условиях отсутствия нормативной базы их постройки в городской среде. Благодаря заложенным Екатериной II гуманистическим традициям государственно-исламских отношений в Российской империи технический аспект «мусульманского вопроса», по договоренности между представителями татарской элиты и местными светскими органами власти, был превращен в локальную проблему, разрешаемую в рабочем порядке. В данном случае чиновники занимались разрешением некоторых вопросов, связанных с возведением мечетей, в обход практиковавшегося во властных структурах принципа «Что не отражено в российском законодательстве, значит, запрещено».

Несомненно, существенное значение в «созидательной» позиции чиновников-архитекторов имела финансовая сторона вопроса. Заказчиком проекта, доверенным лицом мусульманской общины по возведению мечети, как правило, выступал представитель промышленно-торговой элиты, прочно занимавший свою нишу в сословно-имущественной иерархии российского общества, прекрасно ориентировавшийся не только в рыночных отношениях, но и в особенностях бюрократической системы царизма, имеющий опыт ведения различных переговоров и возможность, при необходимости, использовать свой финансовый ресурс для достижения поставленной цели.

Поручение составления проекта мечети местному архитектору-чиновнику при отсутствии в городе других профессионалов как бы изначально предполагало создание с его стороны «режима благоприятствования», успешное разрешение всех технических вопросов. Возможность представления на утверждение проекта молельни без указания автора-исполнителя позволяла последнему избежать уголовной ответственности при выявлении в ходе строительства или эксплуатации здания каких-либо серьезных просчетов, допущен-

ных в чертежах, и одновременно выступать в качестве «независимого эксперта» при исполнении должностных обязанностей.

Нередко строительно-техническое подразделение губернских правлений распространяло на каменные мечети нормы каменных зданий, приравнивая их к жилым постройкам, в основе которых лежали прежде всего нормы пожарной безопасности. При концептуальном подходе такой путь решения вопроса означал возведение молельни на улице наряду с другими жилыми домами, а не на площадях или открытой местности, что снижало эффект визуального восприятия мечети в квартале. В XIX в. отмечается заметное увеличение высоты минарета крупных городских мечетей, выступающего сакральным символом ислама в поликультурной среде.

Губернские чиновники в поисках юридической базы для своих постановлений о «возможном расстоянии от мечети до ближайших построек», считая исламские культовые постройки общественными богослужебными зданиями, ссылались на обстоятельно разработанные в российском законодательстве градостроительные нормы возведения христианских храмов.

Молитвенные дома мусульман подпадали под статус жилых помещений. Вопрос же об определении расстояния до ближайших строений при строительстве деревянной мечети решался строго индивидуально. Поскольку в сельском поселении по традиции возводились деревянные молельни, при отсутствии нормативов возведения исламских культовых зданий напрашивалось использование правил строительства мечетей в деревнях. Тем не менее всегда имелась возможность для индивидуального решения вопроса.

Начиная с рубежа XIX — XX вв. при возведении каменных мечетей общепринятым в практике строительных комитетов губернских правлений европейской части России и Сибири стало распространение в городах предусмотренного законом расстояния от православных церквей до ближайших строений. В этот период наблюдается повышение юридической грамотности доверенных городских татарских общин, курирующих вопросы мечестроительства.

При отсутствии в Российской империи законов, учитывающих традиции мирового исламского монументального искусства, в том числе возведения мусульманских религиозно-учебных комплексов с медресе, мечетью и другими инфраструктурами, и градостроительных норм возведения мечетей, единственным ориентиром для архитекторов-чиновников оставались правила строительства церквей, основанные на традициях христианского храмостроительства и не предполагавшие возведение подобных архитектурных ансамблей для мусульман.

Несмотря на дороговизну земли в городах, здания конфессиональных учебных заведений обычно строились отдельно от мечети, образуя в конечном счете единый комплекс.

Анализ градостроительной ситуации в татарских слободах городов, основанной на мирном решении возникающих проблем, связанных с разработкой проектов мечетей, между заказчиками — татарскими купцами и промышленниками и профессиональными архитекторами, как правило, чиновниками местных строительных комитетов, показывает примеры компромисса между местной администрацией и национальной элитой, подкрепленного финансовой поддержкой последней.

В поступательном движении по регламентации жизнедеятельности подданных, общественных и государственных организаций на основе законов, проблема возведения мечетей в городах, с чисто юридической точки зрения, так и осталась «оазисом» господства обычного права в законодательстве России Нового времени.

5. Джами-мечеть столицы империи: из истории возведения

Развитие капиталистических отношений в России, расширение и углубление урбанизационных процессов, рост национального и религиозного самосознания способствовали консолидации татар Санкт-Петербурга, чему в немалой степени благоприятствовала деятельность мусульманских духовных лиц. Внешним проявлением этого процесса можно

назвать инициативу уммы 1881 г. по возведению соборной мечети. В этот период в городе насчитывалось до 2440 мужчин-мусульман. Символично, что доверенными лицами акции выступили ахуны Атаулла Баязитов и Мухаметшакир Юнусов, Санкт-Петербургский 2-й гильдии купец Рахметулла Халитов, а также Абдулла Кутаев. До появления 23 апреля 1881 г. общественного приговора, Оренбургским муфтием Селимгиреем Тевкелевым данный вопрос был предварительно согласован с директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий А.Н. Мосоловым. Речь шла об учреждении общественной организации по сбору пожертвований в масштабе империи — «Комитета по сооружению в Санкт-Петербурге соборной мечети и по сбору пожертвований». Собранные средства предназначались на возведение исламского культового здания «с мектебами и медресами».

Устав предполагаемого комитета ничем не отличался от аналогичных уставных документов общественных организаций христиан столицы, занимавшихся сбором средств на возведение церквей св. Екатерины, Петра и Павла, св. Анны и других. Комитет должен был состоять на попечении Оренбургского муфтия. Его членами являлись «иноверцы — русские подданные обоего пола». Средства организации складывались из членских взносов и добровольных пожертвований в виде денег, билетов и облигаций государственного казначейства, акций и облигаций частных кредитных и промышленных обществ, а также вещей, недвижимого имущества и всякого рода движимых имуществ. Сбор пожертвований в регионах предполагалось производить путем записи поступлений в подписные листы и «шнуровые книги». Острая потребность в зданиях для организации в них общественных намазов и отсутствие средств на их приобретение обусловили появление в уставе положения о правомочности комитета использовать часть собранных средств (до 25 тыс. руб.) на приобретение двух зданий под молельни, с тем чтобы недвижимость после постройки мечети могла быть продана или использована по другому «богоугодному или благотворительному» назначению.

Инициатива татарской общины попала под жернова нового курса правительства императора Александра III, занявшего российский престол после убийства 1 марта 1881 г. террористами из организации «Народная Воля» его отца, Александра Николаевича. Нежелание властей положительно решить «исламский вопрос» муфтий С. Тевкелев первоначально объяснял отсутствием в момент рассмотрения вопроса в Министерстве внутренних дел директора департамента А.Н. Мосолова, находившегося в заграничной командировке. Именно он представлял на заключение министру внутренних дел документы по духовным делам иностранных исповеданий.

На самом деле все оказалось намного серьезнее. На глазах муфтия С. Тевкелева произошло ужесточение внутривластного курса самодержавия, получившего в исторической литературе название «консервативный национализм».

Власти потребовали от религиозного управления подтверждения настоятельной необходимости храма и достаточности средств на его возведение. Оренбургское магометанское духовное собрание признало острую нужду местной общины в соборной мечети.

Сославшись на отсутствие в общественном приговоре обязательства на доставление средств для содержания мечети и духовенства при ней, что требовалось статьей 261 «Устава строительного», вновь назначенный министр внутренних дел граф П.Н. Игнатьев счел преждевременным рассматривать вопрос об учреждении комитета. Очевидна подмена центральной властью вопроса о регистрации устава общественной организации прошением о разрешении на возведение храма. Отсутствие в российском законодательстве четкой регламентации жизнедеятельности мусульманского прихода создало правовую базу для наложения вето на прошение общины. Таким «законным» образом правительство устранило «домогательство» мусульман. При этом не было принято во внимание существование в городе двух «гражданских» мусульманских приходов.

Главная причина нежелания властей регистрировать комитет заключалась в предполагаемой во всероссийском масштабе кампании по сбору пожертвований, в новой форме социальной активности мусульман под религиозной оболочкой.

Именно на неправильное понимание содержания их ходатайства акцентировали внимание в своем повторном прошении (ноябрь 1881 г.) доверенные татар. Они сообщили о намерении построить мечеть после сбора комитетом достаточных для этого средств. Со своей стороны оренбургский муфтий в частных письмах просил Департамент духовных дел иностранных исповеданий поддержать исламскую общину. 23 февраля 1882 г. А.Н.Мосолов, заверив муфтия в своем внимании к «продвижению» вопроса, доверительно сообщил С.Тевкелеву о «большом объеме» делопроизводственной документации в министерстве, имеющей «первостепенное ... значение в экономическом и других отношениях», чем объяснил задержку его рассмотрения новым министром внутренних дел Д.А.Толстым.

Настойчивые доверенные петербургских мусульман в третий раз (28 октября 1882 г.) обратились в министерство с «докладной запиской» об утверждении устава комитета по сбору пожертвований для сооружения мечети в столице.

После обсуждения вопроса с министром графом Д.А.Толстым новый директор департамента князь Сперанский довел до сведения оренбургского муфтия мнение правительства (26 ноября 1882 г. за № 4529). Духовному собранию рекомендовалось сделать представление о разрешении сбора средств на постройку мечети в Санкт-Петербурге с указанием доверенных религиозного органа, на которых возлагался бы сбор пожертвований. Причем деятельность уполномоченных должна была распространяться не на округ ОМДС, а ограничиваться Санкт-Петербургом и его пригородными районами.

Только спустя полгода ОМДС вновь возобновило переписку (11 июня 1883 г.). Кажется, осознав непоколебимость консервативного внутриполитического курса самодержавия, неблагоприятного для ислама, муфтий С.Тевкелев решил воспользоваться представленной возможностью, предложив «обновленный» вариант решения проблемы, по которому религиозный орган: 1) уполномочивал на сбор средств ахунов М.Юнусова и А.Баязитова; 2) предоставлял прихожанам право контроля за сбором средств; 3) поручал уполномоченным сбор пожертвований в европейской части России и Сибири, а также в других местностях империи; 4) просил немедленно начать постройку соборной мечети. Как видно, оттолкнувшись от предложения графа Д.А.Толстого о поручении сбора средств частным лицам, муфтий С.Тевкелев решил форсировать события за счет проведения сбора пожертвований во всероссийском масштабе, что означало возведение в Санкт-Петербурге соборной мечети, как главного исламского храма российского государства.

Думается, что придание богоугодному делу всероссийского масштаба и его возможные впечатляющие результаты явились главной причиной отказа министерства поддержать инициативу Духовного собрания. Сбор пожертвований для сооружения мечети воспринимался как официально разрешенная верховной властью пропаганда ислама, укрепление его позиций в Русском православном государстве, способствующее активизации и консолидации мусульман, налаживанию духовных связей между единоверцами различных регионов посредством действий Комитета по сооружению мечети в Санкт-Петербурге.

Муфтию С.Тевкелеву не оставалось другой альтернативы, как представить на утверждение правительства кандидатов для сбора пожертвований. Ими стали ахуны Атаулла Баязитов и Мухаметшакир Юнусов (в 1891 г. его сменил сын Мухаметзариф Юнусов), а также временный петербургский купец Рахметулла Халитов, купец Тамбовской губернии Абдрафик Таганаев и крестьяне Касимовского уезда Рязанской губернии Назир Бекбулатов и Файзулла Карамышев. Атаулла Баязитов был рекомендован в качестве главного уполномоченного лица.

На основании поступавших от А.Баязитова отчетов, ОМДС должно было ежегодно сообщать министерству о динамике сбора пожертвований, а также представить смету расходов на постройку мечети. Религиозный орган внимательно следил за сбором пожертвований. В частности, в 1886 г. собрание рекомендовало А.Баязитову перевести собранные

средства из частной банковской конторы Ламке в местное отделение Государственного банка, как это практиковалось с внебюджетными средствами религиозного управления. Благодаря этому в местностях, где имелись отделения Государственного банка, стал производиться сбор пожертвований.

Пассивный характер благотворительной кампании, изначально затиснутой в узкогородские рамки, по нашему мнению, объясняется еще несколькими причинами. Во-первых, материальное положение петербургских татар оставляло желать лучшего, а речь шла о возведении исламского культового здания, которое должно было в архитектурном отношении достойно выглядеть на фоне столичного ландшафта, сформировавшегося среди великолепных дворцов, особняков, соборов и церквей.

Во-вторых, запрет татарам иметь национальную газету в данном случае не позволил сделать кампанию и механизм сбора пожертвований достоянием широкой гласности. Публикации в русской прессе в плане информативности для мусульманской уммы имели половинчатый результат. Запрет центральной власти на сбор средств во всероссийском масштабе лишил ОМДС возможности использования административных ресурсов посредством воздействия на приходское духовенство.

Оборотной стороной малой осведомленности мусульман стал выход на первый план разъяснения сохранности и целевого использования пожертвований. Деньги требуют учета и контроля. Долговременность кампании и небольшой объем поступлений также служили формированию неблагоприятной атмосферы для различных слухов, негативно влиявших на патриотические чувства потенциальных жертвователей. В этой связи весьма показателен случай на Нижегородской ярмарке 1888 г., когда съехавшиеся на торжище татарские предприниматели собрались для обсуждения вопроса о сборе средств для столичной мечети. Оглашенная одним из присутствующих ложная информация, поставившая под сомнение сохранность пожертвований, сорвала запланированную благотворительную акцию.

В-третьих, это был первый опыт официального сбора средств на возведение мечети, разрешенный правительством. Национальный и религиозный гнет самодержавия в небольшой степени способствовал выработке у татар устойчивого недоверчивого отношения к нововведениям властей. Наконец, традиционная технология религиозной благотворительности основывалась на земляческом, общинном принципе или на личных отношениях. Меценат заботился об устройстве и поддержании исламских институтов в родной деревне, в том поселении, где сам проживал по роду профессиональной деятельности, в местности, где духовным лицом служил его родственник, или обучался сын, или имелось обращение к нему группы мусульман или известного, авторитетного духовного лица. Как правило, мутавалли лично или через доверенное лицо курировал строительные работы.

Традиционная благотворительность позволяла меценату преследовать и свои меркантильные интересы. Он фактически превращался в «хозяина», неформального главу махалли с правом выдвижения своего кандидата на должность духовного лица при мечети и др. А участие в данной благотворительной кампании превращало его в одного из многочисленных жертвователей. К общественно-социальной активности, «высокой форме» благотворительности, основанной на принципах «абстрактной», без меркантильных интересов помощи мусульманам и в других сферах жизни, призывал со страниц газеты «Тарджеман—Переводчик» известный татарский просветитель Исмаил Гаспринский. Тактично, со ссылками на богоугодные поступки единоверцев, он агитировал за массовое участие в сборе средств на строительство петербургской мечети. Зная о недоверии мусульман относительно неприкосновенности пожертвований, Исмаил Гаспринский в своих публикациях неоднократно подчеркивал и напоминал об исключительном праве Духовного собрания на изъятие из Государственного банка собранных денег.

В-четвертых, сыграли свою роль геополитический фактор и ведомственный раздел административно-духовных управлений мусульман в империи. По месту своего местонахождения Санкт-Петербург входил в округ Оренбургского магометанского духовного соб-

рания, в сборе пожертвований принимали участие мусульмане европейской части России и Сибири. Их единоверцы из Крыма, Закавказья и западных губерний, кроме редких случаев, оставались наблюдателями многолетней благотворительной кампании.

Общими усилиями к 1 января 1899 г. было собрано всего 37273 руб. 66 коп., из которых 11 073 руб. 66 коп. составляли суммы из выросших процентов. За 16,5 года (1883 — 1898 гг.) ежегодный рост средств составил в среднем 1587 руб. 88 коп. Из названной суммы более половины сумел собрать А.Баязитов — 53% (13855 руб. 59 коп.). Достоянна внимания и деятельность купца Халитова: его стараниями поступило около одной трети пожертвований — 29% (7601 руб. 44 коп.). У остальных сборщиков показатели оказались примерно одинаковыми: Юнусов — 6,7% (1750 руб. 48 коп.), Бекбулатов — 4,8% (1278 руб. 21 коп.), Карамышев — 4% (1061 руб.), Таканаев — 2,5% (653 руб. 28 коп.).

В архивных документах зафиксирована еще одна попытка мусульманской общины регистрации комитета со статусом юридического лица. На общем собрании «трех приходов» 15 марта 1899 г. было возбуждено ходатайство о разрешении им избрать комитет по постройке в столице под ведением местного Мусульманского благотворительного общества. Планировались передача собранных денег этому обществу и возложение на него дальнейшего сбора пожертвований. Духовное собрание не поддержало инициативу петербургских татар. Несмотря на это, «интеллигенты из мусульман» — члены благотворительного общества обратились в Министерство внутренних дел. Под предлогом возможности сбора пожертвований и без статуса юридического лица и наличия у прихожан права контроля за поступлением сборов, а также за неправомерностью по уставу Мусульманского благотворительного общества заведовать религиозными делами, власти (17 мая 1899 г.) вновь отказали.

В этот период существовали «трения» между А.Баязитовым и просителями, о чем свидетельствует их просьба о проведении ревизии и изъятии «шнуровых книг» у ахуна, как лица, не пользующегося среди них «доверием и популярностью», и передачи их «уважаемому» купцу Алиму Максудову, «человеку с материальным и имущественным цензом» (которого Духовное собрание в свое время рекомендовало в качестве сборщика. — *И.З.*).

В том же году произошло обновление состава сборщиков — доверенных Духовного собрания: вместо Таканаева, Карамышева и Халитова были утверждены купцы Нигматулла Яферов и Хайрулла Халитов. Кадровые перестановки, направленные на снятие напряженной атмосферы в общине, частично отразились на динамике поступления пожертвований. В 1899 г. сумма сбора составила 39 470 руб. 79 коп., к 1900 г. выросла до 44 161 руб. 15 коп., к 1901 г. — до 46 695 руб. 49 коп.

К 1902 г. в распоряжении татарской общины имелось примерно 44 тыс. руб. На общем собрании мусульман, состоявшемся 12 апреля 1902 г., был составлен общественный приговор о постройке мечети на собранный капитал. Было высказано пожелание о выборе места под строительство недалеко от обоих приходов. В проекте храма, кроме зала для совершения намаза, предполагалось устройство квартир для духовенства. Для продвижения вопроса по властным инстанциям и разрешения всех организационных вопросов, связанных с сооружением храма, была избрана рабочая группа в составе Атауллы Баязитова, Мухамметшакира Юнусова, Нигматуллы Яферова, Назира Бекбулатова, Хайруллы Халитова, Султана Чингизхана, Али Девлетовича Шейх-Али, Яновича-Чагинского, Давида Смольского, Валихана Газибулатовича, Абдулгазиза Давлетшина, Хабибуллы Ялышева, Фаттахетдина Таканаева, Галима Батырбаева, Атауллы Байрашева, Хусаина Акчурина, Абдулсаттара Адиторова, Абдрафика Таганаева. Рабочая группа, сформированная по принципу использования потенциальных возможностей своих членов, получилась интернациональной.

После получения официального разрешения мусульмане обещали представить на рассмотрение властей чертежи храма. Духовное собрание (19 мая 1902 г.), ознакомившись с поступившими из столицы документами, предложило А.Баязитову представить градоначальнику сведения об избранном под мечеть месте и проект ее здания.

Мы не располагаем сведениями об исполнении ахуном поручения религиозного органа. Известно только, что в 1904 г. во время аудиенции генерал-адъютант Сеид Абдул-Ахад, эмир Бухарский, обсуждал с императором Николаем Александровичем вопрос о возведении мечети. Однако ничего конкретного тогда со стороны верховной власти не было предпринято.

Архивные материалы о деятельности городского Мусульманского благотворительного общества позволяют говорить о неоднозначном отношении правительства к исламской общине на рубеже XIX — XX вв. В 1901 г. МВД отвергло попытку благотворительного общества утвердить его нагрудные жетоны с предлагаемым рисунком, что позволялось другим аналогичным организациям. В начале 1903 г. общество попыталось внести изменения в свой устав, предполагавшие предоставление ему права устраивать для мусульман больницы, богадельни и приюты, собирать пожертвования путем подписки листов, а также учредить жетон общества. Силовое министерство вновь отказало, заявив, что «при существовании в Санкт-Петербурге общих благотворительных учреждений в устройстве особых национальных учреждений для магометан необходимости не усматривается, более того, это не соответствовало бы одной из главнейших задач правительства — содействовать слиянию всех живущих у нас народностей. Допущение сбора пожертвований по подписным листам и книжкам без особого разрешения ... может привести к злоупотреблению и потому, а равно ввиду отсутствия надлежащего наблюдения за производством сего сбора представляется нежелательным». Жизнедеятельность мусульманской уммы в последней четверти XIX — начале XX вв. была пронизана происходившими в стране социально-экономическими и общественно-политическими событиями. Консолидация по этноконфессиональному признаку происходила на фоне миграции татар из сельской местности и других городов. Отдаленность Санкт-Петербурга от основных регионов расселения мусульман, отсутствие прослойки крупных капиталистов замедлили процесс формирования классического типа городской татарской махалли со своей недвижимостью в лице культового здания, помещений школ, вакуфных зданий. Попытку организации всероссийской кампании по сбору пожертвований среди мусульман для возведения мечети верховная власть оценила с политической точки зрения, что привело к ее половинчатому разрешению.

Всероссийская благотворительная кампания по сбору средств на сооружение петербургской мечети стала возможной благодаря демократизации общественной жизни в стране под натиском революционных событий, закону от 12 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания и Манифесту от 17 октября 1905 г. о предоставлении подданным демократических гражданских прав. В годы Первой российской революции правительство удовлетворило (28 мая 1906 г.) ходатайство мусульман Санкт-Петербурга (приговор от 5 ноября 1905 г.) об учреждении «Комитета по постройке соборной мечети в С.-Петербурге». На банковский счет комитета, как правопреемника по сбору пожертвований, от ахуна А.Баязитова поступило собранных с 1883 г. 53 300 руб.

Согласно уставу общественной организации, ее деятельность сводилась к следующим функциям: 1) изыскание средств для возведения мечети; 2) приобретение места под культовое здание; 3) разработка проекта, сметы и чертежей храма; 4) проведение строительных работ.

Состав комитета получился весьма представительным: подполковник Абдулгазиз Давлетшин (председатель), капитан А.Жантиев (секретарь), ахуны Атаулла Баязитов, Мухаметзариф Юнусов, генерал от кавалерии Султан Чингизхан, генерал-майор А.Шейх-Али, статский советник Д.Смольный, надворный советник Искандер Валихан, капитан А.Сыртланов, купцы Хайрулла Халитов, Х.Ялышев, Мухаметгалим Максутов, Атаулла Байрашев, домовладельцы Фаттахетдин Таканаев, Хусаин Акчурин, А.Адиятов, Ибрагим Батырбаев, Нигматулла Яферов, Назир Бекбулатов, А. Сыртланов. В 1906 г. вместо умершего Х.Ялышева в состав комитета был включен купец 1-й гильдии потомственный почетный гражданин Мухамет-Юсуф Дебердеев; в 1913 г. место умершего Атауллы Баязитова занял его сын Мухаметсафа.

На первом же заседании члены комитета (23 апреля 1906 г.) ходатайствовали о разрешении проведения кампании пожертвований «повсеместно в империи». Именно ограничением сбора пожертвований Санкт-Петербургом, где проживает исключительно «бедный рабочий и торговый класс», был объяснен скромный размер собранной суммы. Комитет с горечью констатировал, что «если сбор денег и в будущем пойдет с таким же успехом, то местные магометане могут дожидаться постройки своей мечети не ранее как в будущем столетии». Наконец, «высочайшим» указом от 18 июля 1906 г. комитет получил возможность сбора пожертвований на сумму до 750 тыс. руб. по всей России в течение 10 лет.

Комитет стремился использовать всевозможные методы проведения благотворительной акции. В регионы компактного расселения мусульман направлялись его представители, обходившие городские и сельские поселения. Правда, до установления их личности, местная полиция иногда задерживала таких ходяков. Например, в декабре 1910 г. в д.Абсалямово Стерлитамакского уезда был задержан представитель комитета Самигулла Ахтямов, командированный в Уфимскую и Пермскую губернии для сбора пожертвований. Примечательно, что к моменту задержания у Ахтямова были обнаружены квитанции на сбор 10 тыс. руб., которые, по мере накопления, он систематически отправлял на банковский счет комитета.

Производился также «кружечный сбор». Были выпущены государственные процентные бумаги на сумму 99 тыс. руб., выигрышные билеты лотереи на 53 тыс. руб., напечатанные почтовые открытки с изображением проекта мечети (10 тыс. экз.).

В первый год деятельности (с 1 мая 1906 г. по 1 мая 1907 г.) комитету удалось собрать внушительную по тем временам сумму — 103 035 руб. 28 коп.. За три года (к 1 мая 1909 г., ко времени первоначально предполагаемой закладки храма) сумма на сберегательном счету комитета выросла до 326 819 руб..

Щедрая помощь эмира Бухарского вызвала поток пожертвований со стороны состоятельных мусульман. Активное участие в благотворительной акции приняли бухарцы, от которых и поступили основные суммы. Из мусульман Волго-Уральского региона крупные пожертвования сделали предприниматели Махмуд Хусаинов — 5 тыс. руб., Мирза Мухаммед Вагапов и Шакир Рамеев — по 2 тыс. руб., князь А.Б.Чингизхан, Закир Рамеев, Муллагаaley Яушев — по 1 тыс. руб., Дебердеевы — больше 2 тыс. и др. Отдельно от мулл поступило около 20 тыс. руб. Из бакинских мусульман в день торжественного открытия столичной мечети на счет комитета внесли свои пожертвования Г.З.А.Тагиев (15 тыс.руб.), Муртаза Мухтаров (5 тыс.руб.).

Оренбургский муфтий М.Султанов предлагал немедленно приступить к возведению храма, подчеркивая, что строительство в столице исламского культового здания приведет к активности мусульман в пожертвованиях.

В мае 1911 г. постройка здания была завершена «вчерне», что обошлось примерно в 200 тыс. руб., на счетах имелось еще 275 тыс. руб.. Оставалось возвести минареты, произвести внутренние отделочные работы и облицовку здания.

Желание форсировать возведение храма обострило финансовый вопрос. Масштабные строительные работы требовали значительных средств. В частности, в 1912 г., именуя петербургскую соборную мечеть главным исламским храмом в империи, комитет попытался получить единовременную безвозвратную ссуду из вакуфного капитала Таврического магометанского духовного правления. Свой отказ правительство объяснило предназначением этих средств только для территории Таврической губернии, подтвердив ведомственный подход к сооружению столичной мечети, относящейся к округу Оренбургского духовного собрания. В начале января 1913 г., согласно сведениям комитета, на его счету имелось 30 тыс.руб., а для завершения работ требовалось более 100 тыс. руб..

По поводу предполагаемого места застройки храма в письме от 12 октября 1906 г. председатель комитета Абдулгаиз Давлетшин доверительно сообщал оренбургскому муфтию следующее: «Город если и представит безвозмездно свой участок, это будет дале-

ко на окраине, и нам, по отдаленности, едва ли придется им воспользоваться. Следовательно, неизбежно предстоит купить подходящий участок...».

О мечте столичной этноконфессиональной общины Сеид Абдул Ахад, тогда еще принц Бухарии — вассала Российской империи — узнал и воочию увидел усилия общины в этом направлении во время посещения столицы по коронации Александра III. Когда в 1906 г., во время пребывания в Санкт-Петербурге правителя Бухарии (с 1885 г.) Сеида Абдул Ахада, татары обратились к нему за содействием в строительстве, он близко к сердцу воспринял просьбу единоверцев. Эмир обещал помочь с приобретением земельного участка под мечеть и вскоре выделил на эти расходы 500 тыс.руб.. Данный вопрос требовал безотлагательного разрешения, — без приобретения участка невозможно было заказать проект храма. В 1907 г. на сумму 137 500 руб. комитет приобрел земельный участок (540 кв.саженей) по Кронверкскому проспекту, принадлежащий инженеру Долоцкому. Вслед за ним был куплен у вдовы И.Д.Васильевой соседний участок в 534 кв.саж. на сумму 160 тыс.руб..

Уникальным источником для освещения предварительного, «согласительного» этапа разработки проекта храма являются опубликованные в 1907 г. Санкт-Петербургским обществом архитекторов по поручению комитета в журнале «Зодчий» требования конкурса по составлению эскизного проекта здания соборной мечети. Они важны прежде всего в плане определения основных строительно-технических требований к мечети. Джами-мечеть в столице государства по своим размерам и сметной стоимости была задумана скорее всего как главный мусульманский культовый храм Российской империи. Осознавая необычность конкурса и вполне резонно предполагая возможные вопросы по уточнению его требований, на их подачу был отведен месячный срок (до декабря 1907 г.) и указан номер журнала «Зодчий» (№ 49), где на них будут даны дополнительные пояснения.

Условия конкурса дополнялись схемой земельного участка под храм с указанием направления на Мекку. Конкурсные требования можно условно разделить на несколько частей. В первой части представлены основные архитектурные требования заказчика к исламскому культовому сооружению: устройство «по возможности на виду» одного или двух минаретов (могут быть различной высоты), «восточный» стиль здания, на стенах не должно быть изображений живых существ и др. Далее шла архитектурно-техническая характеристика каменного одноэтажного с подпольными помещениями здания мечети стоимостью в 500 тыс.руб. и с объемом 2500 куб. саженей: функции каждого из этажей (на первом этаже зал не менее чем 200 кв. саженей, в подвале — помещение для молящихся в дни больших религиозных праздников, а также комнаты для сторожа, приборов отопления и топлива), увенчание здания храма куполом и др. В третьей части оглашались «общие условия» конкурса: сроки представления проекта (до 28 января 1908 г.), состав экспертной комиссии (Л.Н.Бенуа, А.И.фон Гоген, А.И.Дмитриев, Ф.И.Лидваль, А.Н.Померанцев, секретарь С.В.Беляев и три представителя «Комитета по постройке соборной мечети в С.-Петербурге»), размеры премий (четыре премии за лучшие проекты на общую сумму 3 тыс.руб. и выплаты за несколько не премированных проектов — по 400 руб.) и др.

Участвовавшие в конкурсе архитекторы оказались в нелегком положении. Дело в том, что исламские культовые здания в европейской части России не подходили в качестве образца соборной мечети столицы по ряду причин. Во-первых, оказалось, что в период русского господства были уничтожены практически все исламские храмы времен постзолотоордынских татарских ханств, кроме крымских, не говоря уже о джами — главных исламских мечетях в городах, выделявшихся своими размерами и изысканным оформлением. Исключение составляла часть архитектурного ансамбля Ханской мечети в г.Касимове Рязанской губернии. Во-вторых, построенные в период русского владычества мечети в европейской части России и Сибири были рассчитаны на небольшую общину, состоящую из нескольких сот прихожан мужского пола. Столичная мечеть должна была достойно вписаться в мультикультовый ландшафт столицы империи, следовательно, от действующих исламских храмов — мечетей городского квартала — выделяться своими внушительными размерами и внешним оформлением. В-третьих, опыт государственного исламского куль-

тового зодчества не мог послужить точкой опоры для творческих изысканий архитекторов.

Кажется, не только у архитекторов, но и у заказчика не было четкого представления об облике будущей мечети. Условия конкурса также не предполагали определения единоличного победителя. Не случайно победившие проекты в последующем, в ходе доработки, были подвергнуты существенным изменениям.

11 марта 1908 г. компетентная и представительная комиссия в столичном обществе архитекторов подвела итоги конкурса, в котором приняли участие 45 проектов, в том числе 10 иногородних. С докладом выступил Веселовский. В прениях участвовали ахун А.Баязитов, Б.Н.Николаев, Н.В.Султанов, А.Л.Лишнеvский, Е.Ф.Шреттер, Я.Н.Неvирц и др. С.В.Беляев доложил отзыв комиссии о конкурсе проектов.

Первые три премии — по 800 руб. каждая получили работы известных петербургских архитекторов Н.В.Васильева (проект под названием «А»), М.С.Лялевича («Мамелюк»), М.М.Перетятковича («Тимур», исполненный акварелью). Другой проект Н.В.Васильева «Арабески» получил вторую премию (600 руб.). Кроме того, были рекомендованы к приобретению проекты под названиями «2596,75», «Самарканд», «Джами» и «Тимур», исполненный пером. Авторы первых трех работ остались неизвестными, автор «Тимура» — Я.Г.Гевирц.

На собрании П.П.Марсеру высказался о желательности устроить между тремя авторами, получившими первые три премии, дополнительный конкурс по детальной разработке проектов и желательности предоставления автору избранного проекта возможности постройки мечети.

Для реализации был предложен проект художника-архитектора Николая Васильевича Васильева, привлечшего для дальнейшей работы инженера Стефана Самойловича Кричинского, мусульманина, выходца из польско-литовских татар, и академика архитектуры Александра Ивановича фон Гогена.

По мнению специалистов, решающее значение в форме и облике мечети сыграло решение проектировщиков взять за основу здание времен Тимура «Гур-Эмир» в Средней Азии и, уже исходя от него, комбинировать «всего остального».

В 1905 г. был издан атлас «Мечети Самарканда», в котором были представлены величественные исламские храмы периода Тамерлана. Резонно предположить, что это обстоятельство также сыграло роль в выборе стиля культового сооружения.

Столь резкое отличие построенной мечети от конкурсных требований и несоответствие с победившими на конкурсе эскизами является наглядным свидетельством того, как при согласованной и целенаправленной работе заказчика и исполнителей на втором этапе проектных работ по выработке оптимального варианта культового здания архитектурный талант и учет требований современного татарского общества могут привести к впечатляющим результатам.

Одна из архитектурных «поправок» была продиктована трансформацией татарского общества по европейской модели. В западную часть зала мечети в проекте была встроена галерея, предназначенная для молящихся женщин.

Анализ государственно-исламских отношений в Петербурге позволяет утверждать об индифферентном отношении руководства местной епархии к возведению исламского храма. Во всем «виновато» примечание к статье 158 «Устава строительного», согласно которому рассмотрение не только плана и фасада культового здания, но и предполагаемого места его расположения утверждал лично император. О «высочайшем внимании» к вопросам возведения культовых зданий в столице община выяснила еще в 1902 г., когда общественным приговором 12 апреля выбрала «рабочую группу» во главе с А.Баязитовым для ходатайства о разрешении постройки мечети, составлении проекта и приобретении места под храм.

Отсрочку начала строительных работ после высочайшего утверждения осенью 1908 г. проекта храма петербургская пресса объясняла дороговизной строительных материалов в текущем финансовом году.

Тем временем комитет возбудил ходатайство по некоторым «формальностям», связанным с жизнедеятельностью будущего храма. Как свидетельствовала столичная пресса, речь, в частности, шла о разрешении провозглашения муэдзином с минарета новой мечети азана — призыва к молитве единоверцев, «что встретило препятствие «ввиду близости православных храмов».

Монопольным правом на миссионерскую деятельность в Российской империи пользовалась лишь православная конфессия, в которой все атрибуты церковнослужения имели сакральный смысл. Большое значение придавалось внешним атрибутам, как визуальным (религиозные процессии, крестные ходы и др.), так и слуховым (церковное пение, колокольный звон и др.) формам воздействия на людей. Порой по этим критериям архиереи пытались определять степень возможного соблазна для христиан из-за строительства мечети. Превосходство православия над нехристианскими религиями на поликонфессиональном пограничье, в том числе в условиях города, выражалось в разрешении возведения храмов «терпимых» в империи конфессий в некотором отдалении от православной церкви. Не случайно близкое расстояние между православными и исламскими культовыми зданиями архиереями нередко воспринималось и называлось угрозой к соблазну православных прихожан «для отпадения», хотя в законах возможное расстояние до церквей указано только в отношении синагог и иудейских конфессиональных школ.

«Религиозный православный синдром» имел, оказывается, более широкий резонанс. Вскоре свою принципиальную позицию относительно того, что «мечеть с минаретами среди ряда церквей и часовен не послужит украшению города, а наоборот», высказали члены Особой комиссии (архитекторы). Ей проект был передан Техническо-строительным комитетом Министерства внутренних дел, согласно ст.40 «Устава строительного», на окончательное заключение.

В начале мая 1909 г. ученые мужи заявили, что «нельзя согласиться с правильностью выбора местности для постройки мечети, которая, будучи сооружена на таком открытом и видном месте, вблизи и на виду Петропавловского собора, церкви Св.Троицы и домика Петра Великого, нарушит целостность и исторический характер этой наиболее древней части Санкт-Петербурга», одновременно отметив, что со стороны комиссии на возведение мечети на другом «более подходящем месте... возражений не предвидится». Очевидно, визуальное впечатление от внушительных размеров с высокими, устремленными ввысь двумя минаретами изящного исламского храма, имеющего отчетливые среднеазиатские контуры, вызвало замешательство архитекторов — воспитанников западноевропейской школы. Следует отметить, что в этот период в стране вновь наблюдалось усиление идеологии «консервативного национализма». В XIX — начале XX вв., начиная от императора Николая I, верховная власть последовательно предпринимала меры по приданию русского облика «городу святого Петра». Столица Российской империи своей архитектурой должна была соответствовать официальной идеологии царизма, емко выраженной в формуле «самодержавие, православие, народность».

В этой связи неожиданно глубокий смысл приобретают действия эмира Бухарского, ознаменованного особенностями исламского храмового строительства в российских городах. В 1906 г. Сеид Абдул Ахад лично обращался к императору Николаю II с ходатайством «о разрешении ему, в ознаменование дня, когда он впервые увидел наследника Цесаревича, поднести петербургским мусульманам в дар соответствующий участок земли, дабы они построили на этом участке храм и возносили молитвы о Вашем, Государь, здравии». Как видно, эмир, как искусный дипломат и дальновидный политик, зная о трепетном отношении в императорской семье к наследнику, фактически играя на отцовских чувствах русского царя, сумел успешно разрешить судьбоносный для местной татарской общины вопрос.

Таким образом, доминирование в правительстве и городской общественности имперских настроений привело к отсрочке срока торжественной закладки храма, запланированной на 1 мая 1909 г. Комитет, понимая деликатность обсуждаемого вопроса и его общественно-политическую значимость, 29 мая 1909 г. изложил свои доводы в «Памятной записке по вопросу о месте, избранном под стройку мечети в Санкт-Петербурге». В представленном в МВД документе акцент делался на широкую информированность мусульман о месте постройки храма, изменение которого вызвало бы среди них «нежелательные толки», существование проекта мечети, составленного с учетом местного ландшафта. Самым сильным аргументом, конечно, явилось производство акта купли-продажи с разрешения Николая II, что сыграло решающую роль в дальнейшем развитии событий.

Строительно-технический комитет МВД на своем заседании от 16 июля 1909 г. рассмотрел протест Академии художеств. Было заявлено, что «построение мечетей не ограничивается никакими действующими законоположениями ни относительно расстояния этих сооружений от других зданий, ни от выбора местности, как это существует для церквей и молитвенных зданий других вероисповеданий». Была особо отмечена принадлежность земельного участка, предназначенного для возведения мечети, частному лицу, что лишало правительство возможности запретить возведение исламского богослужебного здания: возведение мечети на частном участке не возбраняется законодательством.

Вызвал сомнение и тезис об «историческом значении» местности. Она была застроена частными владениями, и земельный участок находился в значительной отдаленности от исторических памятников, на которые указывала Академия художеств: около 90 саженей от церкви Св.Троицы и более 200 саженей от домика Петра I и Петропавловского собора. По мнению членов комитета, ни с какой точки столицы эти здания и мечеть не будут смотреться в совокупности, более того, от исторических зданий она будет заслоняться или частными домами, или деревьями парка.

На основании вышеизложенных аргументов Строительно-технический комитет признал претензию Академии художеств малообоснованной. Несомненно, при таком заключении чиновники имели в виду политическое решение Николая II о разрешении приобретения земельного участка. Свое высочайшее разрешение мог отменить только сам монарх. Вопрос имел явный политический оттенок. Показательно, что министр внутренних дел утвердил постановление Строительно-технического комитета 23 июля 1909 г., спустя три дня после встречи председателя Совета Министров П.А.Столыпина с депутацией мусульман во главе с ахуном Г.Баязитовым, который согласился с доводами ходатаев именно по причине неэтичности ревизии царского решения. 27 июля 1909 г. последовало разрешение Николая II на постройку мечети.

Наконец еще одна немаловажная деталь в отношении властей к петербургской исламской общине. Когда в 1913 г. комитет возбудил ходатайство о намерении приобрести для хозяйственных нужд строящейся мечети дом М.М.Добрыниной, расположенный на углу Подольской улицы и Мало-Царскосельского проспекта (№37-13), столичный градоначальник поставил главным условием сделки, чтобы доходный дом использовался по прямому назначению — сдавался в аренду частным лицам, а не устраивались молитвы мусульман «ввиду нахождения вблизи названного дома на Рутовской улице церкви Св. Мирона Лейб-Гвардии Егерского полка».

Торжественная закладка соборной мечети, приуроченная к юбилею дорогого гостя — эмира Бухарского, состоялась в среду 3 февраля 1910 г. с участием эмира Бухарского, татарской национальной элиты, духовных лиц во главе с оренбургским муфтием Мухаммедьяром Султановым, представителей правительства и военных, консулов Османского государства и Персии, а также многочисленных мусульман.

Мероприятие началось с молитвы, произнесенной ахуном А.Баязитовым. Затем он на русском языке от имени всех мусульман империи поблагодарил власти за разрешение постройки мечети и призвал единоверцев молиться за «преуспеяние» своего отечества. Председатель комитета полковник Абдулгазиз Давлетшин ознакомил собравшихся с над-

писью, выгравированной на серебряной доске на русском и татарском языках, в которой выражалась благодарность главному жертвователю эмиру Бухарскому и всем лицам, участвовавшим в благотворительной кампании. Серебряная дощечка была положена на место, предназначенное для михраба. Эмир Бухарский поднялся к месту закладки, положил первый камень, облил его цементом и забил молотком. То же сделали другие присутствующие.

После официальной части торжества продолжились за завтраком в строительной конторе, где гости произносили тосты, поднимая бокалы с лимонадом. Эмир Бухарский провозгласил тост за императора, от имени мусульманской фракции Государственной думы выступил депутат Кутлугмухаммед Тевкилев, от имени военнослужащих — полковник Княжевич. Муфтий М.Султанов высказал слова признательности главному инициатору и руководителю сбора пожертвований ахуну А.Баязитову.

Уезжая с торжества в Зимний дворец, эмир Бухарский заявил, что в этот радостный для него, как мусульманина, день он жертвует 5 тыс. руб. для бедных столицы.

Кажется, назначение дня закладки исламского культового здания на среду, а не на праздничный день — пятницу было устроено специально. Мероприятие совпало с датой «высочайшего» приема эмира Бухарского в 12 часов дня. Этим обстоятельством татарская община воспользовалась, чтобы устами своего покровителя, поддерживающего с Николаем II добрые, дружественные отношения, главного мецената строительства храма, донести монарху благодарность за оказанное содействие и свежую новость о закладке храма из «надежного источника», тем самым напомнить о своем существовании. При этом необходимо учесть, что среди государственных служащих высшего правительства не было мусульман, а значит, и лица, имевшего доступ к российскому монарху и возможность быть выслушанным. Официальный прием императора, разрешение на который курировалось и согласовывалось несколькими ведомствами, практически не был доступен мусульманам. Во время приезда в столицу оренбургский муфтий, как духовный глава мусульман европейской части России и Сибири, при содействии министра внутренних дел иногда удостоивался приема главы государства; повестка обсуждаемых вопросов, согласовывавшихся с Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий, как правило, сводилась к выражению верноподданнических чувств.

Духовное собрание, со своей стороны, также стремилось придать факту торжественной закладки соборной мечети всероссийское значение. С этой целью 29 декабря 1910 г. было распространено специальное воззвание «на понятном до всякого мусульманина» татарском языке, которое приходские имамы и ахуны огласили 29 января 1911 г. в мечетях во время праздничной молитвы. Мероприятие имело двойное назначение. По предписанию религиозного органа, сначала произносились молитвы о здравии императора, о спокойствии и благоденствии страны, за эмира Бухарского, а также за других жертвователей. Затем повсеместно производился сбор пожертвований. Еще на рубеже веков во время одной из командировок в столицу оренбургский муфтий М.Султанов обещал татарам Санкт-Петербурга «собрать своим распоряжением» с мусульман для строительства столичной мечети 25 тыс. руб.. Думается, проведением данной акции муфтию удалось исполнить свое обещание.

Согласно отчету комитета за 1913 г., на его счета поступило: пожертвований — 67 831 руб. 4 коп., «кружечного сбора» — 879 руб. 10 коп., от продажи жетонов в память закладки мечети — 98 руб. 80 коп., от продажи открыток с видом мечети — 59 руб. 45 коп., доход с обоих домов — 5612 руб. 53 коп., от бакинских жертвователей на электрическую арматуру — 17 180 руб., проценты от процентных бумаг — 228 руб. 63 коп., проценты от наличных денег — 1732 руб. 53 коп. В отчетном году было израсходовано 196 031 руб. 15 коп. На 1 января 1914 г. на счетах имелось всего 2019 руб. 82 коп. Для окончания постройки и оплаты счетов за произведенные работы требовалось около 125 тыс.руб..

«Политический привкус» имело и открытие мечети. На торжественные мероприятия в честь 300-летия династии Романовых в столицу со всех концов России съехалось до 100

«депутатов от мусульманских общин». Кульминацией выражения их верноподданнических чувств стал общественный намаз 21 февраля 1913 г. в соборной мечети, где отделочные работы были далеки от завершения. (Отделка внутренней части культового здания продолжалась еще два десятка лет.— *И.З.*) На политическом мероприятии участвовали Сеид Алим-хан эмир Бухарский, Сеид Асфандияр-Богатур-хан Хивинский со своими сановниками, заместитель внезапно занемогшего оренбургского муфтия Мухаммедьяра Султанова ахун Хурамшин, члены мусульманской фракции Государственной думы, а также все прибывшие на торжества иногородние и петербургские депутаты во главе со своим духовенством. Приезжающих в мечеть встречали члены комитета в лице генерал-майора Али Давлетовича Шейх-Али, подполковника Байрашева.

На следующий день, 22 февраля, для принесения от имени мусульман России поздравлений по случаю 300-летия дома Романовых, ахун Мухаметсафа Баязитов, кандидат коммерции Ф.Байрашев и почетный гражданин Х.Янишев были представлены императору Николаю II.

Конкурсная форма разработки проекта, привлечение лучших архитекторов страны вполне оправдали себя. «Мечеть сильно напоминает восточную сказку»,— писали современники. Длина трехэтажного храма, вмещающего до 5 тыс. молящихся, — 45 м, ширина — 32 м, высота главного купола — 39 м, диаметр купола нижней части — 14 м, высота минаретов — 48 м.

«Восточный» стиль мечети стал олицетворением господствующей в новой России тенденции возведения храмов различных конфессий на волне национально-религиозного возрождения, ориентированной на их средневековые образцы. Другим благотворным обстоятельством, оказавшим влияние на авторов проекта, можно назвать родившийся в начале XX века в Финляндии «северный модерн». В результате в столице появилась самая красивая и изящная мечеть в Европе.

Рядом с соборной мечетью было в 1911 — 1913 гг. построено небольшое административно-бытовое здание (архитектор Н.В.Васильев). На первом этаже размещалось помещение для ритуальных омовений (тахаратхана) с двумя отделениями (для мужчин и женщин), а на втором этаже — канцелярия и жилые помещения для духовенства.

Одновременно с началом строительных работ комитет серьезно занялся выискиванием путей для нормального функционирования здания и хозяйства мечети. Вновь мусульманская община получила помощь от эмира Бухарского, пожертвовавшего в 1911 г. на приобретение доходного дома 75 тыс. руб. Прибыль от его эксплуатации — примерно 6 тыс. руб. в год предназначалась на содержание мечети. Четко были прописаны статьи расходов: 1) на отопление, освещение, содержание в чистоте здания и флигеля; 2) на страхование здания; 3) на уплату налогов; 4) на содержание дворника, уборщика помещений и истопника и 5) на мелкие хозяйственные расходы.

Исполняя волю мутавалли, в 1913 г. комитет приобрел дом М.М.Добрыниной на углу Подольской улицы и Мало-Царскосельского проспекта и доходный дом Елизаветы Кольцовой (Дмитриевский переулок, дом № 12). Для проживания приезжающих в столицу по разным делам мусульман, недалеко от мечети на Конноостровском проспекте по оригинальному проекту архитектора С.С.Кричинского (1913 г.) эмир Бухарский построил дворец-гостиницу.

Таким образом, консолидация усилий татарской предпринимательской элиты Духовного собрания и активистов столичной общины во главе с ахуном А.Баязитовым позволила за относительно короткий срок построить соборную мечеть. Благодаря содействию эмира Бухарского были оперативно решены вопросы приобретения земельного участка под исламский храм. Мечеть стала одной из достопримечательностей, неотъемлемой частью мультикультового ландшафта города на Неве и архитектурным выражением поликонфессионального характера Российской империи. На счета комитета, а затем соборной мечети поступило 700 тыс. руб., из которых на земельный участок, строительные работы и оборудование было истрачено около 660 тыс. руб.. На окончание работ недоставало более 100

тыс. руб. Многие из задуманного авторами проекта не удалось реализовать. Первая мировая война негативно повлияла на завершение исламского храмостроительства в столице.

На городскую татарскую общину ОМДС была возложена миссия возведения главной мечети мусульман империи. Политическая воля российского монарха сыграла решающую роль в возведении исламского храма в центре столицы государства.

Проектирование столичной мечети на конкурсных условиях, в сотрудничестве с Санкт-Петербургским обществом архитекторов, привлекло лучших зодчих России. Оно стало первым опытом публичного конкурсного выбора проекта исламского храма в европейской части России и Сибири. Постройка мечети и обеспечение ее жизнедеятельности путем формирования вакуфного имущества производились главным образом за счет иногородних мусульман.

По нормативам традиционной исламской юриспруденции Российская империя последней трети XVIII — начала XX вв. в вероисповедальном отношении во многом олицетворяла собой территорию, где правоверные жили, исполняя нормы и правила своей религии, невзирая на немусульманский характер государства. Правда, степень реализации их религиозных прав зависела от времени присоединения к России и интеграции региона в общеимперское правовое поле. Веротерпимость предполагала прежде всего «непрепятствование удовлетворению религиозных нужд» российских подданных в семье и общине, богослужебных зданиях и религиозных учебных заведениях.

Переход от игнорирования ислама к его признанию начинается в 1744 г. (в период активной миссионерской деятельности русской церкви и государства) с дозволения жителям моноконфессиональных селений Среднего Поволжья и Сибири строить мечети с соблюдением установленного норматива численности прихода и ряда правил. Государственно-исламские отношения теряют прежнюю напряженность после отхода государства от непосредственного участия в христианизации коренных народов Поволжья и Сибири, свертывания деятельности «Новокрещенской конторы» в 1764 г. и объявления необходимости соблюдения принципа добровольности в христианском просвещении. Благодаря тому, что вырабатывается определенная, далекая от совершенства правовая база, поставившая заслон прямому и бесцеремонному вмешательству православной церкви в дела мусульманских религиозных общин, возникли условия для толерантных взаимоотношений, хотя церковь продолжала в той или иной степени участвовать в решении вопросов возведения мечетей с организацией прихода. Указ о веротерпимости 1773 г. должен был решить проблему организации религиозно-обрядовой жизни уммы в поликонфессиональных поселениях, в которых мусульмане составляли меньшинство жителей. Завершающим этапом в становлении толерантного курса стало признание правительством мусульманского духовенства, переход на сотрудничество с ним и учреждение в 1788 г. ОМДС. Таким образом, переходный период становления веротерпимости в отношении ислама во внутренней России охватывает 1744 — 1788 гг. Если в Среднем Поволжье и Сибири на практике происходило расширение религиозных прав мусульман, то для мусульман, расселенных в Приуралье и казахско-российском пограничье, где отсутствовало миссионерское просвещение и существовала свобода вероисповедания, важным представляется законодательное закрепление принципов «просвещенной монархии» в вероисповедальной сфере. Сформированные в период воинствующей христианизации ключевые критерии устройства мечетей сохранились вплоть до падения самодержавия. Вследствие естественного прироста населения установленный правительством норматив махалли, направленный на сдерживание роста численности мечетей и духовенства, постепенно потеряв свое первоначальное предназначение, превратился в «регулятора» динамики численности исламских институтов. В результате численность мечетей в рассматриваемый период неуклонно увеличивалась. Он продолжал создавать проблемы в устройстве религиозно-обрядовой жизни малочисленным общинам.

В системе исламских институтов российское законодательство определило мечеть главным символом устройства легальной махалли, разрешая молитвенные собрания исключительно в храме, утверждая мусульманское духовенство при мечети и устраивая при них мектебы и медресе. Независимо от этого культовые здания традиционно выполняли функцию локального религиозно-духовного центра прихожан. Их статус наглядно демонстрировал правовое положение конкретной конфессии в государстве и являлся важным элементом в реализации гражданских прав подданных. Государственное регулирование организации и проведения общественной молитвы в традиционной общине произошло во второй четверти XIX в., в период правления Николая I. Разработка нормативной базы функционирования исламских институтов происходила хаотично, как решение возникавших частных вопросов, а тотальный пересмотр всей системы духовного управления мусульман и других аспектов «исламского вопроса» по разным причинам откладывался. Главным образом посредством интеграции коллективной молитвы в общеимперское политико-административное и социокультурное пространство происходило включение исламских институтов в российское поликонфессиональное сообщество. Ислам превратился в неотъемлемую часть духовной культуры России.

Комплексное изучение проблемы совершения мусульманской молитвы в Российской империи позволило выделить несколько ее аспектов.

Первый аспект — общественно-политическая сторона исламского ритуала, логично вытекающая из статуса государственной религии и имперской идеологии самодержавия. В его основе лежит отношение государства к коллективной молитве как к социальному явлению, консолидирующему мусульманское сообщество в духовном и социальном отношениях, и отношение к мечети как к нехристианскому общественному центру. В условиях активной территориальной экспансии Российской империей земель мусульман международный фактор оказывал существенное влияние на реализацию религиозных прав российских подданных. Слабость нормативной базы и особенности начального этапа становления принципов правового государства определили политическую конъюнктуру важным рычагом регулирования «исламского вопроса», что наглядно проявилось в закреплении в 1857 г. в завуалированной форме в общеимперском законодательстве права участия русской православной церкви в вопросах исламского храмового строительства, отмененного в 1773 г. Екатериной II.

Основные элементы массового и эмоционального воздействия самодержавия на титульное население через русскую церковь были распространены на махалли. Реализация правительственными кругами доктрины «официальной народности» в отношении мусульман производилась по схеме «самодержавие, веротерпимость и умма». Проводниками государственной идеологии с учетом исламской догматики на молитвенных собраниях должны были выступать мусульманские духовные лица. Совершение праздничного молебствия в честь российского государя и членов императорской семьи в храмах всех признаваемых в империи конфессий в XIX — начале XX вв. носило обязательно-принудительный характер, игнорирование которого воспринималось как нелояльность к существующему режиму.

Модернизационные процессы в стране начала XX в. не привели к пересмотру государственно-исламских отношений, однако способствовали повышению правовой грамотности подданных, усилению национального самосознания этнических меньшинств и содействовали формированию межконфессионального взаимопонимания среди прогрессивной части российского общества.

Второй аспект — общественно-социальный — разделял полномочия прихожан и органов власти в организации религиозно-обрядовой жизни. Предоставив прихожанам права выбора духовных лиц, места постройки, возведения храма, определения статуса мечети и записав за ними в обязательство исправное содержание мечети и духовенства, государство оставило за собой последнее слово при определении острой необходимости в организации общественной молитвы, назначении духовенства, проверки легитимности

коллективного решения прихожан, выраженного в общественном приговоре, контроля технического и противопожарной безопасности в местах общественной молитвы, вовлекая в это и ОМДС. Власть активно регламентировала начальный этап устройства махалли. Каждый новый шаг в дальнейшем устройстве религиозно-обрядовой жизни существующего прихода, связанного с избранием или низложением духовного лица, ремонта, перестройки, перевода мечети на другое место согласовывался со светской и духовной властью.

Право возведения принадлежало лишь определенной группе мусульман, имеющих постоянную приписку в данном поселении. В начале XX в., с усилением урбанизации, власти начали учитывать новые веяния при регистрации махаллей.

ОМДС выступало перед центральными и местными органами власти защитником интересов уммы касательно вопросов расширения поля применения шариата в общеимперском политико-административном пространстве и создания условий для исполнения религиозных потребностей мусульман в стране. При решении ключевых сторон религиозного быта мусульман правительство широко опиралось на мнение ОМДС, а также, начиная со второй половины XIX в., на российских востоковедов, совмещающих преподавательскую и исследовательскую деятельность с работой в центральных органах власти.

Третий аспект регулирования молитвенного ритуала был связан с устройством культового здания. В государственно-исламских отношениях в сфере культового зодчества и строительства выделяются несколько этапов. На первом этапе, со времени официального разрешения легального существования мусульманских богослужебных зданий в Поволжье и Сибири и до 1828 г. включительно, правительство не обращало внимания на внешний облик мечетей и технический аспект их возведения. Вторым этапом характеризовался (1829 — 1862) принуждением мусульман европейской части России и Сибири возводить мечети по «образцовым чертежам». На третьем этапе, совпавшем с отменой каких-либо архитектурных ограничений в гражданском строительстве, мусульмане получили полную свободу действий, сохранив право пользования «образцовыми проектами» 1843 г. Власть постепенно в строительно-техническом отношении унифицировала требования к возведению храмов различных конфессий как к публичным зданиям. При отсутствии каких-либо официальных критериев, учитывающих традиции мирового исламского монументального искусства, единственным ориентиром для архитекторов-чиновников становились правила строительства церквей, основанные на традициях христианского храмостроительства.

Реставрация действующих старинных мечетей считалась внутренним делом уммы. Вопросы сохранения и восстановления исламских исторических культовых памятников волновали прогрессивную русскую общественность, нежели чиновников.

Возведение мечети в градостроительной ситуации становилось результатом согласования комплекса вопросов, связанных с определением места застройки (центр или окраина, конфессиональный состав жителей квартала), безвозмездным выделением или приобретением земельного участка, разработкой проекта и постройки мечетей татарскими купцами и промышленниками, уполномоченными религиозной общины, с одной стороны, и зодчими, чиновниками местного строительного комитета и губернского (областного) правления, городской думой, епархиальным начальством — с другой. В сельской местности архитектурный облик молитвенного здания определялся традициями народного зодчества, на который определенное влияние оказывала практика возведения мечетей в городах.

Четвертый аспект — ритуально-общественный — был практически полностью в компетенции местного духовенства и проводившего экзамен будущих духовных лиц, курировавшего исполнение ими должностных обязанностей ОМДС. Возможность совершения праздничных молитв в России определялась прежде всего духовным званием приходского имама, а не статусом поселения. Учреждение молитвенного дома в качестве

неофициального места молитвенных собраний приравнивалось к незаконной постройке мечети. Лишь при регистрации махалли он становился легитимным. Функционирование культовых зданий невозможно представить вне образовательной и просветительской деятельности духовенства. Здесь читали Коран, рядом с культовым зданием, как правило, находились мектебы и медресе, дом имама.

Правительство добивалось проведения санкционированных (в мечети) молитвенных собраний лишь под руководством указных мулл. Имамы-хатибы на минбаре имели трибуну для религиозного, нравственного и гражданского воспитания прихожан. Причты всех признаваемых в России конфессий играли важную роль в закреплении в общественном сознании полиэтнического населения империи законопослушности царскому самодержавию.

В городах, где значительную часть временно проживающих составляли крестьяне, а постоянных — представители различных сословных групп, до появления в начале XX в. благотворительных или культурно-просветительских организаций именно мечети выступали монопольными центрами общественно-культурной жизни этноконфессиональной общины.

Религиозное собрание выполняло социальную и коммуникативную функции. Каждый приехавший в поселение мусульманин в мечети оказывался в привычной, родной среде, что имело огромное значение на начальном этапе адаптации на новом месте обитания. Здесь человек чувствовал себя членом единой уммы, нередко пользовался протекцией своих единомышленников. Мечети наряду с храмами других конфессий становились местом ознакомления жителей поселения с различными постановлениями правительства, местной администрации, органов земского и городского самоуправления.

Правительство специально не препятствовало созданию определенных условий для формирования религиозного уклада мусульман в поликультурной среде. В процессе медленного, пусть даже деформированного становления основ правового государства, на промышленных предприятиях и в других учреждениях формировалась веротерпимость. Особенностью российского религиозного плюрализма стало приоритетное положение православной церкви, когда официальная власть выступала защитницей прав русского населения, вторичность, а порой третичность (после христиан) религиозных прав мусульман, а также политизированность принимаемых царизмом нововведений в этой области.

В российских реалиях открытое совершение в общественном месте частного или общественного религиозного ритуала приобретало глубокое социальное значение, публичный церковный обряд трансформировался в устойчивую форму межэтнического общения, выражения гражданских прав этноконфессиональных меньшинств и фактор консолидации уммы по всесословному принципу.

Толерантность носила двоякий характер, что для православных означало мирное сосуществование с представителями различными вероисповеданий, для мусульман — отстаивание своих прав в поликультурной среде.

Приложение

1. РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О МЕЧЕТЯХ

№ 1

О недопущении в Казанской губернии строить мечети и о разведывании губернаторам и воеводам о обращенных в магометанский закон новокрещенных людей. Указ Сената

19 ноября 1742 г.

Правительствующий Сенат приказали: 1) все имеющиеся в Казанской губернии новопостроенные за запретительными указами мечети, по силе Святейшаго Синода опреде-

ния и посланного в Казанскую губернскую канцелярию указа, а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческого исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить отнюдь не допускать и того Казанской, Сибирской, Астраханской и Воронежской губерниям накрепко предостерегать; ежели же где оные татары жительство свое имеют, в отдалении от новокрещенных жительств и особливыми от них селами и деревнями состоят, а в них мечети есть же, оныя описав, сколько где ныне таковых есть, а когда построены и в скольком одна от другой мечети расстоянии, и при скольких дворах, и должно ль им впредь быть, или кои разломать, или без разломки для неминуемой жителей татарских законной нужды оставить надлежит: о том о всем тем губернским канцеляриям с епархиальными архиереи согласиться и на мере постановления, в Правительствующий Сенат донести и ожидать конфирмации.

2) О превращенных в магометанский закон, по силе губернаторской инструкции 19 пункта, губернаторам и тех губерний провинциальным и городовым воеводам всеми удобовозможными способами разведать, а кто явится, сыскивать накрепко, кем и из какой веры или народа к магометанскому закону навращены и в вере их утверждены, и по следствию на кого покажут и сыщется про то допряма, чинить с таковым как вышеозначенным пунктом повелено, а чувашам и другим всякого звания нации превращенным, ежели они по призыванию и добровольному увещанию креститься не пожелают, чинить штраф по указам же; однако притом всемерно наблюдать, и по поданным доношениям в следствие то вступать разве, дав достаточно и по явным доказательствам, дабы напрасного ни малейшаго претерпения никто не понес.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т.XI.— № 8664)

№ 2

О нестроении башкирам мечетей, близ селений новокрещенных иноверцев. Указ Сената

20 февраля 1744 г.

Правительствующий Сенат, слушав доношении Уфимской провинциальной канцелярии, приказали: понеже по Именному блаженный памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны 1736 года указу повелено, в Башкирах мечетей и школ без указов вновь не строить, а чтоб старыя испразднить, того не изображено; да и по определению Правительствующаго Сената 1742 года ноября 19 дня велено: новопостроенныя за запретительными указами мечети, по силе Святейшаго Синода определения, а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческого исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить не допускать; а ежели где оные татары жительство свое имеют, в отдалении от новокрещенных жительств и особливыми от них селами и деревнями состоять, а в них мечети есть; но и о таких Казанской, Астраханской и Воронежской губерний губернским канцеляриям, согласясь с епархиальными архиереи и на мере постановления, донести в Правительствующий Сенат и ожидать конфирмации; а в башкирских жилищах, как известно, новокрещенных никто жительства не имеют и они же состоят под особливыми указами; того ради имеющиеся ныне в той Уфимской провинции в башкирских жилищах татарския мечети впредь до указа оставить, дабы те башкирцы, как бригадир Аксаков представляет, не поставили

себе в тягость и от того не воспоследовало б какого помешательства, а впредь без особых из Сената указов таких мечетей не строить.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т. XII.— № 8875)

№ 3

О поселении казанских татар в Оренбурге и разрешении им построить мечеть вне города.

Указ Сената

8 марта 1744 г.

Правительствующий Сенат, слушав поданное от тайного советника Неплюева доношение, коим представляет: что привилегии, пожалованной городу Оренбургу, за подписанием блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны собственный руки, в 1-м пункте объявлено: что в помянутом городе дается соизволение всем и всякого народа российским купечеству, мастеровым и разнощикам, также иностранных европейских государств иноземцам, купцам и художникам и тутошним башкирскому народу и живущим с ними и иными всякого звания и веры приходить, селиться, жить, торговать и всяким промыслом промыслять и паки на свои жилища отходить свободно; и последовавшими на то Именными указами повелено: ежели отколь будут охотники для поселения в Оренбург из купцов и ремесленных, таковых принимать и подушные деньги платить за них из Оренбурга; токмо по новости и отдаленности того места, поныне таких охотников явилось самое малое число, да и те все убогие, торги производить не в состоянии; потребность же есть, чтоб для распространения тамошних торгов иметь в гражданстве достойных и пожиточных людей, и хотя находившийся при Оренбургской крепости главным командиром покойный генерал-лейтенант князь Урусов в прошлом 1740 году в бывший кабинет представлял о переводе в помянутый Оренбург купечества из других городов; но сие может быть затруднительно. А ныне просят его тайного советника самоохотно желающие из казанских татар, люди торговые и пожиточные, что им, по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии, поселиться и жить при Оренбурге на основании той привилегии, только б за отдаленностью места уволить их от дачи рекрут, а подушные деньги обязуются они платить в Оренбурге, и позволить бы им, по силе означенной привилегии, свободное содержание их веры, то есть строение их мечетей; а понеже от того, ежели Правительствующий Сенат на сие милостивое изволение учинить благоволит, надеятельно немалое число пожиточных людей к поселению в Оренбурге приохотить и такими жителями оный город удовлетворять, особливо когда по содержанию той Оренбургской привилегии в жителство их позволится вне города мечеть им, как то им и всем азиатским народам в публикованной привилегии в II пункте именно дозволено, с точным объявлением, что как европейским, так азиатским народам иметь свободное содержание их вере и духовных персон и строение по их законам церквей, с подтверждением, чтоб при том содержании себя в надлежащем порядке не примешивать к тому, от чего б могло быть предосуждение нашей православныя и восточныя католическия всероссийския церкви и государственным правам и уставам. Что же касается до исключения тех татар от рекрут, что они за главный пункт при том своем новом поселении почитают, о том доносить, что по его мнению не менее пользы быть может пребыванием их при Оренбурге, какие рекруты от них иманы

были, ибо во время потребности всегда так, как нерегулярные люди употребляемы быть могут, яко к тому обыкновенные; но дабы для такой пожалованной им выгоды не нашлось таких, кои никакого капиталу и торгов своих не имеют в том намерение, чтоб им токмо освободиться от рекрут того приема; при приеме их надлежит наблюдать; а притом еще не соизволено ль будет и то определить, до коликого числа семей принять их и поселить приказали: о вышеописанном учинить по объявленному его тайного советника представлению и мнению, токмо тех татар принять только двести семей, а более не принимать, и при приеме их накрепко наблюдать, чтоб приниманы были люди пожиточные и торги производить могущие, от чего б в тамошнем, яко вновь заведенном месте, коммерция распространялась, и от того интересу Ея Императорского Величества было приращение; а подушные деньги платить за них в те места, где они положены, собирая с них из Оренбургской комиссии; а рекрут с них не брать, а им, вместо того, когда случай требовать будет, служить с прочими нерегулярными около Оренбурга службы; також и мечеть им вне города, где их особо селение будет, по силе данной городу Оренбургу привилегии, построить позволить, токмо всех их обязать, чтоб они в свой магометанский закон из подданных Ея Императорского Величества и из других народов, которые туда приезжать будут, никого не подговаривали и не превращали, под опасением жесточайшего по указам истязания, чего за ними накрепко смотреть тамошним командирам, и о том к тайному советнику Неплюеву, в Военную Коллегию и в Казанскую губернию послать указы, а в Святейший Синод сообщить ведением и при том представить, что Правительствующим Сенатом дано позволение оную мечеть построить в таком рассуждении, что по данной городу Оренбургу привилегии то позволено, да и тамошняго яко нового места без того умножить людьми невозможно,

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т. XII.— № 8893)

№ 4

О разрешении сохранить у уфимских башкир мечети, построенные до 1736 года и о недозволении строить вновь. Указ Синода

12 марта 1744 г.

По указу Ея Императорского Величества, Святейший правительствующий Синод, по ведению Правительствующаго Сената, коим объявлено, присланными де к Уфимским духовным делам и в Уфимскую провинциальную канцелярию из Казанской духовной консистории промемориями требуется, чтоб имеющиеся в Уфимской провинции татарские мечети, по силе указа, по силе объявленных в тех промемориях указов освидетельствовав, описать и вновь строить не давать, а понеже де по именному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны указу, данному февраля 11-го дня 736-го года Генералу и Кавалеру Господину Румянцеву, да Статскому Советнику Кириллову между прочим по 14-му пункту велено в башкирах мечетей и школ без указов вновь не строить, а чтоб де старая изпразднить, того не изображено, да и по определению Правительствующаго Сената 742 года ноября 2-го дня велено на новопостроенныя за запретительными указами мечети по силе Святейшаго Синода определения, а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческаго исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить не допускать, а ежели где оные татары

имеют в отдалении от новокрещенских жительство и особливими от них селами и деревнями состоят, а в них мечети есть, но и о таких Казанской, Астраханской и Воронежской губерний губернским канцеляриям, согласясь с епархиальными архиереями и на мере поставя, донести в Правительствующий Сенат и ожидать конфирмации, а в башкирских же жилищах, как известно, новокрещенных никто жительства не имеет и они же состоят под особливими указами, того де ради по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующий Сенат приказали: имеющиеся ныне в той Уфимской провинции в башкирских жилищах татарския мечети впредь до указа оставить, дабы те башкирцы, как бригадир Аксаков представляет, не поставили себе в тягость и от того не воспоследовало б какого помешательства, а впредь без особливых из Сената указов таких мечетей не строить. Приказали: о вышеписанных Уфимской провинции в башкирских жилищах мечетях, кои у них построены до вышеозначеннаго февраля 11-го дня 1736-го года, указа для вышепоказанных важных резонов оставить быть так, как означенным Правительствующаго Сената ведением показано, о нестроении оным впредь мечетей також и школ чинить, как вышеявленным блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны Февраля 11-го 1736-го года указом повелено, между же татарами, тамо, где оные жительство свое имеют во отдалении от новокрещенских жительство и особливими от них селами и деревнями состоят, о описи и свидетельстве мечетей и что должно ль им быть впредь, или кои разломать и каких ради винословий, Епархиальным архиереям и губернаторам поступать, как прежде посланными к ним о том из Святейшаго Правительствующаго Синода и Правительствующаго Сената указами повелено ж, и ожидать конфирмации, что же во определении Правительствующаго Сената показано, дабы впредь без особливых из Сената указов мечетей не строить; и на оное Правительствующему Сенату объявить, что по рассуждению Святейшаго Синода строить вновь мечетей никому просителям, по силе прежних указов, не следует дозволять, разве вместе самых обветшалых по освидетельствовании от духовной власти, что подлинно ль обветшали и по сломании тех обветшалых мечетей на том же месте, где была прежняя, и то в одних точию таких местах, где татары жительство имеют, конечно, в отдалении от новокрещенных жительство и особливими от них селами и деревнями состоят, а епархиальным архиереям, что не имеет ли в противность оному от губернаторов и воевод и от самих татар где чиниться, наблюдать всемерно с подобающею ревностию и о том в командах своих духовным, где кому надлежит, и что бы крепкое и незабвенное в том смотрение имели; а в противных случаях им, Преосвященным, обстоятельно и неотлагаемыми временами доносили, указами подтверждать на крепко ж и по сему к Преосвященным Казанскому, Астраханскому, Сибирскому, Нижегородскому, Вятскому и Воронежскому архиереям послать указы; а Правительствующему Сенату сообщить ведение.

(Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи.— Сер. II.— Т. II.— СПб., 1907.— С. 564—566).

**О нестроении мечетей в деревнях, где русские и крещенные иноверцы живут и о
некрещении иноверцев насильно. Указ Сената**

22 июня 1744 г.

Правительствующий Сенат, слушав обще в Святейшим Синодом выписки, поданной сего 1744 апреля 13, по прошению Казанской губернии Казанского, Свияжского и Симбирского уездов выборных служилых ясачных татар о даче им позволения о построении сломанных татарских мечетей, согласно приказали: 1) Которыя татарские мечети есть в татарских, где русские, также из иноверцев новокрещенные живут в одних деревнях, хотя где святые церкви веры греческого исповедания построены или где оных и нет, а по преждепосланным указам, те татарския мечети еще поныне не сломаны, те мечети все сломать и вновь строить в тех деревнях, где русские и новокрещенные жить будут, отнюдь не давать, дабы новокрещеным от магометан не было какого соблазна. А тех иноверцев из тех деревень, по силе состоявшегося сентября 28 дня 1743 года Ея Императорскаго Величества указа, переселить в другия деревни, где такие же иноверцы живут. А хотя по грамоте 7101 года татарам мечети иметь и запрещено, и то не для чего иного тогда было учинено, чтоб не были те мечети в одних жительствах с русскими и новокрещеными, как о том из той же грамоты видно. А понеже из присланной из Казанской губернии о тех мечетях ведомости показано, что в Казани и в Казанском уезде мечетей татарских было 536, из того числа сломано 418, да не сломано 118, и из тех всех, об одних объявлено, что построены еще до взятъя под Российское владение Казани, а другие назад тому лет от 200 и ниже. Того ради в рассуждении того, ежели у них, татар, все мечети их сломали, то из того не иное что последовать может, токмо одно им, татарам, в их законе оскорбление и от того б не могло до разглашения дойти в такая места, где между магометанами, в других государствах живут люди веры греческого исповедания и построены божия церкви и не произошло бы какого тем церквам утеснения; к тому же живущие в России татары магометанскаго закона приводятся к присягам по их законам в их мечетях. Того ради для таких обстоятельств в Казани в татарской слободе для татар магометанскаго закона велеть им построить, ежели все сломаны, только две мечети, а в Казанском и прочих той губернии уездах, также ж в Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Симбирской губерниях, где магометанцы ж жительство имеют особыми деревнями, в которых жительства русских и новокрещенных нет, а в тех их татарских деревнях по переписи мужеска пола душ написано не менее как от 200 до 300 душ в каждой, таким губернаторам, обще с епархиальными архиереи, до строения тех татарских мечетей, ежели где старые сломаны, их допускать. А ежели в которой татарской деревне толикаго числа душ по переписи мужеска пола нет, а мечети быть надобно, то велеть к той деревне приписывать ближния к ней деревни, чтоб было у каждой мечети, как выше писано, от 200 до 500 душ, и где те мечети из не сломанных оставить, или вновь, вместо сломанной, построить определено будет: тем всем мечетям, в которой деревни и при скольких числом по переписи душ будет определено, подробные ведомости прислать в Правительствующий Сенат и святейший правительствующий Синод при доношениях, а таковы ж оставить в губерниях и епархиях. А более того определенного числа тех мечетей впредь, хотя по новой переписи и после того числом душ перед нынешним их, татар, и умножилось, строить отнюдь не допускать, и того смотреть накрепко губернаторам и воеводам и епархиальным архиереям; а быть толикому чис-

лу мечетей, сколько по нынешнему положению по числу мужеска пола душ определено; а ежели сверх того положения, где останутся излишния мечети, по прежним указам, сломать немедленно. И всем тем татарам и их абызам и их выборным магометанскаго закона объявить указ с подписками, чтобы они, как русских, так и новокрещенных и калмык, мордву, черемис, чуваш и прочих всякого звания людей, хотя б кои иноверцы и в их услугах были, в свой магометанской закон ни под каким видом отнюдь не склоняли и не превращали и не обрезаывали; а ежели кто в том явится виновен, таким, по следствию и по розыску, чинить как прежние указы и губернаторская и воеводская инструкция повелевают без всякий полады; чего смотреть губернаторам и воеводам накрепко. Однако при том всемерно наблюдать, и по поданным о том доношениям, в следствие вступать, разведав достаточно, и по явным доказательствам, дабы напрасно кто из них страдать не мог; и ежели где таковые явятся, и что учинено будет, о том в Сенате рапортовать. А когда в их татарския жилища будут приезжать российския духовныя персоны для проповеди слова Божия и им татарам тем проповедникам никакого озлобления и препятствия не чинить; и ежели кто из них татар, по своему соизволению, пожелает воспрять веру греческого исповедания: и им татарам, тем желающим, никаких озлоблений и обид не чинить; также и их татар, к обращению в веру греческого исповедания как духовным, так и светским персонам в неволю, никакого принуждения и озлобления отнюдь не чинить же; о чем им татарам и их абызам объявить же. Что же Астраханский губернатор пишет о несломании мечетей прочих народов, кроме татар, а сколько каких именно, того не показано: того ради, из той губернии, о том прислать в Сенат обстоятельную ведомость, по которой тогда и решение учинено будет и о том послать указы. 2) Во всем государстве, по примеру, как указами о подаче сказок к ревизии прочим опубликовано, о том чтоб раскольники у определенных к той ревизии генералитета и штаб-офицеров с сказками, о числе их мужеска и женска пола явились, и о прочем, по вышепоказанным указам исполнении, подтверждении, Ея Императорскаго Величества печатными указами из Правительствующаго Сената опубликовать.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т.ХІІ.— № 8978)

№ 6

О не переводе живущих в Сибирской Губернии иноверцев в другие места, и о позволении им построить разстоянием от каждого города в полуверсте по одной мечети. Указ Сената

8 октября 1747 г.

В Собрании Правительствующий Сенат, слушав челобитья Сибирской Губернии городов Тобольска, Тюмени, Тары, Томска, Татар и Бухарцов, Абыза, Итик, Сейтова, Аптуха, Кафара, Абреймова, Миролея, Есиева, Ашмелева и Святейшаго Синода ведения и выписки, а в челобитье оных Татар и Бухарцов написано: в прошлых давних годах, до взятья и по взятье под Высочайшую Ея Императорскаго Величества державу, Сибирская сторона и до поселения городов Тобольска, Тюмени, Тары и Томска, от роду их татары и Бухарцы, и по них прадеды, деды и отцы их жили, и они живут на тех же местах и поныне без утеснения, и службы служить и всякия подати и поборы платят всегда бездоимочно. А в 193 году апреля в 5 день по грамоте, присланной из Москвы, повелено, которые

иноземцы в Тобольске живут под горою и в иных местах, по-прежнему в тех же местах жить, а на Паньин бугор и за Знаменской монастырь выселять не определено. Да и по грамоте ж 703 года Октября 11 дня велено мечети для их законной нужды в Сибирской Губернии иметь невозбранно. А в 1744 году июля от 22 числа по присланному Ея Императорского Величества из Правительствующаго Сената указу велено Сибирской Губернии, где Магометанского закона жительство имеют особыми деревнями, в которых жительства Русских и новокрещенных нет, в тех местах для необходимой их законной нужды мечетей оставить, чтоб было у каждой не более от 200 до 300 мужеска пола душ, а не в каждой деревне, а прочия оставшая по числу мужества пола душ мечети велено все разломать без остатка. И в силу де онаго Ея Императорского Величества указа, а по определению Сибирской Губернской Канцелярии имевшийся в городе Тобольске на нижнем посаде две мечети сломаны, а приписаны все Тобольские татары и Бухарцы 290 душ к Медянской мечети чрез расстояние 6 верст, а прочие Тобольского уезда в деревнях только оставлено по учиненному в реченной Губернской Канцелярии росписанию от 200 и до 300 душ по одной мечети, всего в Тобольском уезде при 5843 душах 23, а разломано 66, в Тюмене городе и в уезде разломано 19, оставлено 13, и приписываны к оставшим мечетям расстоянием от 70 верст и более, и для моления по их Магометанскому закону живущим, как в городе Тобольске Татарам и Бухарцам в Медянские юрты, и объявленных городов Тюменя, Тары и Томска в уездах из деревень за дальностию расстояния ездить никак невозможно, в зимнее время от тяжких морозов, а в летнее за реками от великих погод, а паче Тобольским из города за великою рекою Иртышем, ибо моление происходить по закону их в каждые сутки по 5 раз, и за таковым отдаленным расстоянием и частыми для моления переездками, которого оставить по их законной нужде невозможно, приходят все во всеконечное разорение и нищенство; а в прошедших де годах бывший в Тобольске и в Тюмене Преосвященный схимонах Феодор, проповедник закона Христианского, крестил из разных родов иноверцев Сибирской Губернии идолопоклонников, а желающих из Татар и Бухарцов, а в мечетях их, как церквям и закону Христианскому ни какой противности не усмотрел, таже и по нем схимонах Феодор бывшие Митрополиты; а хотя они Татары и Бухарцы в предании Магометанском отпадшие находятся, и приносят молитву по закону, Пророка Моисея (Магоммеда – *И.З.*), а воздают Вышнему небесному Богу благодарение, а не идолам, которые приносят в молитву Акун и Абыз, и моление их совершается не во время Христианского в церквах пения, ово прежде, ово после, а напредь сего до сочинения в Тобольске солдатского гарнизона во время летнее и зимнее, когда бывает хождение на воду и с Тобольскими служилыми людьми хаживали и служилые Татары с великим подобоострастием, и честь воздавали, а в прочих городах и поныне выходят; а в городе Казани по указу Ея Императорского Величества повелено Татарам построить две мечети, а они Тобольские, Тюменские, Тарские и Томские татары и Бухарцы с Русскими и новокрещеными в житии дворами и деревнями никакого сообщества не имеют, и отстоит деревня от деревни верст по 5 и по 10 и более от Русских жилищ, а не так, как в Казанской Губернии в городе и в уезде Татары с Русскими и новокрещеными жительство имеют смежное; в Губернии ж Астраханской в городе Астрахани у Татар и Бухарцов, которые Магометанского же закона, выехавши из разных городов Бухарии в Астрахани имеют мечети невозбранно и не ломаны: а в Тобольском городе на нижнем посаде живущих Татар и Бухарцов у 290

душ мечети ныне не имеются, в чем они за частыми отъездками для моления немалое ж имеют разорение и приходят в убожество, и просят, чтоб повелено было за показанными их изнеможениями в построении разломанных, как в городе Тобольске на нижнем посаде и в уезде, так и по городам в Тюмене, в Таре и в Томске в уездах по деревням мечетей по-прежнему повелено было для их законных крайних и необходимых нужд дать позволение. В ведении из Святейшего Синода: что Преосвященный Антоний, Митрополит Тобольской, на посланный из Святейшаго Синода указ представляет: о преселении и о высылке из города Тобольска от общежительства с Христианами Тобольских Юртовских Татар и Бухарцов (коих де на нижнем посаде по переписным 1719 года книгам показано только 62 юрты: а живут в середине между Российскими стена об стену) в их иноверческие близ города Тобольска имеющиеся жилища, или о поселении их особою слободою за городом на удобном месте, каковое имеется на Княжем лугу, что под Чювашиами по край Иртыша реки, в расстоянии от одного города точию в 2 верстах, и о сломании их Татарских мечетей; чего де ради определено: сочинив из оных Его Преосвященства представлений с показанием и о прежде бывших, какие о преселении оных Татар из города Тобольска происходили, действиях экстракт, к надлежащему рассмотрению и решению сообщить Правительствующему Сенату при ведении, и при том объявить, что по рассуждению Святейшего Правительствующаго Синода, ради церкви Христовы и общей Государственной и всех Тобольских благочестивых граждан прописанной в его Преосвященства представлениях пользы, и для пресечения всех происходящих от общаго с ними Татары жития Христианам соблазнов и в юртах их чинящихся скверных безаконий и свад, помянутых Тобольских Татар и Бухарцов, яко в самом малом юрте числе, то есть точию в 62 находящихся, из города Тобольска на показанное, что под Чювашиами, отстоящее от Тобольска токмо в 2 верстах место, или в ближния к Тобольску, а именно, в 6 точию верстах находящиеся Медянские юрты, в коих к поселению их места имеется весьма довольное число, или кто куда из них пожелает, переселить весьма надлежит. А Сибирская Губернская Канцелярия на посланной из Правительствующего Сената указ рапортом объявляет: Тобольского де уезда и о городских и деревенских мечетях в Сибирской Губернской канцелярии, где Татарские мечети надлежало сломать, и для их неминутой законной Татарской нужды без разломки по числу мужеска пола душ от 200 до 300 душ оставить надлежало, росписание учинено, и к Преосвященному Антонию, Митрополиту Тобольскому и Сибирскому, при промемории сообщено с требованием на то общаго, в силу онаго указа, согласно определения ибо по тому Сибирской Губернской Канцелярии росписанию определено разломать в Тобольском во всем уезде 66 мечетей, да оставить и вновь построить всего при числе мужеска пола 5843 душах 23 мечети; но в промемории де от Преосвященного Антония, Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, написано: по силе де состоявшихся Ея Императорского Величества указов надлежит определение учинить не токмо об одном том, что Татарския мечети сломать, и сколько где оных без разломки оставить, и Татар к ним по числу душ распределить, по их Татар самих из всех таких мест, где Русские и новокрещенные жительство имеют, выслать в их иноверческие Татарские жилища, где такие же иноверцы живут, как де в состоявшемся Ея Императорскаго Величества Сентября 28 дня 1743 года указе изображено, и для того о преселении обретающихся в Сибирской Губернии Магометанского закона Татар, как из прочих Русских и новокрещенных жилищ, так и из Тобольска в их Татарские жилища, где

они саим пожелают жить, надлежало определить, и потому учинить высылку неотменно, почему б удобнее возможно было его Преосвященству знать, где и при какой именно мечети сколько душ обретаться будет, и так в близости месть распределение учинить, где их с прочими приписать надлежит, ибо де в присланной промемории значится по единой части и к исполнению только то о сломании мечетей и распределении Татар к оставшимся мечетям; а что надлежит Татар к высылке из Русских жилищ в иноверческия их жилища, ради важных законных многих резонов, того неведомо для чего не упомянуто, но весьма о том умолчено, в чем состоит самая главная к охранению его Преосвященства благочестия Христианского нужда; того ради от Сибирской Губернской Канцелярии требовано известия в немедленном времени: по силе вышеобъявленного Ея Императорского Величества указа обретающихся в Тобольске и в других городах и уездах между Русскими и новокрещеными Татар в Татарския их иноверческия жилища высылать определенно, и ежели опеределено, то в которые именно Татарские деревни, а ежели и поныне паче чаяния о переселении из Русских жилищ никакого определения не учинено, и они без высылки между Русскими и новокрещеными по-прежнему оставлены жить, то каких ради резонов не высланы, без чего де в силу вышеобъявленных Ея Императорского Величества указов по означенному Сибирской Губернской Канцелярии требованию согласно о всем вышеписанном обстоятельного определения учинить его Преосвященству не возможно; на что от Сибирской Губернской Канцелярии промемориею к его Преосвященству было объявлено, что Сибирская Губернская Канцелярия из Тобольска Татар и Бухарцов в их Татарския жилища переселить опасна, по тому, что в присланном Ея Императорского Величества из Правительствующаго Сената указе то, чтоб обретающихся в городах татар переселять в другие Татарския жилища не показано, а повелено переселить Татар тех, кои в деревнях живут, где Русские и новокрещенные жить будут, и требовано вторично, дабы учинить его Преосвященству согласное с Сибирскою Губернскою Канцеляриею о сломании Татарских мечетей и о распределении к оставшим за разломкою мечетям же Татар по числу душ, как о том в преждепосланной промемории написано; на что того ж 1745 года Генваря 4 дня в Сибирскую Губернскую Канцелярию присланною ж промемориею от его Преосвященства написано: понеже де хотя в оном присланном Ея Императорского Величества указе из Правительствующаго Сената того, чтоб из городов Татар в их иноверческия жилища высылать и не написано, а написано высылать из таких деревень, где Русские и новокрещенные жительство имеют, только ж и того, чтоб из одних только деревень высылать, а из городов не высылать не написано ж; а разумеется де оное определение, носиле вышереченного Ея Императорского Величества указа, о всех Магометанах быти генеральное, а нечастное, какое для того, что без всякой выключки объявлено об них общею речью, где они, Магометане, жительства свои с Христианы имеют повелено высылать, и ежели о деревнях такое попечение иметь, где мало Христианских душ обретается, то де колыми паче за преимущество городов и за преизящество благочестивых Христиан жительство надлежит иметь всеприлежное тщание, чтоб выслать оных Тобольских, також и Тюменских Татар в их иноверческия жилища, как и прочих скорости, дабы отныне впредь Татары жительство имели с подобными себе Татарами, а не сместно с Христианы, а Христоименитый народ Русские с новокрещеными, чтоб никому от них Татар впредь никакого соблазна не было; а когда оные Татары из Тобольска и из других Русских месть в их Татарския жилища переселены

будут, тогда удобнее его Преосвященству будет и учиненное в Сибирской Губернской Канцелярии о приписке к Татарским мечетям душ, где коlikому числу быть о том распределение согласным мнением подтвердить, чего ныне до высылки из Русских жилищ Тобольских и Тюменских Татар учинить Его Преосвященству не возможно, и как прошедшаго Сентября 22 дня промеморию от его Преосвященства в Сибирскую Губернскую Канцелярию представлено было требование, о сломании мечетей и о высылке Татар из Русских жилищ в их иноверческия Татарския жилища на мере, постановления, для того, что его Преосвященство, получа из Сибирской Губернской Канцелярии о том известие, намерен был в Святейший Правительствующий Синод рапортовать, почему уже о всем выше изображенном и рапортовал; однако ж де до воспоследования на оное указной из Святейшаго Правительствующаго Синода резолюции, надлежит как из Тобольска, так из Тюменских городов Татар со всех порознь взять подписки, при которых они мечетях в причислении быть пожелают, чтоб впредь, когда повелено будет их из городов выслать, не имели они никакой к переселению своему отговорки и отлагательства; а каковыя в том взяты будут с них подписки, повелено б было с тех сообщить к его Преосвященству для ведома точныя копии; что же касается до разломки Татарских только мечетей, а не до распределения Тобольских, Тюменских Татар без их подписок к оставшим мечетям же, в том его Преосвященство с Сибирскою Губернскою Канцеляриею, по учиненному и по сообщенному от той Губернской Канцелярии к его Преосвященству росписанию с усмотрением при том силы Ея Императорского Величества указов согласен. А по справке де в Сибирской Губернской Канцелярии, объявленных живущих в городе Тобольске Татар и Бухарцов имеется мужеска пола 290 душ в 42 дворах, и требует указа: о высылке Тобольских, також и из городов живущих Татар в их иноверческия жилища, что повелено будет чинить, ибо того без повелительногоо указа Сибирская Губернская Канцелярия собою высылкою их из городов за неимением точнаго о том указа, принудить опасна; а где оныя мечети сломаны, и где оставлены, и коlikое число при них мужеска пола душ, тому из росписания и из определения Сибирской Губернской Канцелярии сообщена при оном доношении краткая ведомость, которою показано в городе Тобольске на нижнем посаде две мечети сломаны, при них мужеска пола 290 душ, кои приписаны по близости к мечети в Медянских юртах от Тобольска в 6 верстах, Тобольского ж уезда во всех юртах сломано 66 мечетей, оставлено и вновь построено 23 мечети, в оных мужеска пола 5843 души. П р и к а з а л и: живущих в Тобольске и в прочих той Губернии в вышеписанных городах, а не в уездах иноверцев из городов ныне до будущаго указа в другия места не переводить, а прислать в Сенат из той Сибирской Губернии доношение: в Тобольске и в прочих вышеписанных городах те иноверцы ныне живут особливими ли от Русских слободами, или в тех городах между Русскими в смежности своими дворами поселены, а ежели они иноверцы живут между Русских людей дворов, и для того, буде из городов свести и поселить в одном месте слободами, то к тому их поселению есть ли порозгия и удобныя к тому их поселению места и при городах ли, и в каком расстоянии от городов; и учиня всему тому опись и чертежи приложить при вышеписанном доношении; а для показанных от них иноверцев по их закону нужд, как живущих в Тобольске, так и в прочих той Губернии в вышеписанных городах, тем иноверцам до вышеписанного рассмотрения дозволить построить расстоянием от каждого города, где пристойно, в полуверсте по одной мечети,

и о том в Сибирскую Губернскую канцелярию послать указ; что же в вышеписанном их Татар и Бухарцов челобитье написано, яко бы в уездах мечети сделаны, и они приписаны к тем мечетям расстоянием от 70 верст и больше, от чего несут отягощение, об оном сообщить в Святейший Синод ведение, с таким Правительствующего Сената рассуждением, что о том надлежит рассмотрение и надлежащее учинить Тобольскому Архиепископу обще с Сибирским Губернатором, дабы за дальным расстоянием, как в переписках продолжения времени, так и им иноверцам от того излишней волокиты происходить не могло; и ежели Святейший Синод с тем Правительствующего Сената рассуждением соблаговолить быть согласен, о том бы сообщить в Сенат ведение; в вышеписанном же в Сибирскую Губернию указе написать, чтоб та Губерния, пока о переселении тех Магометан из городов в Сенате точное решение будет учинено, имела крепкое смотрение, дабы они Магометане Христианам никаких соблазнов и непотребств отнюдь чинить не дерзали.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т. XII.— № 9446)

№ 7

О сломании самовольно казанскими татарами построенных мечетей. Указ Синода

7 августа 1752 г.

По указу Ея Императорскаго Величества, Святейший Правительствующий Синод, слушав преосвященнаго Луки, епископа Казанского и Свияжскаго, апреля от 24, здесь же полученнаго мая 20 числа настоящего 1752 года, доношения, по представлениям к его преосвященству от заказчиков о строящихся и неких уже построенных тамошними татарами, за запретительными указы, в Казанском уезде деревянных мечетях, как в том доношении пространно показано, а именно:

Первое, в Старошешминском заказе, по Ногайской дороге, в деревне Алкиной, в которой де тоя деревни служилые татары: абыз Аимей Борисов, выборной Макай Мамаев, староста Алей Чапкунов и рядовые осматривавшему пригорода Старошешминска управляющему воеводскую должность комиссару Ивану Еремееву сказкою показали, что де прежде построенная у них мечеть в 744 году, по указу из Казанской губернской канцелярии, сломана и впредь строить им не велено, а как де, по усмотрению их, в окольных деревнях строятся вновь мечети, а именно в деревне Елтань и в других, то де с того и они застроили тою мечеть;

Втрое, в Сарапульском заказе от старорусского села Данилова, в пятнадцати верстах, между новокрещенскими деревнями версты по две и по три, в татарской деревне Агрызал;

Третье, в Новоспасском заказе в татарских деревнях, в коих старорусских и новокрещен не малое число дворов имеется, а именно: в деревне Ясачных Каюках, состоящей от старорусского села Актаю в полуторе версте, в деревне служилой Большой Шантале, да в деревне Нижней Новоясашной Шантале, и того в пяти местах, и о вышеписанных де о всех мечетях о наикрепчайшем изследовании и о истреблении их и о учинении с винными за таковое дерзновение по указам в Казанскую губернскую канцелярию писано промемориями: о первых, что по Нагайской дороге 1750 года сентября 20, а о Сарапульской припомянув при том и о тех первых 1751 годов сентября же 10, а о третьих, что в Новоспасском заказе сего 1752 года февраля 13 числе, точию де что

учинено, в Духовную его преосвященства консисторию из той Губернской канцелярии известия не прислано, почему де видно, что те татары, не имея себе в том никакого воспрещения, и страха, и достойного, за таковыя противныя их указом дерзости, истязания, отваживаются так дерзновенно и безстрашно, без всякой опасности, не точию в одних своих татарских деревнях в отдаленности, но уже и между старорусскими жилищами те свои богомерзкие нечестивыя мечети вновь умножать, отчего де тем, вблизи живущим, новокрещеным в содержании христианскаго благочестия происходить могут самые соблазнительные случаи, которые де их, татар, дерзновенные и указом противные поступки, ежели с ними не поступлено будет по указом и от вышних команд крепкого подтверждения и запрещения не воспоследует, то де таковаго их в построении оных вновь мечетей своевольства истребить отнюдь будет не можно; а канцелярии Святейшаго Правительствующаго Синода по справке: в прошлом 7101 году в посланной блаженныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича, всея России, в Казань к воеводам грамоте (с каковыя Святейшему Правительствующему Синоду из Казанской губернской канцелярии в 1742 года августа 2 дня прислана при доношении точная копия, между прочаго, написано: по отписке бываго тогда преосвященнаго Ермогена, митрополита Казанскаго, что татары в Казани в слободе начали ставить многия свои татарские мечети, которых де там по то время от казанскаго взятъ не ставлено, и что де о небытии тем в Казани мечетям и указы отца Его Царскаго Величества, блаженныя ж памяти, Государя и Великаго Князя Иоанна Васильевича, всея России, и его Государя Царя и Великаго Князя Феодора Иоанновича в Казани же есть, и чтоб они, воеводы, получа тое Его Государеву грамоту, оныя мечети велели посметати, и впредь татарам мечетей однолично ставить не велели, но конечно те мечети извели; да в прошлом же 1743 году сентября 28 дня имянным Ея Императорскаго Величества указом, между прочаго, 3 пунктом повелено: иноверцев из тех деревень, в коих явиться новокрещеных две, а оных иноверцев одна часть, переселять в другие места, приказали: Правительствующему Сенату сообщить ведение, и требовать, дабы соблаговолено было вышеозначенныя, за запретительными указы, в Казанском уезде, в пяти местах, мечети, в силу вышепомянутых прежних высокомонарших указов, немедленно сломать, истребить и впредь таковых к построению в подлежащих, как в том же определении изображено, местах, для вышепоказанных резонов, отнюдь не допускать; а тем оныя мечети, в противность тех указов, строить допущено и построены, о том, накрепчайше изследовав, с виновными, кто в том явится, поступать по указу, без упущения; тако ж живущих во означенных деревнях между старорусскими и новокрещеными татарами, по сим вышепомянутому 1743 году сентября 28 дня Ея Императорскаго Величества имянного указу, преселить на жительство в такие деревни, в коих старорусских и новокрещеных не имеется, чтоб им тех своих нечестивых мечетей вновь умножать ни малейшаго способа не было, и от того бы новокрещеным в содержании христианскаго благочестия соблазна и развращения не происходило; и о том из Правительствующаго Сената в Казанскую губернскую канцелярию и к находящемуся для означеннаго переселения коллежскому советнику Вечеслову подтвердить Ея Императорскаго Величества указами, и Святейший Правительствующий Синод уведомить, о чем ныне, для ведома, к преосвященному Луке, епископу Казанскому, послать указ.

№ 8

**О допущении татар магометанского закона, жительствоющих особыми деревнями в
Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, к
постройке мечетей;
и о переселении новокрещеных татар в другие деревни. Указ Сената**

23 августа 1756 г.

Правительствующий Сенат, слушав экстракта, учиненного по челобитью Казанской губернии от всех служилых мурз и татар поверенного от Казанского и Сибирского уездов на горной стороне деревни Верних Чапках, служилого татарина Якуба Бикметева в которой явствует, что в 1744 году апреля 15 дня, по общему Правительствующего Сената и святейшего Правительствующего Синода определению велено: которые татарские мечети есть в таких местах, где русские, также из инородцев новокрещенные живут в одних деревнях, хотя где святыя церкви веры Греческого исповедания построенные, или где оных нет, а по прежде посланным указам те татарские мечети еще по ныне не сломаны, те мечети все сломать и вновь строить в тех деревнях, где русские и новокрещенные жить будут, отнюдь не давать, дабы новокрещеным от магометан не было никакого соблазна; а тех инородцев из тех деревень, по силе состоявшего в сентябре 28 дня 1743 года Ея Императорского Величества указу, переселить в другие деревни, где такие же иноверцы живут; а хотя по грамоте 7101 года татарам мечети иметь и запрещено, и то не для чего иного тогда было учинено, чтоб не были те мечети в одних жительствовах с русскими и новокрещеными, как о том из той же грамоты видно. А понеже из присланной из Казанской губернии о тех мечетях ведомости показано, что в Казани и Казанском уезде мечетей татарских было 536, из того сломано 418, не сломано 118, и из тех всех об них объявлено, что построены еще до взятия Казани, а другие назад тому лет от двухсот и ниже: того ради в рассуждении того, ежели у них татар все мечети их сломать, то из того не иное что последовать может, токмо одно им татарам в их законе оскорбление, и от того бы не могло до разглашения дойти, в такие места, где между магометанами в других государствах живут люди, веры греческого исповедания и построены божии церкви, и не произошло б тем церквам утеснения, к тому же живущие в России татары магометанского закона приводятся к присягам по их законам в их мечетях: того ради для таких обстоятельств, в Казани в Татарской слободе для татар магометанского закона велит им построить, ежели все сломаны, только две мечети, а в Казанском и прочих той губернии уездах, також в Воронежской и Нижегородской, Астраханской, Сибирской губерниях, где магометанцы ж жительства имеют особыми деревнями, в которых жительства русских и новокрещенных нет, а в тех деревнях, по переписи мужского полу душ написано не менее, как от двух сот до трех сот душ в каждой, в таких губернаторам, обще с епархиальными архиереи, до строения тех татарских мечетей, ежели где старые сломаны, их допускать; а ежели в которой татарской деревни толикого числа душ нет, а мечети быть надобно, то велеть к той деревни приписывать ближние к ней деревни, чтоб было у каждой мечети,

как выше писано, от двух сот до трех сот душ и где те мечети их не сломанных оставить или вновь вместо сломанной построить определено будет, тем всем мечетям, в которой деревни при скольких числом по переписи душ будет определено, подробные ведомости прислать в Правительствующий Сенат и Святейший Правительствующий Синод при доношениях, а таковые же оставить в губерниях и епархиях, а более определенного числа тех мечетей, впредь хотя по новой переписи и после того числом душ пред нынешним их татар умножилось, строить отнюдь не допускать, и того смотреть накрепко губернаторам и воеводам и епархиальным архиереям, а быть толикому числу мечетей, сколько по нынешнему положению по числу мужеска (мужского) пола душ определено, а ежели сверх того положения, где останутся излишние мечети, и те излишние мечети по прежним указам сломать немедленно, всем тем татарам и их абызам и выборным магометанского закона объявить указ с подписками, чтобы они как русских, так и новокрещеных и калмык, мордвы, черемис, чувашу и прочих всякого звания людей, хотя бы кои иноверцы и в их услугах были, в свой магометанский закон ни под каким видом отнюдь не склоняли и не превращали и не обрезаывали; а ежели кто в том явится виновным, таким по следствию и по розыску чинить, как прежние указы и губернская и воеводская инструкции повелевают, без всякой пощады, чего смотреть губернаторам и воеводам накрепко; однако при том всемерно наблюдать и по поданным о том доношениям в следствие вступать, разведав достаточно и по явным доказательствам, дабы напрасно кто из них страдать не мог, и ежели кто где таковые явятся и что учинено будет, о том в Сенат рапортовать; а когда в их татарские жилища будут приезжать российская духовная персоны для проповеди слова божья, и им татарам тем проповедникам никакого озлобления и препятствия отнюдь не чинить; также и их татар к крещению в веру Греческого исповедания, как духовным, так и светским персонам, в неволе никакого принуждения и озлобления отнюдь не чинить же, о чем им татарам и их абызам объявить же. И о том в Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую, Сибирскую и Астраханскую губернские канцелярии того же июля 6, да 24 чисел указы из Сената посланы. А присланными в Сенат ведомостями показано, а именно: из Казанской губернии, что в Казани и в Казанском уезде прежде было 536 мечетей, сломано 418, оставлено 118; а при скольких душах, сколько не показано; из Сибирской: в Тобольске, в Таре и в уездах было 133 мечети, и сломано 98, оставлено и вновь построено 35, при оных мужского пола 8535 душ; из Астраханской: при Астрахани де и в степных местах, в татарских юртах было 40 мечетей и из них сломано 29, оставлено 11, при них татар и прочих магометанцев 3245 душ. А ныне поданным в Сенат Казанской губернии от всех служилых мурз и татар поверенный служивой татарин Якуб Биметев челобитьем просит, чтоб в их татарских больших и малых деревнях, в коих они жительствоуют, а мечетей не построено, повелено было мечети для моления по закону их вновь по прежнему построить; а находящихся в тех деревнях новокрещеных, коих находится по малому числу душ, а именно: человек от двух до шести из тех их жительств вывести и поселить с прочими новокрещеными или с русскими. А по состоявшемуся в 1740 году сентября 11 дня, Именному, блаженной памяти, государыни императрицы Анны Иоанновны, за подписанием собственные Ея Величества руки, указу, в 6 пункте между прочего велено: новокрещеных иноверцев, которые живут в одних деревнях с некрещеными, перевести в другие деревни и поселить вместе с крещеными же иноверцами и старинными русскими людьми, и земли и всяких

угодий дать им при поселении по сколько же, сколько они на прежних жилищах имели; а чтоб им от переселения того излишних убытков и разорения не приключилось, того ради притом надлежит поступать таким порядком, а именно: 1. Тем новокрещеным, также и некрещеным иноверцам объявить, чтоб они между собою согласились, кто в чей дом перейти пожелает, и таким образом не переноса строения, со всеми прочими пожитками и скотом переселиться могут. 2. А ежели случится, что у одного дом и всякое строение лучше другого таким между собой договориться, что заплатить за прибылое строение и, по окончании договора, заплатя деньги, переходить дозволить. 3. Буде же в том меж собою не согласятся, тогда через нарочного доброго и совестного человека обоих дома оценить по сущей справедливости и которой ценою больше, то другому оную излишнюю плату заплатя, их обоих перевести, а строения для великих убытков не переносить; а что пожелает свое строение переносить и за убыток себе почитать не будет, таким в том позволить и запрещения не чинить. 4. Что надлежит до прочих их пожитков и скота, то хотя кто похочет перевести или продать, а вместо того новой заводить, оное все отдавать на их волю. А в 1743 году сентября 28 дня по именному же Ея Императорского Величества указу, подписанному на докладе Сенатском, по представлению Святейшего Синода, а в оный по доношению бывшего у новокрещенских дел архимандрита (что ныне преосвященный епископ рязанский) Дмитрия, между прочего 3-м пунктом велено: понеже по выше писаному 1740 года указу велено новокрещеных, которые живут в одних деревнях с некрещеными, переводить в другие деревни, а в Казанской губернии в одних деревнях является новокрещеных два, а иноверцев одна часть дворового числа и меньше, и буде иноверцы с малым числом дворов будут оставаться на прежних своих жилищах, и от того переселения новокрещеных воспоследует убыток и от иноверцев же порицание, якобы за восприятие святого крещения они старинных своих жительств лишаются, через что многие иноверцы к тому крещению приходить воспрепятствуются, и для того новокрещеных в другие места к переселению не высылать, а выселить иноверцев, которые с крестившимися в одних деревнях живут; чего ради оные иноверцы, не хотя прежних своих домов и земель лишиться, придут все к святому крещению самовольно. А в 1755 году сентября 3 дня Ея Императорское Величество указать соизволила: состоящих в Казанской и других губерниях магометанского закона некрещеных татар, живущих с новокрещеными в одних деревнях коих по вышеписанному 1745 года сентября 28 дня указу переселить велено, но от тех татар о не переселении их просьбы в Сенат происходят, до Ея Императорского Величества указа не переселять; и во исполнение оного Ея Императорского Величества указа Правительствующим Сенатом между прочим определено: о том для исполнения в Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую губернские канцелярии и в Новокрещеную контору послать указы и сколько упомянутых магометан крестившихся и не крестившихся в каждой деревне состоит, о том прислать в Сенат ведомости немедленно; и о том помянутые, також и в Сибирскую губернскую канцелярию указы и о посылке и о том же к епархиальным архиереям указов в Святейший Синод видение из Сената посланы. А присланными в Сенат ведомостями показано, что тех татар крещеных и некрещеных в разных деревнях состоит в ведомстве ниже писанных мест, а именно: в Казанской провинции ясачных крещеных 1616, некрещеных 35 005; в Казанской адмиралтейской конторе состоящих в корабельной работе крещеных 1766, некрещеных 65 908; в Сибирской провинции крещеных 288, некрещеных 592, и того

крещеных 3 670, некрещеных 99 505. а присланными в Сенат обретающийся в казанской и прочих губерниях у новокрещенских дел статский советник Вечеслов доношениями представлял, что по выше писаному 1743 года сентября 28 числа указу велено некрещеных иноверцев, живущих в одних деревнях с новокрещеными, переселять в другие деревни; а ныне де, по усмотрению его, Казанской губернии и той губернии разных городов уездах во всех иноверческих деревнях, имеются новокрещенные и жительство имеют с некрещеными, да не токмо в каждой деревне, но и в одних домах и семьях живут при отцах некрещеных дети новокрещенные, а в иных дворах отцы новокрещенные, а дети иноверцы некрещенные, отчего де происходят немалые соблазны, да и священникам в такие дома для обучения христианского закона и со всякою требою входить никак не возможно; а хотя де в татарских некоторых деревнях новокрещен и не имеются, и таких деревень самое малое число, и в тех деревнях всех иноверцев уместить и землями и всякими угодами удовлетворить никак невозможно, да во многих же селах и деревнях и старорусские помещичьи и ясачные дворцовые и монастырские крестьяне из давних лет жительство имеют с иноверцы и за не отводом земель и малоимением, в которой бы иноверческой деревни ни было, новокрещен переселения остановиться может, и требует он, Вечеслов, позволено ль будет как новокрещен, так и иноверцев в тех же уездах в коих они жительство имеют, развести особыми деревнями, выводя новокрещен из иноверческих жил и определить во дворы и дачи новокрещенские, и ежели то переселение чинить повелено будет, то оное переселение учинить можно в непродолжительном времени, и по тому переселению новокрещены с великим удовольствием быть могут, також иноверцы дворами и пашенными землями и всякими угодами будут все удовлетворены безобидно; да к тому же между христиан никакого соблазна происходить не может, да и священникам для научения христианского закона и со всякою потребою в те новокрещенские деревни входить и по христианскому закону отправлять, никакого препятствия не будет; а которых новокрещены живут в одних семьях и дворах, не повелено ли будет по тому же их отлучить, и что у них пожитков, скота, лошадей и строения имеются, взяв настоящее по пропорции, и отдать новокрещеным переселить их в такие же новокрещенские деревни; а будет некоторые иноверцы дворов своих и земель отстать и в другие назначенные им места перейти, а живущие новокрещены с некрещеными отцы от детей, а дети от отцов отлучиться не похотят, то и самовольно могут придти к святому крещению. Приказали: в выше писанных Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерниях, где татары магометанского закона жительство имеют особыми деревнями, в которых жительства русских и новокрещенных нет, а в тех их татарских деревнях по нынешней ревизии мужского пола душ написано не менее, чем от двух до трех сот душ в каждой: таких, до строения татарских мечетей, ежели где оных нет, а в которых и были, да сломаны, по силе выше предписанного общего их Правительствующего Сената и Святейшего Правительствующего Синода прошлого 1744 года апреля 13 дня определения, допускать; а ежели в которой татарской деревни толикого числа душ по ревизии мужского пола душ нет, а мечети быть надобно: то велеть к той деревне приписывать ближние в ней деревни, и те мечети в тех деревнях им татарам строить, располагая по пропорции, чтоб при каждой мечети было от двух сот до трех сот душ; в которых же их татарских деревнях находятся новокрещенные, коих против их татар состоит десятая часть, и таковых

новокрещеных всех из тех из татарских деревень вывести в другие деревни поселить вместе с крещеными же из иноверцев и старинными русскими людьми, и по переселении тех новокрещен, в тех их татарских деревнях к строению их татарских мечетей допускать, располагая по вышеописанной пропорции, чтоб при каждой мечети от 200 до 300 душ по нынешней ревизии их татар мужска пола душ было; буде же в которых тех новокрещеных против их татар состоит свыше десятой части, и таковых новокрещеных из тех деревень не переводить и в оных к строению мечетей их татар не допускать, а строить им татарам те мечети в других их татарских ближних деревнях, в которых русских и новокрещеных не будет, располагалось число душ, как выше сего написано. Что же статский советник Вчеслов доношениями предоставляет, яко по усмотрению де его, Казанской губернии и той губернии разных городов в уездах, во всех иноверческих деревнях имеются новокрещенные и жительство имеют с некрещеными, да не токмо в каждой деревне, но и в одних домах и семьях при отцах некрещеных дети новокрещенные, в иных дворах отцы новокрещенные, от чего де происходят немалые соблазны, да и священникам в те дома для обучения христианского закона и со всякою требою входить никак невозможно: того ради, ежели из них при которых отцах крещеных из магометан, явятся дети некрещенные малолетние и не свыше 12 лет, то их оставлять при тех отцах их, кои крестившиеся, дабы они, будучи в малолетстве, могли в христианский закон приведены быть; а у которых новокрещеных магометан дети есть свыше выше приписанных лет, в веру греческого исповедания не крещены, тех с отцами их крещеными, также и кои отцы состоять поныне в своем магометанском законе, а дети их живут в одних домах с отцами крещеными, а в тех деревнях всех крещеных переселить в другие деревни, где русские и новокрещенные из иноверцев живут, а некрещеным остаться на прежних жилищах; а в коих деревнях новокрещенных состоит против татар свыше десятой части, то тех отцов и детей некрещеных вывести же в другие места и поселить с некрещеными; а в тех домах оставлять одних крещеных, а при выводе их в другие места как крещеным, так и некрещеным из пожитков их и скота, также хлеба, живущим обще в одних домах давать тем, которые выведены будут, половину, а другую оставлять, кто в прежних домах оставлены будут.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т.XIV.— №10597)

№ 9

О дозволении строить в татарских деревнях мечети по прежнему. Указ Сената

23 сентября 1756 г.

Правительствующий Сенат по экстракту, учиненному в Сенате по прошению Регистратора и Казанской Губернской Канцелярии переводчика Андрея Алкина и жительствовавших в деревне Поповке служилых Мурз и татар, о построении им в той деревне Поповке для моления по их закону другой мечети, ибо в ту деревню Поповку их Татар после пожара из Казанской татарской слободы переведено до 800 душ и более, к тому же около той деревни Поповки в близости святых церквей, но и Русских людей в жительстве не находится, П р и к а з а л и: понеже в 1744 году апреля 13 дня, по общему Правительствующего Сената и Святейшего Правительствующего Синода определению, и

после того 1756 года Генваря 26 и Марта 8 чисел по определению же Правительствующего Сената, велено: в Казани в Татарской слободе, для Татар Магометанского закона построить, ежели мечети все сломаны, только две мечети, а в Казанском и прочих той Губернии уездах, також в Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской Губерниях, где Татара Магометанского закона жительства имеют особыми деревнями, а в них жительства Русских и новокрещенных нет, и в тех их Татарских деревнях по переписи мужска пола душ написано не менее, как от 200 до 300 душ в каждой деревне, таких до строения Татарских мечетей допускать; а ежели в которой Татарской деревне толикого числа душ нет, а мечети быть надобно, то велеть к той деревне приписывать ближния к ней деревни и те мечети в тех деревнях им Татарам строить, располагая по пропорции, чтоб при каждой мечети было от 200 до 300 душ; в которых же их Татарских деревнях находятся новокрещенные, коих против их татар состоит десятая часть, и таковых новокрещенных всех из тех их Татарских деревень вывезть в другия деревни и поселить вместе с крещеными из иноверцев и старинными Русскими людьми, и по переселении тех новокрещен, в тех их татарских деревнях к строению их Татарских мечетей допускать, располагая по вышеписанной же пропорции, чтоб при каждой мечети от 200 до 300 душ было; буде же в которых деревнях тех новокрещен против их Татар состоит свыше десятой части, и таковых новокрещен из тех деревень не переводить и в оных к строению мечетей их Татар не допускать, а строить им Татарам те мечети в других их Татарских ближних деревнях, в которых Русских и новокрещенных не будет, располагая число душ, как выше сего написано. А в вышеобъявленной деревне Поповке, как оный Алкин в прошении своем объявляет, что их Татар после пожара из Казанской Татарской слободы в означенную деревню Поповку переведено до 800 душ, к тому же и посланный из Правительствующего Сената для освидетельства в казанской Татарской слободе и в вышеисанной деревне Поповке земли, Геодезии Офицер, в 753 году в Сенат доношением объявил, что оная деревня Поповка от Русских жилищ расстоянием состоит, а именно: с одной стороны в версте в 240 саженьях, а с другой стороны в версте и в 40 саженьях; а в той деревне Поповке и вблизи ее Русских жилищ никого не имеется, а их Татар поселено 128 дворов. Того ради в рассуждении такого их Татар в той деревне Поповке немалого числа душ и что как к ней, так и вблизи оной святых церквей и Русских жительстве не находится, в силу вышеписанных Правительствующего Сената и Правительствующего Синода 1744 и 1756 годов определений, в построении в означенной деревне Поповке для моления их Татар другой мечети Казанской Губернской Канцелярии дать позволение.

(ПСЗ. — 1-е собр. — Т.XV. — №10991)

№ 10

О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам. Указ Синода

17 июня 1773 г.

Святейший Правительствующий Синод, (за)слушав сообщенного из Правительствующего Сената ведения, коим объявлено: Правительствующему Сенату Генерал-Прокурор и Кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский объявил, что он, вследствие определения Правительствующего Сената, на сообщенные из Святейшего Синода ведения, коими требовано о учинении рассмотрения о построенных в Казани в Старой Татарской слободе, по дозволению, в бытность там в (1)767 году Губернатора, Тайного Советника, Сенатора и Кавалера Алексея Никитича Квашнина-Самарина, близ благочестивых церквей и в общем жительстве Татар и новокрещен, двух каменных мечетей, докладывал Ея Императорскому Величеству, 3 и 29 числа минувшего Майя получил на то Высочайший отзыв, что как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходясь Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовало; а впрочем бывший Губернатор Квашнин-Самарин дозволение строить каменные мечети сделал в сходственность данного Большого Наказа 494, 495 и 496 статей, которые и в том ведении точно прописаны.

Приказали: Как к Синодальным Членам, так и во все Епархии к Преосвященным Архиереям послать указы, в которых написать, что по представленным в Святейший Синод от Синодального члена, Преосвященного Вениамина, Архиепископа Казанского, и из других Епархий доношениям о построенных в Казани и прочих местах близ благочестивых церквей и в общем жительстве Татар и новокрещен Татарских мечетей и о прочем, Святейший Синод с Правительствующим Сенатом сношение имел, и напоследок получа от Правительствующего Сената ведение и имея по оному рассуждение, определяет: отныне Преосвященным Архиереям в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов не вступать, а предоставлять оное все на рассмотрение светских команд; Преосвященные ж Архиереи, так же как и светские команды, должны прилагать, в силу Государственных законов, старание, чтоб от того между подданными Ея Императорского Величества не могло быть никакого разногласья, а паче б между (н)ими любовь, тишина и согласие царствовало.

(ПСЗ.— 2-е собр.— Т. XIX.— №13996)

№ 11

**Об определении мулл и других духовных лиц и об учреждении в г.Уфе Духовного
Собрания для заведования мусульманским духовенством. Именной, данный
правлящему должность
генерал-губернатора Сибирского и Уфимского генерал-поручику барону
Игельстрому**

22 сентября 1788 г.

Приняв за благо представление Ваше, чтобы муллы и прочие духовные чины магометанского закона между народами оный в империи нашей исповедующими, определялись не иначе, как по учинении им надлежащего испытания и с утверждения наместнического правления, повелеваем вам произвести сие в действо, и в следствие того

учредить в Уфе Духовное Собрание магометанского закона, которое, имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврическую область, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда либо вновь, сии люди испытываемы, и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших генерал-губернаторов, правящих ту должность, в отсутствии же их губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения. В Духовном Собрании помянутом председательствовать первому Ахуну Мухамет Джан Гусейну, коего Мы Всемилостивейше жалуем муфтием, с производением ему жалованья по 1500 рублей в год, и с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к Нам и в добропорядочном поведении их испытанным с жалованьем по 120 рублей в год; о чем предоставляем вам снести с генералами-губернаторами и правящими их должность тех губерний, в коих народы магометанской веры обитают.

(ПСЗ.— 1-е собр.— Т. XXII.— № 16710)

№ 12

О постройке мечетей в татарских деревнях, по приложенному образцовому плану и фасаду. Именной указ, объявленный гражданским губернаторам управляющим Министерством внутренних дел

31 мая 1829 г.

В прошлом 1828 г. Пензенский гражданский губернатор доносил Министерству внутренних дел, что в некоторых татарских деревнях Саранского уезда начато строение мечетей посреди улиц самопроизвольно и безобразно и что число их умножается большею частию без всякой нужды и более по наущению татар, ищущих звания мулл и имамов; для отвращения чего полагал необходимо нужным: 1) постановить правило, для какого числа душ может быть дозволено иметь мечеть, в виде прихода, и 2) составить единообразный план, по коему могла бы производиться постройка таковых мечетей в приличном виде.

По сему г. министр внутренних дел сносился с состоящим в должности главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий, — который, сообщив сведения, в прилагаемой у сего выписке показанныя, при каком именно числе душ и на каком основании должно быть допускаемо строение мечетей по существующим постановлениям, — уведомил, что магометане не могут их строить произвольно, а должны иметь позволение от губернского начальства и что на мечети может быть распространен высочайший указ 13 декабря 1817 г. о устройстве деревень, коим не позволяется заводить церквей иначе, как на площадях; да и по самим магометанским правилам мечети должны строиться посреди селений, в местах, со всех сторон открытых. Что же касается до назначения единообразных планов и фасадов для мечетей, то хотя не имеет в виду особенного закона, который бы обязывал магометан строить мечети по планам и фасадам, от правительства данным, но не находит в сем и затруднения, потому: 1) что строение мечетей, как зданий публичных, в отношении к наружному виду принадлежа власти тражданской, вместе с другими зданиями сего рода подходит под

общия правила и 2) что сами магометане просили иногда у правительства и принимали данные от онаго план и фасад для построения мечетей.

За тем поручено было строительному комитету Министерства внутренних дел, приняв в соображение имеющиеся в виду на мечети чертежи, составить общий для оных образцовый план и фасад.

Комитет, руководствуясь правилами, от местного начальства при сем же случае сообщенными и соображаясь с прежними чертежами, составил проект плана с фасадом на строение мечетей, представив притом свое заключение, что для построения мечетей всегда лучше назначать места на площадях, а где площадей нет, там производить оныя на разстоянии не менее 10 сажень от строений.

Проект сей г. министр внутренних дел имел счастье представлять на Высочайшее его императорского величества усмотрение, и при том испрашивал: если проект плана и фасад удостоен будет высочайшаго одобрения, то его благоугодно ли будет его величеству повелеть, для соблюдения повсеместно в сих строениях должного приличия и единообразия, принять оный в руководство при построении на будущее время мечетей не только в Пензенской, но и во всех других губерниях, где состоят магометанския селения, и где будет предстоять надобность в построении оных на правилах вышеизложенных, применяясь в размере, сообразно действительной надобности по местному усмотрению.

17 генваря сего года (1829 г.) статс-секретарь Муравьев сообщил г. министру внутренних дел, что государь император означенный план и фасад высочайше утвердить соизволил как общий образцовый для мечетей в России. Вследствие сего пензенский гражданский губернатор снабжен был в то же время надлежащим по сему предмету предписанием, с приложением копии с высочайше утвержденного плана и фасада, а для рассылки таковых же во все прочия губернии, где состоят магометанския селения, приказано оные выгравировать.

Ныне по изготовлении сих чертежей, препровождая при сем оных вашему превосходительству два экземпляра, так как во вверенной вам губернии состоят магометанския селения, я предлагаю, при дозволении впредь построения мечетей, принять к неперменному исполнению как означенные, высочайше утвержденные образцовые чертежи, так и все правила, выше сего изложенные, в отношении к Пензенской губернии, а равно и в прилагаемой у сего особой выписке заключающиеся.

Выписка из доставленных от главного управления духовными делами иностранных исповеданий сведений о правилах, кои должны исполнять при назначении построения мечети.

Законы и дела главного управления иностранных исповеданий показывают следующее:

Указ 23 августа 1756 года определяет положительно, чтобы магометанские приходы состояли не менее как из 300 или 200 душ мужского пола, чтобы при таковых приходах даже последствий увеличивающихся, новые мечети не строились.

Указом 2 августа 1770 года подтверждается запрещение строить мечети без исчисления душ. Магометанские правила склоняются более к ограничениям числа мечетей действительные нуждою, нежели бесполезному умножению оных, и Оренбургское магометанское духовное собрание принимает без затруднения упоминаемые в указе 1756 года правила, то есть чтобы приходы оных состояли не менее как из 300 или по крайней мере 200 лиц мужского пола.

Таким образом, указ 1756 года служит ясным решением вопроса о числе прихожан при мечетях.

Исполнение сего указа тем менее подлежит сомнению, что самое магометанское духовное начальство признаёт предписанное в оном правило.

Но с указом 1756 года имеют связь другие законы, также требующие со стороны губернского начальства соображения в делах строения мечети.

Независимо от числа душ, по указу 2 ноября 1742 года и вышеупомянутому указу 23 августа 1756 года строение мечетей допускается там, где нет никакого препятствия в оном по собранным сведениям в рассуждении христиан русских или новокрещеных татар.

Главное управление иностранных исповеданий не упускает из виду сих указов для охранения христиан и крещеных татар от соблазна в вере.

На местное губернское начальство, при исполнении оных, должно однако ж принимать соображение и объявленное в указе 29 мая(17 июня) 1773 года высочайшее повеление о терпимости, охраняющий богослужение всех вер в России.

По указу 8 апреля 1801 года, губернское начальство, сверх правил, его обязанность определяющих должно сноситься с магометанским духовным собранием, для соображения с магометанским законом, при строении мечетей наблюдаемых.

Хотя высочайший указ 13 декабря 1817 года относится к христианским церквям, но он может быть распространен также на мечети, которые, по самим магометанским правилам, должны строиться посреди селений, в местах, со всех сторон открытых.

(ПСЗ.— 2-е собр.— Т.IV.— № 2902)

№ 13

О порядке избрания мулл и других духовных чинов в мусульманских приходах.

Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета

21 октября 1837 г.

Государственный Совет в соединенных департаментах законов и экономии и на общем собрании, рассмотрев доклад общего собрания первых трех департаментов Правительствующего Сената о порядке избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам, согласно заключению Правительствующего Сената мнением положил постановить по сему предмету следующие правила: 1) На избрание мулл и других магометанских духовных чинов к приходам сего закона должно быть изъявлено желание по крайней мере двух третей таких из прихода лиц, кои почитаются старейшинами семейств. 2) Сей выбор между жителями податного состояния должен быть произведен непременно в присутствии кантонных начальников и юртовских старших. 3) В выборе не должны участвовать люди, не принадлежащие к избирающему обществу, а также младшие члены семейств, т.е. неотделенные от отцов сыновья, меньшие братья, племянники и т.п. 4) Приговор должен быть подписан всеми избирающими лицами и по засвидетельствовании от податных состояний в волостном правлении, а от военных у кантонного начальника представляется в земский суд, а оттуда в губернское правление. 5) Во всех приходах, где магометане принадлежат к податному состоянию, губернское правление утверждает выбор окончательно; где же они состоят в военном ведомстве, там правление, буде не встретит с своей стороны к одобрению выбора препятствий,

представляет каждый раз об утверждении избранного военному губернатору и потом действует по окончательному его разрешению.

Резолюция: Быть сему.

(ПЗЗ.— 2-е собр.— Отд.1.— № 10594)

№ 14

О постройке мечетей по ведомству Оренбургского магометанского духовного собрания, по новым планам и фасадам. Указ Сената

18 января 1844 г.

Правительствующий Сенат слушали рапорт министра внутренних дел, что по встреченной надобности в издании новых планов и фасадов для постройки деревянных мечетей по ведомству Оренбургского магометанского духовного собрания, он министр входил в сношение с главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями, который препроводил на сей конец составленные в том управлении и Высочайше утвержденные 18 ноября минувшего года образцовые чертежи. Он, министр внутренних дел чертежи эти на двух листах представляет в Правительствующий Сенат для надлежащего распоряжения. Приказали: Об означенном Высочайшем Его Императорского Величества повелении дать знать всем губернским и областным правлениям и начальникам губерний указами; министру же внутренних дел предписать распоряжение о доставлении образцовых чертежей в губернские правления.

(ПСЗ.— 2-е собр. — Т.XIX.— Отд.1.— № 17539)

№ 15

О производстве жалованья лицам, избранным в духовной должности к устроенной при Оренбургском караван-сарая мечети. Именной, объявленный военным министром

11 января 1848 г.

Военный совет, рассмотрев представление департамента военных поселений, основанное на ходатайстве Оренбургского военного губернатора, согласно с заключением общего присутствия департамента, положил: избранным в духовные должности к выстроенной при Оренбургском караван-сарая мечети лицам производить жалованья: мулле по 100 рублей и азанчею по 50 рублей серебром в год, отнеся расход этот на суммы, собираемый в замене выкомандирования башкир и мещеряков на службу.

Государь Император таковое положение военного совета, в 11 день января, соизволил Высочайше утвердить.

(ПСЗ.— 2-е собр.— Т.XXIII.— Отд.1.— № 21878)

№ 16

О назначении штатного Муллы при Оренбургском линейном № 11 батальоне. Именной указ, объявленный Командиру Отдельного Оренбургского Корпуса Военным Министром

23 декабря 1858 г.

Государь Император, по всеподданнейшему докладу Отношения Вашего Превосходительства, Высочайше соизволил на назначение штатного Муллы при Оренбургском линейном № 11-го батальоне, для совершения треб воинским чинам из Магометан, в городе

Самаре квартирующим, с производством ему от военного ведомства жалованьем по девяти рублям серебром в год.

(ПСЗ.— 2-е собр.— Т.XXXIII.— Отд.2.— № 33848)

№ 17

О назначении штатного Муллы для нижних чинов из Магометан, состоящих на службе в войсках в Финляндии расположенных. Именной указ, объявленный Командующему войсками в Финляндии расположенными, Военным Министром

22 февраля 1860 г.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил в 22 день сего Февраля:

Рядового Финляндского линейного № 64 батальона Ахмета-Сафу Бакирова назначить штатным Муллой для нижних чинов из Магометан состоящих на службе в войсках, в Финляндии расположенных, с производством ему жалованья из Комиссариата по восьми-десяти пяти рублям семидесяти одной копейке серебром в год.

(ПСЗ.— 2-е собр.— Т.XXXV.— Отд.1.— № 35462)

№ 18

О учреждении штатной должности военного Муллы в Варшаве (извлечение). Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное в приказе Военного Министра

13 июня 1865 г.

Государственный Совет, на основании представления Военного Министра, мнением положил:

I. Для преподавания духовных треб воинским чинам из Магометан, находящимся в Варшаве, учредить при Штабе войск в Царстве Польском Штатную должность военного Муллы, с производством ему в год жалованья по 195 руб.сер. и разъездных 57 руб., а всего 252 руб. серебром.

(ПСЗ. — 2-е собр. — Т.XXXVIII. — Отд.1. — № 42147).

№ 19

О числе прихожан магометанского исповедания, при наличии которого разрешается устройство мечети. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета

15 декабря 1886 г.

Государственный Совет, в Департаменте Законов и в Общем Собрании, рассмотрев определение первого Общего Собрания Правительствующего Сената по жалобе общества крестьян деревень Татарских Убей и Новой Дувановой (Буинского уезда) на Симбирское Губернское Правление за неразрешение постройки временной мечети, нашел, что разрешению Государственного Совета подлежит не ходатайство крестьянских обществ поименованных деревень о дозволении им устроить новую мечеть, приостановленное в Правительствующем Сенате рассмотрением, но исключительно возникший из дела законодательный вопрос об изменении пункта 1 статьи 261 Устава Строительного, согласно которому при утверждении губернским начальством подобных ходатайств должно быть, между прочим, наблюдаемо, чтобы при всякой мечети прихожан было не менее трехсот или, по крайней мере, двести ревизских душ мужского пола. Оставаясь в пределах собственно

этого вопроса и устраняя всю фактическую часть производства, как подлежащую отдельному соображению в правительственных инстанциях, Государственный Совет рассуждал, что со времени производства последней X народной переписи прошло около тридцати лет. В течение этого периода у лиц, вошедших в сию ревизию, успело образоваться уже второе поколение, не записанное в ревизские сказки. Кроме того, в некоторых местностях большое число лиц выбыло из состава ревизских душ, вследствие приобретения, путем достижения известных степеней образования, прав тех сословий, которые были вовсе изъяты от внесения в перепись. Таким образом, доставленные ею данные давно уже утратили характер достоверности и потому не могут быть принимаемы ныне в соображение Правительством, при распоряжениях и мероприятиях, в которых численность населения имеет существенное значение. Вследствие сего нельзя не признать правильным проектированное Правительствующим Сенатом изменение в изложении статьи 261 Устава Строительного, заключающееся в замене «ревизских душ» действительно числящимися в селении жителями мужского пола. Законодательная эта мера, не противореча преследуемой упомянутым постановлением цели, вполне отвечала бы одушевляющему Правительство намерению — обеспечить иноверцам, проживающим в Империи, возможную, без ущерба для господствующей Церкви, свободу в удовлетворении их духовных нужд. Осуществление сего не должно сопровождаться какими либо неблагоприятными для охранения православия последствиями, ибо, и за утверждением предлагаемого правила, останется в силе закон, по которому губернские начальства не иначе разрешают устройство новых мечетей, как по надлежащим удостоверениям в необходимости оных, а равно в достаточности средств для приличного их содержания (Уст.Строит, ст.260). При этом в магометанских приходах, подведомственных Оренбургскому Духовному Собранию, построение сих молитвенных домов, независимо от требуемого для сооружения их числа прихожан, допускается в таком случае, если от этого не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещеных татар; а по Таврической губернии губернское начальство, предварительно выдачи дозволения на постройку мечети в таком месте, где есть христианская церковь, обязано входить в сношение с Епархиальным Архиепископом (там же, ст.262 и 263). Таким образом достоинство и права христианской Церкви оказываются, по отношению к обсуждаемому предмету, достаточно огражденными законом.

Не встречая, вследствие сего, препятствий к утверждению изъясненного предположения Правительствующего Сената, Государственный Совет мнением положил:

Статью 261 Устава Строительного (Свода Зак. Т.ХII, ч.I, изд.1857 г.) изложить следующим образом:

«При сем (ст.260) наблюдаются следующие правила: 1) чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных мужского пола душ; 2) чтобы общество, подлежащее составить новый приход, изъявило надлежащим образом, в общественном приговоре, согласие свое на доставление средств для обеспечения содержания мечети и нужного при ней духовенства».

Резолюция. Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета, о числе прихожан магометанского исповедания, при наличности которого разрешается устройство мечети, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

№ 20

Устав строительный

Глава пятая. О построении магометанских мечетей

Ст.154. Построение новых мечетей допускается не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов Магометанскому духовному начальству (т.е. Таврическому Магометанскому Духовному Правлению или Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию) и с утверждения начальства губернского после надлежащего удостоверения в необходимости построения сих новых мечетей, а равно и в достаточности средств для приличного их содержания.

Примечание. В областях Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской возведение мечетей разрешается подлежащими Генерал-губернаторами, а в областях Уральской и Тургайской на общем основании Министром Внутренних Дел.

Ст.155. При сем (ст.154) наблюдаются следующие правила: 1) чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных душ мужеского пола душ, 2) чтобы общество, долженствующее составить новый приход, изъявило надлежащим образом в общественном приговоре согласие свое на доставление средств для обеспечения содержания мечети и нужного при ней духовенства.

Ст.156. По магометанским приходам, Оренбургскому Духовному Собранию подведомственным, построение мечетей, независимо от требуемого предшествующею (155) статьею для сооружения оных числа прихожан, допускается в таком только случае, если от построения мечети не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с Магометанами Христиан и новокрещенных татар.

Ст.157. Таврическое губернское начальство в зависящем от него позволении строить мечети наблюдает, чтобы при сем были сохраняемы общие в публичных зданиях правила, и когда в том же месте находятся Христианские церкви, то предварительно сносится о сем с Епархиальным Архиереем.

Ст.158. Новые мечети, надлежащими духовными и гражданскими начальствами признанные необходимыми и обеспеченные в содержании, строятся по планам и фасадам, какие прихожанами будут признаны удобными, но с тем, чтобы когда постройка мечетей предположена не по Высочайше утвержденными образцовым чертежам 1844 года, особые проекты построек были каждый раз утверждаемы местными Губернскими Правлениями (по Строительным Отделениям), а в случаях особенной важности представляемы в Министерство Внутренних Дел для утверждения порядком, указанном выше в ст.40.

Примечание. В С.-Петербурге фасады всех сего рода зданий представляются на благоусмотрение Государя Императора.

Ст.159. При построении мечетей в селениях наблюдается, чтоб они сооружаемы были на площадях; а где оных нет, там в расстоянии не менее двадцати сажен от строений.

Ст.160. Виновные в построении мечетей без разрешения подлежащего начальства или в построении оных в селениях, не в предписанном от других строений расстоянии, подвергаются ответственности по статье 1073 Уложения о наказаниях.

(Устав строительный.— 1900 // СЗРИ.— Ч.1.— Т.XII.— Ст.40, 154—160)

№ 21

Об упразднении должности Магометанского имама при Николаевском порту. Высочайше утвержденное положение Адмиралтейств-Совета

28 марта 1894 г.

Для исполнения духовных треб по обряду Магометанской веры для нижних чинов Черноморского флота, на основании статьи 58 кн. VIII Свода Морск. Пост., положено иметь двух имамов — одного в Николаеве, а другого — в Севастополе.

Ввиду того, что в настоящее время в Черноморском флоте имеется только 10 нижних чинов-магометан, из коих в Николаеве 1, а в Севастополе 9, Адмиралтейств-Совет, по журналу 9 марта 1894 года (ст.16 132), признал возможным упразднить должность имама при Николаевском порте, исключив из сметы расходов Морского Министерства 120 рублей на наем сторожа при мечети в Николаеве, оставив имама в Севастополе, с присвоением ему оклада содержания, определенного по Высочайшему повелению 15 Октября 1891 года (8009), по 294 рубля в год.

На приведение в исполнение означенного постановления Адмиралтейств-Совета Его Императорское Высочество, Главный Начальник флота и морского ведомства, всеподданнейше испрашивал Высочайшее Его Императорского Величества разрешение.

Государь Император, в 28-й день Марта 1894 года, Высочайше на сие соизволил.

(ПСЗ.— 3-е собр.— Т.XIV.— № 10471)

№ 22

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Отделение четвертое.

О нарушении особых правил для построении зданий общественных и частных.

Ст.1703. За построение в городах и селениях для жителей магометанской веры мечетей без разрешения надлежащего начальства или за построение оных в селениях не в предписанном от других строений расстоянии, виновные подвергаются:

денежному штрафу не свыше двухсот рублей,

и построенные ими мечети, по усмотрению главного местного начальства, исправляются или переносятся на другое место, или же, когда сие необходимо, и вовсе закрываются.

(Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.— 1885 // СЗРИ.— Т.XV.— Ст.1073).

№ 23

Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания

Устав Оренбургского магометанского духовного собрания (выдержки)

Глава I. О правах духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания

Ст.1416. В округе Оренбургского магометанского духовного собрания высшее магометанское духовенство составляют Оренбургский муфтий и ахуны, а приходское при собор-

ных мечетях — хатыпы (муллы), имамы и маязины, при мечетях простых — имамы и маязины.

Примечание. Для духовных лиц магометанского исповедания по округу Оренбургского магометанского духовного собрания установлен образовательный ценз по правилам, при сем приложенным.

Ст.1417. Оренбургский муфтий есть духовный глава магометан, принадлежащих к округу Оренбургского магометанского духовного собрания, и председатель сего собрания.

Ст.1418. По делам о богослужении, о обрядах, о исправлении духовных треб, о совершении и расторжении браков, о введении метрических книг, о разборе исков по завещаниям и по разделам имуществ, о неповиновении детей родителям, о нарушениях супружеской верности магометанское духовенство, ведомства Оренбургского его собрания имеет те же права и обязанности, которые определены в статьях 1345 — 1348 и 1399 о магометанском духовенстве в Таврической и западных губерниях.

Ст.1419. Духовные чины Оренбургского магометанского округа и дети их изъяты от наказаний телесных; чины сии подлежат платежу податей и повинностей, смотря по сословию, к которому принадлежали; но приходы, по добровольным общественным приговорам, могут освобождать их, принимая отправление на себя.

Ст.1420. Если духовное лицо, принадлежащее к округу Оренбургского магометанского духовного собрания, виновно в нарушении обязанностей своего духовного звания, то оно подлежит суду и взысканиям своего духовного начальства. Во всех же прочих проступках и преступлениях оно подлежит суду светскому, на основании законов уголовного судопроизводства.

Глава II. О составе, предметах и власти Оренбургского магометанского духовного собрания

Ст.1421. Оренбургское магометанское духовное собрание составляют председательствующий муфтий и три члена, а канцелярию его — секретарь, столоначальники, переводчик, журналист и канцелярские служители на основании штатов.

Ст.1422. Муфтий назначается к должности, по представлению министерства внутренних дел, Высочайшею властью.

Ст.1423. Члены духовного собрания и три кандидата к ним назначаются министром внутренних дел, по представлению Оренбургского муфтия, каждый на три года.

Ст.1424. Оренбургское магометанское духовное собрание непосредственно начальствует над всем духовенством магометан, исключая находящегося в Таврической и западных губерниях и Закавказье (ср.ст. 13440). Ему принадлежит право: 1) подвергать предварительному испытанию в знании правил магометанского закона и удостоивать к определению избранных обществами магометан в приходские духовные должности; 2) следить за действиями мулл, относящимися к духовным Их обязанностям, судить о мере вины их, если они нарушили сии обязанности, и определять за то взыскания. Оно может определять муллам временное удаление и даже отрешение от должностей и лишение духовного звания за поступки, противные духовным обязанностям; но все свои решения сего рода приводит в исполнение не иначе, как чрез посредство губернских правлений, от коих зависит утверждение мулл к приходским должностям, и кои однако ж не могут своею властью отменять сих решений духовного собрания.

Ст.1425. Жалобы на решения Оренбургского магометанского собрания приносятся губернатору. Он, истребовав по ним от сего собрания нужные сведения и объяснения, представляет их на рассмотрение Министерства внутренних дел.

Ст.1426. В решении дел, означенных в статье 1418, и дел о построении мечетей и о назначении к ним духовных чинов, наблюдается порядок, определенный в статьях 1345 — 1348, 1388, 1393 и 1399.

Ст.1427. В случае разногласия, дела в Оренбургском магометанском духовном собрании решаются большинством голосов; если же число голосов разделится поровну, то голос председательствующего дает перевес.

Ст.1428. В отсутствии муфтия, место его в собрании занимает, по его препоручению, старший по нем член собрания, и собрание обязано о всех своих положениях, в отсутствие муфтия состоявшихся, доставлять к нему надлежащие уведомления.

Ст.1429. Личные решения муфтия не имеют силы судебных приговоров и не должны быть принимаемы к исполнению.

Ст.1430. Правила, означенные в статье 1415, наблюдаются уездными и городскими местами и должностными лицами и в сношениях с Оренбургским магометанским духовным собранием.

Глава III. Об определении магометанских духовных чинов ведомства в магометанских Оренбургского магометанского духовного собрания в приходские магометанские духовные должности

1431. На избрание муллы и других духовных чинов в магометанский приход должно быть изъявлено желание по крайней мере двух третей таких из прихода лиц, коих почитаются старейшинами семейств.

1432. Выбор муллы и других духовных чинов (ст.1431) между жителями, принадлежащими к бывшему податному состоянию, должен быть произведен непременно в присутствии волостных (юртовых) старшин и сельских старост.

1433. В выборе не должны участвовать люди, не принадлежащие к избирающему обществу, а также младшие чины семейств, т.е. неотделенные от отцов сыновья, меньшие братья, племянники и тому подобные.

1434. Приговор должен быть подписан всеми избравшими лицами и, по засвидетельствовании от лиц, принадлежащих к бывшему податному состоянию, в волостном правлении, представляется чрез волостного (юртового) старшину в уездное полицейское управление, а оттуда в губернское правление.

1435. Губернское правление при рассмотрении приговора наблюдает, чтобы избранные в муллы и имамы были люди в верности надежные и доброго поведения, испытаны и признаны достойными со стороны Оренбургского духовного собрания по статье 1424 (п.1).

1436. Во всех приходах, где магометане принадлежат к бывшему податному состоянию, губернское правление утверждает выборы (ст.1431) окончательно.

Уставы духовных дел и иностранных исповеданий.— 1896 // СЗРИ.— Т.XI.— Ст.1416
— 1436

2. ЦИРКУЛЯРЫ ОРЕНБУРГСКОГО МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ МУСУЛЬМАН ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ РЕЛИГИОЗНО-ОБРЯДОВОЙ ЖИЗНИ В МАХАЛЛЯХ.

№ 1

Духовное наставление оренбургского муфтия Абдрахимова Во Имя Всеблагословенного Аллаха

Вы, Мои единоверцы! Обращаю к вам мое пастырское, нравоучительное слово и советую вам быть беззаветно покорными Всевышнему Аллаху, следовать по указанному им пути, исполнять возложенные на вас обязанности, творить добро, избегать зла; быть покорными Государю Императору Николаю Павловичу и повиноваться всем от него исходящим повелениям; служить ЦАРЮ и отечеству верой и правдой, согласно принятой присяге и верноподданническому долгу, не щадя живота. За сим объявляю вам, мои единоверцы, что Его Превосходительство Оренбургский гражданский Губернатор действительный статский советник О.Л.Дебу во 2-й день июня месяца сего года, за № 5089, сообщив мне, что многие магометане уклоняются от государственной службы и, боясь рекрутского набора, чинят членовредительство в разных его видах, совершая этим самым преступное деяние, просит меня предложить духовным лицам округа вверенного мне Оренбургского Магометанского Духовного Собрании, принять зависящие от них меры к искоренению среди магометанского населения, в особенности среди отбывающих рекрутскую повинность ясашных крестьян, такого противошаригатского деяния, как членовредительство, действуя на народ возможно частыми увещаниями, и проповедями духовно-религиозного содержания; при чем они главным образом должны стараться внушить населению и утвердить магометан в мысли, что долг каждого верноподданного служить Своему истинному, природному ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ верно и нелицемерно и всеми зависящими от них способами стараться к пользе службы ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ревниво оберегая интересы Государства от посягательств врагов.

На основании изложенного предлагаю ахунам и имамам округа вверенного мне Оренбургского Магометанского Духовного Собрании, при каждом удобном случае и возможно чаще прочитывать это наставление прихожанам и внушать, что каждый правоверный мусульманин обязан повиноваться властям и законам, противозаконных деяний не творить, быть покорным судьбе, во всем терпеливым и уповать на Всемилоственного Аллаха и не боясь превратностей судьбы, с охотой и готовностью идти на службу государства и для избежания рекрутского набора ни к каким способам членовредительства не прибегать, помня, что членовредительство есть один из величайших грехов, навлекающих гнев и кару Божию, как это видно из книги «Хадими»; внушить прихожанам и утвердить их в мысли, что всякий мусульманин должен быть доволен судьбой, должен терпеть и безропотно переносить посылаемые Аллахом несчастья и быть благодарным Аллаху за все блага и удовольствия жизни, которые Он ему посылает, помня, что противные сему деяния причислены к великим грехам и влекут гнев божий и кару, как это видно из книги «Шархи-Гаориф».

Напоминаю вам, мои единоверцы, что в одном из стихов Св.Корана говорится о том, что нужно быть покорными Аллаху, пророку и властям, а пророк Магомет «сказал пови-

нуйтесь властям и будьте покорны, каких бы трудов и лишений не стоило вам исполнение этого долга».

(Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского
магометанского
духовного собрания. 1836 — 1903 гг. / Сост. Р.Фахретдинов.— Уфа, 1905.— С.2—4)

№ 2

Указ Сената Министру внутренних дел от 7 сентября 1856 года за № 47479 о порядке разрешения ремонта и постройки новых мечетей вместо ветхих

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Правительствующий Сенат слушали: дело, по предложению, состоящего в должности Обер-Прокурора 1-го Департамента Сената о разрешении жителям башкирских деревень Явгильдиной и Максютовой произвести исправления в их мечетях. *Приказали:* Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, получив от имамов деревень Явгильдиной и Максютовой представления с мирскими приговорами о дозволении им исправить оказавшиеся в мечетях тех деревень повреждения и не встречая с своей стороны к тому препятствий, постановило: отнестись к местным кантонным начальникам о допущении помянутых имамов с прихожанами их, к поправке мечетей, буде последние не пришли в совершенную ветхость, в противном случае представить им право просить у Губернского Начальства дозволения на постройку новых мечетей по Высочайше утвержденному плану и фасаду. Против сего Губернский Прокурор возразил, что по силе 223 ст. XII т. Св. Зак. Уст. Строительного, построение мечетей дозволяется с утверждения Губернского Начальства по надлежащем удостоверении в необходимости таковых построек и что ныне мечети строятся по плану и фасаду Высочайше утвержденному 1844 г. (224 ст. того же тома по IV прод.), а потому он, Прокурор, полагал бы рассмотрение означенных просьб башкир деревень Явгильдиной и Максютовой представлять Оренбургскому Губернскому Правлению. Духовное же Собрание, получив предложение об этом Прокурора и оставаясь при прежнем своем мнении, постановило привести оное в исполнение, на основании 2319 ст. II т. Учрежд. Губ., о чем уведомить и Прокурора. Протесты по сему предмету Губернского Прокурора, по поручению г. Товарища Министра Юстиции, предложены были г. состоящим в должности Обер-Прокурора 1-го Департамента Сената на рассмотрение Правительствующего Сената г. Министром Внутренних Дел, которому дело сие препровождалось на заключение, согласно с полученным им отзывом Оренбургского и Самарского Генерал-Губернатора, находя изъясненные постановления Оренбургского Магометанского Духовного Собрания основательными, так как нет в виду закона, обязывающего испрашивать разрешения Губернского Начальства на поправку уже выстроенных мечетей, полагает предоставить сему Собранию давать подобные разрешения подведомственным ему приходам и на будущее время, не передавая поступающих о том просьб на рассмотрение и постановление Губернского Правления. Соглашаясь, по приведенным основаниям с таковым мнением, Правительствующий Сенат *определяет:* данные, по настоящему делу, протесты Оренбургского Губернского Прокурора оставить без уважения. О чем для приведения постановлений Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в исполнение тамошнему Губернскому Правлению послать указ,

каковым уведомить и г. Министра Внутренних Дел, а в Департамент Министерства Юстиции сообщить копию с сего определения. Сентября 7 дня 1856 г.

№ 47 479.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.9—10)

№ 3

Указ ОМДС от 23 апреля 1884 года за № 1151 об одновременном вступлении в уразу и оправлении праздничных богомолений Гаиды-Фитер и Гаиды-Курбан

Циркулярно

Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Оренбургского Магометанского Духовного Соборания, Духовным лицам, состоящим при мечетях

Слушали доклад: Духовное Соборание, имея в виду, что почти ежегодно муллы с прихожанами своими во многих приходах, не согласуясь между собою, вступают в уразу, а затем исполняют праздничные богомоления Гаиды Фитер и Гаиды Курбан не в одно время. Такой беспорядок резко бросается в глаза, а потому *Приказали:* Циркулярно предписать всем духовным лицам, состоящим утвержденными при мечетях, чтобы они для одновременного вступления как в Уразу, так и в исполнение праздничных богомолений Гаиды Фитер и Гаиды Курбан, как требует шаригат, по возможности, предварительно согласовались бы между собою, при чем в виду явного уклонения некоторых имамов, вменяется в неперемennую обязанность, неупустительно исполнять вечернее богомоление Ясых, с тем предупреждением, что за неисполнение всего этого без точных оснований, или из одних капризов, с виновными будет поступлено по всей строгости закона. Апреля 23 дня 1884 года

Оренбургский Муфтий *С. Тевкелев*

Заседатели: Старший *Салихов, Максютлов, Сайфуллин*

Секретарь *Попов*

И.д. Столоначальника *Еникеев*

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.23)

№ 4

Указ Сената Уфимскому губернскому правлению от 2 января 1887 года за № 971 об отмене его постановления об отказе в разрешении жителям дер. Асановой постройки 2-й соборной мечети

Копия

По указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушал: дело по жалобе поверенного башкирских деревень: Асановской и Такарликовой, башкира Шигава-леева на Уфимское Губернское Правление, за отказ в разрешении постройки в дер. Асановой второй соборной мечети. *Приказали:* сообразив жалобу с законом, Правительствующий Сенат находит, что на основании 261 ст. Уст. стр. XII т. ч. I при каждой мечети прихожан должно быть по крайней мере 200 душ, при чем в законе не указано, чтобы прихожане должны были быть непременно жители одной деревни, напротив того, из приведенного в цитате под этою статью источника этого закона (п. е. з. № 10 597) оказывается, что при-числение жителей разных деревень к одной мечети допускается, лишь бы на каждые 200

ревизских душ было не более одной мечети. В данном деле часть прихожан мечети, существующей в деревне Асановой, ходатайствуют в особом приговоре об отделении их в 209 ревизских душ в отдельный приход и о разрешении построить вторую соборную мечеть для него в дер. Асановой, при чем, как при 1-й мечети в той деревне, так и при мечети в дер. Такарликовой остается при каждой прихожан не менее 200 душ. Такое ходатайство не противоречит приведенному закону и может подлежать удовлетворению. Почему Правительствующий Сенат *Определяет*: Отменив обжалованное просителем Шагивалеевым постановление Уфимского Губернского Правления, предписать последнему войти в рассмотрение вопроса о разрешении постройки второй мечети в дер. Асановой в отношении удовлетворения самой постройки и места под ней требованиям закона. О чем для исполнения, а равно для объявления просителю жительствовавшему в дер. Асановой, Бирского уезда, с возвращением ему документа, Уфимскому Губернскому Правлению послать указ. Ответ гербовым сбором оплачен.

Обер-секретарь *Богдановский*

За помощника Обер-Секретаря *М. Жуков*

№ 971

Января 2 дня 1887 года

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.—Уфа, 1905. — С.26—27)

№ 5

Указ Уфимского губернского правления Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию от 30 июля 1887 года за № 3431 о порядке переименования пятивременных мечетей в соборные

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Губернское Правление слушали: доклад следующего содержания: Мензелинское Уездное Полицейское Управление при рапорте от 14 июня 1885 года за № 8120 представило на распоряжение Губернского Правления приговор жителей дер. Бишкумачевой, составленный 28 апреля 1885 г. от 144 рев. душ. и 61 стар. домохозяина, 54 лицами совместно с частью жителей д. Токмаковой, в числе 62 ревизских душ и 33 стар. домохозяев, которым они просят существующую в д. Бишкумачевой пятивременную мечеть переименовать в соборную, причислив к приходу ее часть жителей д. Токмаковой, в числе 62 ревизских душ, объяснив при том, что с отчислением помянутых 62 рев. душ, в приходе пятивременной мечети д. Токмаковой останется 123 ревизских души. Правильность составления приговора проверена Приставом 1 стана Мензелинского уезда.

Губернское Правление, принимая во внимание, что в дер. Бишкумачевой числится только 144 ревизс. души, число недостаточное для существования отдельного прихода (ст.261 Уст. Стоит.) и что отчисление к приходу ее части жителей дер. Токмаковой в числе 62 ревиз. душ не вызывается никакою необходимостью и при том представляется неудобным, так как с отчислением 62 ревизских душ в приходе Токмаковской пятивременной мечети остается только 123 ревиз. души, численность также недостаточная для существования мечети, по постановлению 30 июня 1885 года нашло ходатайство жителей д. Бишкумачевой о переименовании пятивременной мечети их в соборную, не подлежащим удовлетворению, а потому определило: оставить для богомоления жителей д. Бишкумачевой мечеть пятивременную.

На постановление это поверенный жителей д. Бишкумачевой, башкир той же деревни Камалетдин Зелялитдинов, принес жалобу в Правительствующий Сенат, который, рассмотрев настоящее дело, нашел: 1-е, что в дер. Бишкумачевой уже существует мечеть, хотя в означенной деревне числится всего 144 ревизских душ; 2, что переименование мечетей из пятивременных в соборные составляет вопрос религиозный и 3, что приведенные в постановлении Уфимского Губернского Правления от 30 июля 1885 года ст.261 т. XII Уст. Строит. заключает в себе правила о количестве ревизских душ, требуемых законом для построения новых мечетей, а не для переименования уже существующих мечетей из пятивременных в соборные и посему к вышеозначенному вопросу не относится. Признавая на основании сего ходатайство жителей д.Бишкумачевой о переименовании их мечети в соборную заслуживающим уважения, Правительствующий Сенат, согласно заключению Министра Внутренних Дел, определил: постановление Уфимского Губернского Правления 30 июля 1885 года отменить. О чем для надлежащего в чем следует исполнения, указом от 16 июня сего года за № 7432, дал знать Губернскому Правлению.

Приказали: согласно желанию жителей д.Бишкумачевой Мензелинского уезда и указу Правительствующего Сената за № 427 Бишкумачевскую пятивременную мечеть переименовать в соборную, без причисления к приходу ея части жителей д.Токмаковой, к чему не представляется никаких оснований. О чем дать знать Оренбургскому Магометанскому Духовному собранию. 30 июля 1887 года.

№ 3413.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— Уфа, 1905.— С.29—30).

№ 6

Циркуляр Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 20 января 1891 г. за № 527 об употреблении термина «мулла»

Господину Губернатору

В виду возникших в одной губернии недоразумений при применении Высочайше утвержденных 11 октября 1890 г. правил об установлении образовательного ценза для Духовных лиц Магометанского Духовного собрания, я признаю необходимым сообщить Вашему Превосходительству для руководства следующие разъяснения: 1) под словом «муллы» в означенных правилах должно подразумевать всех духовных лиц магометанского исповедания, за исключением высших, т.е. муфтия и членов Оренбургского Магометанского Духовного Собрания и низших именно: маязинов или азанчеев.

2) Деление мулл на категории принято географическое, так что выражение высшее приходское духовенство в городах касается всех магометанских духовных должностей в городах, сельскими же муллами должны считаться все духовные лица означенного исповедания в селах.

3) Азанчеи или муазины не подлежат испытанию, установленному для мулл, и могут быть означаемы к исполнению обязанностей, последних пока вакансий остаются не замещенными, с тем неперменным условием, чтобы таковое исправление должности допускалось не более как на полгода.

Подписали: М.В.Д. Статс-Секретарь *Дурново*

Директор Князь *Кантакузин* граф *Сперанский*
Верно: Начальник Отдела *Коренев*
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.42—43)

№ 7

Циркуляр ДДЦИИ от 5 апреля 1891 года за № 1913 о точном соблюдении требований ст. 260 «Устава строительного» при разрешении постройки новых мечетей.

Господину губернатору

На основании ст.260 Св. Зак. т.XII ч.I Уст.Строит. Изд.1857 г. открытие новых мечетей должно быть допускаемо не иначе, как по представлениям от приходов и приходских чинов Магометанского Духовного Собрании и с утверждения Губернского Правления по надлежащем удостоверении в необходимости построении мечетей, а равно и достаточности средств на их содержание. Дела о построении мечетей, в силу ст. 1204, т. XI, ч.1-й отнесены к предметам ведомства Духовного Собрании. Между тем до сведения Министерства доведено, что означенные узаконения соблюдаются в точности лишь в некоторых губерниях, входящих в состав округа Оренбургского Магометанского Духовного Собрании; в прочих же губерниях ходатайства о построении новых мечетей разрешаются непосредственно Губернскими правлениями без согласия Духовного Собрании. Вследствие сего, Губернские правления дозволяют постройку новых мечетей там, где в них не предстоит надобности и наоборот, отказывают в удовлетворении ходатайств там, где построение новой мечети крайне необходимо.

Вследствие сего, я имею честь покорнейше просить, Ваше Превосходительство, сделать зависящее распоряжение о точном исполнении на будущее время вышеупомянутых постановлений относительно постройки мечетей.

Подлинное подписали:

Министр внутренних дел Статс-Секретарь *Дурново*

Директор Гр. *Сперанский*.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.48—49)

№ 8

О совершении треб С.-Петербургским военным ахунм у частных лиц, проживающих в С.-Петербурге

МВД

Департамент духовных дел
иностранных исповеданий

20 мая 1892 года.

№ 2393

В Оренбургское Магометанское Духовное Собрание

Вследствие предъявления от 21 января сего года, за № 258, Департамент Духовных дел Иностранных Исповеданий имеет честь уведомить Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, что, по докладе означенного представления г.Министру, Его Высокопре-

восходительство не признал возможным сделать распоряжение о воспреещении С.-Петербургскому военному ахуну совершать требы для частных лиц магометанского исповедания, проживающих в С.-Петербурге, в виду отзыва Главного Штаба, с которым Департамент сносился по сему делу, о том, что означенные магометане составляют не коренное, а пришлое население г.С.-Петербурга, явившееся в столицу для заработков и не причисленное к местным магометанским приходам.

Что же касается возбужденного Собранием общего вопроса о праве мулл совершать требы для магометан, не принадлежащих к их приходам, то г.Министр изволил указать, что в сем отношении должно сохранять силу установленное Собранием правило, по которому каждый приходской мулла может исполнять требы лишь в своем приходе.

Подлинный подписали: Директор, кн. *М. Кантакузин*, граф *Сперанский*
и Начальник Отделения *И.Платонников*
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.62)

№ 9

**Циркулярное предложение Министра внутренних дел губернаторам от 5 июня 1892
года за № 2793
об именовании низших магометанских духовных лиц, при утверждении в
должностях, муаззинами,
а не азанчеями**

Господину Губернатору

На основании ст.1228 Св.Зак. т.ХІ ч.1, в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания приходское магометанское духовенство при соборных мечетях составляют хатыпы «муллы», имамы и муаззины, а при мечетях простых имамы и муаззины. Между тем из доставленных означенным Собранием Министерству сведений видно, что в некоторых губерниях при замещении должностей низших магометанских духовных лиц, Губернские Управления утверждают последних в звании азанчеев.

Вследствие чего я признаю необходимым разъяснить, что звание азанчея действующими узаконениями об управлении духовных дел магометан не установлено и что должностные лица низшего магометанского духовенства, согласно приведенной выше статьи 1228, должны быть именуемы муаззинами, а не азанчеями.

Об этом имею честь уведомить Ваше Превосходительство, для сведения и руководства в потребных случаях.

Подлинное подписали: Министр Внутренних Дел,
Статс-Секретарь *Дурново*
Директор Кн. *М. Кантакузин* Гр.*Сперанский*
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.71)

№ 10

**Журнальное постановление ОМДС от 12 августа 1892 года № 3714 о разъяснении
вопроса в чем состоит богослужение и обряды погребения по магометанскому обряду**

Слушали: Судебный следователь Саратовского Окружного Суда 2 участка Хвалынского уезда отношением от 12 июля сего года за № 604 просит уведомить его: в

чем состоит сущность богослужения и обряды погребения по магометанскому обряду, могут ли производить что-либо в этих службах частные лица и что именно? Какие именно из вышесказанных действий Хусейна Зайнитдинова законны, какие из них и в какой степени нарушают магометанские обряды и подлежит ли Зайнитдинов за эти действия духовному суду?

Вследствие чего Духовное Собрание постановлением на 12 августа с.г. определило: уведомить Судебного Следователя, что богослужение у магометан разделяется на пятивременное, т.е. обыкновенное будничное, и соборное или торжественное, совершаемое по пятницам и торжественным праздничным дням; первое заключается в молитве и чтении Корана, а последнее, кроме того, и в произнесении проповедей к народу. Обряды, сопровождающие погребение магометанина, состоят в омовении трупа, одевании его в саван и в прочтении над ним, перед зарытием его в землю, молитвы, называемой «Еназою». Из числа упомянутых выше религиозных обрядов, богослужение соборное не может быть совершаемо никем, кроме утвержденного надлежащею властью муллы, носящего название имама-хатыша; остальные же обряды — богомоление в мечети в простые дни, чтение при этом Корана, обмывание и одевание в саван покойников и совершение «Еназы» по правилам шаригата не требуют непременно участия муллы, а могут быть исполнены всяким, умеющим совершить их, магометанином и в этом не будет нарушения веры. Вообще же предоставление исключительного права на совершение религиозных обрядов у магометан, особым, утвержденным правительством муллам, преследует цели не только религиозные, сколько правительственные, почему Зайнитдинов за действия свои, совершенные до утверждения его в духовной должности, духовному суду не подлежит, а может подлежать ответственности только перед общими судами, в общем порядке уголовного судопроизводства.

17 августа 1892 года. № 3714.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.80—81)

№ 11

Предложение ДДИИИ Оренбургскому магометанскому духовному собранию от 7 марта 1894 года за № 926 о праве назначения имамов временно заведовать приходами, имамы которых призываются в учебные сборы

Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию

Предложение

По поводу призыва в учебные сборы состоящих в запасе армии и государственном ополчении мулл, Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, от 9 февраля сего года за № 439, просит разъяснения Министерства по вопросу о том, кто должен назначать мулл для временного заведывания теми приходами, муллы которых призваны в учебные сборы — Духовное ли Собрание или подлежащее Губернское Правление, а также кто должен доставлять Духовному Собранию сведения о муллах, подлежащих в данное время призыву на означенные учебные сборы.

По рассмотрении настоящего дела, я нахожу возможным установить, чтобы распоряжение о назначении мулл для временного заведывания приходами на срок призыва духов-

ных лиц в учебные сборы делалось Духовным Собранием, но с тем, чтобы оно об этих временных назначениях доводило до сведения подлежащих Губернских Правлений.

Что же касается вопроса о том, кто должен доставлять Оренбургскому Духовному Собранию сведения о муллах, подлежащих призыву в учебные сборы, то таковая обязанность должна быть возложена на самих мулл, подлежащих призыву, с тем, чтобы они немедленно, по получении требований о явке их в учебные сборы, доносили о сем Духовному Собранию, для зависящих с его стороны распоряжений о назначении временных вместо них заместителей.

Об этом предлагаю Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию, в разрешение указанного представления.

Подлинное подписали: Министр Внутренних Дел, Статс-Секретарь *Дурново*. Управляющий Департаментом *Бестужев-Рюмин*.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.104—105)

№ 12

Циркуляр ОМДС от 12 марта 1896 г. за № 1631 приходскому духовенству о порядке увольнения в отпуска и кратковременные отлучки магометанского духовенства округа Соборания

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, в Духовном Соборании *Слушали*: Предложение Министра Внутренних Дел от 7 февраля сего года за № 778, с приложением к оному циркулярного распоряжения Министра Губернаторам, от 6 того же февраля за № 244, о порядке увольнения в отпуска и кратковременные отлучки магометанского духовенства округа своего Соборания. Из циркуляра этого видно, что Министром Внутренних Дел по сему предмету установлены следующие правила: 1) приходские разного звания муллы Оренбургского Магометанского Округа увольняются в отпуска не иначе, как с разрешения подлежащего, по месту их служения, губернского начальства, в пределах предоставленной ему власти и 2) кратковременные (не более двух недель) отлучки означенных мулл в местности, лежащие вне пределов их прихода, могут быть допускаемы по ближайшему усмотрению губернского начальства, с ведома местного Полицейского Управления. *Приказали*: О содержании изложенных в циркулярном распоряжении Министра Внутренних Дел от 7 февраля сего года за № 244 правил дать знать, к точному соблюдению, циркулярно, с переводом на татарский язык, всем ахунам и муллам округа Оренбургского Магометанского Соборания. Марта 12 дня 1896 года № 1631.

Член *Мухаммедов*

И.д. Секретаря *Ахтямов*

Столоначальник *Еникеев*

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.117)

№13

Наставление Оренбургского муфтия Мухамедьяра Мухаметшарифовича Султанова состоящим в приходах указным имамам, муадрисам, мугаллимам, маязинам и ахунам

Известно, что мечети есть Божьи храмы. Назначение их заключается в том, чтобы мусульмане в определенные часы собирались и производили в них служение Великому Аллаху. Таким образом мечети, являясь местом священнослужений, должны быть надлежащим образом ценимы, почитаемы, уважаемы и содержимы, как с наружи, так и внутри в благолепии. Наружное и внутреннее благоустройство мечетей, кроме прямого их назначения, имеет немаловажное значение в деле оценки искренности и преданности исповедников своей вере. На всякого приходящего первое впечатление производит несомненно наружный вид их. Так, например по благообразному виду мечетей делается обыкновенно вывод, что народ предан своей религии, любит и уважает ее, покорен и послушен. Наоборот, запущенность мечетей приводит к заключению, что исповедники не преданы религии и что относятся к ней с недоверием. Такое понятие пятнает, конечно, не религию, а ее исповедников. При искренней преданности народа религии, при дружном, единомышленном желании его содержать приходские мечети в благоустроенном виде, содержание их не составляет для него никакого обременения, как по отоплению, освящению, так по внешнему и внутреннему убранствам и ремонту, так как сельские приходские мечети, в большинстве случаев, бывают деревянные, очень не затейливой архитектуры, небольших размеров, всегда почти небольших размеров, всегда почти с одной печкой, при двух комнатах, внутреннее же убранство заключается лишь в подстилках — кошме, или холсте, или циновках. Содержать приходские мечети в благоустроенном привлекательном виде предписывают как религиозные правила, так и обще гражданские законы.

На основании всего вышесказанного состоящие в приходах имамы обязаны принимать все зависящие от них меры к убеждению прихожан в необходимости содержания мечетей в должной исправности и в посещении таковых для совершения общих богомолений, показывая собой хороший пример прихожанам, изыскивая им способы к содержанию мечетей. Стараться не запускать существующие мечети, следить за своевременным возбуждением прихожанами ходатайства о разрешении на ремонт произошедших в них повреждений, следить и настаивать на том, чтобы всегда были наготове, в достаточном количестве, дрова для отопления, свечи или керосин для освещения, чтобы стекла в рамах окон были целы, печи и дымовые трубы содержались всегда в исправности, чтобы полы мылись, пыль вытряхивалась или выметалась, чтобы подстилки были аккуратно постланы, а не комкались и разбрасывались, чтобы воздух в мечетях был чистый и здоровый, главное, чтобы было тепло и сухо. Надо всегда помнить, что чем привлекательнее для глаз храм Божий, тем приятнее и охотнее в нем молиться. При этом имамам сообщается, для сведения и исполнения в потребных случаях, что постройка новых мечетей, перестройка и ремонт существующих законами Империи допускается: в первых двух случаях — с разрешения подлежащих Губернских Правлений, по приговорам обществ, составляющих приходы, для чего общества эти законно поставленные приговоры, с приложением к ним планов и фасадов предполагаемых к постройке мечетей, каковые планы и фасады должны быть прилагаемы и к приговорам о перестройках существующих мечетей, если мечети перестраиваются с изменением плана и фасада, представляются на предварительное рассмотрение в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, которое от себя уже направляет их в Губернские Правления на окончательное разрешение; ремонт же мечетей, без измерения плана и фасада, разрешается властью Духовного Собрания, по представлениям при-

ходских имамов, которые в представлениях своих должны точно наименовать части мечети, требующие ремонта.

II

Правилами шариата вменяется в безусловную обязанность отцам и дедам, вообще родителям и опекунам, обучать опекаемых ими детей догматам, правилам и обрядам веры, благонравию и пристойности.

На этом основании приходские имамы обязаны внушать родителям и опекунам о насущной необходимости знакомить опекаемых ими детей обоого пола с догматами, правилами и обрядами веры, с ее исповеданием, вселяя в них доверие и любовь к ней, знакомить с заповедями Божьими, как абсолютными, так и неабсолютными преданиями о деяниях и изречениях пророка, с запрещенными предметами и действиями, правилами благопристойности и хорошими привычками, ставя им в пример достойные подражания обстоятельства разных случаев в жизни пророка и первых его учеников. При чем приходские имамы обязаны не только внушать прихожанам о необходимости всего сказанного, но и настаивать на действительности ознакомления, рекомендуя и требуя, чтобы они детей своих отдавали в обучение в низшие и высшие мусульманские училища (мектебе и медресе), каковые содержались бы обществами в чистоте и исправности, чтобы в них было всегда сухо, не угарно и устранялось бы все то, что вредно для здоровья. Кроме того, имамы обязаны лично следить, чтобы ученики в мектебах и медресах занимались и усваивали только то, что действительно необходимо и что может принести действительную пользу, не тратя непроизводительно времени. При чем наибольшее внимание следует обращать на правописание и на чистописание.

III

Могилы — это вещные жилища наших родителей и предков, где покоится прах их. Придет время, что и наши жилища будут могилы. В том, что следует почитать как самих отошедших в вечность предков, так и вечные их жилища, нет никакого сомнения.

Почитание первых заключается, конечно, в добрых воспоминаниях об них и молитвах о спасении их душ, а почитание вторых — в оберегании от хождения по ним скота и других животных. Последнее легко достигается двояким образом, именно обнесением забором, плетнем и пр. или окопкой, т.е. рвом и валом, о чем общества немедленно должны озаботиться.

IV

Всем нам известно, что пророк Божий Мухаммед, да будет он благословлен Богом, послан, чтобы указать нам пути спасения на сем свете и в загробной жизни. Шедшими по указанным им путям и указывавшими пути прочим его исповедникам были во все времена просвещенные мужи-улемы. Такими его представителями в современной жизни являются приходские имамы.

На сем основании приходские имамы обязаны наставлять прихожан на указанные Богом и пророком правые пути. Для чего они должны делать прихожанам увещания и говорить проповеди, внушая и убеждая их в том, что они обязаны исполнять, в числе многих других обязанностей чисто духовного свойства, следующие не менее маловажные постановления шариата, так сказать общегражданские, а именно: творить добрые дела, избегать зла, почитать родителей и старших вообще, оказывая им повиновение и послушание, забо-

титься о детях, давая им надлежащее образование и развивая в них нравственность, вести мирную семейную жизнь, взаимно уважая друг друга и тем подавая хороший пример своим детям, признавать в каждом мусульманине родного брата, уживаться с людьми других народностей и вероисповеданий, признавая в каждом из них близкого человека-друга, стремиться к приобретению благосостояния и подъему нравственности путем неустанного труда, изучением ремесл и искусств, отречьшись от лени и беспечности, обо всем этом приходские имамы должны делать внушения прихожанам при всяком удобном случае, но умея выбирать время и место и отнюдь не допуская в проповедях своих укоризненных выражений по адресу кого-бы то ни было из слушателей, а, напротив, строго уважая их чувства соблюдением вежливости, учтивости, хорошего мягкого нрава, причем избегать в возможных случаях употребления арабских и персидских слов, непонятных большинству слушателей, а говорить исповеди на родном, ясном для слушателей языке или наречии.

А так как всякая духовная проповедь основывается на Коране, или на деяниях и изречениях пророка и на них опирается, то и проповеди должны заключать в себе только то, что имеет под собою твердую почву. Делать увещания и говорить проповеди следует по мере действительной необходимости и уместно. Нужно всегда помнить, что михраб и мунбер суть почетные места пророка, а потому следует стараться быть достойными для занятия этих мест, наставляя народ на правый путь мягким обращением и учтивыми речами, вселяя в сердце слушателей искреннюю любовь и доверие к исламу. Только этим способом и можно достигнуть цели и заставить уважать себя. Повторяю, что только добронравие при проповедях и действительное исполнение проповедником всего того, что он говорит в его проповедях, могут иметь влияние на массу слушателей, а не голые слова и резкое обращение. Поэтому прежде всего самому проповеднику нужно быть благонравным, честным и ревностным исполнителем правил веры.

Пребываю в полной уверенности, что приходские имамы сумеют привести в исполнение настоящее наставление и примут к сердцу все мною переданное.

6 сентября 1897 года № 169.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.128—133)

№ 14

Постановление ОМДС от 18 августа 1898 г. о возношениях о здравия государя императора

Журнал присутствия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, на 18 августа 1898 года, ст.№ 6. По I столу

Слушали: Имам Уральской области, Калмыковского уезда, Мухорского поста, Абдулхариб Ишкулов, рапортом от 11 июня 1898 года за № 76, просит ему дать знать о том, — определены ли для деревенских приходских имамов дни для совершения молебствия о здравии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, или же достаточно молебствие совершаемое обыкновенно на гаидах, в дни рождений и тезоименитств их ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ и восшествия на престол; не обязательно ли по закону совершать его в каждую пятницу. *Приказали:* Дать знать имаму Ишкулову, что молебствия о здравии ИХ ВЕЛИЧЕСТВ обязательно

должны быть совершаемы в высокотожественные дни, совершение же их каждую пятницу не обязательно, что исполнено 24 августа 1898 года за № 5213.

Подлинный подписали:

Председатель *М. Султанов*

Члены: *Фахритдинов, Капкаев*

И.д. Секретаря *Ахтямов*

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.149)

№ 15

Наставление оренбургского муфтия М.Султанова от 25 августа 1898 года за № 5253 имамам о приложении старания к распространению передовых идей

У каждого народа есть группа людей, именуемые улемами, т.е. духовными учителями. Это такие лица, которые всеми силами должны стараться и способствовать к укреплению в народе религиозных верований, упорядочению условий жизни и облагораживанию нравов народа. Достижение этой именно благоустроенности в народе есть истинная цель всякой религии, с этой целью посылались пророки, эту же цель должны преследовать современные духовные лица, чтобы иметь право называться достойными преемниками пророков.

Духовные учителя, не уподобляя себя представителям светской власти и не прибегая к их содействию, должны наставлять и укреплять народ в правилах веры не жестокостью и страхом наказания, а кротким обращением, мягкими, ясными и мудрыми речами, первым, конечно, подавая собой пример нравственности, кротости и благородства, чтобы произвести в сердцах слушателей желаемое действие речей и возбудить хорошие чувства, молясь вместе с тем за черствые, неподобающие силе проповедей души о том, чтобы в них сам Бог вложил добрые начала и указал пути спасения. Так делали и поступали пророки, также должны поступать и современные духовные учителя, претендующие на право именоваться преемниками пророков, ибо это священный их долг, которого никоим образом миновать они не могут. Опытю доказано, что ученые и усердные улемы — законоведы несомненно оказывали громадные заслуги народу, влияя на нравственное и экономическое его благосостояние. Известно также, что мерилом степени усердия наставника воздействовать на нравственность и благосостояние народа обыкновенно служит состояние данного народа. Так, например, благоустроенность духовно-нравственной и экономической жизни народа доказывает, что среди этого народа есть хорошие энергичные духовные учителя, напротив, испорченность и беспорядочность народа доказывает совершенно обратное явление.

Мне ясно представляется, что мы, магометане, день ото дня отстаем от других народов, идя в разрез прогрессу. Я вижу, что в нашем народе все более и более устанавливается невежество, зачерствелость и грубость нравов, беспечная леность, отсутствие желания заниматься работой, ремеслом и искусством, со всеми влекущими за ними пагубными последствиями, как-то: чрезмерной бедностью, презренной низостью, воровством, вероломством, плутней, пьянством, распутством и бесчестной торговлей, — близкими предвестниками окончательного падения религии, национальности, торговли и промышленности. Словом, я замечаю полную испорченность нравов нашего народа: молодежь обоего пола, особенно девушки, не получая подобающего образования и воспитания в детстве, очень

рано вступают на пагубный путь разврата, при чем последние не гнушаются даже позорной торговлей собой, чем самым молодежь эта причиняет своему здоровью гибель, а имущественному благосостоянию большой ущерб. К большому моему неудовольствию доходят до меня слухи, что пьянство и разврат начинают сильно вкореняться даже среди самих приходских имамов. Хотя в деле приобретения нашим родом научных познаний, изучения ремесл и искусств не замечается ни одного шага вперед, но в деле подражания европейским обычаям, образу жизни и следованию европейской моде он так усердно силится, что проходит целые версты, расточая на своем пути большие деньги, скопленные отцами и дедами. Вероятно, страсть к подражанию в скором будущем схватит все слои мусульманского общества, но так как выполнение такой задачи будет стоить дорого и многим из них непосильно, между тем удержаться от страсти едва ли возможно, то, в конце концов, получается полное обеднение массы людей, могущее довести их обретения у чужих дверей и окон.

Отсутствие образования, воспитания и физической трудовой деятельности в нашем народе, а затем неминуемая спутница их — пустая праздная жизнь, в которую свергнется наше потомство, благодаря нашему невнимательному отношению к делу воспитания юношества, налагать на нас черное клеймо и будут служить примером укора за гибельные последствия праздной жизни. Подобное положение дел приведет к тому, что народ окончательно обеднеет, падет и не встанет, не находя поддержки; таким образом общество, за полным истощением средств, не в силах будет содержать мечети, мектебы, медресы, помогать немощным. Повторяю, что настоящее положение дел обещает нашему потомству самую плачевную будущность.

Духовные наши учителя, вместо того, чтобы подумать о последствиях настоящего положения вещей, встрепенутся и выйти из оцепенения, пробудить вместе с тем братию из глубокого беспечного сна, чтобы принять за исправление нравственности народной массы для отвращения предстоящей гибели братьев-правоверных, идя рука об руку, заводят между собой споры и ссоры, возбуждают друг против друга неосновательные жалобы, предаются, более чем миряне, роскоши и неге. Если бы они сознавали истинную цель своего признания и долг службы, если бы шли и действовали все за одно, рука об руку, старания их не оставались бы бесплодными и образовали бы твердую почву для деятельности будущего поколения.

На основании всего изложенного, я напоминаю приходским имамам, что они в качестве приемников тех великих людей, которые были посланы для исправления нравственности и подъема экономического положения народа, обязаны наставлять народ на путь истины и добра мудрыми бескорыстными проповедями, приохочивая его к богоугодным делам и поступкам. Такое служение Богу и народу они обязаны проявлять везде и всюду, преимущественно же в мечетях, представляющих широкое поприще для их деятельности, особенно в дни зюмги и аида, когда они с высоты кафедры имеют возможность говорить прихожанам наставительные речи и приобретать славу отличного проповедника. Я требую от вас, милостивые государи, говорить вашим прихожанам проповеди, если не каждую пятницу, то, по крайней мере, в две пятницы раз, при том на чисто родном, легком и для каждого слушателя понятном языке из стихов Корана и хадисов пророка, как наиболее сильных и действительных, обращая большое внимание на соответствие проповедей требованиям времени и обстоятельств, не примешивая иностранные (персидские и арабские) сло-

ва, представляющиеся для слушателей не понятными, избегая иносказательных и двусмысленных речей, недоступных уму слушателей или могущих вызвать в них гнев и раздражение и не предъявляя к ним таких требований в выполнении коих нельзя будет на них надеяться.

Разумея под словом проповедь (вагаз) такое поучение, когда поучающий успеет убедить и утвердить поучающихся в поучаемом, т.е. удержать их от нежелательных поступков, я считаю долгом предупредить имамов, что те из них, которые не успеют в этом, вместо исправления испортят дело, будут признаны неспособными и бездарными, недостойными звания вагизов-хатыпов. Проповеди и поучения, которые произведут желательное действие на мужчин, несомненно окажут влияние и на женщин, так как нравственность последних находится в связи и некоторой зависимости от нравственности первых.

В заключение я прошу имамов два или три образца писанных проповедей их прислать мне на тот предмет, чтобы я по просмотре и признании таковых отвечающими требованиям времени и нуждам моих братьев-правоверных, мог собрать и отпечатать отдельной книгой поучения и разослать экземпляры ее малоспособным вагизам для образца и руководства.

Надеюсь, что к выраженному мною в сем предложении искреннему моему доброжелательству моим братьям правоверным с тем же доброжелательством и искренностью отнесетесь и вы, приходские имамы, и приложите все ваше усердие к выполнению моих желаний прогресса.

Оренбургский муфтий *хаджи* М.Султанов

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.150—154)

№ 16

Циркулярный указ ОМДС имамам Пермской губернии от 22 мая 1900 г. за № 3014 об отпуске суточных и прогонных денег имамам, при вызовах учреждениями и должностными лицами для исполнения религиозных треб

Имамам Пермской губернии

Пермское Губернское Правление, отношением от 30 апреля сего года за № 1803, уведомило, что им дано знать Уездным Полицейским Управлениям Пермской губернии, для должного в потребном случае распоряжения, что магометанские муллы, при вызове их присутственными местами и должностными лицами для исполнения религиозных треб, должны быть удовлетворены прогонными деньгами, на основании 979 и 988 ст. Уст.Угол. Судопр., а именно: по три копейки по версту, при следовании по всем грунтовым дорогам, без назначения числа лошадей, а по железной дороге, платой за проезд в оба пути в местах низшего класса и сверх того суточными деньгами по 25 копеек в сутки, за каждый день отлучки из места жительства (отношение Государственного Контролера от 28 марта 1878 года за № 1795 — Министру Внутренних Дел, приложение № 166, к правилам о назначении денежных выдач по ведомству Министерства Внутренних Дел, издан. 1887 года ч.II ст.847).

Об этом распоряжении Пермского Губернского Правления Магометанское Духовное Собрание дает знать имамам Пермской губернии.

Подлинный подписали: Член *Тангатаров*.
И.д. Секретаря *Ахтямов*.
Столоначальник *Терегулов*.
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.175)

№ 17

Циркулярный указ ОМДС духовным лицам округа Духовного Собрания от 30 сентября 1900 года за № 5783 о порядке пользования кратковременными отпусками не более двух недель

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, в Духовном Собрании слушали: Предложение Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий Министерства Внутренних Дел от 5-го сентября 1900 года за № 682, *Приказали*: В дополнение циркуляра Духовного Собрания от 12 марта 1896 г. за № 1631 и согласно постановлению своему на 30 сентября 1900 г. дать знать ахунам и имамам Округа Оренбургского Магометанского Духовного Собрания указами к сведению и руководству, что приходские муллы могут пользоваться кратковременными не более двух недель отлучками в местности, лежащие вне пределов их приходов, без особого разрешения Полицейского Управления, с тем однако, чтобы о всякой такой отлучке они немедленно доносили местному полицейскому управлению. Сентября 30 дня 1900 года.

Председательствующий Член *Фахретдинов*
Члены: *Капкаев*
Тангатаров
За секретаря *Ахтямов*
Столоначальник *Еникеев*
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.179)

№ 18

Циркулярный указ ОМДС от 10 марта 1901 г. за № 1352 о порядке увольнения в заграничные отпуска приходских мулл

В разъяснение возбужденного Казанским Губернатором вопроса о том, каким порядком должны быть увольняемы в заграничные отпуска приходские муллы Оренбургского Магометанского округа, Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий, от 24 февраля сего года за № 1060, по приказанию г. Министра, уведомить Оренбургское Магометанское Духовное Собрание для сведения и предписания подведомственному духовенству, к точному соблюдению, что означенные муллы могут быть увольняемы в заграничный отпуск, за отсутствием в законе какого-либо специального на этот предмет указания, применительно к ст.767 Уст. о служ. По представлениям подлежащего по месту служения упомянутых мулл, Губернского Начальства.

Об этом Магометанское Духовное Собрание дает знать ахунам и муллам округа сего Собрания к точному соблюдению означенного распоряжения.

Член *Тангатаров*
И.д. Секретаря *Ахтямов*
Столоначальник *Терегулов*
(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.182)

№ 19

Указ Сената от 9 сентября 1902 г. об отмене постановления Вятского губернского правления

об отказе жителям д.Сардыганбаш в переименовании мечети в соборную

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Правительствующий Сенат слушали: дело по жалобе доверенного домохозяев деревень Сардыгербаша и За-рекой–Салаусь Янгуловской волости Малмыжского уезда крестьянина Шафика Зайнуллина на Вятское Губернское Правление за отклонение ходатайства означенных домохозяев относительно обращения существующей в дер. Сардыгербаш пятивременной мечети в соборную.

Приказали: Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Правительствующий Сенат находит, что переименование мечетей из пятивременных в соборные составляют вопрос религиозный, подлежащий обсуждению Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, а не Губернского Правления. Посему и принимая во внимание: 1) что доверители просителя по приговору своему обеспечили содержание мечети и духовенства при ней и 2) что по отделении потребного для составления нового Сардыгербашского прихода числа мужского пола душ от приходов За-рекой–Салаусского и Нижне-Янгуловского, в сих последних останется требуемое законом (ст.155 Уст. Стр. изд. 1990 года) число прихожан, Правительствующий Сенат признал, что при существующих условиях выше упомянутый новый приход может быть учрежден, если с образованием онаго Нижне-Янгуловский мулла будет получать от оставшихся в его ведении прихожан достаточное содержание. По изложенным соображениям, Правительствующий Сенат, согласно с заключением Министерства Внутренних Дел, определяет: обжалованное просителем постановление Вятского Губернского Правления отменить, поручив ему войти в новое рассмотрение настоящего дела и постановить по оному новое определение. О чем для исполнения и объявления просителю, а равно и разрешение рапорта от 14 августа 1900 года за № 1092 Вятскому Губернскому Правлению послать указ, каковым уведомить на рапорте от 27 ноября 1901 года за № 5261 и Министра Внутренних Дел. Сентября 9 дня 1902 года.

Подлинный за надлежащей подписью.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.191—192)

№ 20

Постановление ОМДС от 14 октября 1902 г. за № 2 о совершении ахуном Шагабутдиновым

«Аиды-Курбана» с отступлением от правил шариата

Копия с журнала Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, на 14 октября 1902 года, ст.№ 2. Дело № 137 — 1902 года, по 1 столу

Слушали: Доклад. Оренбургское Магометанское Духовное Собрание, рассмотрев прошения указанных мулл 2-й Асяновской соборной мечети Закира Бабичева от 15 марта сего года, дер. Назитамаковой, Асяновской волости, Ахметгалия Мухаметгалина от 16 того же марта, Каралачуковой, той же волости, Шайхитдина Тупеева от 19 того же марта, дер. Нижнее-Манчаровой, той же волости, Мирзаяна Сагадитдинова Харрамова от 20 марта

сего года, препровожденные при предложениях Уфимского Губернского Правления, от 27 марта и 5 апреля за № 1031, 1397 и 1124 и прошение, поступившее от 16 приходских имамов Бирского уезда: хатыпа дер. Султанбековой Абдулвакиля, Нижнее-Начаровой Мирзязяна Сагадитдинова Харрамова, Аюкешевой Мирзязяна Тупеева, Сикаликулевой Абдулкабира Абдулмунирова Мустафина и других, от 28 марта сего года, ходатайствующих о привлечении ахуна 1 мечети дер. Асяновой Фатхульисама Шагабутдинова к должной ответственности за совершение гаиды курбана не 7 марта сего года, как это следовало, а 6-го, не предупредив о сем окрестные приходы, журнальным постановлением, состоявшимся на 25 апреля сего года, просило Асяновское Волостное Правление Бирского уезда отобрать от ахуна 1 мечети дер. Асяновой Фатхульисама Шагабутдинова объяснение и представить в Духовное Собрание о том, — почему он Шагабутдинов, вопреки циркулярного распоряжения Магометанского Духовного Собрания, от 23 апреля 1884 года за № 1151, совершил гаиды курбан 6 марта, а не 7-го и не предупредив окрестные приходы о дне совершения праздника гаиды курбана. Затем Уфимское Губернское Правление при предложениях от 24 апреля сего года за № 1217 и 1207 препроводило на распоряжение Духовного Собрания прошения указанных мулл Бирского уезда, дер.Итеевой, Исмаиловской волости, Багаутдина Камалетдинова Атареева от 20 марта, д.Мамадалы, Асяновской волости, Гусмана Аминева от 19 марта, дер.Учпулей, той же Асяновской волости, Мирзязяна Ахмедзянова Тепеева от 2 того же марта, д.Ишкары, Исмаиловской волости, Миргасима Абдулкабиров Мустафина от 23 марта, дер.Лаяшты, той же волости, Галяутдина Багаутдинова Маджидова от 21 марта, дер.Сикуликулевой Абдулкабира Мустафина и башкир дер.Асяновой Юсупа Ибрагимова, Исмагила Сулейманова, Хаммата Гайсина, Асляма Ибрагимова и Хафиза Абдрахманова, коим они, жалуясь на ахуна Шагабутдинова за совершение гаиды курбана не 7 числа марта сего года, а 6 того же марта, не предупредив окрестные приходы, просят привлечь его за это к законной ответственности Асяновское Волостное Правление, во исполнение поручения Духовного Собрания за № 2504, при отношении от 27 минувшего мая за № 1822, представило в Духовное Собрание объяснение ахуна 1 соборной мечети дер. Асяновой Фатхульисама Шагабутдинова за № 12, на татарском диалекте, из которого видно: 1) что 5 марта, во вторник, после вечерней зари, был виден месяц Зюльхиджа и целый час оставался на горизонте, служа предметом всеобщего наблюдения и так как имам Хасан Бини Зиад в книге «Базазие» говорит, что если в известный день месяц был виден после вечерней зари, то первым днем или началом его следует считать канун того дня, он составил себе убеждение, что первый день Зюльхиджи несомненно совпадал с понедельником, т.е. 25 числом февраля и в 10 день, — 6 марта, в среду, совершил Аиды-Курбан. 2) Ахун Искандер в письме к нему от 2 марта 1902 года, полученном им 4 марта, писал ему: «в 1901 году лично сам я с несколькими достоверными людьми видел месяц Раби эль-авель в воскресенье 3 июня. Не усматривая далее первых дней последовательно нарождавшихся месяцев, я вычислил, что первым днем месяца Рамазана должна быть среда и, действительно, с этого дня начал я уразу. По этому же самому вычислению я намерен совершить в среду Аиды-Курбан. Вычисление это находит себе подкрепление в словах имама Ягфер Садыка: в какой день начали уразу, в такой же самый день совершайте Аиды-Курбан. Будьте любезны, напишите мне ответ на это письмо, чтобы я мог сослаться на него в том случае, если кем либо был бы о том спрашиваем. Я слышал, что вы также начали уразу в среду». Само собою разумеется, что принятое ахуном

Искандером Мухамедгалиевым в руководство шаригатное указание не мог и он не принят по риваяту (следует риваять). Кроме того, он, руководствуясь Хадисом Пророка (следует Хадис) и полагая шесть месяцев по 30 дней и шесть месяцев по 29 дней, вывел, что первый день месяца Рамазана приходится, действительно, в среду, но если начал уразу не с среды, то поступил так для того лишь, чтобы избежать злословия врагов его. 3) Составленный Махзумом Фатихом Хаммадовым на основании научных данных календарь десятым днем Зюльхиджы, т.е. днем совершения Аиды Курбана, показывал 5 марта, вторник, каковое календарное сведение он также не мог не принять, как неоспоримый довод или доказательство, по риваяту (следует риваять). В виду всего изложенного он, ахун Шагабутдинов, спрашивает, — какое может быть сомнение в правильности совершения им 6 марта Аиды-Курбана? Напротив, он, Шагабутдинов, в виду приведенных доводов, считал себя обязанным совершить Аиды-Курбан в среду, 6 марта. Всех тех недоброжелательных имамов, которые подписали жалобу на него о том, что он, совершая 6 марта Аид, как бы учинил какой-то непростительный противошаригатный грех, он находит тонкой шалостью, свойственную комедиантам, иначе называет их слепыми подражателями и просит г. муфтия потребовать от них объяснения о том, — какие они имели шаригатные доводы к совершению Аиды-Курбана 7 марта, в четверг. Объяснение это Ахун Шагабутдинов заключает тем, что он по службе очень исполнительен, заботлив, строг, требователен; враг лести, невежества и разврата; во всем обеспечен, ни в ком и ни в чем не нуждается; живет и действует самостоятельно и что такой образ жизни и такое поведение создали ему массу врагов, силящихся так или иначе очернить его в глазах начальства. Просит снисхождения. Затем по требованию Магометанского Духовного Собрания ахун дер. Иткуловой, Белебеевского уезда, Мухамедгалиев, 14 сего сентября явившись в Присутствие Духовного Собрания, объяснил, что на письмо ахуна Шагабутдинова относительно начала месяца Зюльхиджы и дня совершения Гаида-Курбана 1902 года ответил ему письмом же, что он лично и ученики его Минлиахмет Лутфурахманов, Кинзябай Муллагалиев и другие в понедельник вечером, после заката солнца и вечерней зари видели луну и что по сему первым днем Зульхиджы он признал понедельник. *Справка:* Журнал на 25 апреля 1902 года ст. № 10. *Приказали:* Из обстоятельств дела видно, что имамы Асяновской и Исмаиловской волостей, Бирского уезда, полагая месяц Зулькагду 1902 года в тридцать дней, а начало месяца Зульхиджы в среду — 26 февраля, совершили Аиды-Курбан в четверг, 7 марта; а ахун Шагабутдинов с ними разошелся и Аид сей совершил 6 марта. Ахун Шагабутдинов в свое оправдание хотя предоставил доводы, но доводы эти оправдать его не могут по следующим причинам: 1) для того, чтобы установить первый день месяца Зульхиджы, нужно было узреть самую луну, а если узреть ее было нельзя, то следовало бы предшествовавший месяц считать в 30 дней и 31 его день полагать первым днем месяца Зульхиджи, как видно из шаригатных книг «Хидая» и других. Такое исчисление (Хисаб) принятое всеми ханафитами за общее правило никак не могло быть нарушаемо без крайне сильной необходимости, а, между тем, такой необходимости в данном случае не было, почему и следовало руководствоваться приведенным учением имама Хунафия, оставив все другие учения. 2) Учение Хасана Бини Зиада «если новолуние долго оставалось на горизонте после заката солнца то первым его днем может считаться канун его», не составляя собою общего правила для всякого времени, установлено лишь для тех случаев, когда новолуние усматривается с 30 на 31 день предшествовавшего месяца; думать же, что учение Хасана Бини Зиада есть

общее правило, значит явно ошибаться. 3) В начинании и окончании уразы, в совершении аидов и проч., улемы хотя утверждают, что следует руководствоваться «Хисабом», но этим они вовсе не требуют, чтобы каждое лицо непременно руководствовалось Хисабом, а полагают лишь, что нужно придерживаться учения хорошо знакомых с астрономией и др. научными познаниями учителей. По исчислении известнейшего и популярнейшего обсерватора и астронома Мирза Улубека 1 день месяца Зульхиджи 1319 года гиджры приходится на вторник — 26 февраля, как это видно из 660 стр. книги «Альтауфикат-эль-Ильхамия» изданной в г. Каире в 1311 году гиджры и Рияз-эль Мухтар, изданной там же в 1303 году гиджры (стр.193 ч.1). Доверяться изданным в г.Казани не только не знакомыми с астрономическими познаниями, но не имеющими даже понятия об них лицами календарями, значит не знать степени достоинства Корана и оказывание к нему неуважение. Другие доводы ахуна Шагабутдинова как, например, выдержки из учения имама Сабяки только к его оправданию не служат, но даже не согласны они с обстоятельствами дела; объяснение же его том, что он во вторник — 5 марта, узрел луну и по сему в среду — 6 марта совершил Аиды-Курбан не только не заслуживает уважения, но даже не давало бы ему, приходскому имаму, говорить подобные и каковые не решился бы высказать и простой магометанин-мирянин. 4) Выведенное ахуном Шагабутдиновым из письма ахуна Искандера Галиева, что он в среду совершит Аид, заключение, что такое сообщение Галиева должно быть обязательно для всего мира магометанам правилом, вовсе не согласно ни с шаригатом, ни рассудком, ибо приходской имам, являясь в кругу служебных его обязанностей судьей в приходе, вовсе не является судьей для всего мусульманского мира, слово которого было бы обязательно для всех магометан. В виду вышеизложенного Магометанское Духовное Собрание *определяет*: Ахуну Шагабутдинову за то, что он пренебрег изданным и разосланным по приходам циркулярным требованиям Духовного Собрания от 23 апреля 1884 года за № 1151, во 2) принять совершенно основательные доводы за доказательство в разрешении шаригатного вопроса и в 3) за то, что он, не посоветовавшись со сведущими людьми, единственно по своему легкомыслию и недоверию к другим лицам совершил уважаемый шаригатом и всеми мусульманами Аиды-Курбан ранее времени его наступления, т.е. 6 марта 1902 года — в среду, объявить строгий выговор через Бирское Уездное Полицейское Управление, о чем дать знать всем имамам, принесшим жалобу на ахуна Шагабутдинова и дать знать ахуну Искандеру Галиеву. Подлинный за надлежащим подписом.

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг. — С. 193—198)

№ 21

Журнальное постановление ОМДС от 16 октября 1902 года за № 14 о порядке совершения публичного общественного моления о здравии Государя Императора

Копия с журнала Присутствия Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, на 16 октября 1902 г., ст.№ 14, стол 3. Дело № 397 — 1902 года

Слушали: Казанское Губернское Правление, 30 сентября сего года за № 2144, предлагает Духовному Собранию донести, в дополнение к своему рапорту, от 29 мая сего года за № 3195, не было ли дано муллам, когда и кем именно распоряжение о еженедельном по

пятницам или в какое либо другое время совершения публичного общественного моления о здравии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Если предписания дано не было, то не установлено ли такое моление у магометан обычаем и вообще представить сведения о том, — существует ли у магометан и в каком виде общественное публичное моление за своего МОНАРХА. Справка: 1) Журнал Духовного Соборания на 20 мая 1902 года №12. 2) Имам Уральской области, Калмыковского уезда, Мухорского поста, Абдулхабир Ишкулов, рапортом от 11 июня 1898 года за № 76, просил дать ему знать о том, — определены ли для деревенских приходских имамов дни для совершения молебствия о здравии ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, или же достаточно молебствие, совершаемое обыкновенно в гаидах, в дни рождений и тезоименитств ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ и восшествия на престол, не обязательно ли по закону совершать его в каждую пятницу. На это Духовное Собрание постановлением своим на 18 августа 1898 года заключило дать знать имаму Ишкулову, что молитвы восшествий ИХ ВЕЛИЧЕСТВ, обязательно должны быть в высокаторжественные дни, совершение же их каждую пятницу не обязательно, что и исполнено 24 августа 1898 года за № 5213 и 3) Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Соборания с 1841 по 1901 г., изданный с разрешения Министра Внутренних Дел, где указаны в № 68 дни, в которые совершаются возглашения о здравии и благоденствии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и АВГУСТЕЙШЕГО ЕГО ДОМА. *Приказали:* Донести Казанскому Губернскому Правлению, что распоряжении о совершении муллами еженедельного по пятницам общественного моления о здравии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА издаваемо не было, по частным же случаям, доходившим до рассмотрения Духовного Соборания, последнее разъясняло, что совершение общественного молебствия о здравии и благоденствии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и АВГУСТЕЙШЕГО ЕГО ДОМА совершаются в высокаторжественные дни, означенные в особом расписании, а в простые пятницы совершение таких молебствий необязательно. При этом препроводить копию с расписания дней, в которые совершаются возглашения о здравии и благоденствии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и АВГУСТЕЙШЕГО ЕГО ДОМА, из сборника циркуляров, в котором это расписание помещено под № 68. Подлинный подписали:

Председатель, Оренбургский муфтий, *хаджи М.Султанов*

Члены: *Фахретдинов, Капкаев, Тангатаров*

Секретарь *Терегулов*

(Сборник циркуляров и иных руководящих... 1836 — 1903 гг.— С.199—200)

№ 22

Циркулярное предписание ОМДС от 17 января 1913 за № 395 ахунам, хатыпам и имамам о совершении 21 и 22 февраля 1913 г. в мечетях при собрании всех прихожан молитвы в честь умерших представителей дома Романовых, российского государя, наследника цесаревича и всей царской семьи по случаю 300-летия царствования в России Дома Романовых

Предложение

21 февраля сего 1913 года исполняется трехсотлетие царствования в России Дома Романовых.

По этому поводу Правительство и народы России, устроив в сей день торжественное празднество, имеют каждый по своей вере вознести Богу молитву по в Бозе почившим Государям ДОМА РОМАНОВЫХ и благоденствию ныне благополучно царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Августейшего Его Семейства.

Нам, мусульманам, надлежит присоединиться к сему общему торжеству и согласно правилам нашей веры вознести о том Аллаху молитву в наших мечетях.

На основании сказанного предписывается приходским духовным лицам: ахунам, хатыпам (а где таковых нет) имамам округа Магометанского Духовного Собрания 21 и 22 февраля в приходских мечетях при собрании всех прихожан, о чем последних оповестить за неделю до дня празднования, вознести Аллаху молитву о в Бозе почивших Государях Императорах Дома Романовых и о благоденствия ныне благополучно царствующего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, НАСЛЕДНИКА ЦАСАРЕВИЧА, Великого Князя АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА и всей Августейшей Семьи и за спокойствие и процветание нашего отечества — России.

Оренбургский муфтий, хаджи *М. Султанов*.

Члены ахуны: *Капкаев, Н. Мамлеев, Х. Мухаммедов*

Января 17 дня 1913 года

№ 395

(ЦГИА РБ.— Ф.И-295. — Оп.6.— Д.3063.— Л.13)

№ 23

Обращение оренбургского муфтия М.-С.Баязитова от 30 сентября 1915 г. за № 3/58 к ахунам и имамам

Оренбургской губернии об участии совместно с прихожанами в сборе средств в пользу беженцев

Ахунам и Имамам Оренбургской губернии

Оренбургское Губернское Отделение Комитета ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ТАТИАНЫ НИКОЛАЕВНЫ по оказанию помощи пострадавшим от военных бедствии 15 сего сентября за №183 уведомило, что Комитет организует по всей Империи при участии духовенства особый сбор в пользу беженцев под названием «Ковш зерна нового хлеба» каковой сбор как видно из копии журнала Губернского Отделения за № 4, назначен с 22 по 31 октября сего года. Губернское Отделение Комитета обратилось ко мне за содействием к возможно широкому участию Магометанского Духовенства в этом деле.

Признавая с своей стороны очень нужным и желательным участие Мусульманского населения в оказании помощи лицам, принужденным покинуть свои разоренные войною жилища и имущество, я прошу Гг. Ахунов и Имамов Оренбургской губернии принять вместе с своими прихожанами участие в сборе по мере сил пожертвований в пользу беженцев.

Оренбургский Муфтий *М.-С. Баязитов*

(РГИА.— Ф.821.— Оп.133.— Д.608.— Л.84)

№ 24

**Обращение ОМДС от 9 марта 1917 г. за № 2188 к мусульманскому духовенству по
случаю отречения российского императора от престола**

Предложение

Продолжающаяся третий год страшно тяжелая отечественная война послужила причиной происшедших в Великой Нашей Родине России перемен: 2-го Марта Царь отрекся от престола, как и царская династия; управление государством перешло в руки народа, из представителей его образовался ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ, который принял в свое ведение и управление военную и гражданскую часть государства.

Российские мусульмане как до сего времени были верными и признательными слугами возлюбленной нашей Родины, такими же они обязаны оставаться и нагрядущее время, служить на благо и счастье Родины, быть верными слугами Временного Правительства, управляющего судьбою государства.

Ввиду изложенного Оренбургское Магометанское Духовное Собрание предписывает ахунам, хатыбам, имамам объявить их прихожанам о происшедших в нашей Родине переменах правления и внушить разумными и складкоренными их проповедями о долге каждого из них служить Родине верой и правдой, оказывать всякую ей возможную помощь всеми способами, как-то: земледелец хлебом, рабочий его работой, богач денежными средствами помогать неимущим и сирым детям Родины и отстаивающим грудью Родину нашу от врага богатырям — воинам.

Крайне желательно, что бы каждый сын Родины спокойно и усердно занимался обычным его трудом, что бы ни один мусульманин не следовал разным толкам и подстрекательствам злонамеренных людей, не нарушил ни своего собственного, ни общественного покоя и тишины.

В виду отречения Царя и его династии от престола принятый до сего времени порядок возношения Аллаху молитвы после соборных богослужений (Юмги и Аидов) за здоровье Царя и Царской фамилии: впредь до особого распоряжения прекратить, вознося таковую молитву о спокойствии, благ, счастье Родины, благоденствии Временного Правительства.

Члены Собрания *Н.Мамлеев, С.Урманов*

Секретарь *С.Мамлеев*

Марта 9 дня 1917 года.

№ 2188

(РГИА.— Ф.821.— Оп.133.— Д.537.— Л.21)

3. УСЛОВИЯ КОНКУРСА НА ЭСКИЗНЫЙ ПРОЕКТ МЕЧЕТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

№ 1

**Императорское С.-Петербургское общество архитекторов по поручению Комитета по
постройке соборной мечети объявляет КОНКУРС на составление эскизного проекта
здания соборной мечети
в г.С.-Петербурге**

Императорское С.-Петербургское Общество Архитекторов, по поручению Комитета по постройке соборной мечети объявляет конкурс на составление эскизного проекта здания соборной мечети в С.-Петербурге.

Здание мечети должно быть расположено на угловом участке, генеральный план которого при сем прилагается, так, чтобы алтарная ниша была обращена к Мекке по направлению, указанному на плане. Уклонение от этого направления нежелательно, но допускается в пределах пяти градусов в ту или другую сторону. В целях дальнейшего использования участка, здание желательно поместить возможно ближе к Кронверкскому проспекту, и к соседнему участку по Кронверкскому проспекту. Пунктир на Генеральном плане изображает линию урегулирования улицы, за которую нельзя выступать постройкою.

Расположение главного входа в мечеть представляется усмотрению составителей проектов; кроме главного входа допускаются дополнительные по мере надобности.

При мечети обязательно устройство одного или двух минаретов. При двух минаретах они могут быть разной величины; желательно их расположение по возможности на виду.

Желательно увенчать здание куполом.

Участок предполагается окружить оградой в частях, не застроенных по лицевым границам, вход же может быть непосредственно с улицы, а не за оградой.

Стиль здания восточный.

Фасады предполагается облицевать естественным камнем.

Изображения живых существ не допускаются.

В первом этаже здания требуется проектировать помещение для молящихся с полезною площадью не менее 200 кв. сажень. По направлению указанному на плане, должна быть расположена на том же уровне алтарная ниша, в которой во время богослужения находится один священнослужитель. Требуется устройство хор по возможности значительных размеров при условии, чтобы отовсюду было хорошо слышно священнослужителя. На хоры должен быть отдельный вход с улицы один или два; желательно внутреннее сообщение с хорами.

При сенях в первом или подвальном этаже необходимо помещение для хранения и одевания калош соответственно числу молящихся, считая по 10 человек на кв. сажень полезной площади. Калоши располагаются в шкафах разгороженных на клетки, причем вместимость такого шкафа можно считать около 50 пар на пог. сажень. При хорах требуется такое же помещение особо по тому же расчету. Эти помещения должны быть удобно расположены для одновременного пользования ими массой молящихся.

Подвальный этаж может быть углублен в землю не более 2 аршин от тротуара. В этом этаже должно быть проектировано дополнительное возможно просторное помещение для молящихся, собирающихся здесь по большим праздникам два раза в год. Высота этого помещения не менее 4 аршин. В потолке предполагается устройство отверстий для того, чтобы внизу было слышно богослужение; эти отверстия в остальное время года должны быть закрытыми. При этом помещении также требуется помещение для калош по вышеуказанному расчету.

В мерах безопасности подвальное помещение может иметь дополнительные выходы наружу.

В подвале же должно быть отведено место для приборов отопления и для топлива и около — помещение для сторожа из 1—2 комнат.

Общие условия конкурса

1. Проект должен состоять а) из перспективного вида здания; б) из одного фасада в масштабе 1 саж. в дюйме; в) из одного разреза с показанием внутренней обработки в масштабе 1 саж. в дюйме; допускаются пояснительные разрезы в масштабе 2 саж. в дюйме; г) из планов подвального, первого этажа и хор в масштабе 2 саж. в дюйме; д) генерального плана в масштабе 5 саж. в дюйме и е) исчисления объема с указанием способа подсчета. Объем здания должен быть исчислен от пола подвала до верху, включая крыши и чердачные помещения.

2. Стоимость здания определяется в 500 тысяч рублей, и объем его 2500 куб. саж., считая стоимость куб. сажени в 200 рублей. Проекты, кубическое содержание которых превышает указанное более чем на 10%, не могут быть премированными.

3. Проекты должны быть представлены не в свернутом или сложенном виде, под девизами, с приложением девизных конвертов, содержащих фамилию и адрес автора.

4. Срок представления проектов в Императорское С.-Петербургское Общество Архитекторов (Мойка, 83) истекает 28 января 1908 года в 3 часа дня. Иногородные в течение следующих 7 дней представляют почтовую квитанцию в том, что проект отослан не позже указанного срока. Проекты, доставленные в Общество более чем через 10 дней после срока, рассматриваемы не будут.

5. За относительно лучшие проекты будут выданы четыре премии из общей суммы 3000 рублей.

Комитет по постройке мечети имеет право приобрести один или несколько непремированных проектов по 400 рублей за каждый.

Из выдаваемых премий и сумм на покупку удерживается в пользу Общества с членов его 15%, а с посторонних лиц 20%.

6. Премированные и приобретенные покупкою проекты поступают в собственность Комитета по постройке мечети, который приобретает вместе с тем право воспроизведения этих проектов с указанием имен авторов для издания открытых писем. Остальные проекты должны быть взяты авторами в 3 месячный срок со дня присуждения премий; не взятые в этот срок поступают в собственность Общества.

7. До и после присуждения премий проекты будут выставлены в помещении Общества. Постановление Комиссии Судей будет объявлено там же по крайней мере за день до заседания, назначенного для выслушания протокола Комиссии и вскрытия девизных конвертов, о чем своевременно будет сообщено в повестках.

8. Обществу Архитекторов принадлежит право воспроизведения конкурсных проектов в журнале «Зодчий».

9. Во всем остальном настоящий конкурс подчиняется правилам для архитектурных конкурсов, объявляемых от имени Общества.

10. Запросы относительно могущих оказаться неясностей программы будут приниматься до 25 ноября и ответы на них будут помещены в № 49 журнала «Зодчий», после чего дальнейших разъяснений не будет.

11. Комиссию Судей составляют: Л.Н.Бенуа, А.И. фон Гоген, А.И.Дмитриев, Ф.И.Лидваль, А.Н.Померанцев, три представителя Комитета по постройке, из которых один из числа действительных членов Общества архитекторов и секретарь Комиссии С.В.Беляев.

(Зодчий.— 1907.— № 45.— С.467—468)

№ 2.

К программе конкурса на составление эскизного проекта здания соборной мечети в г.С.-Петербурге.

1. Поправка к программе.

Вместимость шкафов для хранения калош следует считать не около 50 пар на пог. сажень шкафа, а около *ста пятидесяти пар*.

2. Ответы на вопросы по программе.

Вопросы:

1. Можно ли здание мечети расположить в притык соседу или, если нужны разрывы, то какие именно?

2. Высота минаретов должна ли находиться в зависимости от ширины ул. и не превышать 11 саж.?

3. Шиитам или суннитам предназначается мечеть (шииты придерживаются исключительно персидского стиля)?

4. Допускается ли обработка фасада цветными изразцами?

5. Необходим ли в вестибюле бассейн для омовений?

6. Пол мечети должен ли быть горизонтален или могут быть возвышения для привилегированных мест?

7. Какой величины делается алтарная ниша?

8. Нужны ли при алтарной нише помещения для муллы, дервишей и т.д.?

9. Имеется ли при алтарной ниши что-либо в роде иконостаса и т.п.?

10. Нужен ли отдельный ход в алтарную нишу?

11. Нужны ли места для женщин, и если да, то нужно ли их выделить или предоставить женщинам места на хорах?

12. Должно ли быть проектировано помещение для уборных и где?

13. Какой величины делаются отверстия, чтобы в подвал было слышно богослужение, и огораживаются они временными или постоянными решетками?

14. Можно ли воспользоваться лестницей на хоры для хода на минарет?

15. Нельзя ли точно указать размеры «возможно просторного помещения в подвале» и «хор по возможности значительных размеров»?

16. Вход в подвальное помещение должен ли быть расположен в сенях главного входа или отдельно?

17. Если на хоры требуется один или два входа с улицы, т.е. с самостоятельной лестницей, то для внутреннего сообщения с хорами нужны ли еще отдельные лестницы?

18. Нельзя ли указать углы в градусах на плане дворового участка?

19. Необходимо точно выяснить способ исчисления объема до верху какой части здания? Считать ли объем минарета? Как считать в той части здания, где не будет подвала?

Ответы:

Обязательны разрывы от границ смежных дворовых участков шириною не менее двух сажен.

Не должна и может быть произвольной величины.

И тем и другим, так что в этом отношении нет ограничения в выборе стиля.

Допускается применение изразцов равно как и других материалов, служащих для облицовки монументальных зданий.

Может быть устроен, хотя не обязателен.

Пол должен быть горизонтален; допускается устройство отдельной ложи для иноверцев.

По крайней мере достаточной для свободного совершения богослужения одним священнослужителем.

При устройстве алтарной ниши требуется лишь указанное в программе.

Не имеется ничего.

Нет.

Кроме указанного в программе никакого разделения месте не предполагается.

Это помещение в здании мечети не предполагается.

Размеры отверстий обуславливаются их назначением; выбор способа их ограждения предоставляется конкурирующим.

На главный минарет должна быть отдельная лестница.

Предоставляется руководствоваться указаниями программы; хоры допускаются в один или два яруса.

Главный вход в подвальное помещение предполагается в сенях главного входа в мечеть.

Внутреннее сообщение с хорами желательно; решение вопроса о числе лестниц и о внутреннем сообщении с хорами предоставляется конкурирующим.

Предлагается руководствоваться приложенным к программе чертежом.

Требуется исчисление *полного объема* здания включая крыши и считая от пола, подвала, в частях же где нет подвала — от уровня тротуара.

(Зодчий. — 1907. — № 49. — С.502—503)

Список сокращений

АГЦСХПТФ — Архив Государственного центра сбора, хранения, популяризации татарского фольклора (г.Казань)

АНКЦ — Архив Национально-культурного центра г.Казани

АОЭИИ — Архив отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани
АН РТ

ГАСО — Государственный архив Самарской области

ГАОО — Государственный архив Оренбургской области

ГЦСХПТФ — Государственный центр сбора, хранения, популяризации
татарского фольклора (г.Казань).

ДДДИИ — Департамент духовных дел иностранных исповеданий

ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел

МВД — Министерство внутренних дел

НА РТ — Национальный архив Республики Татарстан

НА УНЦ — Национальный архив Уфимского научного центра РАН

НМ РБ — Национальный музей Республики Башкортостан

НМ РТ — Национальный музей Республики Татарстан

ОМДС — Оренбургское магометанское духовное собрание

ОРРК НБ КГУ — Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им.

Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

ПСПИР — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству
православного исповедания Российской империи

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

СЗРИ — Свод законов Российской империи

ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Рес-
публики Башкортостан.

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы

Содержание

Введение

Глава I. Источники и литература

1. Источники исследования
2. Историография проблемы

Глава II. Мечети в общеимперском политико-правовом пространстве

1. Религиозная политика правительства в отношении мусульман во второй половине XVI — первой половине XVIII в.
2. Общественно-политическая сторона религиозного ритуала в России
3. Социальные аспекты организации и совершения намаза
4. Проблемы устройства молитвенных помещений в начале XX в.

Глава III. Общественная молитва и место ее совершения

1. Пятивременные и соборные (джами) мечети
2. Мусульманский «молитвенный дом»
3. Мечеть в религиозной и социальной жизни общины
4. Публичные собрания и общественный намаз

Глава IV. Архитектура исламских молитвенных помещений

1. Типовое и образцовое проектирование
2. Государственный технический надзор и попечение в сфере исламского культового строительства и реставрации
3. Архитектурный облик мечетей в сельской местности
4. Мусульманские культовые здания в градостроительной ситуации
5. Джами-мечеть столицы империи: из истории возведения

Заключение

Приложения

1. Российское законодательство о мечетях
2. Циркуляры Оренбургского магометанского духовного собрания по регулированию религиозно-обрядовой жизни в махаллях
3. Условия конкурса на эскизный проект мечети в Санкт-Петербурге
4. Численность мечетей и приходов в округе Оренбургского магометанского духовного собрания в 1856 и 1868 гг.

Список сокращений

Научно-популярное издание

Загидуллин Ильдус Котдусович

ИСЛАМСКИЕ ИНСТИТУТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.

Мечети в европейской части России и Сибири
Казань. Татарское книжное издательство. 2007

Редактор *Б.Л.Хамидуллин*

Художник *Р.Г.Шамсутдинов*

Художественный редактор *Р.Х.Хасанишин*

Техническое редактирование и компьютерная
верстка *А.С.Газиззяновой*

Корректор *А.Г.Хамитова, Н.И.Максимова*

Оригинал-макет подписан в печать 30.11.2007. Формат 70×90/¹⁶. Печать офсет.
Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсет. Усл. печ.л. 30,42 + вкл. 8,19. Усл. кр-отт.
63,77.

Уч.-изд. л. 39,63 + вкл. 7,56. Тираж 2000 экз. Заказ С-927.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

<http://tatkniga.ru> e-mail: tki@tatkniga.ru.

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat.

ОАО Полиграфическо-издательский комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.